

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Содержание

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

**жизненные стратегии
и повседневные практики
сельского населения юга Западной Сибири
в годы Великой Отечественной войны**

- © Щеглова Т. К., концепция, составление, редактирование, 2017
- © Алтайский государственный педагогический университет, 2017
- © Кузнецов А. С., Мазырина А. А., Рыков А. В., Щеглова Т. К., 2017

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Содержание

ОБ ИЗДАНИИ

Основной титульный экран

Дополнительный титульный экран неперидического издания – 1

Дополнительный титульный экран неперидического издания – 2

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Содержание

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»

Серия:
Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Сборник научных статей и источников

Ответственный редактор –
доктор исторических наук *Т. К. Щеглова*

Барнаул
ФГБОУ ВО «АлтГПУ»
2017

Об издании - 1, 2, 3.

ISBN 978-5-88210-852-5

- © Щеглова Т. К., концепция, составление, редактирование, 2017
- © Алтайский государственный педагогический университет, 2017
- © Кузнецов А. С., Мазырина А. А., Рыков А. В., Щеглова Т. К., 2017

УДК 39(571.1)+94(470)
ББК 63.529(253.3)-7+63.3(2)622-2
У808

Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : сборник научных статей и источников / А. С. Кузнецов, А. А. Мазырина, А. В. Рыков и др. ; отв. ред. Т. К. Щеглова. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – (Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии). – Систем. требования: PC не ниже класса Intel Celeron 2 ГГц ; 512 Mb RAM ; Windows XP/Vista/7/8/10 ; Adobe Acrobat Reader ; SVGA монитор с разрешением 1024x768 ; мышь.

ISBN 978-5-88210-852-5

Рецензенты:

доктор исторических наук Н. Н. Аблажей (Институт истории СО РАН, Новосибирск);
доктор исторических наук А. С. Жанбосинова (ВКГУ им. Аманжолова, Усть-Каменогорск)

Авторы:

Кузнецов А. С., Мазырина А. А., Рыков А. В., Щеглова Т. К.

Ответственный редактор

Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук, профессор

Издание состоит из двух разделов. В научных статьях первого раздела дается анализ социально-экономического и материального положения сельского населения юга Западной Сибири в 1941–1945 гг., рассматриваются новые теоретико-методологические подходы к изучению исторической памяти и традиционно-бытовой культуры, обосновывается значение устной истории как метода и источника этнографических исследований и военной антропологии. Во второй раздел вошли материалы устной истории по культуре жизнеобеспечения населения сибирской тыловой деревни. В них содержится информация о жилище, санитарии и гигиене; пище и питанию; одежде и обуви, о повседневных занятиях, трудовых и семейных традициях. Подготовленные к печати материалы интервью являются новыми историческими источниками по истории и этнографии крестьянства XX столетия.

Издание рассчитано на исследователей в области устной истории, отечественного источниковедения, этнографии, социальной и культурной антропологии, на работников архивов и музеев, а также преподавателей и учащихся образовательных учреждений разного уровня.

Текстовое (символьное) электронное издание.

Системные требования:

PC не ниже класса Intel Celeron 2 ГГц ; 512 Mb RAM ; Windows XP/Vista/7/8/10 ; Adobe Acrobat Reader ; SVGA монитор с разрешением 1024x768 ; мышь.

Об издании - 1, 2, 3.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Содержание

Электронное издание создано при использовании программного обеспечения Sunray BookOffice.

Объём издания - 1 950 КБ.

Дата подписания к использованию: 06.04.2018

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Алтайский государственный педагогический университет» (ФГБОУ ВО «АлтГПУ»)

ул. Молодежная, 55, г. Барнаул, 656031

Тел. (385-2) 36-82-71, факс (385-2) 24-18-72

e-mail: rector@altspu.ru, <http://www.altspu.ru>

Об издании - 1, 2, 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Щеглова Татьяна Кирилловна. От редактора. Этнография крестьянства в военное время

Раздел I. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны в русле новых подходов. Публикации

Рыков Алексей Викторович. Социальное, правовое и материальное положение колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны: на материалах Алтайского края

Щеглова Татьяна Кирилловна. Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий

Информационная среда сельских населенных пунктов

Историческая память и создание исторических источников

Региональный подход и антропология крестьянства: адаптация «столыпинцев» к советско-социалистическим преобразованиям и репрессивным кампаниям

Этнографический потенциал устных исторических источников: жилищная культура русского сельского населения в трудных и/или экстремальных условиях XX столетия

Культура жизнеобеспечения и этнография русского сельского населения сибирского тыла в годы Великой Отечественной войны

Список литературы

Кузнецов Александр Сергеевич. Устная история как метод и источник для военноисторической антропологии на примере изучения Великой Отечественной войны

Раздел II. Жизненные стратегии и повседневные практики русского сельского населения Юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Устные исторические источники

Вознюк Матрена Федоровна, 1928 г. р.

Елесин Александр Иванович, 1930 г. р.

Калмаков Иван Петрович, 1929 г. р.

Коровина (Кадникова) Екатерина Крысановна, 1937 г. р.

Коротких Евдокия Ильинична, 1932 г. р.

Лысенкова (Конищева) Прасковья Егоровна, 1929 г. р.

Овчарова Анна Федоровна, 1924 г. р.

Осокина (Белоногова) Татьяна Григорьевна, 1930 г. р.

Красноженова (Маркова) Пелагея Ивановна, 1930 г. р.

Усов Анатолий Андреевич, 1935 г. р.

Шинкевич (Ященко) Надежда Антоновна, 1925 г. р.

Штанько (Бучак) Мария Михайловна, 1930 г. р.

Яшина (Волошина) Александра Васильевна, 1925 г. р.

ОТ РЕДАКТОРА

ЭТНОГРАФИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Издание подготовлено в ходе реализации научного проекта преподавателей и аспирантов кафедры отечественной истории и Центра устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» при финансовой поддержке РГНФ. Оно является результатом многолетних исследований по устной истории и этнографии в рамках полевых экспедиционных и стационарных исследований преимущественно сельского населения Верхнего Приобья и Алтая в XX столетии и базируется на разработке¹ и применении методов устной истории² в этнографических исследованиях. С 1990 года ведется работа по созданию новых исторических источников, их публикация³ и введение их в монографические исследования⁴.

Поводом к разработке очередного научного проекта по устной истории и этнографии послужил 70-летний юбилей победы народов нашей страны в Великой Отечественной войне. В новой программе, рассчитанной на 2015 – 2017 гг., исследовательская группа (Т.К. Щеглова, А.В. Алекса, А.В. Рыков, А.А. Мазырина, А.С. Кузнецов) исходила из того, что «в отечественной историографии недостаточно внимания уделяется вкладу населения тыловых районов в победу советского общества в годы Великой Отечественной войны. Как правило, оно акцентируется на производстве вооружения и питания в тылу для фронта и добровольных пожертвованиях. Бесспорно, результаты трудового подвига являлись непосредственным и существенным вкладом, но были и опосредованные факторы победы. Среди них «адаптационные механизмы системы жизнеобеспечения крестьянской семьи, ее способность выживать в экстремальных условиях военного времени» и мобилизационные способности «традиционной культуры сельского общества и культуры жизнеобеспечения сельского населения». Они опосредованно вели к победе в Великой Отечественной войне⁵.

Предлагаемое издание подготовлено по материалам полевых историко-этнографических исследований 2015-2016 гг. с использованием технологий устной истории. Оно продолжает серию «Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX веке». Ему предшествовала первая публикация в этой серии (2016) научных и методических материалов по культуре жизнеобеспечения населения

¹ Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников: [метод. пособие]; БГПУ, лаб. ист. краеведения; [отв. ред. М. А. Демин]. Изд. 3-е, испр. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. Вып. 2. 22 с. (Этнография и устная история Алтайского края).

² Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие для студентов вузов / Алтайская гос. пед. академия. Барнаул, 2011. 363 с.

³ Алтайская деревня в рассказах ее жителей / Управление Алтайского края по культуре и архивному делу; [науч. ред.: Т. К. Щеглова, Л. М. Дмитриева; под ред. Л. А. Вигандт]. Барнаул, 2012.

⁴ Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: моногр. Барнаул: БГПУ, 2008.

⁵ Щеглова Т. К. Система жизнеобеспечения и адаптационные практики сельского населения тыловой деревни Сибири на примере собирательства и ловчих промыслов: новые источники, методы и подходы // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А. Ш. Кабирова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 379-389.

сибирской тыловой деревни¹. Она включала необходимые для проведения полевой работы материалы, в т.ч. концептуально-теоретические принципы и междисциплинарный подход в исследовании культуры жизнеобеспечения. Обосновывался дифференцированный принцип исследования системы жизнеобеспечения разных этнокультурных, конфессиональных, социально-экономических, гражданско-правовых, гендерных и половозрастных групп деревенского социума 1940-х годов. Ставилась задача этнографических исследований народов и культур в контексте социально-политических экспериментов советской власти, социалистической модернизации сельского общества, раскрестьянивания, ликвидации единоличного земледелия и скотоводства и трагических исторических событий XX столетия (войны).

Участники проекта при полевых исследованиях учитывали неоднородность населения сибирской деревни в годы войны. Это обстоятельство, по их мнению, влияло на условия жизнедеятельности семьи разных групп сельского населения. У репрессированных, раскулаченных и расказаченных групп населения существовали самые экстремальные условия. Они находились в ситуации ежедневной борьбы с холодом и голодом, начиная от потребностей в сооружении жилища и поиска съедобной пищи в местах ссылки и завершая неблагоприятной общественной атмосферой на повседневном уровне, являвшейся результатом политики конструирования «врагов народа» и «изменников родины» по семейному принципу. В результате «семейственности» репрессивной политики появились категории «жены и дети изменников родины», «семьи врагов народа».

Отличались условия жизнедеятельности внутри советского крестьянства, в частности колхозного крестьянства от условий и возможностей рабочих совхозов, работников промартелей и предприятий сельхозпереработки (масло-сырзаводов) и т. д. Но и у тех, и у других они были трудными, т.к. сельское население было лишено главного источника – семейного сельского хозяйства. Личное подсобное хозяйство регламентировалось и облагалось налогами. Это привело к аккумуляции опыта выживания крестьянской семьи с опорой на природные ресурсы окрестных мест и крайнего напряжения физических сил. Самостоятельные жизненные стратегии формировались и у преобладающих в тыловой деревне половозрастных групп – детей, подростков, трудоспособного женского населения.

На особенности коммуникаций в локальном пространстве сибирской деревни влияло и появление новых локусов, сформировавшихся в ходе этнических депортаций 1940-х гг. в Сибирь, которые усилили полиэтничность сельской среды и привели к увеличению численности такой категории сельского населения как «враги народа». На Алтай были депортированы в составе принудительных выселений как «потенциальные пособники фашизма» поволжские и ростовские немцы, крымские татары, чеченцы, калмыки и ингуши, карачаевцы и другие; как «представители» государств, воевавших против СССР – этнические болгары, венгры, румыны, финны и др. Для депортированных этнических групп «врагов народа» важное значение приобретала не только социальная адаптация, но и этническая и культурная.

Кроме того, значимым фактором культуры жизнеобеспечения являлась этнокультурная характеристика русского сельского населения, которая определялась по «происхождению дедов». Благодаря массовым крестьянским переселениям из Европейской России на рубеже XIX-XX столетий, население сибирской деревни представляло собой культурную мозаику, представленную этнотерриториальными и историко-культурными группами – воронежцы, сибиряки, резаны, пензяки, кержаки, сибиряки и другие. Каждая из этих групп принесла в Сибирь свой локальный вариант русской традиционной

¹ Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы / Т. К. Щеглова. Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2015. 132 с.

культуры, сформировавшийся в местах исхода, в том числе элементы культуры жизнеобеспечения. Таким образом, при исследовании этнографии русского сельского населения в XX столетии необходимо учитывать те исторические обстоятельства, в контексте которых существовали, развивались или трансформировались этнические культуры, их системы жизнеобеспечения.

Для проведения интервью старожилов деревни - носителей исторической памяти о культуре жизнеобеспечения использовались вопросники и анкеты, опубликованные в первом издании серии «Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX веке»¹. Тематические вопросники охватывают базовые и периферийные элементы культуры жизнеобеспечения:

- жилище русского сельского населения в годы Великой Отечественной войны:
 - строительство и обустройство;
 - экология и санитария жилища. Бытовые и повседневные условия жизни русского сельского населения в годы войны;
- борьба с холодом в годы Великой Отечественной войны: повседневная и сезонная одежда, головные уборы, обувь русского сельского населения и ее изготовление;
- хлеб и зерновые продукты в рационе питания семьи русского сельского населения в военное время;
- огородные культуры и мясо в питании русской крестьянской семьи в годы войны;
- болезни, народная медицина и лечебные практики русского сельского населения в годы войны;
- собирательство дикоросов и ягод, их использование в питании русского сельского населения в годы войны;
- собирательство яиц, ловчие промыслы, охота и рыбалка в семейной экономике русского крестьянского общества в годы войны;
- русская крестьянская семья в годы Великой Отечественной войны и др.

С использованием вопросников в 2015-2016 гг. были проведены ряд комплексных историко-этнографических экспедиций: в Краснощековский (2015 г.) и Крутихинский (2015 г.) районы с привлечением к исследованию в рамках учебных практик студентов и магистрантов исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета и несколько тематических - в Залесовский и Благовещенский (2015), Усть-Пристанский и Ельцовский (2016) районы.

За 2 года работы по гранту проведено интервью у 475 человек, аудиозапись составила 727,5 часов и сделано 43,7 тыс. фото. Часть материалов экспедиций, а также видео и аудиоисточники, транскрипты, документы личного происхождения, фотоисточники с портретами респондентов, деревенского быта и природных территорий, архивные документы по повседневной истории из Государственного архива Алтайского края (ГААК) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), а также научные публикации участников гранта и научно-методические материалы по изучению этнографии крестьянства в военное время размещены на сайте Алтайского государственного педагогического университета (адрес <http://www.altspu.ru/history/kignak>).

¹ Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы / Т. К. Щеглова. Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2015. 132 с.

В настоящем издании публикуется подборка материалов интервью из разных районов. При выборе территорий для проведения полевых исследований учитывались два критерия. Первый критерий для проведения интервью – географические и природно-климатические условия жизнедеятельности сельского населения. Территория юга Западной Сибири отличается разнообразием и включает практически все природные пояса, от солончаков до альпийских вершин. Поэтому были выбраны села в разных природно-географических зонах: в западных солончаковых степях – Благовещенский район, в степных приборовых территориях Приобья – Крутихинский район, в предгорной и горной территории Большого Алтая – Краснощековский район (Горный Чарыш), в северной предсалаирской притаежной зоне – Залесовский район (Залесовское Причумышье), в восточных предгорьях Салаира – Ельцовский район, в центральной лесостепной территории традиционного хлебопашества – Усть-Пристанский район (Нижнее Причарышье). Второй критерий выбора сел для проведения интервью – это этнический состав населения и этнокультурный состав русского населения.

В этническом плане были обследованы регионы русско-украинского (Благовещенский район) и русско-мордовского порубежья (Залесовский район). Кроме того, во всех населенных пунктах проживали немцы-депортанты, что позволяло выявить межэтническое взаимодействие и взаимовлияние в ходе совместного преодоления трудных условий военного времени. В этнокультурном отношении была сделана выборка сел с преимущественно русским населением из восточной предгорной и горной историко-этнографической зоны с преобладанием старожильческого населения, центральной лесостепной старожильческо-переселенческой зоны со смешанным составом русских старожил и переселенцев и западной степной зоны с преобладанием русских переселенцев. Размещенные во второй части данного издания материалы интервью, отражают этнокультурную и социально-экономическую палитру русского сельского населения и природно-географические зоны юга Западной Сибири.

В самостоятельную часть предлагаемого читателю издания включены научные статьи, посвященные теоретическим и практическим вопросам этнографических исследований культурно-бытовых традиций крестьянства тыловой деревни юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Большое внимание авторы уделяют вопросам изучения исторической памяти участников и очевидцев военного времени.

Начинается этот раздел статьей Алексея Викторовича Рыкова, в которой анализируется демографическое и социально-экономическое положения сельского населения в контексте государственной политики 1940-х годов. Предметом исследования автора является преимущественно группа колхозного крестьянства, которая численно преобладала в сибирской деревне в рассматриваемое время. Обращается внимание на особенности оплаты труда, налогообложения, состояния личного подсобного хозяйства. Это позволяет реконструировать историческую ситуацию, в которой проживала крестьянская семья.

В статье Татьяны Кирилловны Щегловой раскрывается междисциплинарное взаимодействие этнологии и устной истории при исследовании традиционной культуры этнических сообществ в контексте исторических событий XX столетия. Утверждается, что источниковая база этнографических полевых исследований все больше смещается в нематериальную область, поэтому приобретает большое значение изучение исторической памяти в ее временных, этнокультурных и пространственных конфигурациях. Автором характеризуются способы извлечения этнокультурной информации с помощью методов устной истории. На материалах интервью показано, какие преимущества дает исследователю этнографии сибирского крестьянства в XX веке устная история. Для примеров анализируется адаптация столыпинских переселенцев к кардинальному переустройству

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

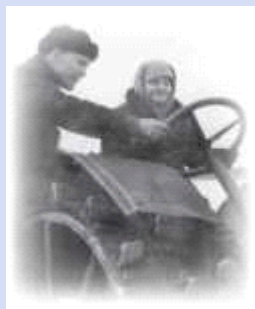
Содержание

деревни и социалистической модернизации 1930-1960х гг. Рассматривается с опорой на устные исторические источники развитие традиций и новаций крестьянского жилищного строительства под влиянием экстремальных условий в годы репрессий и войн 1910-1940-х гг. Автором ставится задача изучения адаптационных практик народов не только в повседневной материальной сфере, но и социальных и духовных трансформаций под воздействием массированного политического и идеологического воздействия советского государства.

В научной статье Александра Сергеевича Кузнецова предпринята попытка обосновать состоятельность устной истории как метода и источника для военной антропологии на примере Великой Отечественной войны. Автор подробно останавливается на характеристике и значении в изучении военной повседневности других документов личного происхождения (фронтовые дневники и письма, воспоминания), включает в эту группу и источники устной истории и показывает их видовое отличие от других видов источников этой группы.

Полную информацию о работе по изучению этнографии русского крестьянства юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны можно найти на сайте <http://www.altspu.ru/history/kignak>.

Татьяна Кирилловна Щеглова

РАЗДЕЛ I

ЭТНОГРАФИЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РУСЛЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ. ПУБЛИКАЦИИ

Рыков Алексей Викторович. Социальное, правовое и материальное положение колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны: на материалах Алтайского края

Щеглова Татьяна Кирилловна. Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий

Кузнецов Александр Сергеевич. Устная история как метод и источник для военноисторической антропологии на примере изучения Великой Отечественной войны

Рыков Алексей Викторович

Социальное, правовое и материальное положение колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны: на материалах Алтайского края

Аннотация. Статья посвящена анализу основных составляющих социального, правового и материального положения колхозного крестьянства Алтая в годы войны. Основное внимание в статье автором уделено выявлению особенностей оплаты труда, налогообложения, личного подсобного хозяйства.

Ключевые слова: колхозное крестьянство, Алтайский край, Великая Отечественная война, социальное положение, правовое положение, материальное положение.

Abstract: This article analyzes the main components of the social, legal and material conditions of the Altai collective farmers during the war. The focus of the article by the author is on identifying characteristics of pay, taxation, private farming.

Keywords: collective farmers, the Altai region, the Great Patriotic War, social status, legal status, financial situation.

К концу 1930-х гг. в СССР сложилась обновленная социальная структура населения. Она была закреплена переписями населения 1937 и 1939 г. Согласно переписи 1939 г. выделялось 7 основных социальных групп сельского населения: рабочие, служащие, колхозники, кооперированные и некооперированные кустари, крестьяне-единоличники, а также нетрудящиеся.

К началу Великой Отечественной войны основной социальной группой сельского населения как в стране в целом, так и в Алтайском крае стало колхозное крестьянство. В результате проведения коллективизации в 1930-е гг. большинство крестьян вошло в колхозы. В 1939 г. доля колхозников среди сельского населения составляла 62,73%, к 1945 г. она достигла 66,8%. Крупными категориями сельского населения являлись также рабочие и служащие, к 1945 г. их совокупная доля составила 30,8% ; в это число в силу особенностей учета входили также кооперированные кустари, но их было значительно меньше. Небольшими социальными группами сельского населения являлись некооперированные кустари, единоличники, а также нетрудящиеся¹. Общая численность колхозного крестьянства на 1945 г. составляла 969 039 человек, работающих колхозников в этом же году было 491,3 тыс. чел. [11, с. 150].

Всего на Алтае в 1939 г. в сельской местности проживало 2 087 203 человека. В годы войны численность сельского населения края значительно снизилась: с 1939 по 1945 г. на 637 тыс. чел. (30,5 %). Число колхозников уменьшилось на 340 263 человека (26 %). Но при этом доля колхозников в общей структуре населения на протяжении войны оставалась стабильной и даже несколько выросла: в 1939 г. она составляла 62,73 %, во время войны колебалась на уровне 65-67 %².

Главным документом, регламентировавшим социально-правовой статус колхозников, был Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый в 1935 г.³ Согласно ему, прием в члены колхоза

¹РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 14; ГААК. Ф. Р-718. Оп. 43. Д. 13. Л. 1.

²РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 2, 14.; ГААК. Ф. Р-718. Оп. 43. Д. 9. Л. 1. Д. 11. Л. 1. Д. 13. Л. 1.

³Примерный устав сельскохозяйственной артели (утв. СНК СССР, ЦК ВКП(б) 17.02.1935) // Советская Сибирь. 1935. 20 февр.

осуществлялся сбором членов колхоза. Новые члены колхоза должны были заплатить вступительный взнос – от 20 до 40 рублей на двор «в зависимости от мощности хозяйства».

Работы в колхозе производились согласно правилам внутреннего распорядка. Члены колхоза разбивались на производственные бригады. Непосредственным распределением работы занимался бригадир, который согласно ст. 14 Устава был «обязан наилучшим образом использовать каждого колхозника своей бригады, не допуская при распределении работы никакого кумовства, семейственности и строго учитывая трудовую квалификацию, опыт и физическую силу каждого».

Основной мерой оценки и формой учёта количества и качества труда в колхозах во время войны был трудодень. Основой оплаты труда являлась сдельщина. Согласно ст. 15 Устава на каждую работу устанавливаются нормы выработки. В частности, в полеводстве каждая работа – вспахать гектар, засеять гектар и т. п. – оценивалась в трудоднях в зависимости от требуемой квалификации работника, сложности, трудности и важности работы для колхоза. Для определения оценки за единицу работы (гектар и т. д.) все работы делились на 7 групп с оценкой от 0,5 до 2 трудодней. К высшей – седьмой – группе относились работы, требующие наибольшей квалификации, например, машиниста на сноповязалке, моториста на конно-моторном опрыскивателе, а также скидальщика на лобогрейке и скирдоправа. К самой низшей – первой – группе относились колхозники, занятые на внутрихозяйственных неквалифицированных работах: сторож внутри хозяйства, уборщица и т. п. Остальные работы распределялись по решению общего собрания колхоза по промежуточным группам [19, с. 134]. Таким образом, колхозник мог получить за один рабочий день сразу несколько трудодней или меньше одного трудодня. Передовики производства, занятые на высококвалифицированных работах, могли получать большое количество трудодней. В частности, в сентябре 1942 г. в колхозе «Заря социализма» минбатальон солдат, привлеченных к сельскохозяйственным работам, во главе с комиссаром Д. И. Смирновым на каждого работавшего выработал 3,1 трудодень на каждый рабочий день [2, с. 164-165].

Для каждого члена колхоза бригадир не реже одного раза в неделю подсчитывал всю выполненную работу и соответственно установленным расценкам записывал в трудовую книжку колхозника количество выработанных им трудодней. В конце года происходило распределение доходов колхоза соответственно количеству выработанных каждым членом колхоза трудодней. При этом, согласно ст. 11 Примерного устава, колхоз имел право распределять продукты и денежные средства среди колхозников только после осуществления всех необходимых выплат: натуроплаты за работу машинно-тракторных станций (которые осуществляли основные работы собственной техникой на землях колхоза), возврата семенных ссуд (государству или другим колхозам), засыпки семян для собственных нужд на следующий год и ряда других. В результате оплата колхозникам на трудодень полностью зависела от материального состояния и возможностей каждого конкретного колхоза. Примером могут служить данные по одному из колхозов Алтайского края, на которые ссылаются работники УНКВД по Алтайскому краю в своем спецсообщении: колхозом «Труд крестьянина» Ребрихинского района в 1941 г. было собрано 2033 центнера зерна, при этом планируемый расход, включавший в себя зернопоставки, натуроплату МТС, погашение семенной ссуды, посев озимых и ссыпка семян составлял 2964 центнера¹.

Ряд категорий денежных средств и сельскохозяйственной продукции колхозник мог получить за счет аванса. Такая возможность устанавливалась Примерным уставом в ст. 16. Денежный аванс мог быть выдан колхознику в течение года в размере не более 50% суммы, причитающейся ему за работу.

¹ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 157 л. 4.

Натуральные авансы могли выдаваться правлением колхоза с начала молотбы хлебов из отчисляемых на внутриколхозные нужды 10-15 % намолоченного хлеба. В годы войны роль аванса (прежде всего натурального) увеличилась еще больше. Многие колхозники в течение весны-лета выбирали весь хлеб за счет аванса. Так, например, согласно данным из спецсообщения управления НКВД по Алтайскому краю, колхозница Лукьяненко Ефросинья Фроловна (колхоз им. Дмитрова Урюпинского сельсовета) «имеет 5 детей и мать старушку, за 1941 год эта семья имела 538 трудодней и на них получила 274 кг хлеба, который выбран с весны и летом в виде аванса»¹.

С началом Великой Отечественной войны материальное положение колхозов значительно ухудшилось. С мобилизацией в армию и на работу в промышленность сельская местность лишилась большей части мужского населения. Особо это отразилось на массовых сельскохозяйственных профессиях, таких как трактористы, комбайнеры, шоферы, животноводы и т. д. В начале 1942 г. в Алтайском крае оставалось лишь 10 % трактористов и 30 % комбайнеров [4, с. 89]. Вследствие массового изъятия техники и лошадей на фронт нагрузка на оставшуюся в селе технику резко возросла. В 1943 г. нагрузка только весенне-полевых работ на одного колхозника (из расчета на взрослого и подростка) в Алтайском крае составила 5–7 га. На одну рабочую лошадь в этом же году приходилось 20,7 га посевной площади [4, с. 88].

Снижение числа квалифицированных колхозных кадров, снижение механизации и увеличение налогового бремени привели к снижению доходов и количества сельскохозяйственной продукции.

Государство стало забирать у колхозов через различные налоги не только прибавочный, но и часть необходимого продукта. Это повлияло прежде всего на выдачу продукции и денег колхозникам на трудодень. В Алтайском крае среднее количество зерна, выдаваемого на один трудодень, в 1943 г. по сравнению 1941 г. упало в 2 раза (с 1,21 до 0,42 кг), а по сравнению с 1939 г. – в целых 4 раза (с 2,04 до 0,42 кг) [13, с. 228]. В годы войны произошло некоторое повышение средней выдачи денег на трудодни. С 1941 по 1944 г. по Алтайскому краю эта сумма увеличилась в 1,6 раза (с 64 коп. до 1 руб. 4 коп.)².

В результате в годы войны произошло большое обесценивание трудодня. Это можно проиллюстрировать простым примером. Как уже было сказано, за годы войны средняя выработка трудодней трудоспособными женщинами увеличилась: если, например, в 1939 г. она составляла 191,8 трудодня, то в 1944 г. – уже 284,2 трудодня³. Но в целом произошло значительное снижение выдачи сельскохозяйственной продукции на трудодни. Если в 1939 на данную среднюю выработку колхозница могла получить 391,3 кг зерна и 193,7 руб., то в 1944 г. за среднюю выработку трудодней трудоспособная колхозница могла получить лишь 150,6 кг зерна и 295,6 руб. При этом повышение выдачи денежных средств на трудодни нивелировалось еще большим повышением цен на колхозных рынках. Цены на большинство товаров повысились в десятки раз. В частности, в 1943 г. по сравнению с 1942 г. в Алтайском крае цены на мясо выросли в 6,7 раз, на животное масло – 9,2 раза, на молоко – в 6,4 раза [12, с. 209]. В результате фактическая покупательная способность колхозников на рынке уменьшилась в разы.

К концу 1930-х гг. характер труда колхозного крестьянства становился все более принудительным, так как государство пыталось бороться со снижением мотивации колхозников к труду. Одним из

¹ ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 157 Л. 49.

² ГАРФ. А-374. Оп. 7. Д. 1701. Л. 26.

³ ГАРФ Ф. А-374. Оп 16 Д. 878 Л. 10 об; Оп. 7 Д. 1331. Л. 1.

результатов данной борьбы стало введение обязательного минимума трудодней, что было закреплено в 1939 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»¹. Для Алтайского края он составлял 80 трудодней. При этом для тех, кто не выработал минимума трудодней, предусматривалось исключение из колхоза.

В годы Великой Отечественной войны продолжалось снижение мотивации колхозного крестьянства к труду в колхозе. Прежде всего это выразилось в росте числа колхозников, не выработавших обязательный минимум трудодней. Основной причиной понижения трудовой активности колхозного крестьянства стало уменьшение натуральных выплат (выдачи зерна) колхозникам на трудодни.

На время войны согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»² для каждого трудоспособного работника колхозов обязательный минимум трудодней был повышен, в частности, в Алтайском крае до 120. Трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин обязательного минимума трудодней по периодам сельскохозяйственных работ, предавались суду и карались исправительно-трудовыми работами в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25 % в пользу колхоза. Но в целом применение этого постановления было не столь частым. Во-первых, потому что подавляющее число трудоспособных колхозников края выработывало минимум трудодней. Во-вторых, из тех колхозников, которые не выработывали обязательного минимума трудодней, осуждению судом подвергалось немногие: в условиях жесточайшего дефицита рабочих рук председатели колхозов старались не доводить дело до крайности и стремились сохранить работников [18, с. 112].

Одной из характеристик правового статуса колхозного крестьянства являлось также ограничение на передвижение. Колхозное крестьянство не имело паспортов и могло покинуть сельскую местность лишь с разрешения колхозного начальства или местной администрации. Согласно постановлению СНК СССР от 28 апреля 1933 г., «в тех случаях, когда лица, проживающие в сельских местностях, выбывают на длительное или постоянное жительство в местности, где введена паспортная система, они получают паспорта в районных или городских управлениях рабоче-крестьянской милиции по месту своего прежнего жительства сроком на 1 год»³. Но как отмечает В. П. Попов, это положение на деле корректировалось положением других постановлений, регламентировавших отходничество колхозников. Согласно данным постановлениям, предприятиям запрещалось брать на работу колхозников без договоров с хозорганами [10]. Помимо этого, колхозники не имели права на отпуск, оплату больничных листов, им не назначались пенсии, женщинам-колхозницам не оплачивались отпуска по беременности и родам [8, с. 208].

Особенностью колхозников, как социальной группы, являлось то, что у них было право на личное подсобное хозяйство. Другие социальные категории (в частности совхозные рабочие) также имели права на личное подсобное хозяйство, но ограничений по его объемам у них было гораздо больше. Например, с 1940 г. на одну семью совхозных рабочих полагалось «не более 0,15 гектара, включая площадь, занятую постройками». С 1938 г. рабочим совхозов было разрешено иметь скот. Разрешалось

¹ Постановление ЦК ВКП(б), СНК СССР от 27.05.1939 «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» // Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938-1940 годы. М., 1940. С. 41-47

² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986) : в 14 т. Т. 7. 1938-1945. М., 1985. С. 281-282.

³ О выдаче гражданам СССР паспортов на территории СССР.: Постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 года № 861 // Правда. 1933. 29 апреля.

иметь 1 корову и теленка до 4 месяцев или 1 козу, а также 1 свинью для откорма [11, с. 151]. Что касается колхозников, то у них земельный участок личного подсобного хозяйства не являлся личной собственностью и по закону не мог продаваться или сдаваться в аренду. Размер участка и количество скота в подсобном хозяйстве было ограничено «Примерным уставом сельскохозяйственной артели». Не считая земли под жилыми постройками, её размеры могли колебаться от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ гектара, а в отдельных районах до 1 гектара. Также устанавливалось и количество скота в ЛПХ. Территория Алтайского края относилась к районам, которым предписывалось «иметь в личном пользовании корову, до 2 голов молодняка рогатого скота, 1 свиноматку с приплодом или, если правление колхоза найдет необходимым, 2 свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз вместе, неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев»¹¹. В годы войны, по данным налогового учета, средние размеры огорода в Алтайском крае составляли около 0,23 га [1, с. 307].

Роль личных подсобных хозяйств резко возросла с началом Великой Отечественной войны. В условиях снижения натуральных выплат на трудодни основным источником питания крестьянства стала продукция личного подсобного хозяйства. Оно позволяло крестьянству производить для своих нужд необходимые овощи, иметь свою молочную и мясную продукцию.

На огородах колхозников в годы войны преобладал картофель. В частности, в Алтайском крае и Новосибирской области вместе взятых, по данным налогового учета, доля картофеля в приусадебном посеве в 1945 г. составляла 84,5 %. Овощи и бахчевые занимали 11,4 % посевов, зерновые – 4,1 % [6, с. 63]. Это связано с тем, что картофель давал неплохие урожаи и в дальнейшем не требовал особых условий для хранения. Картофель в питании в военные годы использовался крайне широко, вплоть до употребления в пищу очистков и гнилых клубней. Из овощей активно культивировались также огурцы, помидоры и др. [16, с. 150].

Что касается скотного двора, то на одно личное подсобное хозяйство Алтайского края в 1943 г. в среднем приходилось 0,77 коров, 1,02 овец и коз, 0,04 свиней [6, с. 62]. Основной «кормилицей» крестьянской семьи была корова. Часто она была единственным сельскохозяйственным животным в хозяйстве крестьян и ценилась больше всего, поскольку давала молоко круглогодично, тогда как свиньи и овцы обеспечивали семью мясом лишь на время зимы. В целом можно говорить о том, что потребление мяса в войну из-за обязательных мясопоставок и ограниченного еще до войны количества скота в личных подсобных хозяйствах свелось к минимуму [17, с. 46].

В целом личное подсобное хозяйство имелось в подавляющем большинстве колхозных дворов: в 1945 г. в Алтайском крае – в 96,6 % дворов [6, с. 61–62].

Рост роли личных подсобных хозяйств был связан также с изменением налоговой политики в отношении колхозного крестьянства. Во время войны произошло повышение ряда уже существовавших налогов, а также введение новых. Все основные налоги, которые выплачивали крестьяне во время войны, делились на две категории: денежные и натуральные. До войны колхозники выплачивали такие денежные налоги и сборы, как сельскохозяйственный налог, самообложение, сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства. Сельскохозяйственный налог с 1 сентября 1939 г. стал прогрессивным, при этом облагаемый годовой доход личных хозяйств стал рассчитываться по принятым для определенной местности нормам доходности¹². В целом, как отмечает В. А. Ильиних, сельхозналог в годы войны имел противоречивый характер. В частности, значительно увеличилось число дворов, освобожденных от уплаты сельхозналога, но при этом на оставшиеся колхозные дворы значительно выросла нагрузка по сельскохозяйственному налогу [7, с. 398]. Если рассмотреть общую сумму налога, предъявляемого к уплате (за вычетом льгот), то в 1943 г. она выросла в 5.3 раза по

сравнению с довоенным 1940 г. (с 20,8 до 109.7 млн. руб.)¹³.

Самообложение и сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства шли в местные бюджеты. Самообложение формально считалось добровольным сбором, так как для его введения требовалось решение большинства сельского схода. Но фактически он был распространен повсеместно. Сумма налога, собираемая с колхозников, была фиксированной и не должна была превышать 20 рублей на хозяйство [7, с. 400]. Сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства взимался с колхозников по твердым порайонным ставкам. В частности, в 1942 г. по Алтайскому краю колхозники у которых не было подсобного хозяйства, платили 7 руб. в год на хозяйство, а которые имели личное хозяйство – 31 руб¹⁴.

Во время войны был введен ряд новых налогов. В частности, был введен военный налог и налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан. Военный налог был установлен 29 декабря 1941 г. К налогу с определенными исключениями привлекались все граждане, старше 18 лет¹⁵. Колхозники выплачивали данный налог по твердым порайонным ставкам, составлявшим от 150 до 600 рублей. Средняя ставка военного налога в Алтайском крае в 1942 г. составляла 390 руб., в 1943 г.: 490 руб. [7, с. 399].

Налогом на холостяков, одиноких и бездетных граждан облагались одинокие и семейные, не имеющие детей, граждане: мужчины в возрасте свыше 20 до 50 лет и женщины в возрасте свыше 20 и до 45 лет¹⁶. В 1944 г. согласно поправкам, к данному закону налог стал уплачивался не только бездетными, но и имевшими одного или двух детей мужчинами в возрасте от 20 до 50 и женщинами от 20 до 45 лет. С колхозников данный налог взимался по следующим ставкам: 150 рублей в год – при отсутствии детей, 50 – при наличии одного ребенка, 25 – при наличии двух детей¹⁷.

В целом к концу войны ситуация с выплатой денежных налогов и сборов стабилизировалась. Об этом свидетельствуют данные о недоимках. Несмотря на увеличение налогового гнета со стороны государства, колхозное крестьянство Алтайского края к концу войны было в состоянии выплачивать требуемые с них денежные налоговые платежи, прежде всего благодаря продаже сельскохозяйственной продукции на колхозном рынке.

Что касается заготовок сельскохозяйственных продуктов, то колхозные дворы сдавали зерновые, картофель и масличные культуры с площади сева, установленной государственными планами для личных хозяйств; яйца и животноводческую продукцию (мясо, молоко, шерсть, кожевенное сырье, овчины, козлины) – по установленным зональным нормам [9, с. 97]. Помимо этого, был принят ряд постановлений, увеличивавших колхозному двору число продуктов для обязательной сдачи. В частности, с мая 1941 г. необходимо было сдавать брынза-сыр¹⁸. С апреля 1942 г. обязательным поставкам стали подлежать табак и махорка¹⁹. Брынза-сыр сдавался по установленным зональным нормам, а табак и махорка сдавались с площади сева по устанавливаемым государством планам.

Согласно постановлениям СНК СССР и ЦК ВКП(б) конкретно по Алтайскому краю, каждый колхозный двор должен был сдавать за год: 36 кг мяса, 600 гр. шерсти с 1 овцы и 200 г с 1 козы, 8 ц картофеля, 1,5 шкуры овец и коз и 1 шкуру свиньи (для Ойротской автономной области – 1 шкура овцы и козы), 100 штук яиц, 1 кг брынза-сыра²⁰. Кроме того, в обязательном порядке сдавались все шкуры крупного рогатого скота, получаемые от убоя или падежа от незаразных заболеваний [5, с. 99]. При этом мясо и яйца сдавались независимо от наличия в хозяйствах скота и птицы; шерсть и овчины – с каждой головы козы, овцы (по фактическому поголовью, имеющемуся в хозяйстве на начало каждого года) [9, с. 97].

Натуральные государственные поставки сельхозпродуктов формально носили возмездный характер, однако они осуществлялись по установленным очень низким государственным ценам. Особенно это проявилось в годы войны. Заготовительные цены оставались такими же, как и перед войной: 3 коп. за 1 кг картофеля, 41–53 руб. за голову крупного рогатого скота, 32–48 руб. за одну свинью [3, с. 73], на рынках же в войну были совершенно другие цены: например, на колхозном рынке в рабочем поселке Тальменка Алтайского края в феврале 1944 г. 1 кг картофеля стоил 12 руб., 1 кг говядины – 135 рублей, а 1 кг свинины – 180 рублей [15, с. 231]. Фактически в годы войны колхозные дворы осуществляли практически безвозмездную передачу продукции государству.

В целом во время войны ситуация в натуральном налогообложении оставалась крайне непростой. Прежде всего, это выражалось в выполнении государственных планов поставок колхозными дворами. По данным налогового учета, процент выполнения поставок колхозными дворами по основным культурам не превышал 70 %, а в большинстве своем был меньше 50 %. В частности, в 1943 г. план обязательных поставок брынзы был выполнен всего на 18,5 %, а план обязательной поставки шерсти в 1944 г. были выполнены всего на 16,1 % [14, с. 122].

В качестве одного из средств получения обязательных поставок государство стало использовать ужесточение наказания за их невыполнение. До 1942 г. изъятие имущества в счет недоимок производилось согласно постановлению ЦИК и СНК СССР, принятому в 1937 г. По данному постановлению изъятие имущества колхозников могло производиться только с решения народного суда. Прежде чем дело должно было быть передано в суд (не менее чем за 10 дней до передачи), инспектор по заготовкам должен был вручить предупреждение.

В случае погашения недоимки в течение 10 дней дело прекращалось. Устанавливался большой список вещей подлежащих изъятию²¹.

В ноябре 1942 г. СНК СССР было принято постановление «Об ответственности за невыполнение обязательных поставок сельхозпродуктов государству колхозными и единоличными дворами» ужесточившее наказание для недоимщиков по обязательным государственным поставкам²². Согласно ему, на колхозников-недоимщиков мог быть наложен штраф «до двухкратной стоимости не сданных в срок продуктов, исчисленной по рыночной цене». Также устанавливалось, что в бесспорном порядке (то есть без решения суда) у недоимщиков-колхозников взыскивались зерно, мясо, картофель и семена масличных культур. Значительно сокращался список вещей, которые не могли подпадать в погашение недоимок.

За неоднократное или злостное невыполнение государственных поставок сельскохозяйственных продуктов государству недоимщики привлекались к уголовной ответственности по ст. 59-6 УК РСФСР.

Подводя итог, следует отметить, что в годы Великой Отечественной войны произошло ухудшение социально-правового положения колхозного крестьянства. Это, прежде всего, связано с ужесточением законодательства и принудительных норм. Также в годы войны произошло ухудшение материального положения колхозников, связанное преимущественно со снижением натуральных выдач по трудодням и увеличением налоговой нагрузки.

Список литературы

1. Алекса Д. В. Рыков А. В. Огородничество в системе жизнеобеспечения сельского русского населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии

© Щеглова Т. К., концепция, составление, редактирование, 2017

© Алтайский государственный педагогический университет, 2017

© Кузнецов А. С., Мазырина А. А., Рыков А. В., Щеглова Т. К., 2017

- лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / под. ред. Т. К. Щегловой: Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 306–311. С. 307.
2. Алтай в годы Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1965. 451 с.
 3. Анисков В. Т Жертвенный подвиг деревни: крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: [б. и.], 1993. 245 с.
 4. Анисков В. Т Крестьянство против фашизма, 1941–1945: история и психология подвига. М.: Памятники ист. мысли, 2003. 500 с.
 5. Безнин М. А., Димони Т М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111.
 6. Ильиных В. А. Личное хозяйство колхозников в 1930-е – конце 1950-х гг. // Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири, конец 1920-х – 1980-е годы / отв. ред. В. А. Ильиных: Новосибирск : Изд-во Ин-та дискрет. математики и информатики, 2001. С. 53–79.
 7. Ильиных В. А. Налоговая работа финансовых органов Алтайского края в деревне (конец 1930-х-начало 1950-х гг.) // Финансы Алтая, 1747–2002. очерки и документы по истории финансов Алтайского края / отв. ред. Г. Притупов. Барнаул, 2002. С. 396–409.
 8. Ильиных В. А., Карпунина И. Б. Крестьянство колхозное (колхозники) // Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.]. Т. 2. К – Р / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт истории; [рук. проекта А. П. Деревянко; гл. ред. В. А. Ламин; отв. ред. В. И. Клименко]. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 207–208.
 9. Попов В. П. Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования: 1997. № 2. С. 95–114.
 10. Попов В. П. Паспортная система советского крепостничества // «Новый мир». 1996. № 6. [Электронный ресурс]: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/popov.html.
 11. Рыков А. В. Особенности системы жизнеобеспечения сельского населения в годы Великой Отечественной войны: на примере колхозного крестьянства и рабочих совхозов юга Западной Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 149–152.
 12. Рыков А. В. Роль рыночной торговли и товарообмена в жизнеобеспечении колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Сборник материалов четвертой Всерос. моло-деж. науч. конф. / отв. ред. Р. Е. Романов: Новосибирск: Параллель, 2015. С. 206–213.
 13. Рыков А. В. Питание колхозных крестьян в условиях полеводческих и тракторных бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10: материалы X междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 22–23 апр. 2015 г. / отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 228–231.

14. Рыков А. В. Борьба с недоимками по обязательным поставкам среди колхозников Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Материалы 54-й Междунар. науч. студенческой конф. МНСК-2016: История / Новосиб. гос. ун-т: Новосибирск, 2016. С. 122–123.
15. Рыков А. В. Влияние обязательных поставок государству на материальное положение колхозников Алтая в годы Великой Отечественной войны (по материалам устных исторических источников) // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Параллель, 2016. С. 230–233.
16. Рыков А. В. Личное подсобное хозяйство колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Материалы 51-й Междунар. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс»: История / Новосиб. гос. ун-т: Новосибирск, 2013. С. 149–150.
17. Рыков А. В. Питание колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: развитие традиционной системы жизнеобеспечения традиционной системы жизнеобеспечения в экстремальных условиях // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект: материалы докладов ЛШ регион. (IX всерос. с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 24–30 марта 2013 г., Владивосток / [отв. ред.: Н. Н. Крадин, Ф. Е. Ажимов; ред. кол.: А. Н. Попов, А. А. Крупянюк, Б. В. Лазин, Д. Г. Кудряшов]: Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. С. 44–46.
18. Рыков А. В. Повышение минимума трудодней как фактор мотивации колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Материалы 53-й Международ. науч. студенческой конф. МНСК-2015: История / Новосиб. гос. ун-т: Новосибирск, 2015. С. 111–112.
19. Справочник председателя колхоза. М.: Сельхозгиз, 1941. 607 с.

Щеглова Татьяна Кирилловна

Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий

Аннотация. В статье раскрывается междисциплинарное взаимодействие этнологии и устной истории в изучении традиционной культуры этнических сообществ в контексте исторических событий XX столетия. Утверждается, что источниковая база этнографических полевых исследований все больше смещается в нематериальную область, поэтому большое значение приобретает изучение исторической памяти в ее временных, этнокультурных и пространственных конфигурациях. Автором характеризуются способы извлечения этнокультурной информации. В качестве примеров на материалах устной истории анализируется адаптация стольпинских переселенцев к кардинальному переустройству деревни и социалистической модернизации 1930-1960-х гг. И рассматривается развитие традиций и новаций крестьянского жилищного строительства под влиянием экстремальных условий жизнедеятельности в годы репрессий и войн 1910-1940-х гг. В завершении ставится задача изучения адаптационных практик народов не только в материальной сфере, но и социальные адаптации и духовные практики.

Ключевые слова: информационная среда, историческая память, устная история, экстремальные условия жизнедеятельности, адаптации, традиции.

Abstract: The article reveals interdisciplinary interaction of ethnology and oral history in studying the traditional culture of ethnic communities in the context of historical events of the XX century. It is stated that the source base of ethnographical field research is drifting to the non-substantial area, for this reason the study of historical memory in its temporal, ethno-cultural and spatial configurations becomes essentially important. The author characterizes the means of extracting ethno-cultural information. Adaptation of Stolypin's migrants to the cardinal reconstruction of the village and socialistic modernization in the years 1930-1960 is analyzed as an example on the basis of oral history materials. The author also examines the development of traditions and innovations of peasant household construction under the influence of extreme life-sustaining conditions in the years of repressions and wars 1910-1940. In conclusion the author raises the problem of studying adaptation practices of ethnic groups not only in substantial sphere but also in the sphere of social adaptation and spiritual practices.

Keywords: information environment, historical memory, oral history, extreme life-sustaining conditions, adaptations, traditions.

Современные дискуссии ведутся вокруг путей, форм, способов исследования традиций, народных культур, этнических сообществ в контексте исторических процессов XX – начала XXI столетий. В отечественной этнографии труднопреодолимыми рубежами в изучении традиционной культуры русских стали 1917 год (революция как рубеж традиционного и советского общества русских) и 1930-е годы (как годы коллективизации и раскулачивания - «раскрестьянивания» и рубеж между традиционной крестьянской культурой русских и культурой советского крестьянства). Этому способствует и несовершенство методов работы с информационной средой современной деревни, которая, наряду с затухающими следами традиционной материальной культуры представлена исторической памятью населения.

Информационная среда сельских населенных пунктов

Историческая память и создание исторических источников

Региональный подход и антропология крестьянства: адаптация «стольпинцев» к

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Содержание

советско-социалистическим преобразованиям и репрессивным кампаниям

Этнографический потенциал устных исторических источников: жилищная культура русского сельского населения в трудных и/или экстремальных условиях XX столетия

Культура жизнеобеспечения и этнография русского сельского населения сибирского тыла в годы Великой Отечественной войны

Список литературы

Информационная среда сельских населенных пунктов

В поисках источникового материала для изучения современных этнических культур автором было введено понятие «информационная среда сельских населенных пунктов», включающая материальные и нематериальные элементы традиционной культуры: «под информационной средой населенного пункта мы понимаем и материально-вещественную среду со следами культуры тех историко-культурных групп, представителям которых они принадлежали (например, изба и хата, забор и плетень, роспись и побелка и т. д.), и ту разнообразную устную информацию, которая содержит не только этнические и культурные маркеры, но и исторические следы прошлой жизни, включая отражение в памяти населения исторических событий XX в. Среди них жизненные истории о раскулачивании, о депортациях, с одной стороны; участие в промышленных стройках, ликвидация безграмотности и бесправия женщин, развитии науки, с другой стороны» [1, с. 35].

При использовании методов устной истории в этнографических исследованиях для нас особенно важным является антропологическое содержание исторического прошлого, сохранившегося в информационной среде: «Среди явлений материальной культуры – это изучение этнокультурного ландшафта населенных пунктов и др. Нематериальное наследие содержит не только «готовые продукты» традиционной культуры... – формы обрядовой культуры, продукты народного творчества (фольклор, сказки, былины и т. п.), но и устную информацию о прошлом в индивидуальной и коллективной исторической памяти. Эта память базируется на этнокультурных кодах, которые обуславливают поведение ее носителей – участников исторических событий» [2, с. 41]. Таким образом, основой нематериальной информационной среды является историческая память о прошлой жизни и этнокультурном наследии.

Историческая память и создание исторических источников

В свете данных подходов приобретает большое значение изучение исторической памяти в его временных, этнокультурных и пространственных конфигурациях. Во временных конфигурациях информация в исторической памяти хранится в двух видах: в случае удаленного прошлого – в виде мифологизированных преданий, семейных легенд и былей, в случаях недавнего прошлого – в виде «life story» непосредственных участников, полученной путем опроса и фиксации нарратива. Первый вид устной информации «собирается» этнографами или фольклористами, второй вид информации добывается с помощью интервью с последующим документированием его материалов. В первом случае информация (пословицы, сказания, пресловья, эпос, календарный и свадебный обрядовый фольклор и др. виды информации) действительно существует в готовом виде и просто собирается - фиксируется. Во втором случае правильнее говорить, что при обращении к исторической памяти и жизненной истории участника, и свидетеля недавних исторических событий с помощью инициированного исследователем интервью «создаются» исторические документы. В зарубежном аналоге «фабрикуются» (от слова «фабрика» как производство) документы.

Как бы исследователи не называли полученный путем опроса источник – материалы историко-социологического интервью (Е. С. Сенявская), материалы научного интервью (Мокрова М. В.), нарративы (Шагоян Гаяне, Блюм А.), эгоистория (Красильников С. А., Аблажей Н. Н.), устные исторические источники (Щеглова Т. К.), мемораты и т. д. [3-11] он содержит ту информацию, которая почти не фиксируется официальными документами и недостаточно содержится даже в документах личного происхождения.

В рамках Конгресса антропологов и этнографов России автором с 2001 года проводится секция «Устная история как источник и метод этнографических исследований» [12-15]. На ее площадке встречаются исследователи, работающие с информацией в исторической памяти в той, и другой форме. В частности, в опубликованных материалах Конгресса 2015 года часть выступлений была связана с исторической формой преданий, которые были собраны исследователями в сельской и городской этнической информационной среде. Особенно богата историческая память тюркских народов. Этнографы-тюркологи регулярно обращаются к ней. До сих пор в информационной среде сибирских татар фиксируется устная история, в том числе по событиям отдаленных XVI-XVII веков. Так, по свидетельству известного исследователя сибирских татар С. Н. Корусенко «среди татар Среднего Прииртышья бытуют исторические предания как отражение коллективной памяти об обращении их предков к центральным властям для решения определенных проблем. В основном это небольшие рассказы, большая часть которых мифологизирована» [16]. Эти далекие события в интерпретации современных потомков позволяют исследователю выходить на проблемы этничности, идентичности, ментальности и т.п.

Благодаря казахскому феномену исторической памяти – шежире, глубина измерения прошлого в которых опускается вглубь веков, на всех конгрессах в работе секции принимали участие специалисты в этой области. Эти выступления свидетельствуют, что «в условиях суверенизации и роста национального самосознания „шежире“ активно используют в изучении истории Казахстана как альтернативу письменным источникам. Изучение шежире приводит к заключению о том, что шежире существовали как сложившийся институт, позволяющие реализовать социокультурные и политические ценности их хранителей. Устная история, будучи методом оценки исторического прошлого, оставалась частью настоящего, является неотделимой этнической и социальной самоидентификации и национально-культурных ценностей». Именно поэтому, как пишет один из участников Конгресса

антропологов и этнографов: «Среди методов в этнологии Казахстана большую популярность приобретает устная истории. Востребованным источником является – шежире... Особенность шежире в сакрализации прошлого, исторических личностей, этнической территории, в сакральном восприятии исторического времени» [17].

Другая группа докладов была посвящена изучению этнокультурных процессов через эмпирический опыт современного населения России с помощью методов устной истории. В частности, при изучении возрождения религиозной приходской жизни, православных традиций на Кольском Севере был «основной корпус текстов записан в городах центральной части области (Полярные Зори, Мончегорск, Апатиты, Кировск). В исследовании принимали участие городские жители, разных возрастных групп, а также разной степени веры (по самоидентификации). Результаты исследования позволили определить отношение различных категорий информантов к строительству храмов. Обстоятельства постройки церквей сказываются в дальнейшем на символическом статусе города. Появляясь, церковь меняет культурное пространство малого города, становится его частью, как и частью городской мифологии» [18].

В условиях, когда источниковая информация все более в последнее время смещается в нематериальную область, особенно востребованы исследовательские технологии устной истории (oral history) которая изучает историческую память и нематериальное наследие той или иной территории с помощью разных видов опроса. Принципом устноисторической деятельности является обязательная техническая поддержка фиксации информации. На современном этапе – это цифровая техника, значительно облегчившая работу устных историков. А также обязательная работа по документированию устных свидетельств и архивированием полученной информации – создания устных архивов с сохранением аудио-, видеоматериалов и письменных транскриптов (с переводом устной речи в письменную).

В наши дни устная история с ее выходом на антропологические аспекты исторических событий приобретает в социогуманитарных науках и определенное методологическое значение. В этнографических исследованиях устная история может использоваться как метод и источник по изучению этнических культур в контексте исторических процессов XIX-XXI столетий. Технологии устной истории эффективны для изучения семейно-бытовых традиций как в периоды стабильной повседневной жизни русского сельского населения, так и в периоды кардинальных перемен – партийно-государственных кампаний переустройства деревни, ее быта и культуры, характеризующихся экстремальными условиями для деревенского социума. В том числе, традиционная культура находилась под воздействием объективных процессов и явлений XX – начала XXI столетий - техногенных факторов.

Временные границы полученного источникового материала с опорой на историческую память при сборе мифологизированной информации практически не ограничены – в народной среде хранятся легенды, были, «преданья старины глубокой». У одних народов больше сохранилось и информации об удаленном историческом прошлом, например, у тюркских народов. У других меньше. Например, у русских историческая память «короче» в силу ряда объективных и субъективных причин. Практически «выветрилось» в информационной среде современного русского сельского населения устное народное творчество, а вместе с ним и мифологизированная историческая память об удаленном историческом прошлом.

Другое дело устная история XX – начала XXI столетий, границы которой маркируются памятью о прошлых событиях, участники которых живы и являются носителями информации о них. При создании устных исторических источников по недавнему прошлому исследователь опирается на

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Содержание

историческую память непосредственных участников событий, в крайнем случае, на семейные и жизненные истории (life story), хранящиеся на уровне 3-4 поколений. Устная история особенно востребована для изучения народов и их культур в экстремальных условиях, связанных с разрушительными для семейного коллектива обстоятельствами, или массовыми процессами, нарушающими стабильную повседневность. К ним относятся перманентные переселения в Сибирь, которые на протяжении XX столетия были как добровольными (Например, массовые крестьянские столыпинские переселения), так и принудительными (например, этнические депортации).

Региональный подход и антропология крестьянства: адаптация «столыпинцев» к советско-социалистическим преобразованиям и репрессивным кампаниям

Методологические подходы изучения крестьянской культуры опросы адаптации крестьянства Опыт автора показывает, что на современном этапе наибольшего проникновения вглубь исторической памяти о переселениях в Сибирь с помощью методов устной истории возможно достичь до начала XX столетия, до столыпинских переселений. Принципиально важным при изучении столыпинских переселенцев является не только традиционное для отечественной этнографии изучение их адаптации к природно-географическим условиям на начальном этапе обустройства на новом месте, но и адаптации сельского населения к новым реалиям в последующие периоды политических и социально-экономических переустройств деревни на протяжении XX столетия.

Вопросы адаптации всего крестьянства и крестьянской культуры к советско-социалистическим преобразованиям до сих пор остаются малоизученными. Основными причинами является невозможность решить их традиционными методами и недостаток источников, о чем неоднократно писала автор: «Традиции служили способом освоения новых территорий и условием успешной адаптации на новом месте. Как правило, исследователи рассматривали их значение в первоначальный период заселения и не анализировали последующие годы адаптации к экстремальным условиям в годы трагических исторических событий XX века, в период масштабных советских преобразований и партийно-государственных кампаний. Среди них годы войны и послевоенное время, репрессии и принудительные переселения, в том числе раскулачивая, депортации и т. д. Эти и другие события, например, ликвидация неперспективных сел, объединяет ухудшение положения сельского населения при перманентной маломощности колхозов, с одной стороны, и отсутствием гарантированной помощи со стороны государства, с другой стороны. Представляется интересным проанализировать процессы адаптации столыпинцев к новым социально-экономическим и политическим условиям в последующие за переселением десятилетия. Современные антропологические подходы, в том числе устная история, биографистика, историческая генеалогия позволяют раскрыть эти вопросы» [19, с. 252].

Можно показать это на примере предпринятой автором попытки в рамках совместного грантового проекта антропологов, историков, этнографов, поддержанного РФФИ¹, проанализировать адаптацию «столыпинцев» на уровне нескольких поколений, как потомственных крестьян-земледельцев, к экстремальным условиям раскулачивая в разных историко-этнографических и природно-климатических зонах Верхнего Приобья [20]. Для этого было проведено исследование поведения, жизненных стратегий и адаптационных практик населения двух групп, образованных столыпинцами сел. Первая группа сел была основана столыпинцами в старожильческо-скотоводческих предгорных районах Алтая. Вторая группа - в степной переселенческой зоне. Сравнивался их уровень хозяйственной и социокультурной адаптации к социалистическим преобразованиям, устойчивость и жизнеспособность в новых социально-экономических и политических условиях.

Исследования показали, что поведение столыпинцев и адаптационные практики при реализации политики коллективизации единоличного хозяйства крестьянин обусловили разные результаты раскулачивая. В предгорной старожильческой зоне, которая в отличие от западных переселенческих районов, подверглась сплошной волне репрессий, после социалистической модернизации почти не осталось «столыпинских» сел. Можно увидеть это на примере ряда столыпинских поселений,

¹ РФФИ, проект № 12-06-98013 р_сибирь_а.

основанных в зажиточной старожильческой среде Алтайского, Солонешенского и Красногорского районов. Например, «процент раскулаченных в стольпинском селе Барашек [Алтайский район] был настолько большим, что село исчезло к 1939 г. Это говорит о том, что стольпинцы, приехав в 1910 году сумели так адаптироваться, что уже в 1930-е г. попали в категорию зажиточных.

В старожильческой зоне значительная часть сельчан пытались напрямую отстаивать свое хозяйство. Это поведение опиралось на особую ментальность старожил, уверенных в своих правах на землю в районах, которые отличались особой вольностью в удалении от горнозаводских центров. Лишь часть сельчан старожильческой зоны, отказавшись от традиционных крестьянских установок, приспособились, «чтобы избежать раскулачивания, самораскулачились и/или переехали в другие населенные пункты».

Именно устные свидетельства позволяют проанализировать ментальность крестьян-старожил и реконструировать процесс формирования таких же жизненных установок у поселившихся в старожильческой среде стольпинцев, которые проявились в период раскулачивания. В их основе лежали факторы адаптации и консолидации пестрой социокультурной массы переселенцев вокруг жилищного и производственного обустройства нового места в рамках одного села с благоприятными для строительства и хозяйствования условиями: «Мы [курские стольпинцы Иевлевы] приехали в 1911 г. [на место села Барашек] Кто-то съездил на разведку [все засобирались], сразу приехали 10 семей. Все горы заселили... В Барашке были вятские, вологодские, курские, орловские. Сорокино [еще одно стольпинское село] было км 6 от Барашка. Как ложок, так деревня. Везде заселились, обзавелись курами, коровами. Скотины много. Счету не знали ни гусям, ни свиньям. В Сорокине мы приехали – было 3 двора, а потом нас семей 10 приехало. У нас было гектара 3 земли огорожено. Мы всё болото огородили поскутиной и вечером туда скот выпускали. Было два табуна – старые, молодые» [19, с. 256]

В первые десятилетия, переселившись на Алтай, стольпинцы предгорной скотоводческо-земледельческой зоны успешно адаптировались к природно-климатической зоне. Сумели они адаптироваться и к этнокультурной ситуации с преобладанием старожильческого населения, переняли многие навыки старожильческой культуры. Но не сумели стольпинцы старожильческой зоны ни социально, ни экономически, ни культурно приспособиться к социалистической модернизации и репрессивной политике. Как и сами старожилы, привыкшие отстаивать свои права на крестьянство и вольницу в вопросах веры (часто древнеправославной) и культуры. Почти все села стольпинцев, образованные в восточной старожильческой зоне в ходе раскулачивания и последующих кампаний переустройства крестьянского мира исчезли.

Несколько иную картину показали полевые исследования в западной переселенческой историко-этнографической зоне. Оказалось, что, в отличие от них, «в степных стольпинских поселениях масштаб раскулачивания был иным» и картина социально-экономической адаптации в засушливых степных безлесых территориях отличалась от предгорных сел. Как говорят сами респонденты, «здесь [Яготино, Благовещенский район], ну, такого, такого большого, такого, что кулаки там, здесь не было такого вот. Потому что село было наше, ну, оно не сильно зажиточное было. Здесь как-то обошлось мирно ...» Полевой материал показал, что степные стольпинские переселенцы были менее зажиточны, чем стольпинцы в восточной старожильческой зоне. Сумели стать самостоятельными собственниками только при единоличном хозяйствовании. Если в предгорной зоне с преобладанием скотоводческих традиций материальное благополучие выражалось «табунами», то в переселенческой земледельческой зоне раскулаченные зажиточные семьи Орлеана «держали 2 лошади, 1 корову, 3 барашка», что сыграло значительную роль в определении их статуса в период раскулачивания и отнесения их к менее «опасной» категории кулаков.

Отличался и менталитет столыпинцев. Столыпинцы восточной предгорной и горной зоны уже в первое десятилетие сравнивались со старожилами материально благодаря благоприятным природно-географическим условиям и не без помощи старожилов, оценивших трудолюбие и хозяйственные навыки столыпинских переселенцев – земледельцев и кустарей. Это дало им возможность почувствовать уверенность; они стали идентифицировать себя со старожилами, что проявлялось в их бытовом поведении. И что «подвело» их при раскулачивании.

Как показывают материалы интервью степняков-переселенцев, в их поведении и менталитете до сих пор проявляется статус «россейских» – переселившихся на земли юга Западной Сибири, а значит «пришлых», «не местных» в противопоставлении сибирякам-старожилам, из чего формировался и комплекс вторичности, подчиненности. Недаром именно в переселенческой среде алтайской деревни историческая память до сих пор насыщена этнокультурными подробностями, начиная от материальных традиций и заканчивая народной обрядовой культурой и семейными историями не о сибирских корнях. Эта память выступает в качестве самозащиты в «иной» - «инокультурной» среде. Автором давно замечена особенность сохранения и «лелеяния» малыми этническими или этнокультурными группами своей инакости, который можно рассматривать как своего рода инстинкт самосохранения, как средства защиты от растворения в преобладающей иной среде.

В старожильской среде происходили противоположные процессы - «стирания детализации старожильской культуры». Память потомков старожилов не фокусировалась на особенностях культуры сибиряков, при полной уверенности «хозяев» - мы тутошние, местные, «испокон веков живет здесь», «ранешние». На этом основании у них не было опасения исчезнуть как культурный или социально-экономический феномен, защищаться от «инакости», а значит не было мотивации холить и лелеять свою инакость. Именно поэтому этнографы в переселенческой среде до сих пор буквально купаются в этнографическом материале и часто разочаровываются из-за скудного проявления и сохранения элементов старожильской культуры.

Поэтому поведение, адаптационные механизмы и жизненные стратегии двух групп переселенцев во время раскулачивания различались, прежде всего, своей гибкостью, приспособляемостью к обстоятельствам. Устойчивость и «живучесть» сел степных столыпинцев-переселенцев благодаря этой гибкости и «приспособленчеству», в.ч. вследствие постоянной памяти о том, что они не на своей территории, способствовали тому, что их села смогли избежать не только раскулачивания, но и слияния сел в период кампании укрупнения колхозов и гибели сел в период кампании ликвидации неперспективных сел. В ходе социалистической модернизации столыпинцы-степняки создали успешные хозяйства, сформировали потомственные крестьянские династии, а в старожильческих селах «головки [лидеров] раскулачили, да в Нарым сослали» [19, с. 256].

В целом, история столыпинцев продемонстрировала, что изучение этнических сообществ в экстремальных условиях является самостоятельной исследовательской задачей. В истории России особой экстремальностью отличалась эпоха тоталитаризма (сталинизма) 1930-1940-х годов. В этот период в сельском социуме для борьбы с неблагоприятными жизненными условиями были востребованы традиционные навыки и умения крестьянского общества. Автором эта гипотеза была проверена при изучении такого базового элемента культуры жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири, как жилище [21], его строительство, внутреннее обустройство, отопление, санитария [22].

Этнографический потенциал устных исторических источников: жилищная культура русского сельского населения в трудных и/или экстремальных условиях XX столетия

Как известно, сельское население массово попало во время раскулачивания, репрессий, депортаций и других «кампаний» репрессивной политики тоталитарного государства в трудные и экстремальные условия. Представленный в госхранилищах источник материал по этим проблемам довольно однотипен; документы составлены по единой схеме-шаблону, отличаются только фамилиями репрессированных и не отражают адекватно историческую реальность. Не говоря уже о сфабрикованности большинства, о чем неоднократно писали историки. А вот условия жизни, повседневность, быт, система жизнеобеспечения, условия жизнедеятельности в местах ссылки или депортации, мысли, чувства, ощущения разных категорий репрессированных с клеймом «врага народа» мало отражаются в архивированных документах госхранилищ. Но этот материал содержится в создаваемых с помощью интервью участников или очевидцев того периода устных исторических источниках. Их часто называют «документы с человеческим содержанием», «человеческие документы». В этом «взгляде изнутри» содержится значительный этнокультурный и антропологический материал, так необходимый этнографам.

Именно антропологический переворот в исторической науке закрепил позиции устной истории как метода и источника многих гуманитарных исследований. Для этнографии важным было появление самостоятельных направлений с использованием устной истории – «антропология академической жизни» – о культуре и быте академического сообщества; «антропология советскости» – об условиях жизни, повседневной культуре и быте советского человека, его ментальных установках, жизненных ценностях и т.д. В этом смысле можно говорить и об антропологии репрессированного общества или антропологии репрессированных групп – «раскулаченных», «депортированных», «спецпереселенцев», «трудармейцев» и др.

Применительно к повседневности разных категорий, репрессированных важно обозначить ракурсы изучения. Например, рассмотрение антропологии репрессированных сообществ через культуру жизнеобеспечения в экстремальных условиях. При этом необходимо учитывать, что для большинства репрессивных кампаний 1930-1940-х годов характерна именно семейственность – ссылки и депортации семьями. Репрессии изначально были направлены против всего крестьянского двора. Это означало, что репрессированным необходимо было создать условия проживания в новых местах, часто на голом месте, для всех членов семьи, среди которых были и грудные дети, и престарелые родители [21, с. 557]. Инструментом изучения бытовой культуры репрессированных выступает устная история, а источниками – материалы интервью, в которых содержится информация об обустройстве жилой среды в местах ссылки, об обеспечении репрессированных семей необходимой пищей и одеждой.

Устный архив показывает, что не только у репрессированных, но и у рядовых колхозников в периоды ухудшения жизнедеятельности при обустройстве жилой среды происходили изменения как в области строительных материалов и технологий, так и в типах и габаритах жилища, которые демонстрировали замещающие технологии в повседневной культуре. Навыки замещения и адаптации закрепляло то, что «военную и послевоенную деревню отличала крайняя степень обнищания, демографическая катастрофа (обезмужичивание), рост населения из разных категорий репрессированных (ссылные и депортированные) и реабилитированных (раскулаченные и другие «враги народа»), которые выселялись семьями (семейный принцип репрессий). Все это увеличило население алтайской деревни, которое нуждалось в «крыше над головой». Перед военным и послевоенным сельским

обществом особенно остро встала проблема не столько качественного «избленного строительства», сколько сооружения и бытового обустройства жилища из доступных природных материалов. К ним в деревне этого времени относились глина, песок, солома, камыш, чаща, колья, камни» [23].

Анализ этнокультурных аспектов жилищного обустройства в 1930-1950-е годы как одного из базовых элементов культуры жизнеобеспечения позволяет предположить, что и антропология колхозного крестьянства, и «антропология репрессированной части общества – это мобилизация народного опыта, актуализация традиционной системы жизнеобеспечения и адаптационные возможности традиционной культуры. Система выживания» также решала такие проблемы как «обеспечение питанием за счет традиционного собирательства, одеждой за счет домашнего ремесла, использование народной медицины, обращение к знахарству и т. д. В этом отношении можно говорить о своеобразном Ренессансе традиционной культуры и прежде всего, культуры жизнеобеспечения. Экстремальные условия жизни репрессированного сообщества, поставившие его в условия выживания, актуализировали традиционные навыки и умения крестьянской культуры. Были востребованы и традиции строительства жилища из дерна, глины, камыша и т. д.: землянухи, пластанки, топтонухи, литухи, плетенки, саманухи и т. д. Актуализировались и знания народной медицины, и знания съедобных дикорастущих растений. Оказалось, востребованным домашнее ткачество и рукоделие. Проблема адаптационных свойств традиционной крестьянской культуры является важной и в истории колхозного крестьянства, чья жизнь в условиях перманентной нищеты колхозно-кооперативного сектора практически всегда зависела от народного опыта и традиционной системы жизнеобеспечения. Особенно в годы Великой Отечественной войны, когда и среди репрессированной, и среди не репрессированной части советского общества... главным в организации жизни семьи стала традиционная культура и системы жизнеобеспечения» [21, с. 558-559].

Более того, интервьюирование участников прошлой жизни показало, что сельское население на протяжении всего XX столетия гибко реагировало на изменяющиеся или ухудшающиеся условия жизни. Например, культура русских старожилов обогащалась навыками утепления жилища с помощью глины и дерна, нетрадиционной для старожилов штукатурки; дополнения русской глинобитной печи железной буржуйкой при ограниченных возможностях в топливе и замене его органическими заместителями - коровьими лепешками и массовым изготовлением не используемого сибиряками кизяка и другие новации в бытовой культуре.

В совокупности это позволило автору сделать вывод о «парадоксе», который заключался в том, что «советское время» по-своему создало «благоприятные» условия для возрождения отдельных компонентов традиционной культуры в ходе социокультурной адаптации к новым реалиям и условиям. Проявилось это в широком распространении способов возведения жилья с использованием архаичных строительных традиций и материалов и одновременным внедрением новаций.

Востребованность архаичных этнокультурных традиций диктовалась такими условиями, как маломощность и низкий материальный уровень жизни колхозного общества, необходимость строить из подручных средств и жилые, и хозяйственные объекты. Информанты говорят, что «солому с колхоза брали бесплатно. И глину тоже...»; «А где лес брать? Колхоз не давал. Сам нищий!»; «У колхоза лесу не допросишься».

«Благоприятными» для трансляции этнокультурных традиций в поселенческо-жилищном строительстве стали великие советские стройки и реализация масштабных программ по переустройству советского общества. Даже в городах, например в Барнауле, в 1930-е гг. во время комсомольской стройки Меланжевого комбината на окраине города появился район из дерновых

землянок и литух для проживания строителей и первых рабочих. Подобные условия складывались и в экстремальные периоды советской истории, связанные с голодом 1920-х, 1930-х, 1947 гг., с раскулачиванием, репрессиями и депортациями, Отечественной войной 1941-1945 гг. и послевоенным временем, а также с кампанией по ликвидации неперспективных деревень.

Именно этнокультурные традиции обустройства жилой среды помогли выжить крестьянским семьям. В Сибири они применялись переселенцами, а в XX в. этот опыт в силу его простоты, доступности и дешевизны распространился повсеместно, в том числе и в культуре русских сибиряков. Причем у старожилов, строивших ранее деревянные срубные дома, в обустройстве жилой среды закрепляется глина, камыш, хворост. Штукатурка и побелка вытеснили традиционную для срубного строительства внутреннюю и внешнюю отделку стен; в периоды ухудшения экономического состояния были мобилизованы более архаичные формы – различные типы земляного дома, широко распространилось плетневое и каркасное строительство. Все это этнокультурное многообразие в XX столетии изменило пространственные и временные конфигурации обустройства жилой среды русского населения Сибири» [24, с. 172].

Таким образом, устная история открывает большие возможности для изучения традиционной культуры и ее судьбы в контексте исторического развития XX столетия. Исследователь с помощью методов устной истории проникает в историческую память носителей традиций и через эмпирический опыт респондентов получает этнокультурный материал, маркирующий этничность, идентичность, повседневные практики. Именно под таким углом зрения сформировался проект «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» посвященный изучению значения традиционных умений и навыков народной культуры для населения тыловой деревни в 1941-1945 годах в условиях военного времени.

Культура жизнеобеспечения и этнография русского сельского населения сибирского тыла в годы Великой Отечественной войны

Великой Отечественной войне посвящено много работ. Но остаются малоизученными проблемы, требующие новых подходов, методов, источников. В первую очередь, это касается антропологических аспектов, с выявлением роли культуры жизнеобеспечения земледельческого и скотоводческого населения в военных условиях и анализ адаптационных практик народов в материальной (трудовые традиции, жилище, питание и др.) и в духовной (семейная обрядность, конфессиональные практики и др.) сферах. Если тема «Человек на войне» благодаря усилиям исследователей проработана, то с позиций антропологии и этнографии «Человеку тыла» уделялось меньше внимания [25, с. 174]. И перспективы изучения как раз связаны с новыми подходами в истории и этнологии и новыми направлениями исторических исследований. Прежде всего, в союзе этнографии с ее концепцией теории культуры жизнеобеспечения и «устной истории» (oral history) с ее технологиями создания новых источников путем интервьюирования участников и очевидцев реконструируемых событий.

Формировавшаяся в 1960-1970-е годы теория культуры жизнеобеспечения (КЖ) является важнейшим инструментом в изучении военных повседневных практик. КЖ поддерживала жизнедеятельность сельского общества в трудных и экстремальных условиях военного времени. Обоснование союза технологий и методологических принципов устной истории и этнологической теории КЖ проводилось автором в ряде публикаций [26-30]. Понятие КЖ введено в отечественную науку в конце 1970-х гг. Ю. И. Мкртумяном [31]. Содержательно оно прорабатывалось в совместных публикациях С. А. Арутюнова, Э. С. Маркаряна и Ю. И. Мкртумяна. Окончательное теоретическое оформление понятия КЖ произошло в конце 1980-х гг. с выходом в свет книги С. А. Арутюнова «Народы и культуры: взаимодействие и развитие» и закреплено в новационном издании этнографа в соавторстве с С. И. Рыжаковой в учебном пособии «Культурная антропология» [32]. В монографии автор дал важное для нас определение: «КЖ – та часть культуры, которая непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей» [33, с. 8].

Для реализации заявленной темы было подготовлено издание с научными и методическими материалами [34]. Взаимодействие устной истории, социальной и культурной антропологии, этнологии, локальной истории реализовывалось автором в ряде публикаций о сборе и использовании в пищу дикорастущих растений (дикоросов), ягод, грибов; о формах и видах собирательства [25]; о высокой горизонтальной и вертикальной мобильности крестьянской семьи в годы войны [35]; о половозрастных особенностях в жизненных стратегиях в борьбе с холодом и голодом [36], о составе населения [37] и системах борьбы с трудностями; о возвращении к архаичным традициям жилищно-производственного строительства с использованием природных подручных материалов (глина, камыш, солома, валежник, нестроевой лес) [38]; о социально-политической адаптации разных категорий сельского населения (местных и пришлых) сибирской деревни в условиях государственной политики формирования «образа врага» и массовых депортаций и спецпереселений [39]; о разных адаптационных практиках социумов деревенского мира сформировавшихся в ходе социалистической модернизации (колхозников, «совхозников», интеллигенции и др.), обеспечение белковой пищей с помощью ловчих промыслов [40], охоты, рыболовства [2], о санитарии и гигиене [41] и т. д.

Необходимо отметить, что проведенное в 2014 – 2016 годах исследование акцентуируется на базовых компонентах материальной культуры жизнеобеспечения – жилище, пища, одежда, т.е. тех, которые обеспечивали условия жизнедеятельности и удовлетворяли необходимые жизненные потребности [42]. Каждая из этих систем имела подсистемы, которые в совокупности составляли единую основу

навыков и умений борьбы с голодом и холодом. Каждая из них может стать самостоятельным предметом исследования антропологов, этнологов, историков. Это и подсистема отопления, и подсистема трудовых традиций и занятий по обеспечению питания и отопления, это и здоровьесберегающая подсистема санитарии и гигиены, это и подсистема бытового обустройства жилой среды, народной медицины и т. д.

В исследовательских работах пока мало анализировались вопросы социальной адаптации, которые тоже можно отнести к системе жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Есть единичные публикации [43]. Среди проблем социальной адаптации населения в экстремальных условиях вопросы семьи и семейных традиций как базового института социальной адаптации, это поведение и стратегии детей и подростков в экстремальных условиях жизни, это гендерные различия в способах адаптации к экстремальным условиям жизни, это общественные настроения, отношения, досуг в экстремальных условиях; это этнические культуры и этнический аспект общественного сознания в экстремальной повседневности [44].

В этом направлении сделаны определенные усилия исследователями, которые выявили огромные лакуны – белые пятна, связанные, например, с культурным взаимодействием и взаимовлиянием во время этнических депортаций представителей народов-депортантов и принимающего сельского русского социума, межкультурный обмен и влияние культурных новаций этнических депортантов на принимающее, преимущественно русское население [34]. В этом направлении исследования только начаты, обозначены проблемы и лакуны [26].

Таким образом, устная история открывает новые возможности в изучении народов и их культур в контексте исторических процессов XX – начала XXI столетий, особенно в трудных и экстремальных условиях, созданных сопряженными с дестабилизацией повседневной жизни сельского общества историческими событиями.

Список литературы

1. Щеглова Т. К. Обь-Иртышское порубежье // Историко-культурная взаимосвязь Казахстанского Прииртышья и Российского Верхнего Приобья в свете новых подходов и технологий их изучения: материалы междунар. науч.-практ. конф.: Павлодар, 2011. С. 34–42.
2. Щеглова Т. К. Культура славянских сообществ Сибири в XX веке: новые подходы и перспективы в научно-исследовательском проекте «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований: 2015. № 3 (9). С. 40–49.
3. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России: М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
4. Мокрова М. В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению: дис. ... канд. ист. наук: М., 2004. 253 с.
5. Шагоян Г. Память и нарративы о сталинских репрессиях в Армении// Семинар «Устная история: от формы к восприятию» (22.01.2016). [Электронный ресурс]: URL: urokiistorii.ru/sites/all/files/abstracts.doc.
6. Шагоян Г. Конкурирующая память: мемориализация сюжетов коллективной травмы // Депортация армян. 14 июня 1949 год: сборник документов и материалов / сост. Н. Н. Аблажей; отв. ред. Н. Н. Аблажей, Г. Харатян: Новосибирск: Наука, 2016. С. 216–223.
7. Блюм А. Возвращение и память // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. ст.: Вып. 3. Новосибирск: Наука, 2014. С. 3–11.
8. Красильников С. А. История и память. Потенциал взаимодействия// Депортация армян. 14 июня 1949 год: сб. док. и материалов / сост. Н. Н. Аблажей; отв. ред. Н. Н. Аблажей, Г. Харатян: Новосибирск: Наука, 2016. С. 202–211.
9. Щеглова Т. К. Устная история в XX столетии: метод, источник, направление исторических исследований или самостоятельная дисциплина? // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф. / Барнаул. гос. пед. ун-т, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии; отв. ред.: Т. К. Щеглова, И. В. Октябрьская. Барнаул, 2008. Вып. 7. С. 246–254.
10. Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников: методическое пособие / отв. ред. М. А. Демин: Изд. 3-е, испр.: Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. 22 с.
11. Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие для студентов вузов: Барнаул, 2011. 363 с.
12. Щеглова Т. К. Значение устной истории в изучении сознания русского населения Алтая на примере интерпретации разрушения церквей // V конгресс этнографов и антропологов России (г. Омск, 9-12 июня 2003 г.): тез. докл. М., 2003. С. 84.
13. Щеглова Т. К. Устная история как метод и источник этнографических исследований // VIII конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / редкол: В. А. Тишков и др.: Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009. С. 407.
14. Щеглова Т. К. Устная история как метод и источник этнографических исследований // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Петрозаводск, 4-8 июля 2011 г. / редкол: В. А. Тишков и др.: Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2011. С. 73–74.
15. Щеглова Т. К. Культура жизнеобеспечения сельского населения Сибири в устной истории в экстремальных условиях XX столетия: адаптационные практики традиционной культуры в годы

Великой Отечественной войны // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнёв: Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 306.

16. Корусенко С. Н. Алимших: реальная личность и мифологизация образа // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнёв: Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 323.

17. Жунусов С. К. Устная история и феномен шежире в общественном дискурсе и этнографии Казахстана // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнёв: Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 321.

18. Давыдова А. С. Строительство православного храма как событие локальной истории северного провинциального города // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнёв: Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 320.

19. Щеглова, Т. К. Социокультурная и хозяйственная адаптация столыпинских переселенцев на Алтае на протяжении 1910–1980-х годов: стратегии и результаты (по материалам полевых исследований // Вестник алтайской науки. 2014. № 1. С. 252–257.

20. Щеглова Т. К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта: (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й междунар. науч. конф. / Алтайская государственная педагогическая академия; отв. ред.: Т. К. Щеглова: Барнаул, 2011. Вып. 8. С. 72–83.

21. Щеглова Т. К. Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920-1940-х годов: материал, технологии и типы по устным историческим источникам // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-х – начале 50-х годов XX века» 30–31 мая 2014 года: Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. С. 554–571.

22. Щеглова Т. К. Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920-1930-е гг. // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. / БГПУ, каф. отеч. истории, лаб. ист. краеведения; отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова: Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 154–163.

23. Щеглова Т. К. Использование глины, соломы, чащи, камыша, кольев и других природных материалов в обустройстве сельской усадьбы и быта семьи в послевоенной деревне Алтая (1940-1950-е гг.) на лесостепных и степных территориях // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история: вып. 9: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. 15-16 апреля. 2014 г./ под ред. Т. Н. Смагулова, М. А. Демина, Т. К. Щегловой, Е. К. Абеуовой: Павлодар: ПГПИ, 2014. С. 258–269.

24. Щеглова Т. К. Традиции и новации в обустройстве жилой среды русского населения юга Западной Сибири в контексте исторического развития (1860–1980 гг.) // Традиционная культура: 2016. № 1. С. 163–174.

25. Щеглова Т. К. Собирачество как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941-1945 годов по устным историческим источникам // Былые годы. Рос. ист. журн. 2015. № 35 (1): С. 174–184.

26. Щеглова Т. К. Краеведение, музееведение и устная история – источники, методы и формы

взаимодействия в отечественной практике в контексте государственной политики в XX – начале XXI века // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России: сб. науч. тр. / отв. ред.: Е. Ю. Смирнова, Н. А. Томилов: Омск: Изд. дом «Наука», 2016. С. 308–313.

27. Щеглова Т. К. Устная история и этнография: пути и формы взаимодействия: (из опыта внедрения новых подходов, методов и технологий в этнографические исследования) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2010 г.: археология, этнография, устная история: материалы 7-й регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаборатории ист. краеведения, 25-26 ноября 2010 г. / Алт. гос. пед. академия, лаборатория ист. краеведения; редкол.: М. А. Демин и др.: Барнаул, 2011. С. 12–20.

28. Щеглова Т. К. Этнографические исследования в Алтайском крае: история и современность // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2007 г.: археология, этнография, устная история: материалы 4-й регион. науч.-практ. конф., 6–8 декабря 2007 г. / Алт. гос. пед. академия, лаборатория ист. краеведения; редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин: Барнаул, 2009. С. 171–184.

29. Щеглова Т. К. Центр устной истории БГПУ: исследовательская работа, документирование устных исторических источников и их интерпретация // Устная история (Oral History): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сент. 2006 г.) / БГПУ, лаб. ист. краеведения и др.; сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова: Барнаул, 2007. С. 16–22.

30. Щеглова Т. К. Этнографические и устноисторические исследования полевого сезона 2006 г. БГПУ // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история), 2006 г.: материалы 3-й регион. науч.-практ. конф., 6–8 дек. 2006 г. / БГПУ; редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин. Барнаул, 2007. С. 168–180.

31. Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур: Ереван, 1978. С. 42–47.

32. Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология: М.: Весь Мир, 2004. 216 с.

33. Арутюнов С. А. Народы и культуры: взаимодействие и развитие: М.: Наука, 1989. 247 с.

34. Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Науч. и метод. материалы. Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2015. 132 с.

35. Щеглова Т. К. Система жизнеобеспечения и адаптационные практики сельского населения тыловой деревни Сибири на примере собирательства и ловчих промыслов: новые источники, методы и подходы // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А. Ш. Кабирова: Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 379–389.

36. Щеглова Т. К. Мобилизационная экономика крестьянской семьи в годы Великой Отечественной войны: ловчие промыслы на сусликов и собирательство яиц дикой птицы в системе жизнеобеспечения тылового сельского общества Сибири // Сибирь в Великой Отечественной войне: Сборник материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (Новосибирск, 27–28 апреля 2015 г.): Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, Параллель, 2015. С. 72–81.

37. Щеглова Т. К. Структура и категории сельского русского населения сибирской деревни как фактор адаптационных механизмов традиционной культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках войны 1941–1945 годов: к проблеме введения и интерпретации материалов устной истории в научные тексты // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 9-й междунар. науч. конф., Барнаул, 28–30 октября 2015 г. Вып. 9 / Алт. гос. пед. ун-т, Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, Ин-т археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. академии наук; под ред. Т. К. Щегловой:

Барнаул, 2015. С. 366–378.

38. Щеглова Т. К. Адаптационные возможности крестьянской переселенческой культуры в селах западного степного и лесостепного Алтая: традиции и новации в 1930-1950-е годы на примере каркасного жилища // Актуальные вопросы истории Сибири. 9-е науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: материалы всерос. науч. конф. / под. ред. В. А. Скубневского, К. А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 67–70;

39. Щеглова Т. К. Повседневные практики и система жизнеобеспечения сельского населения в борьбе с холодом и голодом в тыловой деревне Сибири как фактор победы в Великой Отечественной войне: новые подходы и источники в исторических исследованиях // Великая Отечественная война: история, методология, современное осмысление: материалы междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2015. С. 586–599.

40. Щеглова Т. К. Сусличьи промыслы и система питания колхозной семьи русского населения в годы Великой Отечественной войны: участники, способы, орудия ловли // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: этнография, устная история. Вып. 11: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. Павлодар, 21–22 апреля 2016 г. Т 1. / под ред. Т. К. Щегловой, М. А. Демина, И. В. Толпеко, Т. Н. Смагулова, Е. К. Абеуовой. Павлодар: ПГПИ; Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 152–163.

41. Щеглова Т. К. «Интимные» вопросы культуры жизнеобеспечения женщин сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны: взаимодействие гендерной и устной истории в исследовании гигиены и санитарии // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицюк. Смоленск. М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 2. С. 253–258.

42. Щеглова Т. К. Стратегии выживания и адаптации земледельческого населения Сибири в контексте исторических событий XX столетия: ответ устной истории на антропологические вызовы // Антропология в поисках нового языка описания: тезисы. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2016. С. 74–75.

43. Щеглова Т. К. Мир времени истории в памяти поколений XX столетия: жизненные стратегии в военных условиях 1941-1945 гг. сельского населения Сибири // Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие [Электронный ресурс]: Сб. ст. по материалам Междунар. междисциплинар. конф. «Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие» (Саратов, 25–26 сентября 2015 г, СГТУ имени Гагарина Ю. А.): Саратов, 2015. С. 148–158.

44. Щеглова Т. К. «Свой» и «чужой»: взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и использования образа врага в период депортаций // Российские немцы. От истоков к современности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию Манифеста рос. императрицы Екатерины II и начала массового переселения немцев в Россию, 75-летию Алт. края, 70-летию со времени мобилизации советских немцев в трудармию, г. Барнаул, 10–11 ноября 2012 г: Барнаул: Алтайский краевой российско-немецкий дом, 2012. С. 155–165.

Кузнецов Александр Сергеевич

Устная история как метод и источник для военноисторической антропологии на примере изучения Великой Отечественной войны

Аннотация. Автор статьи делает попытку обосновать состоятельность устной истории как метода и источника для изучения военной антропологии на примере Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная антропология, устная история, документы личного происхождения (фронтовые дневники и письма, воспоминания), устная история как метод, устная история как источник, устный исторический источник.

Abstract. In this article the author makes an attempt to justify the viability of oral history as a method and a source for the study of military anthropology the example of the Great Patriotic War.

Keywords: the Great Patriotic War, the military anthropology, the oral history, sources of a personal origin (military diaries and letters, memories), oral history as a method, oral history as a source, oral historical source.

Антропологизация научного знания, характерная для последних десятилетий, не обошла стороной и историческую сферу. «Во многих науках на первый план вместо закономерностей и регулярностей вышло изучение индивидуального, уникального, случайного. Вновь изменилось соотношение между такими различными типами знания, как знание научное, религиозное, эстетическое, усилились движения антисциентической направленности, ушли в прошлое классические идеалы науки» [17, с. 3]. Результатом таких тенденций стало возникновение и оформление так называемой «новой истории» и её отдельных направлений – истории повседневности, локальной истории, гендерной истории, имагологии, военно-исторической антропологии и др.

В данной публикации автор подробнее обратился к последней дисциплине. Военная антропология – новая междисциплинарная отрасль науки, интегрирующая достижения, предметные области и исследовательский инструментарий военной психологии, социологии, педагогики, истории, культурологии, медицины и других дисциплин, изучающих человека в условиях военной деятельности [18, с. 14].

Объектом изучения военной антропологии являются человек и общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов, а также те аспекты жизни «гражданского», мирного общества, которые характеризуют его подготовку к подобного рода экстремальным историческим ситуациям и отражают их последствия, то есть историческим фоном данной проблематики является подготовка общества и человека к войне, «вхождение» в нее, ход военных действий и «выход из войны» [19, с. 13].

Для исследователя, занимающегося военно-исторической антропологией, имеют особую важность субъективно окрашенные источники, однако документы личного происхождения – дневники, мемуары, письма – являются достаточно редкими находками. «В архивах мы находим справки, отчеты, партийные решения, методы их реализации, но источники личного происхождения, свидетельствующие о „голосе безмолвствующего большинства“, чаще всего являются ценными и немногочисленными находками в арсенале историков. Тоталитарный режим, культ личности, репрессии и неприятие инакомыслия в нашей стране не давали возможности накапливать источники

личного происхождения» [22].

В связи с этим у исследователей возникает интерес к устной истории как методу, благодаря которому можно расширить сформированное представление о войне, увидеть «человека воюющего», понять его чувства, эмоции, настроения, погрузиться в военную повседневность. «...Материалы „устной истории“, которые позволяют увидеть не „официальную войну“, а войну из окопа, танка, самолета, войну глазами участников боевых действий и гражданского населения, отразить особую солдатскую, женскую, детскую историю и т. д. Все эти новые ракурсы значительно дополняют прежнее видение истории, способствуют более глубокому ее осмыслению» [18, с. 14].

В современной исторической науке существует несколько точек зрения на место устной истории в историческом познании: устная история как метод, как источник, как направление исторических исследований или как самостоятельная дисциплина [27]. В данной работе автор попытался обосновать состоятельность устной истории как метода и источника для военной антропологии на примере Великой Отечественной войны.

Любой вид документов личного происхождения является ценным источником для изучения антропологического содержания вооруженных конфликтов. «Сегодня за источниками личного происхождения все чаще закрепляется такое понятие как «я-документы» или «эго-документы», хотя они могут касаться не только «себя», но и «других». Но главное, присущее им, остается – действительность передается через субъективное восприятие» [6, с. 288]. Выделение источников личного происхождения в самостоятельный комплекс предполагает их противопоставление материалам, возникшим в сфере государственного управления, законотворчества, оформления политических, экономических и социальных отношений. «Название комплекса указывает на совершенно иную область, породившую материалы личного происхождения. Она связана с личностными потребностями конкретного человека, проявлением его социальной активности, интеллектуальным развитием, профессиональными интересами и т. д. В этот комплекс включают несколько видов исторических источников: частную переписку, личные дневники и воспоминания» [3, с. 151]. Так, фронтовые письма, дневники и воспоминания участников войны позволяют реконструировать бытовые условия жизни солдат, их психологическое состояние, взаимоотношения солдат и офицеров, взаимоотношения полов в условиях военной действительности, но при этом нужно отметить ряд особенностей данных документов.

1) Немногочисленность данных источников. В меньшей мере это относится к фронтовым письмам, которые являются самым массовым источником личного происхождения о Великой Отечественной войне. Зато дневниковые записи периода войны являются очень редкими документами в арсенале историка. Это объясняется, во-первых, тем, что в Красной Армии для рядового состава существовал запрет на ведение дневниковых записей, и немногие его нарушали [6, с. 329–330; 15, с. 329]: «Ведение дневников офицерами также, мягко говоря, не поощрялось (боялись, что они могут попасть в руки врага), да и не все имели такую возможность» [14, с. 6]. Во-вторых, это связано с отсутствием времени, бумаги и условий для ведения дневников у солдат и офицеров, находящихся на передовой.

2) Ограниченность исторического источника замыслом и памятью автора. Это одна из главных особенностей всех типов и видов источников. Все письменные документы имеют такой объем и содержат столько исторической информации, сколько было задумано автором (авторами) или регламентировано правилами. Историк никак на это уже не может повлиять. Конечно же, стоит сказать о латентной информации, содержащейся в источнике, но и она носит ограниченный характер и не может быть уточнена исследователем. Несколько иная ситуация в этом отношении с устными

историческими источниками. По мнению ведущего отечественного специалиста, в области устной истории И. В. Ребровой, «устные воспоминания – важный источник для реконструкции коллективной памяти о конкретном событии прошлого, и в частности Великой Отечественной войны. <...> Устные воспоминания спонтанны и „независимее“ письменных, потому что, когда человек берется за перо, в нем невольно начинают работать и редактор, и цензор (при этом цензура может быть не только политической, но и этической); у него возникает стремление выдержать свои воспоминания в определенном жанре, и он отказывается от многих «боковых» подробностей, между тем как одна такая деталь может очень ярко высветить эпоху» [16, с. 238]. Тем не менее, нужно понимать, что историческое интервью ограничено памятью рассказчика, и исследователь не сможет добыть интересующей его информации больше, чем помнит респондент, но устный историк может конкретизировать изучаемую проблему, переспросить или задать вопрос под другим углом.

3) Цензура фронтовых писем и внутренняя цензура авторов источников. Рассматривая содержание фронтовых писем, нужно помнить о военной цензуре в период Великой Отечественной войны. Во многих письмах закрашены географические названия, названия фронтов. Действия цензоров были направлены на недопущение утечки секретной информации и проникновения нежелательных настроений из фронта в тыл [2, с. 21]. Цензура влияла и на содержание писем. Солдаты не могли писать подробно о своём быте, страхах, о превосходстве противника (что было актуально в начальный период войны), поскольку это могло быть расценено как панические настроения, трусость [21, с. 146]. При этом, по мнению автора, не нужно забывать и о внутренней цензуре писем. Солдаты, писавшие с фронта своим родным и близким, старались их не расстраивать, преуменьшать степень опасности, вселить надежду родным на их возвращение домой.

Внутренняя цензура свойственна остальным видам источников личного происхождения. Различие в причинах самоцензуры. Как отмечает ведущий источниковед советской эпохи В. В. Кабанов, «...если уж кто-то взялся за перо, то читатель вправе надеяться узнать правду. Однако по меньшей мере три обстоятельства мешают авторам выполнить благие намерения. Во-первых, это память, которая с годами, увы, слабеет. Во-вторых, это особенности индивидуального психического склада, в силу чего человек помнит одно, и забывает другое. В-третьих, это особенности условий, эпохи, когда создавались мемуары. Эти особенности так или иначе, но обязательно накладывают отпечаток на мировоззрение автора, на степень правдивости, сокрытия или искажения тех или иных фактов. Вообще-то, это свойство всех мемуаров, но мемуаров советской эпохи особенно» [4, с. 634]. Это относится как к воспоминаниям, так и к устным историческим источникам. С годами человек забывает имена, даты, какие-то события, но у мемуаров есть преимущество над так называемыми «синхронными» (то есть создавались в одно время с историческими событиями) документами личного происхождения (письма, дневники) – время. «Большое значение имеет время, прошедшее со времени события до повествования о нем мемуариста. Чем длительнее временное расстояние, тем большая вероятность искажения, утраты деталей, фамилий действующих лиц и т. д. Вместе с тем временная дистанция дает возможность спокойнее и объективнее оценить прошлое, более взвешенно расставить акценты, выделить из частного главное и т. д.» [4, с. 636].

Прежде чем перейти к анализу источниковой и методической ценности устной истории, обратимся к характеристике каждого вида группы документов личного происхождения, чтобы попытаться в контексте рассмотреть данную проблему. Фронтовые дневники и письма более субъективны, чем воспоминания, но они ярче несут в себе след и дух исследуемой эпохи. По мнению ведущего отечественного источниковеда А. К. Соколова, «в дневниках почти нет ошибок памяти, и одна из ключевых в структуре источниковедческого анализа проблема датировки не стоит столь остро. <...>

Ценность их по сравнению с мемуарами заключается также в особенностях воспроизведения событий. Они отмечены печатью злободневности, обостренности эмоционального восприятия» [6, с. 329–330]. Крупнейший отечественный специалист по изучению эпистолярного жанра Е. Н. Марасинова обосновывает достоинства писем как источников для исторических исследований по сравнению с другими документами личного происхождения так: «Письма содержат информацию о таких явлениях человеческой психологии, которые менее отчетливо и полно отражены в других источниках личного происхождения. <...> Письмам же присуща быстрота реакции, спонтанность формулировки важнейших для автора жизненных проблем, учет восприятий адресата и непосредственная ориентация на его личность» [13, с. 93].

Также стоит отметить, что меньше всего самоцензуре подвержены авторы дневников, поскольку в большинстве своем простые люди, ведущие дневниковые записи, не планировали их публиковать или другим способом отдавать на суд общественности. «В них авторы как бы „разговаривают сами с собой“ по поводу того, с чем им приходится сталкиваться в повседневной жизни. Психологи утверждают, что людям определенного типа просто необходимо „выговориться“, поделиться накопившимися проблемами и чувствами. Но довериться они могут подчас только бумаге, которая не предаст и, как известно, „все стерпит“, заменяя им терпеливого слушателя» [6, с. 330]. А. Г. Тартаковский характеризует особенности дневников как источников для исторических исследований по сравнению с другими документами личного происхождения, в частности с письмами: «Ведь содержание письма, всегда имеющего конкретного адресата-современника, „фильтруется“ отношением к нему автора. Давно подмечено, что к разным людям пишутся порой и разные по идейно-психологической окраске и по мере умолчаний письма. В дневнике же, веденном прежде всего для «самого себя», автор выражает строй своих мыслей и чувств, то, что знает об окружающем, гораздо полнее и откровеннее» [1, с. 3].

А теперь на конкретном примере рассмотрим особенности документов личного происхождения для изучения «антропологического содержания» Великой Отечественной войны. Ввиду обширности этой проблемы обратимся только к ее отдельному аспекту. Разные вопросы фронтового быта и источниковой ценности эго-документов о Великой Отечественной войне уже рассматривались автором [8–12], но комплексного анализа военной повседневности на основе всех видов источников личного происхождения, выделяемых современной наукой, не производилось.

Как было сказано выше, фронтовые письма, дневники и воспоминания участников войны позволяют реконструировать бытовые условия жизни солдат. Фронтовой дневник С. Я. Беседина, использованный в данном исследовании, хранится в архивном отделе администрации Панкрушихинского района Алтайского края. Дату начала ведения дневника установить невозможно, поскольку первые страницы отсутствуют. Записи начинаются с 13 октября 1941 года, а последняя запись датируется 28 июня 1946 года. Его автор – Сергей Яковлевич Беседин – служил в артиллерии, младший политрук (лейтенант), на фронте вступил в ВКП(б), награжден орденом Красной Звезды.

Этот дневник является ценным источником по описанию боевых действий, фронтовых будней. Если судить по количеству фиксаций, довольно важное место в дневнике занимает описание бытовых условий, нехитрого солдатского досуга. 20 октября 1941 г.: «Уже телефонист. Сапоги отдал к-ру взвода. В хим. чулках. Сижу в окопе на передовой позиции»¹. 21 октября 1941 г.: «Отошли с боем за Чалтырь. Противник подошел к минному полю. Ребята не теряются, привезли по 200 гр. водки. Выпили.

¹ Архивный отдел администрации Панкрушихинского района Алтайского края. Ф. 109. Оп. 1. Д. 15. Л. 2 об.

Чувствуем себя превосходно»¹. 20-24 декабря 1941 г.: «Живем на ст. Синявка. Очень много работ, да и спирту достали немало»². Январь – февраль 1942 г.: «28 февраля получили подарки от трудящихся Азербайджана: Папиросы, печенья, сушеные персики и бутылки вина. Крепко выпили и закусили»³. Записей об употреблении алкоголя в источнике всего девять. Если учесть, что дневник охватывает период в почти пять лет, то возможно предположить, что офицер С. Я. Беседин и его товарищи не так часто могли позволить себе спиртное. По мнению автора, употребление алкоголя являлось для них своеобразным отдыхом, способом отвлечься от экстремальной военной повседневности, выделялось среди фронтового быта, поэтому Сергей Яковлевич фиксировал эти события.

Довольно часто автор описывает автор дневника описывает погодные условия, что позволяет судить о важности их для С. Я. Беседина. 14 октября 1941 г.: «Утро. Небольшой туман. Разъясняется»⁴. 7 ноября 1941 г.: «Идет сильный дождь. Ночь. Промокли насквозь. Забрался под овечью шкуру»⁵. 7 марта 1942 г.: «Сильный буран (вьюга). Занесло блиндаж. Чуть не задохнулся от порохового дыма, который шел из печки. Насилу выбрался из окопа, лежал сверху минут 20 на снегу»⁶. В последней цитате автор невольно описывает и свое фронтовое жилище. Данные записи ярко характеризуют, несмотря на свою лаконичность, и погодные условия, при которых приходилось воевать, ночевать под открытым небом красноармейцам и их непосредственным командирам; и суровый фронтовой быт, и простые солдатские радости.

Важными источниками для изучения военного быта являются фронтовые письма. В данной статье автор обращается к коллекции (около 600 единиц хранения) солдатских писем периода Великой Отечественной войны военно-исторического отдела Алтайского государственного краеведческого музея. Некоторые из этих писем частично или полностью были опубликованы в научных журналах и сборниках⁷. Так же, как и С. Я. Беседин в своем дневнике, авторы писем довольно часто обращаются к описанию деталей своего быта: «Я тебе писал, что живу хорошо. Что я могу сказать кроме этого? Но, однако ты не знаешь, что значит это хорошо. Вот, например, сейчас пишу письмо в «комнате», которая представляет из себя растянутую палатку в 3 метра. [Посуду] замещает термос, в котором носили суп и кашу. На воле дует ветер, метет снег. Что еще можно сказать? Для тебя все ясно. И вот в такой обстановке прожить чуть ли не 3 года!»⁸ – описывает свой фронтовой «дом» командир отделения разведки А. А. Архипов в письме к своей возлюбленной от 1 апреля 1944 года. Как мы видим, условия проживания мало отличаются от того, что описывал С. Я. Беседин.

Солдатские письма являются ценными источниками для изучения погодных и природных условий во фронтовой и прифронтовой местности, так как это, по мнению автора, тоже является составляющими

¹ Там же. Л. 3.

² Там же. Л. 9 об.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 1. об.

⁵ Там же. Л. 3. об.

⁶ Архивный отдел администрации Панкрушихинского района Алтайского края. Ф. 109. Оп. 1. Д. 15. Л. 7

⁷ Альбом-каталог «Жди меня... Солдатские письма Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: Барнаул: Алтапресс, 2015. 224 с.; Письма с фронта любимым: сборник писем и воспоминаний военных лет / сост.-ред. Г. Н. Белоглазова: Барнаул: А. Р. Т., 2007. 384 с.; Эк-замен на жизнь. Письма Героя Советского Союза И. Т. Гулькина. 1941-1945 гг. // Краеведческие записки: 2005. Вып. 6. С. 18-38.

⁸ АГКМ. ОФ. 16682/72.

военного быта, влияло на физическое и моральное состояние бойцов: «Погода здесь стоит неважная идут часто дожди. Ночью холодно, одни болота, да проклятые комары. В несколько раз хуже, чем наша Сибирь. Даже и сравнивать нельзя»¹, – пишет матери 2 июня 1943 года командир пулеметной роты старший лейтенант Александр Павлович Баталов. Также в письмах солдат присутствует описание сел, через которые проходило их подразделение: «Природа хорошая, у каждой деревни в садах имеются яблоки, груши, вишни <...>. Из огородных культур родится все, что и у нас, за исключением арбузов и дынь. Огурцы пустили по третьему листику, всходит картофель <...>. Жители здешние живут хорошо. У большинства есть мясо, масло, сало и др. <...> Что мне не нравится в этой обл. это почти в каждой хате, в каждом доме земляной пол. Сами хаты есть деревянные, глиняные, некирпичные. Сам народ хороший, вежливый»², – пишет родным в письме от 21 июня 1942 года старший лейтенант Илья Захарович Шуклин. Офицеры невольно сравнивают климат, материальную культуру жителей Сибири и Европейской части Советского Союза, что объясняется различием в условиях проживания, а также тем, что они впервые побывали так далеко от малой родины, увидели новое и непривычное.

Фронтовые письма также дают информацию о солдатском досуге, который является частью военного быта: «Свободное время, которое бывает только ночью, а когда и вечером, использую, когда как. Вчера, например, мой заместитель по н/ч получил хорошую посылку от девушки из тыла, где было горячее, и мы на помин души заправились немножко, и время прошло у нас весело»³, – описывает родным свой отдых все тот же И. З. Шуклин в письме от 17 мая 1943 года. Помимо рассказов о своем досуге солдаты отмечают самую экстремальную обстановку его проведения: «Играет баян, а под звуки баяна рвутся мины и снаряды. Но люди привыкли, они верят в победу. А привычка здесь играет большую роль. Вспомню, первый раз пошел в бой, было как-то не по себе, т. е. страшновато. А сейчас как будто, так и надо»⁴, – пишет матери 27 июня 1943 года А. П. Баталов.

Вероятно, описание фронтового быта, окружающей природы и климата, досуга позволяло солдатам не только удовлетворить свою потребность в общении с родными и близкими, но давало возможность отвлечься от экстремальной военной действительности, выступало своего рода психологической разрядкой.

Важными документами, описывающими военную повседневность, являются воспоминания (мемуары) участников войны. В данной статье автор обращается к мемуарам Бориса Тимофеевича Терещенко «История одной семьи», которые представляют собой 101 страницу формата А4, набранную на печатной машинке. В настоящий момент воспоминания Б. Т. Терещенко хранятся в Романовском районном краеведческом музее, а также их копия в Архивном отделе администрации Романовского района. Автор в конце работы сам указал годы создания мемуаров – май 1987 – май 1993 гг. Борис Тимофеевич Терещенко родился 23 октября 1926 года. 5 декабря 1943 года был призван в РККА. В июне 1944 года Б. Т. Терещенко попал на Карельский фронт, воевал против финнов, служил в разведке. После выхода Финляндии из войны в августе 1944 года дивизия Бориса Тимофеевича была переброшена в Польшу, на Первый Украинский фронт, где при выполнении очередного задания 22 января 1945 года группа разведчиков, в которой служил автор воспоминаний, попала под обстрел, и

¹ АГКМ. ОФ. 16177/18.

² АГКМ. О. Ф. 14154/35.

³ АГКМ. О. Ф. 14154/47.

⁴ АГКМ. О. Ф. 16177/21.

Борис Тимофеевич был ранен, и на этом, как он пишет, «лично для меня была закончена война»¹.

Важное место в «Истории...» занимает описание непривычных климатических условий и природы, а вследствие этого адаптация жителя Алтайского края к реалиям Карельского фронта: «Думаю, что мои воспоминания будут не полными, если я в нескольких словах не опишу природу того края, в которой волею судьбы мне пришлось оказаться. Прежде всего эта местность лесистая, можно сказать таежная, усыпанная сплошь и рядом валунами различных размеров. Сам лес изобилует разными породами деревьев. Здесь были сосны и ели, лиственница и береза, осинник и какой-то кустарник, все это вместе с бесчисленным буреломом и валежником создавали впечатление непроходимости. Если сюда же прибавить множество болот, речушек и озер, то без навыка и тренировки сложно пробраться сквозь эти естественные преграды. Лес щедро одарен брусникой и клюквой, черникой и голубикой, лесной земляникой и видимо грибами. Все эти земные дары природы потом нам служили хорошей подкормкой, а пока что нас расположили на этой поляне, где не присесть, не прилечь нигде. На валунах холодно, на земле сыро. Стоит носком сапога ковырнуть землю, как через несколько минут ямочка полностью заполняется водой»². По мнению автора, несмотря на описание трудностей, в словах Бориса Тимофеевича проскальзывает уважение к одновременно суровой и богатой северной природе. Если поначалу для неопытного молодого разведчика такие условия были тяжелым испытанием, то затем он сам отмечает, что «все эти земные дары природы потом нам служили хорошей подкормкой»³. То есть после адаптации к реалиям Карельского фронта бойцы смогли особенности местности обратить в преимущества для них.

Особняком среди документов личного происхождения стоят устные исторические источники. «Под «устным историческим источником» автор понимает исторический документ с информацией, полученной методом интервью, должным образом зафиксированной и задокументированной. Он отличается от традиционных «устных источников». Если «устные исторические источники» создаются исследователями на основе разработанных опросников в рамках научных программ по изучению коллективной/индивидуальной исторической памяти участников и очевидцев исторических событий, то «устные источники» – это мифологизированная информация, существующая в исторической памяти общества в готовой форме – в виде тех или иных жанров устного народного творчества, передающаяся из поколения в поколение» [25, с. 310]. Устноисторические исследования в АлтГПУ ведутся сектором этнографии и устной истории при лаборатории исторического краеведения с 1990 года. Автор участвует в работе данного сектора с 2009 года. За это время было опрошено 60 респондентов – участников Великой Отечественной войны, что дает основание сделать некоторые выводы и обобщения по исследуемому вопросу.

Использование метода устной истории позволяет расширить и конкретизировать круг тем, касающихся фронтового быта. Автором задавались вопросы об обмундировании, условиях питания, ночлега, санитарии, взаимоотношений солдат и офицеров, мужчин и женщин на фронте, восприятия противника и др.

Так, материалы интервью позволяют не только реконструировать обмундирование солдат Красной Армии (это позволяют сделать вещественные источники), но и определить его качество и удобство в оценках бойцов: «Обмундирование было обыкновенное, хлопчатобумажное. Брюки и гимнастерка –

¹ Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. 62. Оп. 1. Д. 43. Л. 78.

² Там же. Л. 56.

³ Там же.

зимнего не было. Всё время в этом. Ну, зимой только теплое белье. Шапка, рукавицы с одним пальцем и сапоги кирзовые, а зимой давали валенки. Один белый, другой серый. И шинели по праздникам давали, а то в основном в фуфайках, зимой и летом. А вообще, обмундирование удобное было»¹, – описывал обмундирование солдата РККА пехотинец С. К. Шинкоренко.

Устная история дает нам источники, освещающие проблему обеспечения питанием на фронте. Алексей Павлович Антонов (служил водителем, возил пушку) рассказывал: «Когда кормили, когда и не кормили. То кухню разобьют, то не доедут. Или машину подобьют, или не могут доехать до передовой. Питались, чем могли»². В экстремальных условиях военной повседневности перебои с доставкой пищи на передовую были нередким явлением, что отмечалось большинством респондентов.

Важным вопросом военно-исторической антропологии являются условия проживания и ночлега на фронте, которые влияли на физическое и моральное состояние бойцов. Василий Михайлович Гилёв (на фронте был снайпером) вспоминал: «Всяко приходилось, вот наступление, в окопах прямо спали. Вот. Ведь не пойдешь куда-то ночевать, когда идет фронт. Вот. Бой идёт. Всяко приходилось. Где согнешься маленько вздремнёшь, но когда наступление, там какой сон? Там до тех пор идёшь, пока... не остановишься. Всяко. Там такого сна, конечно, хорошего не было. Кругом, если в наступление, кругом грохочат пушки, снаряды рвутся, так что тут не до сна было. Когда если сильные бои дак... Вот»³. Данное высказывание подтверждают и другие респонденты: «Мы же редко в домах спали, а то или в машине, или на земле. Одна шинель. Больше ничего не было»⁴.

Материалы интервью позволяют осветить проблемы санитарии и личной гигиены на фронте. Она имеет несколько нюансов. Во-первых, различалась частота мытья солдат в зависимости от времени года. Если респондент служил в тёплое время года, то эта проблема не стояла так остро: «Летом уже сами на фронте, где вода рядом, освободился немного, побежал искупался»⁵, – говорил А. П. Антонов. Но тот же Алексей Павлович заметил, что «зимой умыться воды не было». Другие опрошенные ветераны, воевавшие в холодное время года, подтверждают слова А. П. Антонова: «Ничё мы не умывались [зимой]. Снегом вот так, снегом»⁶.

Во-вторых, частота мытья зависела от стратегической обстановки на фронте. Если армия стояла в обороне или готовилась к наступлению, то у солдат было время для обустройства быта: «Одну баню мы сами срубили. В Польше стояли, готовились к наступлению. Там долго стояли, месяца два, наверное, и срубили сами солдаты баню и мылись»⁷. При этом Алексей Павлович отметил: «В бане мылись, наверно, два раза с 43-го года и пока война не кончилась, я два раза в бане мылся»⁸. Л. Я. Кобков сделал аналогичное высказывание: «Вшей кормили, вы знаете, как? По полгода в бане не

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2011 г.: Волчихинский район, с. Волчиха, Шинкоренко С. К. 1924 г. р.

² Личный архив автора. Антонов А. П. 1925 г. р., с. Горьковское, Шипуновский район.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г.: Ельцовский район, с. Ельцовка, Гилёв В. М. 1926 г. р.

⁴ Личный архив автора. Антонов А. П. 1925 г. р., с. Горьковское, Шипуновский район.

⁵ Личный архив автора. Антонов А. П. 1925 г. р., с. Горьковское, Шипуновский район.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Гилев Лог, Несин Г. Г. 1924 г. р.

⁷ Личный архив автора. Антонов А. П. 1925 г. р., с. Горьковское, Шипуновский район.

⁸ Личный архив автора. Антонов А. П. 1925 г. р., с. Горьковское, Шипуновский район.

мылись»¹.

В-третьих, сама процедура мытья проходила организованно и во время отвода частей с передовой на отдых. В. Т. Фурсов рассказывал: «Баню нам устраивали как. Бочку согреют с водой. Сделают такое помещение палатками, брезентовый материал. Обтянут. Там дают несколько ковшей воды. Помоемся»². Но следует сказать, что сами информанты не считали полевую баню «баней» в полном смысле этого слова: «Там давали нам по 2 котелка воды – 4 литра воды. Чё ты там вымоешься? Намочил голову и всё»³.

На основании анализа материалов интервью с участниками Великой Отечественной войны автор приходит к выводу о большом количестве вшей у солдат на передовой. Ярко иллюстрирует количество вшей у фронтовиков высказывание А. П. Пожарского: «Меня, когда ранило... Приехал в госпиталь, заставили раздеваться. Как глянул!.. полно сидит! Рубца не видать. Много вшей было»⁴. Как отмечают респонденты, в основном вшей уничтожали во время мытья солдат в бане: «Мы пока моемся, вся одежда в другой бочке прожаривается»⁵. Л. Я. Кобков охарактеризовал уничтожение вшей так: «Вшей уничтожали самосудом»⁶, то есть либо солдаты их сами давили, либо выжаривали, когда устраивали баню.

Историческое интервью является ценным источником для изучения взаимоотношения рядового и командного состава армии, а также отношения солдат между собой в годы войны. Старший сержант В. Т. Фурсов, командир минометного отделения, а впоследствии в период Корейской войны ставший офицером, описывает взаимоотношения солдат между собой и с офицерами в военной действительности так: «Привыкнуть – привыкли. К тому привыкли, что знаешь нет выхода. Что командир говорит, то и делай, иначе плохо будет и тебе, и подразделению. Знаешь, что никуда не денешься. Надо идти. Получил приказ, не было такого: «Я вот не могу». Таких вот случаев у нас не было, чтобы кто-то отказывался выполнять задание более сложное. «Я не могу автоматчиком быть». Если обстановке нужно снайпера, значит, из всех, кто хорошо стреляет, тебе повезло, будешь снайпером. Или какое-то задание выполняет, где надо какие-то знания и военные, и сноровку, и сообразительность, таких людей подбирают. Старичков старались не загружать. Ведь среди нас были и пожилые. Мы старались их не загружать. Что требует больше физической силы – молодежь»⁷.

Интерпретация П. А. Спиридонова (рядового на момент войны), участника Курской битвы, несёт аналогичный смысл: «Тогда не было разницы: казах, азербайджанец, татарин, русский – все были одинаковые. Наоборот какое-то единение было, общая цель – разгромить врага. У нас командир роты был казах, и все к нему также относились, как и ко всем остальным. Уважали мы его очень»⁸.

Сложным и противоречивым для изучения является вопрос восприятия противника солдатами

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Романово, Кобков Л. Я. 1924 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2009 г.: Павловский район, с. Павловск, Фурсов В. Т. 1924 г. р.

³ Личный архив автора. Антонов А. П. 1925 г. р., с. Горьковское, Шипуновский район.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Романово, Пожарский А. П. 1926 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2009 г.: Павловский район, с. Павловск, Фурсов В. Т. 1924 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Романово, Кобков Л. Я. 1924 г. р.

⁷ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2009 г.: Павловский район, с. Павловск, Фурсов В. Т. 1924 г. р.

⁸ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Егорьевский район, с. Новоегорьевское, Спиридонов П. А. 1924 г. р.

Красной Армии. Ярже характеризует отношение к врагу у красноармейцев слова В. М. Гилёва: «Конечно, были озлоблены все на противника. Противник есть противник. Но какое ему уважение? Тут никак не припишешь. Тут наоборот. Вся злость выливается в противника. Стараешься, думаешь: «Вот бы задавил бы тебя, но...». Конечно, как выразить чувства к противнику? Плохое, отвращение к противнику»¹.

Меньшая часть опрошенных видела в противнике человека такого же, как они сами. «Жалко было иногда. Мы считали фашистов ненавистниками людей, а они – многие простые труженики. Взяли его, послали, дали винтовку. Иди стреляй. Это твой враг»². На вопрос: «Как вы относились к противнику?» – П. С. Корольков ответил: «Как сказать? Если б вот сказали: «Что вы хотите? Воевать или не воевать?» Естественно, и японцы сказали: «Мы не хотим воевать». У нас тоже такое было. Война – это смерть, смерть обоюдная. Понимаете? Но панибратства, конечно, не было никакого. Какое может быть панибратство, если ты с оружием, и он с оружием. Там или он тебя, или ты его сшибёшь. Вот закон. Вот всё. Шо больше?»³ Но нужно отметить, что Пётр Степанович воевал не с немцами, а с 1940 по 1945 год находился на границе с Маньчжурией и был участником Дальневосточной кампании, поэтому и восприятие противника у него было несколько иным [7].

Дальневосточная кампания 1945 года стоит особняком в смысле бытовых особенностей, так как она проводилась в непривычных для русской армии климатических условиях. Ранее приобретённый на Халхин-Голе опыт в аналогичной природно-климатической ситуации не был в достаточной мере учтён, с которой пришлось столкнуться советским войскам на ряде участков боевых действий в Дальневосточной кампании 1945 года [20, с. 167–168]. При переходе через пустыни Маньчжурии одной из главных проблем оказалась нехватка воды. В качестве конкретно-документального устного источника можно рассматривать интерпретацию артиллериста П. В. Прозорова: «Воды не было. Идём все (трусов не было, только кальсоны были с завязками) в кальсонах, каска на голове. Ну, оружие при себе – остальное бросали. А сзади машины идут, трофейными их называли, подбирают всё, что солдаты бросали... У нас паёк сухой дали и всё. И дали-то селёдки, сухарей и сахара»⁴. Это позволяет сделать вывод, что наряду с основным врагом – Квантунской группировкой – для советских солдат трудности создавала сама природа. Существовала проблема неподготовленности самих бойцов для войны в непривычных климатических условиях, что наиболее полно можно увидеть с помощью интервьюирования участников изучаемых событий.

По мнению отечественного специалиста, в области устной истории Т. К. Щегловой, особенность устного исторического источника состоит в том, что он содержит двойную информацию: фактологическую и оценочную [28, с. 42]. «Устный источник, „говорящий" от народа, принципиально отличается от архивных источников, говорящих языком властных структур: анонимно и унифицировано. Он одновременно и индивидуален, и объективен в силу своей субъективности, так как отражает видение прошлого конкретным человеком, излагающим свой прошлый жизненный опыт и свою правду жизни, которые можно интегрировать в "макроисторию"» [24, с. 77].

Необходимо подчеркнуть, что главная ценность устных исторических источников заключена не в фактологической информации, которую он даёт, а в оценках, представлениях, различного рода

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г.: Ельцовский район, с. Ельцовка, Гилёв В. М. 1926 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2009 г.: Павловский район, с. Павловск, Фурсов В. Т. 1924 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Егорьевский район, п. Перешеечный, Корольков П. С. 1920 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Панкрушихинский район, с. Панкрушиха, Прозоров П. В. 1926 г. р.

психологической, ментальной, культурной информации. «Субъективность источников, созданных в процессе устной истории при разработке тем, связанных с воссозданием атмосферы исторической эпохи, её фона, являются необходимым, а порой и единственным их свойством, которое позволяет решать поставленные исследовательские цели» [5, с. 85]. В целом, если давать характеристику устным историческим источникам, стоит отметить, что прежде всего выделяется хронологическая ограниченность оценок и описания прошлого собственным эмпирическим опытом респондента, но данная особенность присуща и другим видам документов личного происхождения.

Устная история как метод и источник является перспективным, постоянно развивающимся направлением исторической науки. «В этом смысле методы и источники устной истории открывают новые перспективы для отечественной исторической науки. Устная история разрабатывает на основе опросных технологий методику извлечения информации у ее носителей, ее фиксации, оформления и интерпретации. А благодаря лингвистическому перевороту у историков расширились возможности работы с разного рода текстами и устной информацией. Устная история апробирует методики работы, например, с латентной информацией, успешно использует контент-анализ и другие пути проникновения в глубинный смысл получаемых текстов» [26, с. 383].

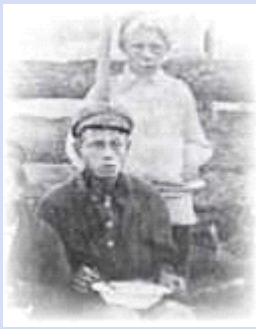
В завершении нужно сказать, что автор нисколько не умаляет источниковую ценность фронтовых дневников, писем, мемуаров участников для изучения «антропологического содержания» Великой Отечественной войны. Каждый вид документов личного происхождения имеет свои характерные черты, что и определяет его значимость для исследования тех или иных вопросов и проблем, связанных с военной историей, психологией, повседневностью. Если говорить о состоятельности устной истории как метода и источника для военно-исторической антропологии, нужно помнить об их особенностях. Устная история как метод и источник позволяет расширить сформированное представление о войне, увидеть ее многогранность, наполнить «человеческим содержанием» архивные документы изучаемого периода, конкретизировать и углубить некоторые вопросы военной повседневности. «С помощью устной истории мы узнаем людей такими, какими они сами представляют себя, мы видим вещи (конкретные предметы, события, места) через внутреннее мировосприятие каждого человека как непосредственного участника исторического процесса» [23, с. 20].

Список литературы

1. 1812 год... Военные дневники / сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского: М.: Сов. Россия, 1990. 464 с.
2. Варшавский Д. И. Мемуары, дневники и письма как исторический источник в вопросе изучения фронтового быта советских солдат в Великой Отечественной войне // Вестник МГОУ: 2012. № 4. С. 18–22.
3. Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории: М.: Академия, 2012. 464 с.
4. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: М.: РГГУ, 1998. 702 с.
5. Егорова В. Ю. Путь женщин во власть (по материалам устной истории) // Исторический ежегодник. 2008. Выпуск 2. Историография. Источниковедение. Методы исторического исследования: Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С. 82–91.
6. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник / Под ред. А. К. Соколова: М.: Высш. шк., 2004. 687 с.

7. Кузнецов А. С. «Образ врага» у ветеранов Второй мировой войны на германском и японском фронтах: особенности и отличительные черты (по устным историческим источникам) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9. Павлодар: ПГПИ, 2014. С. 162–167.
8. Кузнецов А. С. Воспоминания о Великой Отечественной войне как часть историко-культурного наследия: на примере воспоминаний Б. Т Терещенко // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 224–228.
9. Кузнецов А. С. Образ врага в документах личного происхождения: на примере сравнения источников о Великой Отечественной войне // Сибирь в годы Великой Отечественной войны: Новосибирск: Институт истории СО РАН, Параллель, 2015. С. 153–160.
10. Кузнецов А. С. Устные воспоминания ветеранов как источник по изучению истории Великой Отечественной войны // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история). 2011-2012 годы. Вып. 8. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 173–178.
11. Кузнецов А. С. Устные воспоминания как источник по истории культуры жизнеобеспечения сельского русского населения Алтая в годы Великой Отечественной войны // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII-XXI вв.): Новосибирск: Параллель, 2016. С. 57–61.
12. Кузнецов А. С. Фронтные письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета: 2016. № 4(68): С. 63–68.
13. Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. 460 с.
14. «Мы все войны шальные дети...»: дневники периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг: Саратов, 2010. 293 с.
15. Пушкарев Л. Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология: ежегодник. Предмет, задачи, перспективы развития: М.: РОССПЭН, 2002. С. 319–333.
16. Реброва И. В. Великая Отечественная война в памяти фронтового поколения: на материалах устных воспоминаний // Науки о культуре в новом тысячелетии: М.; Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. С. 237–241.
17. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографически заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
18. Сенявская Е. С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Минского университета: 2016. № 1–2. С. 14–25.
19. Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология: ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития: М.: РОССПЭН, 2002. С. 5–22.
20. Сенявская Е. С. Дальневосточная кампания 1945 года в сознании советских военнослужащих // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31). С. 165–176.

21. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества: М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
22. Стрекалова Е. Н. «Эмиссия» источников личного происхождения: к возможностям устной истории в исследовательском пространстве [Электронный ресурс]: URL: <http://dspace.nbuu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/71005/Strekalova.pdf?sequence=1>, дата обращения 15.11.2016.
23. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история: Пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.
24. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: Барнаул, 2008. 528 с.
25. Щеглова Т. К. Краеведение, музееведение и устная история – источники, методы и формы взаимодействия в отечественной практике в контексте государственной политики в XX – начале XXI века // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России. Омск: Наука, 2016. С. 308–312.
26. Щеглова Т. К. Система жизнеобеспечения и адаптационные практики сельского населения тыловой деревни Сибири на примере собирательства и ловчих промыслов: новые источники, методы и подходы // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: Казань, 2015. С. 379–389.
27. Щеглова Т. К. Устная история в XX столетии: метод, источник, направление исторических исследований или самостоятельная дисциплина? // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Барнаул: БГПУ, 2008. С. 246–254.
28. Щеглова Т. К. Устная история: Барнаул, 2011. 364 с.

РАЗДЕЛ II

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. УСТНЫЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- Вознюк Матрена Федоровна, 1928 г. р.
Елесин Александр Иванович, 1930 г. р.
Калмаков Иван Петрович, 1929 г. р.
Коровина (Кадникова) Екатерина Крысановна, 1937 г. р.
Коротких Евдокия Ильинична, 1932 г. р.
Лысенкова (Конищева) Прасковья Егоровна, 1929 г. р.
Овчарова Анна Федоровна, 1924 г. р.
Осокина (Белоногова) Татьяна Григорьевна, 1930 г. р.
Красноженова (Маркова) Пелагея Ивановна, 1930 г. р.
Усов Анатолий Андреевич, 1935 г. р.
Шинкевич (Ященко) Надежда Антоновна, 1925 г. р.
Штанько (Бучак) Мария Михайловна, 1930 г. р.
Яшина (Волошина) Александра Васильевна, 1925 г. р.

Вознюк Матрена Федоровна, 1928 г. р.

На момент записи интервью проживала в р. п. Благовещенка, Благовещенского района Алтайского края.

Родители – переселенцы из Украины, из Полтавы, переехали на Алтай в 1924 году. Сначала жили в посёлке Анисимовка, Суетского района, потом переехали в посёлок Владимир Ильич, Благовещенского района. В годы войны развозила почту, затем работала в колхозе на быках, была поваром в полевой бригаде. Отец погиб на фронте. Мать умерла 6 августа 1941 года. Во время войны в семье было 5 детей.

Интервью было проведено в сентябре 2015 г. Кузнецовым Александром Сергеевичем.

Во время интервью присутствовала дочь Матрены Федоровны.

И.: Представьтесь, пожалуйста.

Р: Фамилию и имя сказать?

И.: Да, да.

Р.: Вознюк Матрена Фёдоровна.

И.: А какого вы года рождения?

Р.: 1928-го года.

И.: А где вы родились?

Р.: Алтайский край, Суетский район, посёлок Анисимовка. А сельсовет забыла.

И.: А откуда родители ваши родом?

Р.: Мои родители... Бабушка и дедушка – украинцы. Отец с мамой тоже. Они хохлы.

И.: А вот они когда в Россию переехали?

Р.: Когда в Россию переехали. Не знаю, когда. Но так, я знаю, бабушка рассказывала, что батька мой с восьмого года. Когда они переехали, батьке было лет, наверное, пятнадцать. Вот и считай. У них там, в Анисимовке не было поселка. А их много приезжало, с Полтавы там, да из всего. И вот они сперва построили на гриве такие саманные, а потом вот тут выкарчивали, где Анисимовка, ниже под оковок. И тут построилась большая Анисимовка. А потом эта Анисимовка-то разбежалась, переехала во Владимир Ильич, Благовещенский район. Не Суетский, а это Благовещенский.

Р2: Дед, получается, в 24-м году сюда переехал.

И.: А у вас какое образование?

Р.: Четыре, четыре класса. Раньше учили, а тут война-зараза. Батьку забрали, тут это, лагеря были у нас в Знаменке, и его, таких вот людей, как вот батька с восьмого, с двенадцатого года забирали. Наверное, на подготовку на какую, на месяц. А тут и война, и даже батьку не пустили в этот, домой. И сразу его погнали на фронт. Вот его забрали, а потом, в том же году, 6 августа у мерла и мама. А нас осталось пятеро. Я сама старшая, а то меньше, меньше. Сестра с 30-го, другая сестра с 33-го, третья сестра с 36-го и Ваня, братик, с 39-го. И мы все пятеро остались. У нас хозяйство осталось. Мама тогда работала, она тоже сирота. Батька был из батраков. Ну а потом... Потом, когда мама умерла, нас хотели. тогда в

детдом. Ну приехали, еще был дядька один, не, не один – два: Яким, Андрей, не было, а Моисей и Васька еще дома были. Вот они похлопотали, чтоб забрали нас из детдома. А у отца мать еще была живая. Она говорила, чтобы нас забирали. Они брали только маленьких, а меня и Настю не брали. Я с 28-го, она – с 30-го. А эти маленькие вцепились, чтоб я их не отдавала. И так мы отстоялись. Но тут нам бабушка помогала так батина. Ну, как помогала? Придёт, заставит нас то, то, то. Ну, мы зиму перезимовали, я никуда не ходила. А потом они меня сразу заставили. То почту возила зимою, год, наверное. А потом на быках работала. А там Галя все записывала, там взял, да почитай.

И.: Нет, нам от вас интересней послушать.

Р.: А-а. Ну и вот. Потом я уже стала на быках работать. Во-от.

И.: Это вам сколько лет уже было?

Р.: Уже, наверное, когда на быках работала, уже, наверное, 15-й год был. Ну, а чё? Я была маленькая, худенькая. А там надо пару быков. Не подыметь. А у нас там был с 25-го старший парень, он здоровый был, а только слепой, мало видал. И вот над нами его поставили, нас было четыре. Парни волокуши тягали, а бабы скидывали. Ну и чё? Он нам помогал запрягать и всё. Станем отдыхать, а босые, голые. Станем отдыхать, а там недалеко и околочки были. Но подойдет, быка в ухо как крикнет: «Ззззззззз», – и быки помчались, а мы босиком по стерне летаем. Ну чё? Обзываем его, плачем. А он: «Будете обзывать – я не буду вам помогать». Всё. Так и подчинялись, а потом уже пахать стали. Возить, аж в Славгород возили пшеницу, туды. Ну там нам дедушка Захаров Миша, был старый, нас закрепили четыре, а он пятый. И возили. Он старый был. И вот едем, 2 дня едешь в Славгород на быках. Вот так вот и возили.

Р2: 100 километров.

Р.: А?

Р2: 100 километров от нас до Славгорода.

Р.: Я не знаю, а может быть и больше. Сдадим и опять назад вот так. А детей тут бросала. Но мы, правда, это, мама нас учила, мы знали уже, и корову доить, и все. У нас были бараны, была корова, вот это мы всему, много – спасались. Я не знаю, раньше что-то и картошка не уродилась. Одно и другое, что мы, это, сами были. У кого там дед или че, так они хоть пахали, а мы два года не по паханому, а не по паханому какая тут картошка? Ходили, собираешь весной по совхозному, а он это, мерзлый, а надо же кормить. И натрешь это на терку, это мерзлое, и испекешь лепешек, такие, что страшно и глядеть. Но надо жить. Ну нам давали, наверное, на месяц то ли 12 кг картошки. И то хоть бы муку или пшеницу. Но у нас там два деда, сильно нас жалели, прямо как родные были. Сделали нам вертушку такую, пенек. На пенек набили чугуна¹, тогда чугуны были. И вот верх и низ оббили кругом, ободрали на кашу. Колоски ходили красть ночью. А там был один, сторожем поставили, объездчиком. Ну ходили, один мужик пошел по колоски, а он его застрелил. Мы боялись. Там одна бабушка хорошая была, она говорит: «Я его заговорю, и он не приедет до нас». Ну и мы пойдем с сестрой с меньшею, нарежем. Придем, пошелушим, проведем, и вот каша. Прожили. Дождались батьку. У бабы было их пять хлопцев. Андрея убили, Ваську убили, Якима убили, а Моисей и батька пришли. У ней было 14 детей, но они поумирали еще это, по 14, по 6, тогда ж карлатин ходил, ну лихорадка тогда, а их вот умерло. А потом уже, когда батька пришел. И то, все идут, идут, а его все не отпускают. Все держали. Он был связистом, и вот где столбы там, его ставили. И вот он прибыл у нас, война кончилась в мае, а он пришел, наверное, в феврале. Пришел, че, а женился. Взял молодую мачеху. Мы тут быстро разбежались. Нам

¹ Чугун, чугунок — металлический горшок.

Бог дал всем пары. Девки замуж вышли. Иван, это самый меньший, там у мачехи, у батьки жил, так настрадался тоже. А я эту самую меньшую, ей с 36-го года, замуж вышла и ее забрала. Она у меня жила до, 21-й год ей был, потом она вышла замуж. Ну она мне много помогла, я, когда детей рожала, там сколько пройдет, оставляю ей, а сама работаю, вот. А мужик инвалид. А че, выжили. Все повышили замуж, все. Дал Бог. А потом раз, и всех. У этой, самой первый помер мужик, у самой меньшей с 56-го. Помер он в 70... в 80-м. Потом у брата померла в 80-м, а у меня и у другой сестры в 81-м. И вот знаешь, Мишка умер у сестры 4 июня, а мой мужик 8-го, через 4 дня. И вот мы все пооставались. Замуж никто не пошел. У меня пятеро детей. Ну правда, мужик жил, пока это, эти уже определились, самый меньший вот у нас, он сейчас в Суворовке председатель хозяйства или кого он. Он учился, техникум кончил, учился в институте в.

P2: В Омске.

P.: В Омске. Приехал, когда батьку хоронить: «Всё, не буду учиться». Раскричался – не буду, мол, а денег нету, там у батьки копейки были, я тоже хочу свадьбу, как тех ты женила. Ну этот с 54-го у меня сын. У меня уже один сын помер с 47-го, а этот старший сын пришел, ему поддал хорошо: будешь, говорит, учиться. Мне надо, чтобы помогали. А тогда какая пенсия? Я заработала, была продавцом, пошла у этой, на пенсию, когда продавцом была. И всего заработала 60 рублей. Тогда какая пенсия была – 60 там с копейками. Ну уже договорились. Его послали от совхоза учиться на старшего агронома. Я эти 60 свои отдала да его 40, посылала ему в месяц, че он приезжал. Он там подрабатывал. А сама уже скотину держала, а потом пошла в школу кочегаром: зимой кочегарю, а летом у людей молоко принимаю. Приму такой большой это, и фляги становлю, нарубаю это, а когда сын подсобит нарубить льда. Так вот жили, так и прожили. Так мы все ничего путевого не видали. Ни детства, ни молодости, ничего. Все пятеро. Так и прожили.

И.: А скажите, а вы помните день, когда война началась?

P.: Когда война началась, конечно, помню все, только знаешь, забыла, когда сказали, что война, мама сильно плакала, кричали все, плакали. Вот забыла, какого дня. Знаю, что в 41-ом. Вот. И так мама рано померла, батьку забрали, сколько она там прожила, батьку забрали, наверное, как война началась, как в мае.

P2: 24-го июня.

P.: А померла это, 6 августа. Вот сколько она прожила без его. Ну, прожили, выжили. А чё выжили? Всех Бог забрал, зараза.

И.: Скажите, а как питались в войну?

P.: Как?

И.: Как питались, чем питались в войну?

P.: О, господи. Я была кухаркой уже в последке в войну, как, сколько, мне уже тогда было 15. А знаешь, на быках тоже работала, на коровах там с одним дедом. Я была по это, он за плугом, а я корову веду. На своих даже нас заставляли работать, на коровах. Ну а потом за это, все пожалели, что мол которые без мамы, да без бабы, да с дедушкой мы на таких работах, а нас таких. Ну взяли, поставили меня кухаркою. А че там кухаркой? Просяников¹ задуть в этой, ну, людям. А он же, хлеб-то не держится, сделали такой, веса, покладешь и вешаешь. Да горох там, да что попало. Я там украду, да суп какой-нибудь. Ну, а

¹ Просяники — от слова «просо». Хлебный злак, из зёрен которого делают пшено.

молоко, правда, свое было. То молока, то сыр, то-то, то-то. Так и выжили. Все страдали. Не только мы и другие. Ну они хоть с мамами. А вы знаете, как жить без матери? Трудно. Ну выжили. Выжили, и сроду не думала, что я до сих пор буду жить. Мужик умер, я думала, я умру. А видишь, как пришлось. Уже иногда не охота жить. Ничего не сделаешь, сколько Бог дал, столько и живи. Сын средний говорит: «Живи! Сколько тебе отмерено, столько живи! Чужую землю не топчешь, а свою». Ну, конечно, надо жить. Что ж сделаешь? Живьем же не пойдешь. Хоть Бог дал дочек. Еще дочери есть. У меня 2 дочери. Одна где-то в Подмоскovie или в Москве, а тут тоже молодая, осталась без мужика. Так вот и живем. Как Бог даст, так и надо жить. Ниче не сделаешь.

И.: А вы поваром в колхозе, получается, работали?

Р.: Как?

И.: Поваром в колхозе работали?

Р.: Да, да. Тогда колхоз был, тогда за «палочки». Ну и это, самое меньшее у них, 1,25. Ну, нам писали. Я была в тракторной бригаде кухаркой, и такая же, как я, в полевой. И нам по трудодню по 25 писали. А что там трудодни давали? Ну, правда, пчелы были в том колхозе – меду там дадут за трудодни, там не знаю, сколько. Да, считай, за «палочки» работали. Тогда колхоз был, это уже совхоз, когда стал.

И.: А тракторная бригада – она где располагалась?

Р.: Кто?

И.: Тракторная бригада где располагалась?

Р.: Ну, располагалась, у нас был кульстан, это два кульстана. Ближний кульстан был, ну так, наверное, с километр, а дальний кульстан был 5 км. А знаешь, война была, а жито, рожь, сейчас «рожь» называем, а раньше жито, сильно хорошее было. И вот мы, когда косили уже, тогда уже было мне 15, 16-й, когда я бросила варить. Да тож возили в этот, в Славгород... Ну, когда ближний кульстан был, так тут и лучше было. А когда на дальний перегонят, то уже там пашут, сеют, там уже тогда трудней. Там уже когда и ночевать придешь домой, и то, когда остаешься, когда и нет.

И.: А что вообще из себя представляла тракторная бригада? Я про полевую слышал, а про тракторную не слышал.

Р.: Тракторная бри... ну у нас эти, два колесика – трактор, ну на нем работали женщины. Потом, наверное, два дизеля, тогда дизели их называли тогда. Тоже из Новоивановки была одна трактористка, да потом из Богословки тоже чужие. Потом был тоже чужой бригадир у нас. Вот это тракторная. И вот кормишь трактористов, комбайнера и водовоза, и подвозят этот, горючее на быках. Тоже такие пацаны, как я. Вот это была тракторная бригада. Полевая это вот, как тебе сказать, веют, сеют, на току работают, вот это полевая была. А это вот такая тракторная, где трактора, плуга, все это. Вот это тракторная была бригада.

И.: Ну, а там жили, в тракторной бригаде?

Р.: В кульстане? Кульстан назывался. Бригада, это был кульстан. Говорю, кульстан был ближний и дальний. Были там такой же, эт самое, сделано с пластов здания, построены нары, на нарах соломы, и во там дети, люди, это спали. Потому что надо рано же вставать, а домой же не будут бегать. И мы тоже, когда ночуем. А домой если пойдешь, так чуть свет надо бежать. Ну на ближнем кульстане легче было. Вот так и жили.

И.: А пласты – это.?

Р.: Резали пласты, так я сама так это, пластанку¹, когда с мужиком жили, делали. Пласты режешь, где вот трава, чтоб крепче были пласты. И вот режешь, как бы тебе так сказать, а потом кладешь один на один. Ну, не так, чтоб они завалились, а как-нибудь вот так.

И.: Как кирпичи?

Р.: Да. А потом мажем.

И.: А чем мазали?

Р.: Глиною. Как замесим, как базы². Я сама измачиваю, мачеха меня водила туды, где там легче. Месит эти формы, а я притаптываю, а пока она другую делает, я притопчу, досточкой поглажу, подымут, идут другую делать, а я опять. Ну, вот это саманные, а пластанные много людей делает, не только вот мы. Мы с мужиком поженились, и тоже такую сделали. А потом пошло, кто саманную, а кто камышовую. Стали камыш это, и вот камышовую сделают, подобьет погуще.

А глину месили: замес, глина, мелкая солома. И вот месили. Так же делали и саман, и так же делали мазать. Понял? Делали. Все делали.

И.: А вот в этом кульстане, получается, там кухня была, да?

Р.: Да. Вот как заходишь, и сразу кухня. А дальше туды такое большое здание, там нары. Нары поделаны с досок, потом соломы, и на соломе-то и спали. А все бедные были, так же на соломе спали, у кого была какая, так постелят.

И.: А мужчины и женщины вместе спали, получается, в одном помещении?

Р.: Нет, женщины не спали. А ну да, трактористы. Чужие были, спали, да. А там двухнарные были. Вот пацаны ниже, а вверху женщины.

И.: А вот, а что у вас на кухне было в этом кульстане?

Р.: Че на кухне было? Котел, котел мазаный, и в том котле варили. То суп гороховый, то там че дадут. Вот этот котел накрывался крышкою, печка, уже после войны так делали, да и в войну. Свиньям варят, такие котлы большие, да печка, так и там. Только котел был один, что трактористам давали, то и полевым. Но только, что трактористам, то они чужие были там трактористы, давали молоко еще. Вот приносили кой-откуда, а потом дали нам корову. А потом корова там зашла, и волки ее разодрали. Тогда волков было – страшно. Наверное, там война была, они все и сюды. По деревне даже ходили. Там одни пацаны нашли волчат, забрали в деревню, так они базу всю разодрали, пока наш председатель нашел этих волчат, да отнесли их. Придут в деревню, воют.

И.: А вот вы сказали, трактористы чужие были. Откуда они были, трактористы?

Р.: А вот просто вот, как тебе сказать, наша Анисимовка, а вот за 5 км Новоивановка, во оттуда были две трактористки, потом Богословка – 8 км, это оттудова было. На колесике были наши девчата, колесик был, называется, маленький трактор. Где дизель, так там два плуга по 4 корпуса, а где колесик, там только 4 это, один плуг. Ну пахали и сеяли, и все. А сеяли больше вручную. Старики вот,

¹ Пластанка — жилище из пластов дёрна.

² Как фундамент.

женщины. Тут ремешки повешают и сеют. Вот мы на коровах, на быках бороним, трактором мало, все на быках, да на коровах боронили. Лошадей че-то тоже мало было, я не знаю, че. Больше на быках работали. И вот воду возили, это уже после войны стали на конях, а то на быках все возили.

И.: А техника чья была, раз с нескольких сел люди работали, чьи трактора?

Р.: Это наши были, анисимовские. Тогда ж был колхоз. Наши, анисимовские, не чужие. Чужие только трактористы, потому что у нас не было людей, всех забрали на войну. А техника наша, хоть там и техники сколько, а все равно. Наверное, было два комбайна, да, два комбайна. А все равно успевали, но успевали как: косили, и много было, женщины...

Р2: Жали вручную.

Р.: В снопы вязали. А потом скидывали. Скидывали и зимою, когда не успеют это все, зимой комбайн подгоняли и вот, стоят, даже и нас посылали. Мы стоим на полку, развязываем снопы, а женщины туды в барабан. И вот так и молотили. Косили, шо комбайном, а шо вот лобогрейкою. На лошадях лобогрейка, и вот сидишь, лобогрейкой косишь, вот так вот валится, и потом женщины собирают и снопы крутят. Это лобогрейкой мы косили и снопы делали. Много лобогрейкой накосят, и вот клади стоят.

И.: А продукты, которые. из которых в бригаде готовили, откуда были продукты?

Р.: Наши, у нас была кладовая, в совхозе кладовая была. Там и горох, и чечевица была все, это выдавали оттудаво. Первые года вот, че-то не было муки, а все это, просянки, была своя кладовая. Председатель был чужой, че-то своего забрали, а вот чужого поставили. Там такой вредный дядька был. Держал колхоз, пока война кончилась. Война хоть и кончилось, так мало пострадали, все равно нежравши были. А сколько, там у нас один такой, что попересагал всех. Безжалостный был этот Голенко. Баба там одну, поллитра керосину взяла, и то два года дали. И батька пришел, его тоже чуть не посадили. Разгружал эту пшеницу из дальнего кулестана, ну за ночь до нас 5 км и до еще 2-7 км два раза съездить. А была мачеха. Ну, а я только замужем была. А у этого Голенка была жена, а его жена и моя мачеха – сестры. Ну, вот его загружали там, на дальнем кулестане, и он возил. Также был раненый и все, дак на быках работал. Ну когда везли, они возьмут, по ведру украдут. А мачеха знала, что у батьки недостача, и вот когда он хотел батьку посадить в тюрьму, а у нас овечки хорошие, а ему надо сбруи хорошие, и вот он пришел и говорит: «Я вам дам барана, а ты дай мне самую лучшую овечку, чтоб мне сбрую взять». А че, председатель же. А когда батька пришел, мы взяли, рассказали. А батька че-то разругался с ним. Говорил: «Ты моих детей дурил!». И вот разозлился, хотел посадить. И вот отследил мачеху и поймал ее с пшеницею. Ну поймал ведро, а батька не знал же, что у батьки берут, а у него там был такой начальник, что с ним дружил, с района. И мог посадить. А потом, когда их половили, она взяла всю правду сказала. Как брали, что на току не брали, а брали у батьки. Ну и потом суд был. Он думал, что их посадят. А тут еще был у батьки брат, он в милиции работал в Знаменке. У него был этот, не судья, а следователь или кто, знакомый. Ну и дали им по 8 лет. А это, ну не посадили, а...

И.: Условно?

Р.: Условно. Так и не посадили. Радовался, не посадили. Вот так. Так и прожили.

И.: А вот скажите, а что в войну на огороде садили?

Р.: На огороде? Ну че? Кто дома женщины, и мы там кое-что садили. Картошку также садили, помидоры, все. И бабушка наша садилась, ну и нам мама помогала батина.

И.: А на зиму какие-то заготовки делали?

Р.: Ну, раньше ж не делали такие, как сейчас. Раньше делали, знаешь, как, огурцы там, помидоры, были бочки, в бочке солили. Капусту, все, все, все. В бочках и в погребе.

И.: А ягоду дикую какую-то собирали?

Р.: Собирали. И грибы, и ягоды, и щавель много выручал. Мы даже щавлю нарывали, да пучками завязывали и в Знаменку, 18 км на тачке возили, продавали за копейки там. Ягоды были, там и сейчас ягод полно в тех краях, в Суетском жили. Летом-то, конечно, легче. Летом какой-то там кудрец там рос.

Р2: Чабрец.

Р.: Выйдешь и там наломаешь, очистишь.

И.: Ну а на зиму заготавливали ягоду?

Р.: Некогда было заготавливать. Некогда было заготавливать. А так капусту, все, сажали, сделаем так, да баба помогала. А солили в бочках. У меня уже дети были большие, а в бочках солили. Банок этих не понимали. И салаты такие не делали. Раньше, как сейчас. Сейчас все умеют делать. А раньше нет.

И.: А скажите, в войну у вас какой дом был? В каком доме вы жили?

Р.: Мы жили сперва, сперва, как батька женился жили в пластанке. Потом пластанки-то это, она ж быстро, пластанка-то, купили мы саманную, в саманной жили. Это ж раньше и у бабы с дедом была квартира саманная, только, знаешь, раньше не делали столько комнат. Только две комнаты, и все. Хоть какая семья, а две комнаты.

И.: А что в комнатах располагалось?

Р.: А?

И.: Что в комнатах располагалось? Какая мебель была?

Р.: Кто умел – делал это, как они, это, диваны. Так вот сбивали под вид диванов. А то все были полки¹. Кроватей же раньше не было, в войну. Даже после войны не было. Это уже когда стали лучше жить, тогда уже. Вот. А то полки. Печка большая русская, там, на этой печке, спали. А потом с печки слазиешь, тут этот полк. Везде полки такие делали. Как нары – полки назывались.

И.: Это типа скамьи получается или как?

Р.: Ну, как тебе сказать? Вот так становятся палки, так, так, а потом на доски кладут. Вот это и полк. Около стенки становит вот, стены, чтоб был полк. И вот такие доски, и вот кладут, вот тебе и полк. А матрасы были в войну соломенные. Там, знаешь, у кого там есть, все время в войну люди пряли, ткали. Полотно было. Вот и сшили такой матрац, наткали, вот тебе и это. Раньше все это, да и в войну, и после войны, и в войну это канапля сеяли, потом убрали, потом обмалачивали.

И.: Это на огороде у себя садили?

Р.: Нет, нет. Это в степь. Ну совхоз так делал.

Р2: В поле.

¹ Полки — каркасная мебель наподобие скамьи.

Р.: В поле. А это сами люди, сами себе, в огороде. Тогда огороды были большие, даже у батьки было 70 соток. А раньше, как мы еще маленькие были, и батька был неженатый, и мы уже, я помню. Дак а как жили, у тебя конь, у меня. И вот складались и пахали. Это назывались отруб¹. И вот пашут, сеют там сами себе. А потом покосют, тоже складывали на лобогрейки. В снопы и в стог делали. Обмолачивают. А раньше раскулачивали за что, ой ийооо. Сейчас по две да по три машины, и не кулачут. А тогда у моего свекра у батьки была мельница, ветрянка. Ну че, забрали и батьку, моего мужика батьку, и с концом. Не знаю, мне тогда было 10, а может быть, больше. Еще в пластанке мы жили. И дед с сыном, у них была лобогрейка и два коня, у сына и батьки. И приехали тогда поздно, вывели, тогда ж носили, не было ж не маек, ни трусов, ниче вот, как кальсоны. Они их бедных вывели в белом и повезли и все. И больше никто их не видел. Раскулачили.

И.: А скажите, а насекомые какие-то в доме водились?

Р.: О-ой, в доме вошвы было много, блох было много. Воши, ты знаешь, какие? Имеется.) И блохи. Было землю смажешь, глиной да коровьей, и вот наколотишь, измажешь, а потом уже когда сильно блох, полыня наломаешь, застелить, они подохнут. Клопы заводились в этих вот полках. Так тоже, то кипятком, то обваришь. Нищета была, нищета, вот они и заводились, вот эти насекомые. Но само страшно – это клопы эти кусучие. И блохи плохие были, все кусучие были.

И.: А со вшами как боролись?

Р.: Как со вшами? Ну как боролись, когда у нас были рубашки полотняные, мама понашила, так-то кипятком, а то возьмем, печи растопим, повыметаем, да в печи. Все попропадают. А мыла не было, делали – сходишь, полыня, да соберешь это, зола, потом застилаешь, полотняная такая тряпка, туды соломки настелешь, золы этой насыпешь, знаешь, как щелок, как мыло. И вот этим стирались или голову мыли, а мыла-то не было. Какое мыло в войну.

И.: А до войны было мыло?

Р.: До войны... ну, наверное, было. Ну мало, но было. Ну а в войну не было. Да, наверное, и до войны не было. Это уже когда стало мыло. После войны и то долго не было, не знаю, сколько год не было. Так делали.

И.: Скажите, а какая у вас баня была в войну?

Р.: Баня редко у кого была. А совхозная была. Люди приходили. Ну свои хоть и были бани, по-черному. Ну не мазанки, а как тебе сказать, не мазали ниче, а котел, и вот по-черному мылись. Ну, пластаная.

Р2: Ну, там и печка, там и.

Р.: Печка, да.

И.: Ну, это из дёрна, которая была сделана, да?

Р.: Ну вот, из самана сделают, вымажут хорошо, как в доме, а потом там полик сделают, там у кого котел, у кого в бочках, там воду грели, и так мылись, называлось – по-черному.

И.: А печка из чего была?

Р.: Печки железные. Ну, как? Печки делали, эти самые, ну как? Бочки, не знаю, как тебе сказать, ну

¹ Отруб — участок земли, выделявшийся в единоличную собственность крестьянину при выходе его из общины. Единоличное хозяйство — вид сельскохозяйственных работ, осуществляемый одной семьей.

кирпич, только кирпич тогда какой был, сами делали, такого не было кирпича, жженого красного, а все делали сами. Вот мы строили с мужиком уже, 2 того, и все сами делали, месили и формы делали. И вот в котел поставить, и вода нагревается, полук, по-черному мылись.

И.: А как часто в бане мылись?

Р.: Кто была баня, тот и топил. Ну правда, совхозная была баня. Так трактористы, кто хочет, ну далеко все равно, летом почти мало кто, бочка была из-под горючего, так возьмут трактористы обрежут, был, правда, бригадир, мужик уже пожилой, хороший, и вот установит, нагреется, а потом еще подогреем котел, воду вылить. И вот оставляли это кульстан, у нас там околки, околки в Суетском районе, и там, где дальний кульстан, и тут, и вот тогда берут ведро в околок и там обмываются. В бане же не находишься, и там, на дальнем куль- стане, какая баня? Никаких бань, никто не ходил. А вот так и мылись. Дети – пацаны, ноги не помыли, да в солому ложатся спать. Мученье одно было, а не житье. А все равно как-то вот, не знаю. И война, и все, и плакали, и уедут на кульстан везть, сеять или че, и все с песнями. Горе разбивали. А щас... а все равно лучше было жить, веселей. Один до другого ходили, дружили, помогали один одному, а щас.

И.: А скажите, а вот в войну хлеб был? Ну вот...

Р.: Такой печеный?

И.: Ну, да.

Р.: Не было никакого. Это уже, не знаю, когда стал хлеб. А тогда просяники, да такое, что попало. Ну пекли, да. А потом уже когда стал Голенко, что сажал всех, тогда уже стало. В общем, слухай, наверное, к 43-му стал хлеб. А в первых годах не было. Вот это самое, я же говорю, просяники. А потом уже стали хлеб. Ну тоже хлеб по 500 г давали.

И.: Ну, это в день, в день, получается, пайка была?

Р.: Да. Тоже вешали. Трактористам больше, а вот нам, да пацанам меньше. 500 г на целый день. Это уже было в 43-м году, хлеб стал.

И.: А скажите, а какая одежда была в войну?

Р.: Само больше одежды само это, люди делали. Пряли, ткали. Полотно, вот это полотняные. Курточки шили, ткали, из баранов шерсть пряли, а потом это из конопель основу, и вот наткнуть и тоже делали куртки такие, пальтишко там кому. Это в войну.

И.: А вот не покупали одежду?

Р.: А где покупать? Где тогда было покупать? Кто нам тогда возил эту одежду? Уже когда, ну я не знаю, еще мама, когда замуж выходила, я помню, что у нее плюшевая такая была, мне досталась. А так и она бедна, бедна вышла, ничего у нее такого путевого не было. И до войны.

И.: А обувь какая была?

Р.: Какая – валенки-то катали, а также то шили, то это. У нас были такие мужики, что шили. То делали из этой, кожи выдывали, да шили такие, обутки¹, называли. Да вот это вот, кто умел собак выдывать, то и делали как обутки. А так хорошей обуви не было. Никто не носил.

¹ Обутки — примитивная обувь из сыровыделанной кожи. Быстро приходила в негодность.

И.: А у этих обуток из чего подошва была?

Р.: Подошва, ну это шили, наверное, сколько их стелек-то при- шийют. А потом шили, знаешь из чего? На комбайне, это я помню, на комбайне вот это ремни, из тез ремней тоже кто, где какой кусок украдет, где достанет.

И.: А головные уборы какие были?

Р.: Какие-то головные, тоже так что попало. Ну знаешь, из марли сделаешь косынки, уже марли продавали. И то подделаешь, да краскою покрасить, оой, как красиво! Или вот это, я уже в школу ходила, мама мастерица была, покрасит черная юбка, а красная кофта. Знаешь, какая я богатая, а кто не умеет так, так еще хуже ходили. А чтоб такие хорошие, не было. Мало, мало, у кого было.

И.: Скажите, а в войну детей к колхозным работам со сколько лет начинали привлекать?

Р.: До работы? Ну с тринадцати, с четырнадцати. Мне было тринадцать, я зиму просидела, а года мои идут в феврале. А на лето на работу послали. А зиму просидела, потому что мы без матери, дети все.

И.: А школьников не привлекали к колхозным работам?

Р.: Привлекали этот, в поля пшеницу рвать и эту, траву. Привлекали. Ну какие там школьники, ну, 4-й класс там, 5-й. Тогда мало кто кончал большие школы. Я дак 4, а девки мои, Шурка, да Настя по 3. Какая школа? Голы, босы.

И.: А со сколько лет работник получал, ну как, подростки становились уже практически на равнее со взрослыми работниками колхоза?

Р.: Ну, за трудодни. Сколько выработаешь.

Р2: Да со сколько лет, тебя спрашивают.

Р.: Ну, со сколько лет... Ну, со сколько? Ну, вот, например, чтоб, как я была уже хороший работник, 14-й год, на быках да на коровах. Пахали да сеяли. А те уже меньше, это уже школьников, когда заставляют, учительница водила во полях это, траву рвать. А так, а так 13-й год, с 14-ти. Это уже рабочая, другое-то вот так. Вот пацаны, такие же, как я, и там постарше, все на быках.

И.: А скажите, а кто в то время за маленькими детьми следил? Кто с ними сидел?

Р.: Кто там сидел, ну кто, кто как. Ну вот у нас Иван был маленький, кто с ним, сами сидели. А у кого там, у кого старуха, у кого-то дети, подростки за маленьким. Тогда же детей-то не было. Вот так и делали. А ты думаешь, мало умирали? Больницы-то не было, а бабки шептали, там схватятся, ооой, это сибирка, это то, это то.

И.: А вот были случаи в войну, когда женщины делали аборты?

Р.: Делали. Бабки делали. Бабки делали, а потом сами, то луку напьются, то еще что-нибудь. А также делали и умирали. Думаешь, не умирали из-за этого вот? Что сами делали.

И.: А это не осуждалось?

Р.: А кто их бы судил? Кто судил? Померла, да и ладно. Вот моя мама померла из-за этого, тиф брюшной. Не спасли, все. И мы оста- лися. Ей было только 33-го года. Сейчас это дизентерия или как называется, а тогда назывались брюшной тиф. Тогда ходила лихорадка, тиф этот, скарлатин и всякие болезни. Ну, а люди умирали, и люди, и дети большинство. Оспа, то слепли, то помирали.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Содержание

И.: А скажите, вот были случаи, когда женщины заводили романы, ну вот с, как, муж у них был на фронте, а заводили романы в тылу?

Р.: Ну, и че? (Смеются.) Заводили. Погуляли, да и все. А с кем заводить было? (Смеется.) Мужчин-то не было. Мужчин не было, какие были, ну, подгульнут там, молодые же это, женщины. Подгульнуть надо.

И.: Ну, а как к этому относились?

Р.: Как, ну мужиков-то не было, а там какие остались...

Р2: Не обсуждали (смеется).

Р.: Какой там кривой, какой слепой остались. Ну, гульнут. А то все на фронте.

Елесин Александр Иванович, 1930 г. р.

На момент записи интервью проживал в с. Ельцовка, Ельцовского района Алтайского края.

Отец и дед переехали из Костромы в 1918–1919 году из-за малоземелья. В годы войны проживал в с. Ельцовка, Ельцовского района Алтайского края. Респондент в годы войны сначала возил воду для пимокатной, затем работал в мастерской по производству кирпичей, сплавлял лес по Чумышу. С 1943 по 1971 гг. работал пимокатом в артели «Красный кустарь».

Опрос был проведен в сентябре 2016 г. Кузнецовым Александром Сергеевичем.

Р.: Занимались отец, и дед, и дядька, герои Советского Союза, работали в пимокатке, валенки катали, сапоги шили.

И.: Это вот ваш местный герой Елесин?

Р.: Да, да, это моего отца брат.

Р.: Вот они. Михаил это, а это вот это отец, а это посередке мать.

Р.: Ну, и я тоже, родился здесь уже. Они приехали значит где-то в 18-19-м году.

И.: Это и родители ваши, и дед приехал?

Р.: Да, да, да. Приехали они.

И.: А почему они приехали-то сюда?

Р.: С Костромы.

И.: А почему они с Костромы приехали?

Р.: А тесно там. И как в то время даже книги пишут, что человек ищет, где лучше, а рыба – где глубже. Так вот она, поговорка. И они, значит, по всей вероятности, приехали сюды.

И.: В 18-19-м году?

Р.: Да. Вот это, значит, дядя Миша, он с 18-го, он родился тама. Значит, где-то в 18-19-м уже, как ему исполнилось год, привезли его годовалого. Ну, и сделали здесь, артель была кустарей. Они значит, что, валенки катали, шубы шили, теперь, значит, сапоги, сани, вот это все крестьянское это... что вот нужно было, все вот они делали. Они, значит. Мне вот дядя Миша рассказывал, что вот мой отец и его, значит, отец, дед. Значит, мои дядя и с отцом, нет, дед с отцом. Вот. И Шебелев здесь еще были, они, значит, из шерсти скатали костюм. Значит валенки, фуфайку и шапку. Это все за одно. Все ручное. Вот. И это находится, может находится, а может теперь уже нет Николаевск. Тогда Новосибирск был Николаевск. Значит, там, где-то. Ну, я, правда, не видел. А сам я катал валенки тоже, вот, у меня валенки в музее. Вот, значит, сделаны за одно, это вот, значит, голоши как вроде бы, а это голяжка. Вот может, где будете в музеях на досуге, там можете увидеть. Ну, во время войны все вот как вот и мой год, и постарше и 28й, 29-й, 30-й, 31-й, 32-й год учились в школе, а после, значит, когда каникулы ездили, не ездили, а ходили пешком. Здеся была вот деревушка Дягтеревка. Дягтеревка Нахаловка ее называли. Вот. Туды и копна возили, и снопы возили, скордовали все это. А тут уже где-то в конце войны, уже мой год примерно уже на косилке работали. Это снопы жали. Вот. Ну, и также сено метали вручную тогда, все ручное. Ну, тут еще мы, как я. Работал все время в этом, здесь с 42-го года, работал, и воду возил на быке для пимокатной, и кирпич делали, гончарную посуду делали. Я примерно тоже

сам не делал, а крутил колесо, чтобы центробежная это работала, когда кладут комок глины.

И.: Ну, то есть получается человек человеку подносил?

Р.: Да, да. Сейчас-то, видите, кнопочку нажал, и мотор работает. Тогда колесо, от самопряхи веревочка и потом уже этот круг. Вот. А тут все, как наша артель работала, она занималась, и дрова готовила для райкома, для райисполкома. Вот это гоняли уже плоты с мостовой гоняли, это Кемеровской области. Вот. Я тоже гонял с 13 лет, уже был как главарем этого, плавальщиков. Меня дед научил, значит, знать, когда и плыть надо, и когда воздержаться надо. Вода подымалась, вот Чумыш – он по верховье, где-то на 7-8 метров поднимался вверх. И вот, значит, там были приметы, там сучи росши, таловые, еловые, перикаты сильные, узенький – «косой», красненький – «большой». Так все это названия, вот, когда к большаку¹ подплываешь, в скалу бьет вода. И вот, значит, когда это плот прям в эту скалу, делаешь так, чтобы передний плот, и когда он подойдет к скале и вот перед, весь плот, сплоток уходит в воду, и сам стоишь. Вот так воду. Когда, значит, сделаешь, а задний плот уже загоняешь его, чтоб он натурку сделал, чтобы в следующую скалу не вперся. Если прозеваешь то, много людей погибнет в этом большаке. Вот, и вот такая вот история.

И.: А что на плотах перевозили?

Р.: На плотах?

И.: Да.

Р.: Лес, только лес сплавляли. Вот.

И.: То есть получается лес вы связывали в плот?

Р.: Да, с провода на сплот. Делаешь вот два бревна, кольцо. Кольцо, значит, из черемухи прутьев. Ну, и толщиной где-то так вот. Или березовые. И вот, значит, вот так вот столб, столбик делаешь, здесь насечку сделаешь. Этот прут вставляешь вершинкой, вставляешь сюды, а на этом конце значит, конец – вот так вот, разрубашь веревочку и вот так вот крутишь, и вот накрутишь и вокруг этого столбика ходишь, сделаешь. Когда сделаешь, потом его отпускаешь, он скручивается, и кольцо получается. И вот, значит, эти два кольца, два бревна сплавиваются вот так вот. Так вот поворено, а тут еще клин. И вот так вот раз и забиваешь. Было, значит, со мной даже такая ерунда. Сплачивали. Короче, пошли мы за прутьями с парнем, нарубили на этой стороне, а надо переплыть на ту сторону. Ну, мы как два умных (смеется), надо было повдоль прутья-то положить и плыть, а мы вот так вот². Когда, значит, заплыли на середку-то Чумуша, волной как дала по краю-то, у нас и прутья, и лодка. И мы плыли вот так вот одетые, обутые, и не знаю, как не утонули. Такое было дело.

И.: А получается лодка, еще вы в лодке плыли, лодка рядом с этими бревнами была? Или как?

Р.: Это как вот примерно девять пар – 18 бревен. Вот, значит, вот так вот или так вот³, и они все сплочены. Теперь, значит, второй, и три сплотка таких и вот, потом делали гребки, навешивали и плыли. А здесь так больше ничего не было, кроме лесу. Ну, это где-то кубометров по 25, по 30 возили.

И.: А как управляли этим плотом?

¹ Здесь большак — сильное течение реки.

² Поперёк.

³ Связаны.

Р.: Гребью¹.

И.: Что -то типа весла получается?

Р.: Да, вот как сказать-то? Ну, вот так вот бревно, так бревно вот. И вот тут бревно, и вот они, значит, сплочены вместе. А здесь уже друг с дружкой другим этим кольцом связывали, чтоб он это ходил, когда поворачиваешь, допустим, куды надо, отгребаешь-отгребаешь, чтоб это, чтоб этот первый сплоток пошел туды и, значит, и этот задним за ними. Было, короче говоря, страшно это делать-то. Вот.

И.: То есть вы просто были на бревнах?

Р.: Да, а мы на бревнах. Больше там ничего нету, одни бревна. Только они связаны между собой. Так связаны, а эти сплотки уже друг с другом связаны. На этой стороне, на переднем гребь, и на этих гребь.

И.: То есть по диагонали получается?

Р.: Да. Ну, в основном наши вот кустари, они занимались валенками, сапоги. Вот дядя Миша и сапоги хромовые шил в выходные. Вот. А вот на счет этого костюма, я вот, как говорю, не помню, не знаю, где он. Слышал, что он рассказывал, делали они вот Шебелев, мой дед и отец. Вот. Это как, я не пойму. Вроде бы как умели что-то сделать доброе, такое дело или не пойму. Ну, и когда дядя Миша пришел с войны, он мне сказал, дескать, вот так, вот так, я давай тоже делать. Настелил, значит, полки вот, и давай здесь, значит, валенок – вот так, черная шерсть, здесь белую. Сначала для себя сделал, вот ходил, теперь, значит, сыну сделал, ходил. А потом думаю: «Дай-ка я сделаю в музей на показ». Вот. У меня один валенок, значит, этот кислотой сжѐг, так пришлось один валенок и отдавать туды. Ну, семья у меня. Четверо детей было. Два сына погибло, умерли, и дочь умерла. Трех похоронили. Вот щас одна с нами живет, не с нами, но живая, короче говоря. С этой, со своей бабкой мы уже че? 65-66 лет прожили вместе. Вот это вот.

И.: А вот скажите, лес сплавляли откуда и куда сплавляли?

Р.: Сплавляли, допустим, сплавляли мы с Мостовой. Улус-Мостовая, есть такая в Кемеровской области. Теперь, значит, вот Ивановск, с Ивановки. Теперь с этой как ее, ну, деревушки наши тут были Каинча, Старый Чумыш. Вот отседова гоняли лес, а гоняли сюды лес пихтач в основном. Пихтач для строительства. Вот, допустим, райисполком делали, а осинник гоняли для райкома и райисполкома. Это уже не плотами, а мулем. Лес стлкаливали с берега и потом делали салики – такие небольшие... Этими баграми подпехивали, где застрянет, выпехивали². Вот. Где на перекатах, там на таборитах. Кто знает, сколько его туды попало, и вот распираешь его. Ну, это большинство с Каенчи этот лес гоняли мулем. А то, что весной. ходили. Это я потом уже от Ельцовки до Апанаса 45 километров на мотоцикле проезжал по этой дороге. И вот за весну 2-3 раза ходили, плоты пригнали день-два отдохнули и опять в поход. Вот так вот. И вот для райкома, для райисполкома, для строительства вот. Ну, а осинник для райкома, для райисполкома и для топки, выжигания кирпича.

И.: То есть это вас получается – местная администрация направляла?

Р.: Да, ну, как артель она, в общем? организация такая. Сейчас вот КБО³, допустим, вот после этого КБО стали название такое. Вот. «XX партсъезд». Направляли не кто-то, а как деньги как-то надо

¹ Гребь — приспособление из брёвен для управления плотом.

² Подпехивали, выпехивали — толкали.

³ КБО — комбинат бытового обслуживания.

зарабатывать, что-то планировали, что, дескать, для райкома столько-то кубометров, для райисполкома столько, для школы столько. Вот. Вот такие вот пироги.

И.: А вот чей это лес был?

Р.: Ну, брали билет, вот. И вот как его – он чей? Он от этой организации нашей, «Красного кустаря». Была артель, вот его лес. И вот, значит, сколько стоит, допустим, для школы, для райисполкома отпустили лесу, значит, столько и начисляют зарплату там с этих¹.

И.: Ну, то есть получается, эта вот территория, где этот лес стоял, чья она была? Артели? Или артель покупала лес этот?

Р.: Артель покупала лесобилет в леспромхоз. Леспромхоз в тайге, вот в тайге, значит, пилили, возили на лошадях, это к берегу Чумуша, складировали. Вот. А потом в лесной, значит, идем и там, значит, плотим плоты. Сплотили плоты и сплавливали его сюда. Даже нанимались как для организации. Допустим вот, на Победу Целинного района гоняли, значит, с Мостовой для Мартыново. Вот он круг какой, от Ельцовки до Мартыново. По большой воде плыли два дня. Утром встаешь и до заката плывешь, причаливаешься, допустим, от Ельцовки доплыли до Чесноков. Чесноки есть такой поселок. Вот. А потом уже с Чесноковки до Мартыново еще день плывешь.

И.: А где там ночевали?

Р.: Ну, ночевали в деревне, а вот там, когда готовили, тоже в деревне ночевали. Там и повариха была.

И.: То есть там как бы специальные места были?

Р.: Да, специально. Не так шибко специально, но при необходимости, значит, это не будешь, значит, это отседова берешь ось не ось, зимой мху туды завозишь мешок, там увезут те два, и поварихи там,стряпки, пекут этот хлеб для нас для всех. Это не только, что наша артель. Тогда вот все эти мелкие организации, райпо, допустим, там еще какие-то организации, вот щас это они сами по себе (неразборчиво). Они уже сами для себя, для своей организации, для своей конторы готовили тоже лес. Также так же гоняли мулом, так же гоняли плоты, все это.

И.: А вот эти поварихи, вы говорите...

Р.: Ну, поварихи там живут в поселке, вот допустим мостовая, Улусмостовая, там, значит, что какая-нить хозяйка, у кого-нибудь может свои там родные, близкие. Там это попросят, они состряпают.

И.: А где вы ночевали именно?

Р.: Как ночевали?

И.: Да.

Р.: Там же, в домах в 2-3. Там 3, 4, 5, 6 человек. У кого-нибудь снимешь квартиру. Ну, плотить-то не плотили тогда, вот, а просто люди были такие в то время, что, пожалуйста, и в бане помоешь. Вот.

И.: А вот скажите, а как вам платили за этот лес?

Р.: А почти что (смеется), почти что на «спасибо». Вот гоняли мы. Допустим, организация наша договорилась с какой-то организацией, допустим, на Победу, вот. Ну, и что? Эта Победа плотит для

¹ С количества леса.

«Красного кустаря» какие-то копейки, а мы за то, что плавил, нам копейки. А вот этот, победенских директор совхоза или тама кого, то по поросенку дадут, то по куренку. Вот так вот было дело. А так, чтобы денег – шибко-то не было. Все уходило в этот, в займ, то еще куды-нибудь. Тогда же все займ. На займ не подпишешься, наказывали, хоть не наказывали так, а вот.

И.: А скажите, вот когда артель ваша образовалась?

Р.: Ну, эта артель я, конечно, не помню. Ну, помню то, что я вот еще был таким пацаном, может лет 5-6 было, вот, она уже существовала. Ну, большинство, наверное, как она образовалась эта артель, вот эти же костромские, значит, валенки катали, там вятские они шили польты⁸, фуфайки, рубахи, штаны, брюки все это. Каждый как это нации, допустим, костромские, вологодские, вятские, каждые что-то свою знает и умеет. Вот и сплачивались.

И.: Ну, то есть получилось, они объединились просто?

Р.: Да, объединяются. Вы, допустим, валенки умеете катать, я сапоги, эта может шить рубахи или еще что-нибудь. Ну, вот сплотились, значит, и начали. Образовалась эта вот артель. Вот. Была она, значит, по первости «Красный кустарь», а че там красный кустарь, что кустари значит? Это какое-то начинающее работа, вот этих кустарная работа, валенки катать, сапоги шить, эти телеги делать, колеса делать, сани делать, дули гнуть. Вот. Вот таким вот производством, вот они кустари назывались.

И.: Ну, то есть они до войны еще этим занимались?

Р.: Да, это до войны. До войны вот эта организация была, до войны.

И.: А вот скажите, как война началась, изменилось что-то в артели? Производство уменьшилось или наоборот увеличилось?

Р.: Наоборот увеличилось. Вот, допустим, тут образовались еще на Ивановке такая же артель, сделалась, теперь, значит, в Паштулиме такая же артель сделалась, только название другое, а работу производили тоже вот здесь кустари. Они, значит, валенки, сапоги, кирпич делали. А на Ивановке там большинство заготовкой дров, паленьями прям. Паленьями напилят, чурками, паленья сложили, потом на лошадях возят или в школу, или куды-то еще. Вот.

И.: А колхоз здесь тоже у вас был?

Р.: Колхозы?

И.: Да, да.

Р.: Были, были колхозы. И вот мы, значит, как его начали, хотел рассказать, из школы вот каждые организации какому-то колхозу должна была помогать. И вот мы пацанами школу кончали и шли туды работать, кто копны возить вот эти маленькие. Кто уже на косилки, кто на граблях, кто в начале, значит, вот уборку урожая, день и ночь на лошадях возили снопы. Вот их делали в скирды, а потом уже когда закончили это навозили начинают молотить, вот. Молотилки, барабан, круг такой три пары лошадей. Этот круг гоняли и молотили. Вчерась, наверное, Карпыч рассказал, как молотили, так вот и молотили.

И.: Я вот только не понял единственное, там в барабане что-то было, да?

Р.: Ну, как вот они, значит, вот так вот крутится барабан, а эти пальцы выбивают зерно с колосьев, а потом ветром обдувало. Зерно сыпалось, два человека от барабана, а так человек 6-8 на пару с лопатами откидывают. А там уже накидали кучу такую на лошади, лошадь – вот так вот, веревки по струнке, здесь лошадь, и вот на лошадь загоняешь и это, тошку-то тащит и это зерно оттаскивает

подальше от барабана, чтоб не мешалось. Вот. А тут уже потом приспособились, комбайны стали, вот. А большинство, как я помню, все большинство они на лошадях и молотили, и косили все это.

И.: А вот лошадей получается по кругу водили, да?

Р.: Да, вот, значит, вот эти лошади, три пары лошадей – вот так вот. И вот, значит, а здесь вот круг, а от круга идет опять этот штиф, на котором ремни. И вот, значит, этот ремень, значит, крутится от этого и подает этот вал на барабан, где снопы кидает. Он крутится, снопы кидает туды, обмолачивают и получается зерно сюды, а солома дальше, мякина еще дальше. Короче говоря, работы хватало маленьким и старым.

И.: А вот вы сказали, лет в 13 лет вы уже сплавливали. Это получается, вы в школе учились тогда?

Р.: В школе-то?

И.: Ну, вот вы говорите – лес сплавливали; вы в школе учились тогда?

Р.: Нет, уже работал. Я с 13 лет начал работать.

И.: Ну, то есть бросили школу?

Р.: Бросил, а потом уже были женаты кончал вечернюю школу. Когда приперло маленечку.

И.: Это сколько классов вы закончили?

Р.: Я семь, а до этого четыре было. Вот эти вот три класса еще, шестой, седьмой.

И.: А вот как раз про вас-то в музее мы информацию нашли, что вы пимокатом в артели работали. Это вы с какого по какой год работали?

Р.: Где в артели в этой?

И.: Да, да. Вот именно пимокатом.

Р.: Так, это где-то с 43-го года, с 1943-м года. С армии пришел я, ну, и я воротил, то есть работал до 71-го года.

И.: Ну, то есть почти 30 лет вы там проработали?

Р.: Да, тут с армии, потом пришел еще работал в пимокатне, потом работал три года в милиции, а потом ушел в ДРСУ⁹, и в ДРСУ проработал 25 лет. Этот мост строил, мастером был. Вот.

И.: Расскажите вот, как валенки делают? Просто я вот это смутно вообще представляю.

Р.: Ну, как маленечку рассказать? Вот так вот, значит, набираешь шерсти, ее пропускаешь через шерстобитку, машина шерсть бьет которая, вот. Эта машина накручивала на валик шерсть, потом ее снимают, и она получается полотном. Это полотно, значит, какой тебе валик, допустим, надо – рассчитываешь, вот так вот делаешь; когда, значит, сделал такую палатку, и завертываешь. Сделаешь такую, ну как назвать-то, получается, чтоб сделался он, валенок. Ну, и вот так сращиваешь, потом это как сращиваешь, выкатываешь, выкатаешь. Затем, как уже, как он походит вроде бы на валенок, его начинаешь стирать, замачиваешь в квасы. Ночь простояли они в квасах, потом начинаешь вытаскивать и катать. Вот. Ну, катать, конечно, как вам сказать? Я ездил учил в эту Пуштулиме, на Диваевск ездил учить. Здесь учил. И вот три года щас вот будет, парень один, научил я его. Вот. Зиму ездил к нему, и вот он сейчас делает только. А вот уже наших мастеров никого нету, кроме вот меня, еще один. Больше

никого нету. Наши вот на зиму ездили в эту в Топтушку, в Тогул, теперь уже здесь вот на Победу ездили, это вот, после войны, вот сразу. Допустим, в Чесноковку поехали три человека, в какую-то избенку, которая уже негодная для жилья, снимали ее и в ней жили и зиму валенки катали для, допустим, если в Чесноках, то чесноковских людей обували. В Топтушку вот ездили, я даже еще холостой был, ездил туды, валенки катали. В Тогуле валенки катали, а теперь здесь в Ельцовке все убрали, что негодно, невыгодно. А кому невыгодно, кому-то невыгодно? В Тогуле работали, наша же шерстобитка там была, сколько лет работала, а у нас невыгодно было как будто, вот убрали. Ельцовка – она вот этим только и занималась, большинство. Привозили как, допустим, мне положено два килограмма в день скатать, переработать, вот, значит, дают на две пары, на эти валенки. Я день их закладываю, а на второй день стираю, вот и, значит, вот так вот и получается. А тут еще надо как, если работали, чтоб валенки сделать мужские, я получал всего 2 рубля 20 копеек. Заработки такие были.

И.: Ну, это вы, когда получали?

Р.: Ну вот допустим 50-е годы, 60-е.

И.: А вот в войну как платили за валенки?

Р.: А в войну тоже также делали, а откуда – из Чесноковки, допустим, или откуда-то. И даже здешнего (неразборчиво) привезут, это втихаря я одну пару должен сделать, чтоб никто не знал. А за эту пару я получаю то зерна, кто как чем платится: то мясом, то хлебом.

И.: То есть в годы войны, когда работали, получается, все как натуральная плата была?

Р.: Только натуральная, больше ничего. Вот. Вот еще как, какой начальник, какой-то разрешает скатать лишнюю пару, какой-то нет. Большинство нет. Это уже ихняя работа была, где-то кого-то прижать, где-то кого-то наказать, где-то кого-то осудить.

И.: А вот скажите, сколько нужно времени вообще, чтобы валенки сделать?

Р.: Валенки?

И.: Да.

Р.: Ну, чтобы одну пару, одну пару... Ну, заложить я ее, заложу где-то часа за два, маленько, может, побольше. Выстирать эту пару я где-то часа четыре-три с половиной, так это. И потом, когда уже ее сделаю, в печь в сушилку, высушишь. Ну, это уже не считается время. Там ну сколько? Час, может, надо пемзой протереть, прошоркать вот эту шерсть, которая остается, ее, значит, убираешь. Бензин или солянку в золу наливаешь, и кустер – вот это палишь. Вот. Надо бабушке сказать – может, принесет валенки, которые я катал еще. Или не надо?

И.: Да нет, давайте пока поговорим, потом покажете. А сколько валенки стоили во время войны примерно, и вообще кто их покупал?

Р.: В общем, их продавать в то время никто не продавал. Вот. Это вот, примерно, артель, она делала валенки для государства. Овечек держишь, эту шерсть сдаешь, как гарец¹⁰ вот, или вот кто-то хочет валенки себе скатать, и я имею своих овец, вот этих овец обстригаю и, значит, везу в артель. В артели, значит, сколько положено, допустим, на валенки, а остальное – в общем, с килограмма, по-моему, 200 грамм брали гарец. Вот с меня или с вас за то, что валенки скатать, вы сдаете свою шерсть для валенок, для себя, и плюс еще должны вы сдать 200 грамм с килограмма гарец. Это как, я не пойму, стиль работы или, как ее, а шерсть брали. Потом шерсть привозили с этого, как его, с Казани, вот там много овец, видно, было, и сюды высылали во время войны. Катали вот эти гарцовые, потом эти на войну

катали.

И.: А это получается – артель шерсть покупала уже тоже?

Р.: Да, она как. Нет, она не как закупала, допустим, вот которую с Казани присылали это, то ее, по моему, закупали, а то, что вот это гарец, я беру это уже как в пользу организации для того, чтобы как рабочую силу вроде бы как использовать или как это налог какой-то щас вроде бы как, налог этот был гарец. Обязательно было, чтоб ты сдал эту шерсть.

И.: Ну, то есть, если овечек держишь, надо обязательно шерсть сдавать. Даже независимо от того будешь ты валенки делать?

Р.: Да. Будешь ты. Нет, если ты будешь валенки катать, не будешь-то, гарец никакого не будет. А если ты сдаешь на склад, тебе дают квитанцию, сколько пар сделать. Остальную вот. Если ушло у вас 10 килограмм, вот, ну, ладно там две пары. Значит, это вы с 10-ти килограмм должны сдать гарец.

И.: А я вот не понял, это получается за валенки вам платила артель?

Р.: Артель... Я валенки скатал допустим мужскую пару, мне 2 рубля 20 копеек начисляют. И вот я в месяц зарабатывал где-то 48, до 50 рублей.

И.: А получается, в годы войны артель была устроена, по сути дела, как колхоз?

Р.: Ну да, как колхоз. Но только колхоз в селе зерно убирали, а артель это же не сеяла она, сеяла только что для лошадей овес. А больше вот так вот просо сеяли тоже, как если посеяли просо, значит, с гектара я тоже должен, как колхозы сейчас или частники, они же не сдают государству. Если нет у меня, как, ну, могу без этого прожить, чтоб не сдавать, а это уже обязательно, в обязательном порядке. Вот ты должен, сколько там с гектара положено, ты должен это. Тоже в государство, как идет. Вот я помню, у нас только овес сеяли и просо.

И.: То есть у артели свои поля еще были?

Р.: Да, были свои поля. Были свои лошади, был свой покосы, пашни были. Вот щас, как едешь в Мартыново, вот там пошел свороток на Победу, а это Мартыново. И вот этот участок, назывался, значит это, в левой стороне назывался кустарские избушки, поля. Вот. Туды, в эту сторону, значит, там школа, школьные. У каждой организации были свои поля, вот. Ну, в то время, допустим, школа, она только для сена, для скота. Вот. Частников, учителей там они, тогда же учителя все держали скот, это сейчас не держит, нужда заставляет.

И.: А вот производство чего увеличилось от артели? Производство чего увеличила в годы войны?

Р.: Улучшение что ли? Или как?

И.: Нет. Вы сказали, что увеличилось производство продукции артели в годы войны, что именно увеличили-то?

Р.: Ну, вот я че могу сказать? Развитие вот этих вот мастерских вот, допустим, швейные. Был там, я помню, во время войны один стариченка, был как закройщик, а писать ниче, расписываться только крестик. Ну, вот набрал он подходящих женщин, которые могли по -честному работать, вот их набирал, за счет их увеличивали, а так я бы не сказал, что... Ну, кирпичи, вот кирпич делали тоже. А так чтобы еще что-то какие-то, допустим, как сказать что-то бы другое такое. Не было такого, я не помню, чтоб что-то увеличилось.

И.: А вот что они шили, куда шили?

Р.: По заказу.

И.: Ну, то есть местному населению?

Р.: Да, вот я пришел, мне надо сшить костюм, шили костюмы, вот.

И.: А для фронта?

Р.: А для фронта катали только валенки, а так не было, чтобы гимнастерки шить или брюки какие, этого не было.

И.: А вот скажите, кто во главе артели стоял? Как вообще организация власти в артели была? Все-таки немного другая организация, чем колхоз. Вот мне интересно, чем отличаются?

Р.: Ну, чем? Вот колхоз от артели отличался вот только этим, что зерном торговали и государство. Для себя-то там тоже, допустим, колхозники тоже гроши получали на трудодень. Если дадут, и то не каждый год, какой урожай. А государство планировано допустим с тебя 2 тонны, ты 2 тонны и должен сдать, уже никуда, вот.

И.: А во главе артели кто стоял?

Р.: Во главе председатель.

И.: А его выбирали?

Р.: Да, выбирали. выбирали.

И.: Ну, а вот какая-то общественная жизнь у артели была? Ну, особенно в годы войны там какие-то мероприятия или праздники проводили?

Р.: Только что борозду, когда. Вот колхоз отсеялся, когда вот. Собираются там, в каждом колхозе, были свои пасеки, ну, значит, пасеки наделали браги. Все собираются, весь колхоз от и до. Погуляли и все мероприятия. Ну, вот эти вот праздники были на 1 Мая, допустим. Делали качели, вот каждая, в каждой организации делали свою качелю. Вот уже приходят свои ребята, там или девчата, садятся на эту качелю. А тут, значит, делали, вот, допустим, на Колокольчике¹¹. Там уже районная, делали 2-3 качели, качались, а так чтобы еще какие-то мероприятия... Концерты эти были.

И.: А их кто организовывал?

Р.: Ну, дом культуры, дом культуры.

И.: А в годы войны?

Р.: И в годы войны тоже так же.

И.: И кино показывали?

Р.: Кино показывали, правда, хоть не каждый день, а в неделю по разу были, вот. Ну, а здесь у нас тоже, почти что каждый день были кино, пойдешь накрутишься, если до динамо пропустят, а деньги надо. А денег где? Денег нету. Кто в окошко залезет, кто днем придет, под пол залезет (смеется). А у нас киномеханик высокий, где-то больше 2-х метров. Высокий рост. Смотрит, как кого нету, знает, что должен прийти, видит, глядит, он только полез в окошко, он его за ноги и вытаскивает (смеется).

И.: Понятно. А скажите, а вот как изменилась артель после войны? Новое что-то производить стали или как вообще?

Р.: Нуу, как сказать? Что изменения после войны? Ничем не изменилася. Никакой другой этой не было, только что сплотились артели – Пуштулим, Ивановка и Ельцовка. Работу, производили работу одну и то же. Как и было, только, как говорится, соединились, укрепления. А сейчас укрепления. Все развалилось, ни в Ельцовки нету, ни в Пуштулиме нету, а Ивановки вообще нету и поселка этого.

И.: А вот когда объединились, как стала называться артель?

Р.: XX партсъезд.

И.: То есть после 56-го года она объединилась?

Р.: Да, да.

И.: А когда развалилась артель?

Р.: Ну, вот уже в 70-е годы. Вот в 79-м уже Ивановки не было, Ивановки уже не было. Теперь, значит, что? В Пуштулиме уже тоже не стало. В Ельцовке вот уже в 80-е годы тоже развалилось, тоже нету ничего. Сделали КБО. В КБО пимакатни уже не стало, сани делать не стали, телеги делать не стали, ничо не стали, только швейная была, только швейный цех. Тоже только что по заказу делали, вот.

И.: А как КБО расшифровывается?

Р.: А как, бытов. Комбинат бытового обслуживания.

И.: Ясно. А почему они вот закрылись-то? Почему развалились?

Р.: А работы нету. Потому что стали вот так, костюм я уже не стал заказывать, я пошел в магазин и купил, брюки также, также и сапоги. Вот. А валенки уже перестали работать, это не целесообразно получилось, что невыгодно для организации. А как невыгодно? Ну, шерсть ты ее, допустим, не украл, ничо, ты же сдал, тебе валенки скатали, вот. Ты за это уплатил, за то, что сделали, скатали. Вот так вот, а остальное ниче.

И.: Понятно, а вот скажите, сейчас которые валенки делают они хуже, чем которые тогда делали или разницы нет никакой?

Р.: Ну, допустим, в Тогуле там делают валенки, вот. Там делают машины, а здесь, в Ельцовке, все вручную, от и до. Кроме как избить шерсть, а это все-все вручную было. Потом в конце вот уже привезли одну машину такую, и так до ума никто не довел, вот эту стиральную машину, и так все развалилось. А вручную очень трудно, трудно, вот. Ну, красивые, прочные. Допустим, они вот валенки, эти вот вручную, они вот, как говорится, не расползутся, не сядут поэтому. В То-гуле машины стирают вот, насаживают на колотку, ножницами растягивают ее, туды в колотку впихивают, припасы впихивают, в эту в воду опустил, в квасы. Вот их маленьку стянуло, на этом, на барабане покрутил его, как сделать его, чтоб он аккуратнее был маленьку, обнял эту колодку, вот. А здесь-то уже тут бальё¹², на первой бальё постирал, посадил на первое бальё, потом, значит, на второе бальё. Когда уже сделал его, тогда уже колотку запехиваешь не то, что там, а через силу, силу надо, забивать туды. Вот. Вот поэтому кустарная работа, ручная работа красивше, удобнее вот.

И.: А вы сказали «бальё», первая, вторая. Это что такое?

Р.: Это, как сказать-то? Вот такая вот палка. Ну, и тут маленьку вот также колошки заделаны, вот туды

вставляешь, в носок-то, и вот стираешь его, катаешь, чтоб обнял этот бал. Бал – это палочка такая, палка такая. Я, у меня домашний был весь инвентарь, от 16-го до 32-го размера колодочки были, все в Барнаул отдал. И балья, и колодочки, и валенки, вот, весы, дедовы весы карамысловые. Вот так вот, значит, карамысло и тут две чашки. Дедовы. Вот отдал все. В общем, весь инструмент, то что можно было, даже полотно, эту палатку, тоже увезли. Вальки железные, вот и бальи эти, кобылу. Кобыл – это, значит, вот такая вот чурочка. Вот это вот такая вот¹³, это для того, чтобы, когда насадил и вот это вот место поднес, как вроде было, как на каблучке. Уже в Тогуле, там уже не сделаешь, вот, потому что они делают все. Такая доска, фанеры, и вот они, значит, по этой, как оригинал, сделают по ней. А мы-то уже делаем через руку, вытягиваешь носок, вытягиваешь пятку, чтобы вот это вот место¹⁴ было как потоньше, она, когда сделаешь, обхватит эту колодочку, и он, пим-то, становится красивше, вот.

И.: А вот я вот только не пойму, как носок делали? Чтобы там шерсть соединялась?

Р.: А вот уже, туды впихиваешь тряпочку или газетку, чтоб она не срослась вместе. Вот, чтоб не срослась когда. Вот она, вот это вот, значит, делаешь так вот, это сюды так загибаешь, это сюды. И вот это вот место, вот это вот место запускаешь свежей шерстью, чтоб это не скоталось, а вот к этому, чтоб она прилипла, и вот она, шерсть, сама по себе срачивается, а вот эта вот там бумажечка-то или тряпочка – она не дает срастись. Вот так вот и получается: выкатал его немножко, а потом уже, когда выкатаешь, он уже не срастется, начинает, может, где срачиваться, рукой, значит, проверишь, чтоб не срослось, и до конца.

И.: А вот на носке оно тоже, получается, срачивалось?

Р.: Да, тоже так же. Тоже так же, там это, вот его делаешь, срачиваешь, и вот здесь вот тряпочкой. И вот она, значит, вот это вот, носок-то тут уже... И интересна эта работа, но тяжелая. Не то, что там как, бывает, что мешок подымать, а это вроде бы нет, но очень жарко. Вот это вот, когда еще работаешь в этой, в мастерской, там здание побольше. А вот мы, как я, допустим, уже там не работал, а делал у себя в бане. У меня вот баня была отдельна, специальная, вот щас она тут, уже убрал. Вот. Котел, вот этот вот котел, он был там на улице, вот. Его, значит, кипятить все время, вода должна быть все время горячая, валенок чуть остудил, он уже кататься, не катается, а так себе. А когда в горячей воде, вот и он, шерсть садится, и валенок делается плотный. Вот так вот.

И.: А получается с какого возраста вас к колхозным работам стали привлекать?

Р.: Ну, а как? Вот, допустим, родители, они работали, допустим, в школе. Вот уже ученики где-то идут, дети идут в какую-то организацию, где это школа шефствует, так и это вот мы ходили в Дягтеревку, там че делать, как. И говорю, и сено метали, и снопы делали, вязали, молотили. Это самое колхоз там, он нам только что «палочки»¹⁵ ставил, что мы были. Ну, медом накормят, хлебом накормят, вот это вот были. А так чтоб платили, нам ниче не платили. Вот, я как вот помню, лето там проколачивались, вот. Делать-то делали, пололи поля, литовку, пончик и ссекаешь ходишь траву.

И.: А вот вы сказали, медом накормят, это, получается, у колхоза своя пасека была?

Р.: В каждом колхозе были пасеки свои. Даже и не по одной у некоторых, может, и две были пасеки, вот. И вот, я как помню, на Дегтяревке, у них две пасеки было, арбузы садили. Там это, значит, это, скала на той стороне Чумуша, а там, значит, этот бригадир вот, распахал и посадил арбузы, а мы разузнали. На эту скалу подымаемся, там дорога-то была, кругом брод через Чумыш. Туды. Дак натыкались, как-то узнали (Смеется.) Вот ночью и туды, день ходишь, ссышь (смеется). Вот так вот.

И.: А вот вы вчера еще говорили, вы уже пчелами потом стали заниматься, пчеловодством?

Р.: Пчелами я уже стал заниматься, с армии пришел. Вот. А как сказать-то? В армии я 2 года на пасеке прослужил. Служить-то служил в армии, а как на пасеке, как на квартире стоял, была линия связи Москва – Хабаровск. Министерство обороны. Там, значит, это бронзовый провод, два провода шло и служебка. По служебке мы, значит, сами по себе общались, а это уже как, какой указ, уже мы вперед всех знаем. Вот. И на этой пасеке я два года отдубосил.

И.: Ну, то есть вы связистом, получается, были?

Р.: Связист, ага.

И.: Там ваши служебные обязанности были, но при этом...

Р.: Ну, это на КИПе – контрольно-испытательный пункт, это в (неразборчиво) было. А я, как линейный надсмотрщик, уже, допустим, как какое-нибудь сопротивление в той линии, уже в КИПе показывает, что, дескать, вот тут где-то авария. Ну, и вот, значит, у кого какой контрольный столб, у меня этот контрольный столб был около пасеки. Ну, где-то, допустим, как до дороги, чуть подальше может. Вот я, значит, иду. Первый, меня первого вызывают, как погода плохая, так меня первого вызывают, потому что столб этот ближе, и вот остальные, все уже начеку. Я прихожу, даю. Ну, и это, иду, еслив по эту сторону порыв, там или, как сказать, утечка, то, значит, кто-то идет тут, а еслив по эту сторону, то в эту сторону уже кто-то. Вот. Ну, там, конечно, все по-быстрому делали. Ну, и вот, на этой пасеке я, значит, маленько навыки, как говорит, че к чему. Вот. Че к чему.

И.: И там вот как раз вы поняли, как пчелами заниматься, в армии уже?

Р.: Да, там уже большинство. Потом с армии пришел, бабушка ее держала пчел, и она переехала к нам жить, ну, я вот тут и начал. У нее, значит, две семьи было, я потом стал помаленьку, помаленьку, и у меня до 42 семей, вот.

И.: Ну, я вот сейчас проходил как раз по вашей улице, то вообще очень много пчеловодов. Если посмотреть по вывескам, торгует кто много медом.

Р.: Ну, я и говорю, потому что все частники сейчас, большинство. Вот, а девать, по те года, как я вот, допустим, держал вот 42 семьи. У меня меду было по 15 фляг на каждого... У меня был в Новосибирске как клиент, вот он приезжает, 5-6 фляг надо ему, вот он пустые фляги привозит, я с медом отдаю ему, а мне деньги, на следующий год так же. Вот я лет 5-6, наверное, весь мед отдавал им, вот. Дескать, мол, как, куды, я вот не могу здесь его скачать, куды? «А я, – говорит, – дед, делаю так из твоей фляги, 3-4 фляги делаю». Я говорю: дак а как делаешь-то? «А тебе, – говорит, – скажи, ты нам такой будешь мед продавать» (смеется). Ну, вот это, где-то 79-й, 80-й год где-то вот в начале, а сейчас уже пчел совхоз почти что не существует, все почти вот эти частники, вот. Щас, в то время кормовая база была хорошая, а щас кормовой базы нет, все заросло кустарниками. Сеять ничо не сеяли. По те года хлеба сеяли, осот был, осот хорошо выделял мед вот, так что. А сейчас все заросло кустарниками, и нету ничо. И мед, видели, что как от Мартыново, так до Пуштулима, все по дороге, туды дальше ехать, в сторону Барнаула, допустим. Там никого не увидишь, чтоб стояли с медом, и также в Бийск поедешь, туды, за Целинное, уже там не стоят никто. А вот Ельцовка вот этим делом. и занимается только что. Хлеб не сеем, ниче не делаем, ударились все на мед.

И.: А вот скажите, проходили – видел: мед прям совсем темный, это из чего?

Р.: Как?

И.: Темный прям мед, прям чуть ли не черный.

Р.: А-а, гречиха. Это гречишный такой мед. Он и у меня часто, бывало, вот. Ну, большинство все в тайге было, туды на Ивановке. Я там все время держал, дак 2-3 фляги, допустим. Две фляги – такой мед, а в третьей – мед совсем другой. Где-то один раз было, белый- белый, как это как сказать-то, как хлопок, такой белый мед. Рядом стояли пчелы эти же, с этой пасеки качал, здесь мед белый, где-то нашли они, эта семья. Ну че? Вчерась это говаривал, это вы спрашивали, что, дескать, почему они разлетаются, еслив отец пчеловод-то, знает почему. Потому что еслив хоть и люди, еслив семья уже большая, она делится. Так и это, уже семья большая. Матка¹⁶, значит, отделяет, и эти уходят рабочие, а эти расплод, все остаются здесь. Вот.

И.: Ясно. А вот еще хотел спросить, скажите, как питались в годы войны?

Р.: Как питались?

И.: Да, в годы войны.

Р.: Вот я и хочу вот так сказать, многие, конечно, бедствовали, а вот кустари, вот эти вот пимокаты, они не шибко бедствовали, хоть и я вот, допустим, я не сказать, чтобы я голодный шибко был когда-то. Валенки-то я, как говорю, третью-то пару вот я вам скатал, вы мне плотите либо мясом или хлебом. А вы где-то в колхозе работаете, у вас хлебушек, где-то тоже какой-то председатель хороший, где-то на трудодни уплатил, вот. А некоторые у нас, допустим, на пиле, на Гробнице¹⁷ очень дружный народ был, чтобы маленечку сюды. Вот, председатель были хорошие, вот, ну, как хорошие? И государству умели дать, и умели накормить колхозников. И вот последний кусок ты отдаешь мне за валенки. Тоже так же голым нельзя, неохота ходить, и ребятишек также в школу надо. Вот так вот питались, а большинство колхозники бедно жили. Особенно у нас здесь вот в Ельцовке, как я знаю, вот, 86 лет прожил знаю, что. Ну, и в основном, кто хочет работать, тот и щас работает. Вон щас живет зять по этим, по стройкам в городе, там, может быть, так, а у нас вот тоже – кто хочет работать, тот и живет. У каждого щас возможно, хоть картошку, хоть гектар сади, хоть два гектара сади, а ведь никому не охота работать, то, ну, и так вот щас. В те времена тоже так же.

И.: А вот до того, как вы в артели стали работать, как с питанием было?

Р.: Ну, питание, общественное вот. Когда начинается уборка сена, тоже, у кого че. Мы вот, допустим, пацанами были, пахали там это, боронили. Нас, нам дадут, наши привезут мешок картошки. Мы, значит, сначала похлёбку сварить, очистишь все это, а кончилось, эти скорлупки собираем так и промываем, так и если. Вот так вот.

И.: А вот скажите, а на огородах, что выращивали в годы войны?

Р.: Картошку выращивали, огурцы, помидоры, свеклу, тыкву, вот. А больше так вот, чтобы, оно и сейчас никто шибко-то, в деревне, допустим, тоже так вот помидоры, огурцы, вот. Ну, как тыкву, это все есть, также. Ну, а хлеб там, допустим, его не вырастишь никак, потому что это надо пахать, а пахать-то кто? В то время даже как для колхоза, там или еще че-нить вручную на коровах, на быках пахали, вот. Так что тут семечки, табак сеяли. Табак насадишь, вот его зимой режешь. Потом, значит, нарезал – в Новокузнецк увозили, кто на санках, кто на собаках, кто как.

И.: А табак выращивали на огороде?

Р.: На огороде табак, семечки. Семечки на поле садили, вот. На поле руками, накопаешь, картошку руками под семечки, а щас и на огороде не охота копать. Полсотки или сотку никто не хочет копать.

И.: А туда вот, в Новокузнецк, куда увозили там, где продавали там?

Р.: На базаре, на базаре. Ну, сколько рубили, по мешку махорки делали, табак. По мешку. А у нас собака была здоровая такая, люди у матери брали ее, собаку эту, запрягут в санки, мешок семечек и туды. Кормили их (смеется), вот.

И.: А вот на зиму что из овощей заготавливали?

Р.: На зиму как? Капусту, огурцы. Вот я еще хочу сказать, что помидоры в то время, как-то помидор мало было. Или же не выспевали они, или семена такие были или еще что-то. Вот я не помню, чтоб я красный помидор когда-то съедал во время войны. Ну, вот это свекла, брюква, вот это вот все было, садили.

И.: А как капусту солили, не помните?

Р.: В катках, только в катках. Щас банки, вот дети стоят, то банку прокипятить надо, то ее закатать надо, то капусту нарезать. А в то время, я помню, стоишь в очередь, когда кочан этот очистят, вот...

И.: А ягоды дикие какие-то собирали?

Р.: Ягоды?

И.: Да.

Р.: Ну, ягоды. Калину, боярку, вот это вот, теперь смородину, кислица была. Вот в то время я не знаю этой кислицы, как ее смородины, ее в тайге было уйма, а щас вот нету. Я вот на пасеке, у меня был пасека в тайге, там были попервости-то кислицы этой было, малины, кто ее знает, сколько было. А вот последнее время ниче не стало. Почему? Переродилось, то ли еще что-то. А калина, допустим, ее года три вообще не было. Вот нынче не знаю, есть нет. Вот. А так за колбой¹⁸, колбой занимались.

И.: А вот ягоду как? Варенье варили из нее или еще что?

Р.: Сушили, сушили. Вот в то время почему-то не было, этой, чтоб варенье-то варить, вот. А сушили потом, сушили и пироги стряпали. Вот это вот ягоду, клубнику, тоже вот собирали, тогда вот много было костяники, тоже красная ягода такая костяника. А вот щас ее на полях и нету, косят. Вот дак поля-то красные, как в крови все равно. Щас меньше. Много было клубники, у нас вот тоже виктории полно было, малина так еще щас красная есть, она до самых снегов сорт такой.

И.: Это у вас растет?

Р.: Угу.

И.: А как сушили ягоду?

Р.: Чего?

И.: Как сушили ягоду?

Р.: Ягоду?

И.: Угу.

Р.: На солнышке, на солнышке листы, на листе сохнут, а потом подсохнут, там, сколько на печку, тогда уже как-то печь топили, просушивали.

И.: А вот в годы войны траву как-то дикую собирали в еду или еще куда?

Р.: Ну, вот питались крапивой. Теперь, значит, эти вот на полях пестики есть, называли. Как колошки стоят, как елочки, вот. Этим питались. Наберешь с яйцами пережаришь, так хорошо. Пучки, пучки тоже ели, хорошо. Эти русянки, это тоже пучка. Теперь же кандык¹⁸, вот это все если. А щас почему-то другой раз где-нибудь там ходишь, ножиком выковаришь, съешь, а почему-то не стали так заготовливать.

И.: А вот из крапивы что делали?

Р.: Из крапивы суп варили, суп варили. Вот эти вот пучки, тоже суп варили. В них особенно вот эти вот, русянки их называли, вроде бы как белый хлеб, а эти пучки это уже серый.

И.: А вот в детстве до войны, в годы войны рыбачили?

Р.: Рыбачили, рыбачили тоже. Человек 5-6 нас соберется. Ну, и как-то все у одного парня вот. Ну как? Пацан, вон, как-то у него все время ловился, штук до 10 налимов ловил, а мы один, то ни одного. И вот идем, раз ножом разрежешь мешок-то этот, по одному вытаскиваешь, а туды камень (смеется). А он маленючко это, был с приветом, а везло ему. Переплывались на пароме, вот. Тут в это время мать встречает. «Колька, ты поймал?» – «Мама, поймал 5 штук», – допустим, кричит. Приходит туды, приплываем, 1-2 этих нету, остальные камни. Ходили сюды вот, где академгородок называется, на той стороне, на гору туды, и вот туды, под гору, спускалися.

И.: А на что налима ловили?

Р.: На червяка, на червяка. А вот не было у нас этой еще. В то время, чтоб на пескаря-то ловить, наживу, то есть. И крючки-то были самодельные. Пойдешь в кузницу, дед накует, нагнет там. Это такие крючки, жабра ниче нету, а ломилася. Ну, это в то время и рыбы-то было много. А щас пескаря-то видели, как – какой щуплый стал. Брод этот, в сапогах в тапочках можно пройти.

И.: А вы че, получается на удочку что ли ловили?

Р.: На удочки, ага. На удочки. Ну, в то время этих наметок не было. Были наметки, нам не под силу они были. А родители, я как щас помню, ловил отец вот. Невод, а неводом щас где? Я говорю, я вот года три не хожу рыбачить, ноги болят, не могу. А то ведь уйду сюды вот, на Чумыш, и часа 3-4 простою там, наловлю этих пескарей. А сейчас, сейчас удочку-то некуда закинуть. Еслив пескарь попадетса, то он утащит ее в траву – и ни рыбы, ни удочки.

Р.: По те года эти неводами ловили. А щас какой невод? Не-е.

И.: А невод откуда брали?

Р.: Невод?

И.: Да.

Р.: Ну, вот у меня щас еще даже есть, сам вязал невода.

И.: А материал откуда брали, с которого делали?

Р.: Нитки, нитки в магазине. Вот. А у меня на невод, я, когда учился на мастера в Барнауле, там, значит, с этого с какого-то завода вывозили ленты, а они под вид транспортерных лент, и они, значит, этой как ее, резиной-то не обделанные, а просто нитки одни. И я, значит, это пойду, там недалеко, как сказать-то, на свалку, наберу мешок, привезу на квартиру. А потом с Новокаменки председатель колхоза приехал, я говорю: так вот так вот, мне надо нитки увезти домой. Вот. Ну, он шоферу сказал, мы

съездили на квартиру, вот, этих ниток целый багажник наклал, и вот из этих ниток я вязал невод. А там, на свалке тогда, я не знаю, какой там это выбрасывают они, прям там эти нитки были, такие вязкие и капроновые, всякие. Один мужик взял у меня, попросил ниток тоже. Ну, я ему дал там моток, моток дал. А теща попросила у него связать носки, такие реденькие, тогда реденьки носки, как чулки как-то в моде были. Ну, и дал, она связала. Связала и пошла на речку Бобровку, полоскаться (смеется). Вот было смеху-то. Упала, и все, подняться не может¹⁹. А я тоже сначала дал старику, он связал невод, вот. Где-то с метр-полтора, наверное, такой. В воду-то забрели, когда, он первый-то раз и такой стал (смеется).

И.: А, вот скажите, в детстве помимо налимов еще какую рыбу ловили?

Р.: Щуку ловили, теперь, значит, эти как ее, сорожняк²⁰. Сорожняк, вот я и говорю, что лопатки вот такие вот были, здоровые. А щас ее, это сарожку, глаз красный, значит, сарожка, вот. Вот куда гнали, гонишь на саликах, плывешь, и вот приглядишься – рыба. И вот, я помню, один раз, что идет косяк, вот этот сорожняк. Его там-то видать. По телевизору показывают в другой раз, вот и у меня все время это вот, я говорю, точно такие же были. А щас ниче нету.

И.: А на что ловили? Тоже на удочку?

Р.: На удочку, ага.

И.: И щуку на удочку?

Р.: На удочку.

И.: На червяка щука ловилась?

Р.: На червяка. А щуку ловили, уже вот дядя Миша, на этих, на мелкую рыбку, на пескаря – на эти вот, щуку ловили. Один раз ставили, три ведра одной рыбью, она где-то метра полтора была такая, тяжелая.

И.: А вот вы не охотились?

Р.: Как?

И.: Не охотились вы?

Р.: На охоту, нет. Не охотился, не охотился.

И.: А, скажите, в годы войны у вас какой дом был?

Р.: Дом?

И.: Да.

Р.: Ну, у нас пятистенничек был. У нас, значит, дом был, вот здесь, вот тут стоял²¹. На углу вот здесь, вот тут. А потом во время войны здесь... тоже на углу этот дом стоял, а во время войны, уже началась война, вот через дорогу была избенка здесь. Отец работал продавцом, ну, и, значит, это проторговался. И этот дом, вот тут, отец, его отец, мой дед, значит, заплатил деньги за его, а этот дом взяли у его. А отец, значит, с Красного яра приплавил избенку эту и вот поставил ее, путем еще не обделана была, его взяли на войну, на фронт. Вот. Ну, и мы тут жили, а потом после этого обменялся, вот здесь, вот дом на углу, здесь жил. А потом, когда вот уже в 79-м, да в 79-м сюда перешел, мост куда построили, и мне здесь эту квартиру дали, а эту уже разобрали, этого дома нету, на этом месте уже другой дом.

И.: А из какой древесины у вас дом был? В котором еще в годы войны жили?

Р.: Пихта, осина. Пихта, осина. Вот и гоняли мы плотами, вот строили дома начальства, вот. Пиломатериал делали из пихты. Ну, осину большинство все на дрова. Вот здесь дом стоял, и мы, вернее, как отец тоже приплавил эту избенку, пятистенничек. Тоже из осины, осину. А вот здесь, где пожарка, маленько, знаете, на этом месте, вот здесь вот дом стоит, сейчас его переделали. Эти плахи, лесина стояла, росла метр десять одна сторона плахи. На плах пилили, вот на этом месте. Ну, щас того дома нет уже, на этом месте другая избенка, а пол, пол так и оставался это метр десять ширина плахи. Была пилорама, такие пилы. Вот. И вот мы этот дом разбирали крышу, деньги нашли эти старинные. Ну и куды? И все на берегу эти плоты были. Ну, уже я начальником участка работал в КБО, возили этот лес на Ивановку, на пилораму. И вот приходит: «На!» «Давай, – говорит, – эти деньги- то, че-нибудь купим». Я говорю: «Какой дурак нам это...» Идет мужчина пьяненький, вот. «Николай Николаевич, сходи за водкой». – «Давайте деньги, схожу». Ну, и этот парень-то, у которого деньги-то были, отдает ему: на, сходи. «На все?» – «На все, – говорит, – бери». Вот. Ну, и пошел, а на берегу милиционер стоял. Услышал это, ну и пошел ту- ды. А он быстренько взял три бутылки белого и бутылку красного, на эти деньги вышло у него. Вот. Он красненькую-то через горло выпил. Милиционер-то к этому продавцу подходит: «Анна, ты давала, продавала этому водку?» – «Да». – «Че он взял у тебя?» – «Ну, три, – говорит, – белого, одну красного. Вот». «Ну-ка, – говорит, – смотри» (смеется). А посмотрела – деньги-то фальшивые. Догнали, отобрали эти три бутылки (смеется). Было такое.

И.: А вот скажите, а какая одежда в годы войны была?

Р.: Фуфайки, шубы, вот. Фуфайки, шубы. Чтобы такого богатого пальта. Ну, было у меня «москвичка» называлась, воротники такие большие. Пальто было суконное.

И.: Ну, это у вас здесь же шили его?

Р.: Да.

И.: Ну то есть артель сама?

Р.: А, нет. «Москвичку» уже я покупал в магазине, это была очень большая. Вот. Одежа была очень большая. А так вот во время войны носили фуфайки. Вот, я как помню, у меня была фуфайка. А потом, пацаном еще был, еще в школу, не знаю, в первый класс, наверное, ходил, под берегом, а мне только сшили это пальтишко с воротником с таким, пестрое такое, вот. Ну, и костер тут разжигали, я его сожег или где-то подпалил. Ну, и домой-то пришел и под постель спрятал, чтоб это. [родители не увидели]. А отец: «Че это, – говорит, – пахнет это паленым? Где че горит?» Никто не курит, ниче. Стали шариться, а оно у меня, пальто, уже не то чтобы, дыра-то уже прогорела, а запах- то все равно. Большинство все самодельные были, одежда.

И.: Ну а летом какую одежду носили?

Р.: Рубашонка, тогда маек-то не было, в то время, и моды не было, чтоб это [носить майки]. У меня парень уже потом служил, а я еще нет. Ну, и плавки с карманом армейские-то. Я у него попросил, дай, говорю хоть где-нибудь поносить, плавки. Тогда че – кальсоны были, вот. Кальсоны были. Мы вот ходили на плоты по этой малой мостовой, речка Маломостовая. И вот мы, значит, это, плотиться, один плот сплотили, переплыли на эту сторону. На этой стороне квартировали, а наутро надо было нам перебраться на ту сторону, где лес. И вот, значит, что – куда поплыли, надо было быстрее бы к берегу подчаливаться, а который рулил, не успел, и нас протащило где-то с километр. Повыскакивали на берег и потом где-то с километр мы шли. Сапоги, портянки, брюки в одних кальсонах пошли, вот. Пошли, а

утром вот бумага, это лед, и вот, значит, шли, шли, шли. Где пенек какой попадетя – залезешь, погреешься, и опять дальше. В одном месте даже где-то плыли, поэтому лед колотили и плыли. Потом, когда пришли, кальсоны даже порезало этим льдом. Потом уж, кода пришли, один уже старик пожилой, ну, старше нас был: «О-о! Марфа-то теперь понести...» Лежит на этом, а я, как скворчик, сажу на пеньке (смеется). Ума тогда сильно было. Здоровье там и угробили.

И.: А из чего кальсоны делали?

Р.: Ситец, ситец. Вот как в армии давали, вот такие кальсоны.

И.: То есть вы покупали, да?

Р.: Ну, конечно. У меня еще кальсоны щас есть, еще новые с армии это, потом в милиции давали кальсоны, еще щас вон новые лежат, неношеные. Уже моды-то нету. Или трико какое-нибудь, или так ходишь.

И.: А рубахи из чего были?

Р.: Тоже, тоже ситец байковый. Теплые байковые.

И.: А вот сами не пряли никакой ткани?

Р.: Нет, пряли. У нас вот эти дорожки, вот эти были. Щас уже эти постелили, а то все дорожки были тканые. Вот у нее, у бабки-то моей еще щас где-нибудь на койке, здесь вот в сенках, эти дерюжки, не дерюжки. Дерюжки – это была тканое одеяло такое, называлось «дерюжка». Шерстяное, из шерстяных ниток, связанное, сотканый, одевались этими дерюжками. А что за слово «дерюжка»? я не знаю, откуда оно такое, то ли вот эти вот костромские, то ли какое вот, не знаю. Вот.

И.: А одежду сами не ткали никакую? Ткань для одежды?

Р.: Нет, такой не было. Ну, у людей-то были тканые, как под вид пиджачка такого, вот. Были, безрукавки, вот безрукавку-то легче сшить-то, чем надо рукава пришивать, все. Жить жили.

И.: А вот головные уборы какие были?

Р.: Шапки, фуражки. Собачьи шапки делали, кроличьи.

И.: Сами делали шапки?

Р.: Ну, вот это швейная мастерская, когда была, в швейной мастерской шили. В КБО-то я говорил.

И.: А вот в годы войны там же делали?

Р.: Тоже там же и шили.

И.: А вот шкуры откуда брали?

Р.: Шкуры были, значит, кроличьи, собачьи. А ведь из этих из ягнят, ягнята, каракуль-то.

И.: А вот откуда брали эти шкуры?

Р.: А овец в то время было много, а ягнята-то дохли, и вот их обдирали, шили из них. Обделают, выделают ее, чтоб мягко были. У нас здесь была, это, как ее, овчинные назывались, овчины делали, шкуры выделывали и бычьи делали на сырмяти²². И овечьи, телячьи – все это на сырмять шло, а вот эти вот делали из овечек шкуры. Это вот сапоги хромовые шили в то время, а хром – это вот для

начальства, для начальства, значит, шили вот из этого. Уже черный, крашенный хром материал такой кожанный.

И.: То есть внутри обшивали, да?

Р.: Да.

И.: А так из овечки делали кожу? А вы не знаете, как ее выделывали вообще эту кожу?

Р.: Ну, делали опять квасы²³. Из хлеба делали квасы, заквашивали, потом туды, значит, туды шкуры, чаны такие большие были, и вот туды, значит, эти закладывали овчины. И вот это, потом сколько дней там полежат, начинает, когда облазить уже шерсть-то, вот достают и, значит, такие доски под вид горбыля такие. И вот, значит, расстилают литовкой эту шкуру, снимают эту шкуру, эту шерсть снимают, и потом мезгу, вот это вот там мясо, которое остается на шкуре с обратной, внутренней стороны, вот это вот все туды. А горбы такое, для того чтобы... обнимает маленько, прямо-то она это не так будет обдирать этой литовкой-то. А это куда сделано вот так вот, хорошо она выделывается, слазит эта шкура-то вся, ни шкура, а мизга. Вот.

И.: А квасы из чего их делали?

Р.: А квасы заквашивают эти, хлеб, эти буст²⁴. Вот на мельницы бывает всякий буст, всякий плохой хлеб-то там, где-то, где на полу, где как. Все это пометают и туды.

И.: А почему именно в этих квасах?

Р.: А также она не выделается, шкуру-то ее никак не снимешь, а это шкура, шерсть-то она же слазит вся литовкой все это, скашивается, убирается. Вылазит эта шкура-то, шерсть-то, а потом мяло, мнут, чтоб мягше было, когда высушут, а потом уже начинают мять. И оно делается вот, допустим, на сырмять, это для гуржей, для упряжки лошадей.

И.: А вы сами никогда не выделывали шкуру?

Р.: Сам не выделывал, но это овчина была. Вот здесь вот тут, на углу, здесь стоял дом. Почему? Потому что там, когда привозили эти шкуры, там и баранина, с этим с хвостами, эти хвосты, значит, обрезали, обдирали, варили, там же печка была. А пацаны, соберешься человек 6-7, до десятка, где подсобишь, мусор вытащить или все это, а они уже разрешают нам хвосты там это бараньи [есть]. Вот так вот.

И.: А скажите, а какая баня у вас в годы войны была?

Р.: По-черному, по-черному. Также сруб был, вот как у нас сруб. Там, значит, колесо, на это колесо накладывали камни. И топка, потом на топку так вот из кирпича, из камней, на топку потом колесо, на колесо это, а колесо вот этих, вот от жнеек. Были машины, косилки, вот от них.

И.: И в него, в это колесо камни накладывали?

Р.: Да, в это колесо камней накладываешь. А тут баня у одних была из плитня. Вот так вот (показывает руками) колья и плетения, потом дерна туды накладывали, тоже баня была.

И.: А как воду грели?

Р.: А воду грели, на это колесо ставишь или чугунок какой-то, или бачок, у кого что есть. Вот и обкладывали вот эти на колесе, этот стоит бочек, вот колесо на бочек, а вокруг это на колесо, вокруг бочка, обкладывается камнями. А тут потом стали делать: это катка деревянная, в катку делали трубу

где-то на десять, у кого какая, и, значит, через эту каменку, по каменке проходит, по топке, под топкой, где дрова-то, и, значит, эта труба нагревается, а тот конец заделанный, ну, сваренный, дыру-то это отверстие и тоже грелась вода-то. А потом уже, щас по-другому все.

И.: А откуда воду брали для бани?

Р.: С Чумуша. Тогда не было, у нас вот где-то с 70-х, с 79-го года стала вода, как говорить, пользоваться колонками. А это все время, всю войну с Чумуша, кто на санках, кто на коромысле.

И.: А зимой как?

Р.: Зимой делали прорубь, и для лошадей, для скота, и делали для мытья.

И.: А вы чем топили баню?

Р.: Дровами, дровами.

И.: Ну, как у вас-то, получается, с дровами проблем не было, да?

Р.: Да, почти что не было. Ну, как? Все равно. Пацанами были в школе учились, до школы, вот тут Гробницы есть поселок, был где-то 4 километра, до школы успевали или за дровами съездить на санках, или за сеном, за соломой куды-нибудь. В основном, за соломой ездили на санках тоже, кто как. У кого были телята, на телятах. Теленка обучаешь. Мы как-то с двоюродным братом поехали за соломой, где-то километра 4-3, была это скирда, а где больница, Махов-ка называется там речушка, на этой речушке стояла мельница. И вот, значит, это мы туды пока ехали, все было нормально, оттудова едем, там народу уже собралось, а мельницу прорвало, а рыбы-то эти в то время, вот налима-то там было полно, мы бросили эти все и туды тоже (смеется).

И.: А где солому, сено брали?

Р.: Ну, сено брали.. Вот на лошадях ездили, допустим, у вас там остался клочек, и вот за этим клочком и ездили. А солома была, хлеб это, рожь была, и потом овсяная была полоса, дак овсяная солома, где остались кучки, вот и ходишь собираешь.

И.: А на дрова какие-то ограничения были?

Р.: На дрова, в основном, объездчики, или топор отберут, или дрова заберут. Тащишь другой раз на себе, пацанами были, ну, так таких срубишь 1-2 на двоих и тащишь на санках по Чумушу зимой, вот. Объездчики²⁴ уж в то время наказывали ребятишек, или топор отберут, не разрешали. А сейчас везде все валяется.

И.: Ну, все-таки удавалось привезти дрова?

Р.: Ну, конечно. На себе. Сейчас бы дак я бы не пошел (смеется).

И.: А вот скажите, а как часто в бане мылись?

Р.: Ну, каждую субботу, каждую субботу мылись. Вот эти собирали, козики²⁵ делали. Козики представляешь? Навоз топчут на лошадях, вот, а потом, значит, станки есть, и в этот станок набиваешь как кирпичи, набиваешь и сушить, козики.

И.: А навоз откуда? Получается, со своего личного хозяйства?

Р.: Ну да, вот скот-то каждый держал, у каждого навоз, у каждого это своя это как ограда, в этой ограде

натопчут, потом делают.

И.: А колхоз не делал это?

Р.: Нет, колхозы не делали.

И.: А вот скажите, вши были?

Р.: Вши были. Были вши. Грешным делом, у меня, допустим в голове не было, вот в армию даже пошел (непонятно)... День поношу, неделю поношу, они полные. И вот стоишь вот. В армию пошел, тоже такая же ерунда. Я, значит, это в санчасть обратился, вот, говорю, так и так. Пропарили это белье, дали мне, через 3-4 дня опять полно. И вот с этой пасеки поехал за продуктами в часть, смотрю, эта пилотка, и вот не поверите, где-то вот такая вот вошь²⁶. Белая-белая- белая по пилотке ползет, стыдно как-то. Я эту пилотку-то снял потихоньку, на каблук раздавил. Все, и с тех пор все, не стало вшей, ни в шее, ни в штанах ниче.

И.: А вот еще до армии, как дома с ними боролись?

Р.: Где вот на пашне, как женщины сядут отдыхать, и вот только вош щелкают, только щелкают этих гнид то. В голове было много вшей.

И.: Ну а в бане выжаривали?

Р.: Выжаривали, выжаривали. И каждую субботу все меняли белье, не каждый это, как говорится, так уж шибко, у некоторых, у некоторых было много.

И.: А как их выжаривали?

Р.: А каменку затопляли и прям над каменкой это вывешивали белье.

И.: А вот в доме насекомые какие-нибудь водились?

Р.: Тараканы, макруши, сверчки вот. Эти были.

И.: А с ними как боролись?

Р.: А тоже, я помню, мать накладет под вид теста, глиной, чем-то помажет, поставит на печку. Другой раз полный этой сверчков наскакает, чет такое делала. Воды, в воду. А эти мокруши, так они везде, где сыро, самые противные. Двухвостки.

И.: А с тараканами как боролись?

Р.: А с тараканами это, чем-то посыпала мать. То ли, помню, этой полынью, полынь. В углах накладет, в подполье.

И.: Они боялись этого запаха?

Р.: Боялись, по всей вероятности.

И.: А вот скажите, в годы войны праздники какие-то отмечали?

Р.: Отмечали. Вот, допустим, 1-е мая отмечали. А вот эти вот, я не знаю, это уже после войны вот Пасху справляли, качели делали. Может, в то время запрещали эти все божественные праздники, там это Крещение да все это, а вот Новый год встречали, Новый год это во время войны. А после войны тут уже начало более-менее все это.

И.: А как отмечали?

Р.: Ну как? Молодёжь как? Допустим, сосед с соседями или друзьями собирались, а организации тоже справляли вот эти, вот 1-е мая. А мы вот как? Молодёжь тут, когда нам стало уже по 17, по 18, по 19 лет, там это кто-то водкой, может, как говорится, кто как.

И.: А блюда какие-то готовили?

Р.: Шибко-то нет, не из чего ведь было, не из чего было. Это сейчас если ты не выращиваешь, пошел на базаре или в магазине купил, че тебе надо, то и брали. Щас-то конечно. Вот. И в огородах у каждого свои усадьбы, у кого теплица, у кого парник, у кого так, вот.

Калмаков Иван Петрович, 1929 г. р.

На момент записи интервью проживал в с. Усть-Пустынка, Краснощековского района Алтайского края.

Родители родом из села Берёзовка, Краснощековского района. Откуда приехали дедушка с бабушкой респондент не помнил. В годы Великой Отечественной войны проживал в с. Усть-Пустынка, Краснощековского района Алтайского края, работал в колхозе, возил зерно на конях, участвовал в посевных работах. Отец погиб на фронте. Во время войны в семье было 6 детей. Опрос был проведен в июле 2015 г. Кузнецовым Александром Сергеевичем.

Во время интервью присутствовали две младших сестры и брат Ивана Петровича.

И.: Представьтесь, пожалуйста, надо просто.

Р.: Калмаков Иван Петрович.

И.: Какого вы года рождения?

Р.: С двадцать девятого года, в июне родился, третьего июня. Вот с июня пошло мне.

Р2: Восемьдесят семь.

Р.: Восемьдесят седьмой год пошел.

Р2: Да.

Р.: Пора уже уезжать с этой деревни.

Р2: Туда. За школу (смех). Там у нас загробный мир¹.

Р.: Гм. Туда. Куда говорят это, в монастырь, у нас зовут там. Все.

И.: А где вы родились?

Р.: Родился. Я знаю, говорят в Березовке, но тут, по-моему.

Р2: Здесь.

Р.: Здесь. Колхозы. Что не было колхозов. Сюды переезжали, жили.

Р2: Родители березовские.

Р.: Родители березовские были, мы тут типа родились. Шестеро нас было всего в семье. Две сестры, четыре брата. Вот у нас остался младший и старый, а эти средний. С тридцать третьего и с тридцать шестого, братья умерли. Вот такие дела.

И.: А вот, родители вы говорите с Березовки, да?

Р.: Угу. Ну.

Р.: А бабушка с дедушкой. Помните, откуда?

Р3: Они тоже березовские.

¹ Расположено кладбище.

Р.: Ну, не березовские, может там раньше, может они и приехали оттуда. Я точно тоже не могу на это ответить. Разговору не было.

Р2: Дедушка, наш Станислав Иванович, он ещё. Японская что ли? Да. Да. Отечественная была, вот он был на войне, пять лет, наверное, в плену был. Шел пешком оттуда и всяко, а умер он в сорок пятом году. Война только кончилась. В Отечественную он.

Р.: Ну, а наша семья вся.

Р2: Отец на войне погиб, в сорок втором году, оставил вот нас, шестерых.

Р.: Отец и братья его, но мои дяди, четверо все погибли на войне. Никто не вернулся.

И.: А вот скажите, а чем питались во время войны?

Р2: Мы чем питались?

Р.: Да щас тебе рассказать, ты можешь и не поверить. Я щас только говорили, щас болеют люди. Мы в войну ели.

Р2: Крапиву.

Р.: Слизун. Это на горах. Репки. Вшивик¹. Не ел такую траву?

И.: Нет.

Р.: Пучки². А дома рвали, и крапиву варили, свекольную ботву варили. В войну ели.

Р2: А весной, огороды копали, чтобы найти мерзлую картошку в огороде.

Р.: Вот так мы и жили. На траве жили. И никто не болел, а вот щас расскажем, потравили весь воздух, люди болеют, болеют.

Р2: Так и выжили.

Р.: Ну, а потом тут уже совхозы начались, колхоз сперва был, а потом у нас уже.

Р2: Много хлеба стали сеять.

Р.: Совхоз. Стали хлеб давать. Стали свой хлеб печь, у каждого были свои русские печи. Пекли. А щас уже и совхозы разогнали, и колхозов нет, вот щас люди, молодежь работать негде. Негде. Вот и живи, как хочешь, но и мы щас на пенсии, нам плотят деньги. А вот у меня сын щас рядом живет там, работы нет, жена получают у него пенсию и все. Вот такая жизнь идет у нас щас в деревни.

И.: А вот сказали – трава «вшивик», что она вообще из себя представляла?

Р.: Ну, как его объяснить? У нас называют его «вшивик», а там может по-научному он по-другому.

Р2: Вшивик, но он также вырывается, он головочке, а сверху.

Р.: Он на шернях растет.

Р2: Листья у него, вот у слизины лист широкий, а у того кругленькая, вот щас сорвешь траву, допустим,

¹ Слизун, река, вшивик — дикие съедобные растения.

² Пучки — дикие съедобные растения.

было тоненько, кругло.

Р.: Ну, он такой.

Р2: И мы его, но он такой, этих самых листиков.

Р.: Но ели его, он съедобный, можно его так, без всего, накрошишь и с солью. Ели.

Р2: Летом ягоды в поле всякие.

Р.: Ягоды, черемуху.

Р2: Ягод принесем, хлеба не было, с молоком, сахару тоже не было. Какой сахар? Где он? С молоком, ягоду с молоком, черемухи нальёшь с молоком, намешиваешь молоко. Коров держали все равно, хоть по одной корове, вот и питались этим летом.

Р.: Коров держали, четыре центнера плану доводили. Там че остается? Вот и живи.

И.: Четыре центнера чего?

Р.: А план доводили.

Р2: Государству.

Р.: Государству, корову одну держишь, и на завод таскали, а если у кого хорошая корова, то остается, а если плохая.

Р2: План преподносили, имеешь корову, вот план преподносят, ты уже сдаешь его, ты за него ничего не получаешь.

Р.: Государству.

Р2: Четыре центнера вытаскаешь.

И.: Четыре центнера молока получается.

Р2: Да.

Р3: Да.

Р2: Да. А тогда, если есть у тебя лишнее, что молоко сдаешь, масло могут отдавать. Деньги, там, поскольку она была, совсем копейки стоило тогда.

И.: А ещё, какие другие травы, вы говорили дикие, собирали?

Р.: Но, ещё этот, как он ревенёк.

Р2: Репки, ревенёк¹.

Р.: Ревенёк, но ревенёк, он на шарнях растёт, да он и так растёт.

Р2: Да вот он у меня ревенёк.

Р.: Его дома сажают, ревенёк, из него и варенье варят.

¹ Ревенёк — травянистое растение с крупными листьями и толстым корневищем, из которого изготавливают лекарства (слабительные), а также компоты, соки и т. п.

И.: А тогда из него варенье варили?

Р2: А тогда из всего варили. Сахару не было.

Р.: Сахару-то не было. Так ели. Траву эту всю варили.

Р3: Сушили ягоду эту зимой.

Р.: Свекла отойдет, эту ботву отрывали и варили щи. Хлебаешь, куды деваться было? Ели.

И.: А на зиму заготавливали?

Р.: Ну, потом на зиму, тут уж стали давать помаленьку.

Р2: Ну, а на зиму у нас картошка в основном, ну, а ягоды, хлеба, у кого-то может то или семья.

Р.: Ну, в основном картошку вырастишь.

Р2: Я замуж выходила, их трое было, а нас шестеро, мы молоко ели, а нам вот не доставалось. Нас шестеро. «Вы, – говорит, – трое у матери. Вам надо по стакану – три, а нам надо шесть». Нам не доставалось, бывало, унесешь, сдашь, а себе, ладно, так.

И.: А что вообще в план входило? Что конкретно сдавали?

Р2: Молоко, яйца (я вот забыла, сколько яиц). Если овечку держишь, одну овечку, то полторы шкуры тоже надо сдать государству.

Р.: Я тоже про яички забыл. Шкуры тоже было. Овечка одна, шкуры две надо сдать.

Р2: Полторы было.

Р.: План как был, так и сдай и все.

Р2: Голодовали, в общем.

Р.: Ну, после тут уже наладилось маленько. Колхоз.

Р2: Стали где-то к пятидесятым годам уже колхозы более-менее стали хлеб давать на трудодни. Тогда же не зарплата была, а трудодни, палочки ставили. Вот стали давать хлеб, тут уже стали маленько, хоть хлеб есть.

И.: А в войну за трудодни что-то давали?

Р.: В войну ничё не давали нам, работать работали задаром. Греха таить чё? Ничё.

Р2: Палочки ставили.

Р.: На бригаде затирухи¹ сварят.

Р2: На бригаде затируху варили.

Р.: Язынки² просто варят в котле, вот накормят, и работали на покосе. И ребяташки копны возили на конях. В обед варят, и вечером, там спали. Хлеба не было. Ну, а чё? Некому жалиться в то время.

¹ Затируха — жидкая пища, приготовляемая путем растирания муки, овощей и т. п. в воде или в молоке.

² Язынки — жилы, отходы от мяса.

Р3: На войну списывали. Война была, с нуля начинали, ничего не было. Вот щас обидно, что все есть, и ничего не купить.

Р.: Сейчас все есть, но у них работы-то, нет денег, а в магазине- то хоть, че бери.

Р3: Работы не стало.

Р.: Но деньги, все дорого, никакой контроли нет, как продавец скажет, так и... А у нас тут вообще никто не проверяет никогда цены. У нас гусятники тут, в школе у нас трое, наверное, торгуют на домах. Смирнова, рядом Плешкова, но на домах торгуют. Но, а это, как они, оформлены магазины тут, где вот слазили, остановка тут.

Р3: После войны, у кого отцы вернулись, маленько получше жили, а у кого не было.

Р2: И щас Карлин обещал детям войны вроде дать или как, к 70-летию, и так все заглохло.

Р.: Наши отцы погибли, завоевали советскую власть. Какие остались щас, им машины дают, фронтовикам, а они внукам дают. А нам бы хоть бы дали денег, хоть бы помянуть своих отцов бы, хоть памятники бы сделать. Нет. Я говорю, у нас все погибли и дяди, и отец погиб – все погибли. Четыре брата – и все погибли. Ну, вот чё-то говорили, вроде решает, Николай же этот Бердюгин мне говорил, что вроде.

Р2: Но они решают, было в газете написано, решают, вроде, транспорт, а у нас какой, к нам автобусы не ходят, хоть я, это, к детям войны отношусь. Я приду к частнику в больницу, мне надо, попрошу его увезти. Он мне, че? Задаром повезет? Если на автобусе на государственном, то я согласна, а нам никаких льгот абсолютно. Больницы у нас нету, какие нам льготы, автобус не ходит.

Р3: Сказали по регионам, а какой регион, когда воевали все за родину, за одну, регионы какие-то придумали, решили не давать, нечего было болтать...

Р.: Ну, вот так мы и прожили.

Р2: Шкурки ели от картошки. Кто побогаче был, вот шкуры дадут, вывалишь их, не чистили. Кого там чистить? Вывалишь, печку истопят, на листик, они подсохнут, вот и ели.

Р.: Сейчас молодые, они растут, не знают этот голод, конечно. Щас уже этого нет.

И.: Война, когда началась, получается вам, уже было 12 лет?

Р.: Да.

И.: А вас привлекали уже к работе?

Р2: Вовсю.

Р.: Я уж на конях ездил. Сеять заставляли, руками эти мешки на бричку¹ и засыпали в сеялки. Тогда ж не было этой техники никакой. Пахали на лошадях. Сеялки таскали конями.

Р3: Он отца провожал, я провожал отца.

Р.: Я самый старший был, я провожал отца. Помню. Видите, какой закон был, повестку вручают, он на бригаде. Приезжают в бригады, повестку вручают, утром уже.

¹ Бричка — легкая дорожная повозка преимущественно без рессор, иногда с открытым верхом.

P2: Да не утром, а ночью.

P.: Ночью тоже. Хлеба не было, жмых, вот я забыл, жмых иногда скоту привозили, вот его.

P2: Со жмыхом на войну отправляли.

P.: На войну со жмыхом отправляли, вот подсолнушный жмых, он хоть это нормальный, а из хлопьев там¹.

P2: Сейчас это масло подсолнечное делают, а эти вот отходы от семечек – это жмых.

И.: Ну, а ягоды какие-то дикие собирали?

P2: Мы ягоды собирали, и кислицу рвали, и смородину, и черемуху. Ягоды-то все собирали. Ягоду-то собирали.

P.: Кисель варить. Вот ягоды². Насчет черемухи, тут и жили где, в деревне.

P2: Черемуху или боярку сушили. Тогда уже, как начали маленько жить стал, мельница была, возили на мельницу, мололи, зимой заваривали и вместо сахара, сахару не добавляли, кипятком и мололи как муку.

P.: Боярышник мололи.

P.: Боярку и черемуху.

P2: Боярку и черемуху. И вот это самое, смешивали и все это на мельницы мололи.

P.: Смололи, потом запарили.

P2: Запаривали, вот вместо сладостей это было, кипятком запаривали.

И.: А картошки много садили?

P2: Да, садили много.

P.: Ну, картошку садили, мы жили дальше³, вода прибудет в огород, зайдет, все унесет. Жили бедно, потом идешь за эту, как шкурки садить, срезал побольше и идешь работать. А то на огород идешь. Пыни⁴ звали их, но это как по-русски перевести? Картошка, вот плохо, кто копал, вот примерно твой огород плохо копал, картошка есть. Идешь. Она говорит: «Копай подряд. Сколь накопаешь – твое. Копай подряд». Ей это выгодно, конечно, чтоб я. Вот накопаешь этих пыней и потом их, это, идешь да ешь. Черные, уже прелые, всяко. Тогда бог, наверное, проносил, не болели, люди ели.

P3: Не травлено было, ниче.

P.: Вот так жили мы. Не тужили.

И.: А с мясом как дело обстояло?

P.: С мясом? Колоть некого было. Корова одна, а если вырастит.

¹ Льяной.

² В деревне.

³ На берегу реки.

⁴ Пыни — прошлогодний, мерзлый картофель.

Р2: Вот кони сдыхали.

Р.: Это тоже у нас было. Овечки умирали, идешь к заведующему: «Бери, тащи, обдирай и вали». Кого притащишь? Она кости одни, но все равно жрать-то надо. Сдыхать неохота же. Вот так вот жили в деревнях.

И.: А куриц, уток держали?

Р.: Уток, наверное, тогда никто не держал.

Р2: Куриц.

Р.: Куриц держали, а гусей... Кормить-то нечем.

Р2: Зерна-то не давали, птицу надо тоже чем-то кормить.

Р.: Куриц держали. А тоже план доводили яичек. То ли сто яичек сдать, я вот забыл че-то.

Р3: Наверно, сто яичек надо сдать.

Р.: Я вот че-то про куриц забыл, сколь план был. Держали курей, а гусей в то время никто не держал, ни уток – никого.

Р3: Не было их.

И.: А картофель надо было тоже по плану сдавать?

Р.: Не, картошку в план не брали.

Р2: Картошку нет, а потом уже стали побогаче жить, просто сами сдавали.

Р.: Не сами, у кого лишняя, сдавали. Но плану не было картошку.

Р2: На картошку не было.

Р.: Вот за счет картошки, у кого хороший огород, у нас, я говорю, возьмет водой вымоет. Там снова садим, голодовали мы, и семья большая была. У кого маленькие семьи, все там картошки много – считай богатый человек. В бригаде жил, привезут сумки, у кого картошка есть, им посылают. Повар варит, если моя картошка – «К» букву ставишь, если Барсуков, то «Б». И вот она, повар, варит, и, если, которая разварится, фамилии нет – все, до свидания. Вот так. И смешно, и как все, жизнь шла. Так и делалось. В котел кладут в один картошку, и картошки ещё разные. Есть, быстро варится, рассыпчатая, а есть не шибко. Жили, а куда денешься?

И.: Вы про бригаду говорили. А что из себя бригада представляла?

Р.: Ну, эта бригада что? Полевой стан, там избушка. Вот там жили, спали.

Р2: Бригадир был.

Р.: Бригадир был. За скотом, за лошадьми конюх. В пять часов уже пригоняют коней, в шестом уже едешь запрягать, пахать. Бригада она там, где вы ехали, там памятник, там была избушка, в лагу. Там жили, домой не пускали.

Р2: В балаганах жили.

Р.: А это покос уже, это когда сенокос. Чашу¹ рубишь, балаган², наверно, представляешь, как. Палочки как дуги загинашь, сено обкладали и все лето там жили. Сено настелешь, и в голове, одежды не было, если куфайчонка³ есть, накинешь на себя.

Р2: Вот там переезжали, там такие же балаганы.

Р.: Вот такая жизнь была.

И.: А вот, мужчины и женщины вместе жили?

Р.: Нет, спали, то порозь, но кто придруживал – вместе. Балаганы порозь у каждого были.

Р2: Да, не на каждого.

Р.: Но трое, четверо.

И.: А вот поскольку часов в день работали?

Р.: С утра и до темна.

Р3: В бригаде живешь, солнце встает, тебя уже будят, и солнце закатывается.

Р.: Но в семь часов, считай уже утра на работу.

Р2: На сенокосе.

Р.: Если дождь пройдет сено метать нельзя, на полосах этот рос осот, но осот ты, наверно, знаешь.

Р3: Силос закладывали.

Р.: Силос закладывали.

Р2: На конях возили и в яму складывали.

Р.: А то серпы дают, этот осот срубить, чтоб полоса чистая была, хлеб, пшеница. Тоже все вручную делали. Приходилось с серпом, так бы, если дождь пошел бы, полежать можно. Все равно находят работу и в дождь. Колхоз был.

И.: А вот скажите у вас, как-то вот, ребятишки вот вашего возраста и взрослые получается, женщины в основном оставались, как-то работа различалась, обязанности?

Р.: Ну, как? Взрослые, если взрослый я сено метал. Если маленький, вот они, поскольку лет, по десять, наверно, копна ты возил.

Р3: По десять.

Р.: Копна возили на коне.

Р2: Женщины накладывали.

¹ Чаша — длинные, прямые, гибкие кустарники или молодые деревья.

² Балаган — временное жилище из «чаши». Сооружалось на время летних сельскохозяйственных работ.

³ От «фуфайка». Фуфайка — теплая вязаная рубашка без рукавов или с рукавами, надеваемая вниз для тепла или надеваемая сверху.

Р.: А женщины накладали на волокушу¹, и подскребщик² ещё, молодые девки, подгребали.

Р2: Только тогда ручными граблями.

Р.: А пожилые, эти мужики мало-мало.

Р2: Каждый вал накладывают накладчик, а сзади идет подскребщик, чтобы ни соломинки не оставалось, все подчищали.

Р.: Так порядок держали, только все вручную делали.

И.: А кто председателем в колхозе был?

Р2: Да их, много, наверное, было.

И.: Во время войны.

Р.: В то время кто у нас, дед Роман, был, наверное, Черноков.

Р2: Наверное, в войну.

Р.: В войну.

Р2: Наш, усинский.

Р.: Наш, усинский, он был, а тут были, и Бухтояров был.

Р2: Синельников.

Р.: Синельников был, это уже тут пред совхозом.

Р2: В пятьдесят каком-то он был.

Р.: Но тут-то жизнь пошла лучше, он был председателем, приезжие они были. Колхоз был.

Р2: Тогда председатель такой же безграмотный и бригадиры были.

Р3: Тогда все на одном уровне были, что директор, что председатель, что простой рабочий, с одного котла все ели.

Р.: Но директоров та не было, председатель.

Р2: А в пятьдесят седьмом году был у нас колхоз для этого...

Р.: Вот шас тебе сказать и смешно, вот этот, про которого мы говорим, председатель. Шутник был, приехал на бригаду. Ну, жрать некого, пшеницы утащишь в карманы, в другой лог зайдешь и жарить. Почему шас зубов нету? Сшоркали. Он говорит: «Ребятишки, хоть подальше от избушки уйдите. Приедет уполномоченный с района, меня же говорит взгреют». Предупредил, чтобы уходили дальше. Все это точно было. Вот так и жили. А эту пшеницу жуешь, жуешь, а просо вначале жарить, она же мелкая, зубы отбиват. Я говорю, поэтому зубы повыпали, пошоркали их. Ну, вот жили. А кому жаловаться? Некому было. Жаловаться некому.

Р2: Ну, были, конечно, некоторые, которые побогаче.

¹ Волокуша — приспособление в виде двух оглобелей, скреплённых на юнцах поперечными досками, употребляемое для перевозки грузов.

² Подскребщик подскребал остатки сена и соломы.

Р.: Ну, которые побогаче.

Р2: У кого отцы, правильно, вернулись с войны, все равно уже.

Р3: Легче.

Р2: Легче им было, не все тем, кто без отцов остался. И семьи у кого поменьше опять же.

Р.: Ну, вот шестеро.

Р2: Или на три человека, допустим, хоть это заколол, держишь, молочка. Или на три человека разделить. Она хоть че-то какую-то кашку сварит, или на шесть.

Р.: Вот мы жили, вот такая избенка одна была, шестеро. Мать седьмая. Я первый женился, на полу, там брат, второй на полу. Там уж стала жизнь получше, я начал строиться, этот женился последний. В одной избушке все. Плот на полу. Койки некуда было ставить, ну щас, вот видишь, жизнь хорошая пошла вроде. Я вот щас живу, четыре комнаты, один да две кошки. Жена умерла, уже семь лет нет. Живу один.

И.: А скажите, во время войны охотились или рыбачили? Рыболовство было?

Р.: Охотники не знаю, вроде не было, а рыбаки, тогда сетей не было, на мошку, на удочку люди рыбачили, но я не рыбак.

Р2: В войну, то вы знаете, мы тряпкой ловили.

Р.: Тюлью. Мулей¹ ловили, ели.

Р2: Наловишь, изрубишь, помоешь, где вымолись – не вымолись, кишки изжаришь, подсушишь.

Р.: Да все подряд ели.

Р2: На листик и в печку, высохнут, вот и еда. Летом можно было.

Р3: Рыбы много было.

Р2: Рыбы вообще много было.

Р.: Когда она рыба в каждой речке была на удочку, на червя рыбачили. А которые вот рыбаки хорошие, старые, на мышей ловили. Надевает три, вот она, удочка. Он надевает туды, ловили. Щас нет, не стало рыбы.

Р2: Щас рыбы нету.

Р.: Нету щас. Все повыловили, щас сетями ловят. Все.

Р2: Да хоть сетями, не стало столько рыбы.

Р.: Нету рыбы.

Р2: Тогда вообще рыбы было навалом.

И.: А скажите, а чем топили печку?

Р.: Печку?

¹ Мальки рыбы.

И.: Да, во время войны.

Р.: Кизяки¹ делали, назем, топтали, кизяки делали. Ты в деревне не жил?

И.: Почему? Я родом из деревни.

Р.: Ну, кизяки делали, сушили их, а в забоке² рубили собачник, всяко, торнач³ этот рубили, на санках таскали.

Р3: Полынь.

Р2: И полынь собирали.

Р.: И полынь собирали. Кто, как топились. Тогда же угля не давали, дрова не давали. Забока рядом. Баню топить, санки берешь и пошел, с крючками, нарубишь и топишь баню. А бани топили по-черному. Зайдешь там и дым, копоть, тут моешься, а тут мажешься, щас же все.

Р3: Чтобы выматься, вымажешься.

Р.: Так жили.

И.: А собачник это что такое?

Р.: Ну, это...

Р2: Ну, кустарник такой.

Р.: Он в забоке растет, да он и на горах, вот щас едешь по левую сторону.

Р3: Калина шо цветет, они похожи, и собачник такой, корявистый.

Р.: Калину-ту рвут, а собачник, у него ягода, она не съедобная. Ну, он это горит, жарко собачник этот. Вот его, если рубишь, топить им, быстрее натопишь, жарко горел. Щас-то уже этим никто не заниматься, щас уголь берут, дрова такие возят, колонные покупают. А в те года на саночки и в забоку. Топить надо, надо. Стали кого, некого стелить, осока⁴ растет на болотах, нарвешь её и.

Р2: Матрасы делали.

Р.: Матрасы делали, перевязывали и вот стелешь. Отоспал, завернули. Пол надо мыть, она смахнула, кипятком продраила и все. Никаких ни тумбочек, ни ковров – ничего не было. Убирать хорошо было. Трясти не надо половики и ковры не надо. Гола все. На этих нам, на траве на этой спишь, одеваться, накинешь на себя, и все.

И.: А как кизяк готовили, скажите поподробнее?

Р.: Кизяк.

Р2: Ну, вот скотину держали, коров, навоз, щас его сразу куда-нибудь увозят, тогда его весь складывали в кучи. Весной, весенняя кончается эта.

¹ Кизяки — перемешанный, высушенный навоз в виде кирпичей.

² Забока — небольшой смешанный лес.

³ Собачник, торнач — сухие травы, которых использовали вместо хвороста.

⁴ Осока — многолетняя болотная трава с твёрдыми узкими длинными листьями.

Р3: Посевная.

Р2: Посевная и начинаю кизяки, конями вот эту кучу навоза раскидывают.

Р.: Конями.

Р2: Конями топчут, вода поливает станки.

И.: Подождите, извините, что перебую. Просто хочу понять, а навоз был вот из личного хозяйства?

Р.: Да, да, из личного.

И.: Или колхоз?

Р.: Нет. Колхозы отдельно делали себе сами.

Р2: Щас вот увозят, тогда же его весь закидывали, и вот весной его раскидываешь и начинаешь...

Р.: Это на какой-то специальной площадке делается.

Р.: Нет.

Р2: Прямо на земле.

Р.: Тут на земле.

Р2: С пригона выкидываешь кучей за зиму.

Р.: Он горит хорошо, потом конями топчешь, топчешь.

Р2: А когда его раскидывают.

Р.: Он как тесто, а потом станочки. Вот такой ширины, напополам, два кизяка в одном станке. Два станка кидали.

Р3: Как кирпичи, в виде кирпича.

Р.: Ну, как кирпич вот щас, так же это кизяки делали, потом.

Р2: Также возле этого круга, кладут доску, на доску эти станки, да ещё в станках тоже топчешь ногами, а потом вываливаешь. Вот они подвыгорят, начинаешь их морозить, набок ставить.

Р.: Набок.

Р2: И что подсохнет, потом, пятки назывались, вот так четыре кладешь, сверху один, а тогда уже скирды.

Р.: А на зиму скирд ложили.

И.: А если, вот они стоят, сохнут и дождь пошел?

Р.: Ждешь, когда высохнут. Дождь, конечно, им помеха.

Р2: Корочкой покроются, им уже дождь не шибко страшен.

И.: А сколько вот примерно надо было, чтобы на зиму хватило, кизяков, кирпичей?

Р3: Ну, а кто считал? Кто пять, кто десять, кто тысячу.

Р.: Может и по тыще натаскивал кто. Ну, у кого опять две комнаты. У нас вот одна была, нам меньше, конечно, надо. Кизяками топила мать, зажигат их эти.

И.: А как их зажигали?

Р2: Под низ кладешь маленечку дров, потом кизяками обкладываешь.

Р.: Они разгорятся и долго горят, или варят тут.

Р2: И хлеб пекли также, разгребаешь эти угли, потом сгребаешь, хлеб садишь. Вот уже когда хлеб стали в колхозе получать, сами садят.

И.: А баню не топили кизяками?

Р.: Топили.

Р3: Топили.

Р.: А я щас тебе рассказывал по-черному истопят¹, вымоешься, где если прислонился, как черт выйдешь.

Р2: То кизяками, но кизяки старались в избу, в бане-то, топили всяким.

Р.: А в бане, чем попало, каменки² делали просто. Бок, закладут бока и камнем. Колеса были вот эти, от косилок старых, ставишь, за-кладаешь и камней туды набудкашь и под низ подкладаешь, топишь, дым идет банями, и за банями, в общем, никаких не было. Щас видишь трубы делали, а тогда все в двери из бани, весь дым шел.

Р2: Через двери.

Р.: Потом все, когда остынет, выйдет, идешь в баню, моешься. Я говорю, если оплашался близко к стенке, ишо вымажешься.

И.: А у вас баня своя была?

Р.: Да своя была, маломальная.

Р.: А из чего?

Р3: Из плетней плели, из чащи плели.

Р.: Но свои у каждого были, маломальная, но своя. К людям ходили же, семья большая была.

И.: Из чего она у вас была?

Р.: Ну, вот опять же из чащи делали, колья забиваешь, потом плетень плетешь и глиной замазал. Но также косяки ставишь маль-маль, но кто побогаче, хорошие косяки делали.

Р3: Кто с чего.

Р.: Потолок наломали и все, не крытый, никого бы земли сверху не запали.

¹ То есть в бане не было дымохода. Дым уходил в отверстие в крыше.

² Каменка — в деревенской бане: печь из камня, без трубы, а также низкая печь с наложенными сверху камнями, на которые льют воду, чтобы получить пар/

РЗ: Я слышал, рассадник делали, капусту выращивали на бане.

Р.: Трава росла там. Один же мужик, как говорит, траву скосить на бане, а я ему говорю: сделай так, корову заведи, она съест. Анекдот, и правда, было, так же и было, трава на бане. Вот такие дела были.

И.: А скажите, а как часто мылись в бане?

РЗ: По субботам.

Р2: Также по субботам.

Р.: График в субботу был, в выходные не мылись, по субботам. И бригада, отпускали в баню, в субботу ездили.

И.: Раз в неделю отпускали из бригады?

Р.: А то там жили. Домой отпускали, на конях разрешали, на бричке, увозили. А если так, кто убежит пешком, то пригонят снова, пешком же. Вот молодежь не охота же копна возить, убегут, их назад тащат уже. Бригадир сзади посадит, везет. Попробуешь, убежишь, плетью ошпарит. Вот такие дела были.

И.: А по сколько человек в баню ходили мыться?

Р.: Да это в баню, кто. Мы по одному ходили, а когда женился, ну, с женой я, конечно, ходил, двое. А так, с сестрой не пойду же я в баню. И она со мной.

РЗ: Четверо моются.

Р.: Но пока маленькие.

РЗ: Побольше стали, кто по одному, кто по двое. Кто как.

Р.: Кто как. Тут уж, если ребяташки, ну, бывает братья, вот они росли, меньшие они по двое ходили.

И.: А дом у вас какой был?

Р.: А я тебе щас рассказал, избушка.

Р2: Но он деревянный. Три на три.

Р.: Одна избушка была.

Р2: Три на три, наверное, он меньше этой-то был.

Р.: Ну, примерно, я говорю, вот такая была у нас.

И.: Срубной?

Р.: Но деревянный он был, ну...

РЗ: Также из бревен.

Р.: Маломальный домишко.

И.: А кто его строил?

Р.: Да они покупали, наши, не знаю. Тут приехали, когда, откуда приехали тут. Тут сперва ж не было колхоза, единолично жили.

Р3: Жили вон там, нас топило каждый год. Потом купили избушку, известку сломали, дом, ни денег, ничего. Купили мы известку, а мы купили за корову и там за кого. Ну, три на три избушка, и вот в этой избушки все и ютились, пока не поженились все. Я последний женился, построил дом, а это все там жили, в этой избушке.

И.: Скажите, а водились какие-то насекомые в доме?

Р.: Были.

Р2: Да заедали клопы, да тараканы. Клопы да тараканы.

Р.: Тараканы. Как кто подсылал их. От щас не стало их. Хоть специально заказывай.

Р2: А вши, на покосе были. Вши-то съедали. Съедали вши.

И.: А как боролись с ними?

Р.: Со вшами-то?

И.: Да.

Р.: А со вшами как боролись? Снимаешь эту всю спецуру¹, и в баню. Вот они там, в дыму и в жару дохли и лопались. Вот так и делали. А тараканов не знаю, как выживали, но они, наверное, до самого жили.

Р2: А сами по себе, вот стали жить, в, более-менее, и тараканы исчезли.

Р3: То полыни притаскиваешь в избу.

Р.: А полыни они боялись.

Р3: Они боялись, уходили.

И.: А как полынь – раскладывали или как?

Р3: Да.

Р3: Пучками её, как.

Р.: Ну, полынь – она растет вон у каждого. Полынь-то ты должен знать.

И.: Да, да.

Р.: Наламываешь её, и в избу.

Р2: Дустом² всем тоже.

Р3: Кто как приспособливался.

Р2: Клопы в койке. Потом пошли койки деревянные или, может быть, какой-нибудь сусек деревянный в каждом этом.

Р.: Ну, в щелку залазили.

¹ Спецура — спецодежда, рабочая одежда.

² Дуст — отравы.

P2: Их набьется, и старая, штукатурка, где отсыпнется. Их там тьма.

P3: Солдаты продавали порошки.

P2: А кто свежие, самих уже хозяев, то ли знали, меньше кусали, а если свежие кто останется ночевать, они покоя не дадут клопы. И съедали.

P.: Свежую кровь надо им.

P3: Мужик идет, это, с войны, 25 лет шел, воевал. Идет, а есть нечего. Он взял кирпич на кирпич, нашоркал порошком, наделал, и в деревне продает от клопов. Ну все, продал, вроде денег маленько собрал. Бабушка: «Сыночек, стой». Ну, он остановился. «Слушай, как пользоваться порошком»? «О, бабушка, поймай его, глаза ему натри, он пропадет». Вот так и мы (смех).

P.: Анекдот. А вот про тараканов, на её рыба ловилась хорошо, на удочку их надевали, тараканов. Харек¹ ловился.

P2: У нас эта избенка одна была, они почему-то возле трубы на печке.

P3: Тепло.

P2: Если лампу зажгешь, а лампа.

P.: Тогда же не было света.

P2: Даже стекла не было, катушечка. Они, как попадали, спали на печке и за шиворот, и везде, как зашуршат, как не знаю кто, посыпятся с потолка.

P3: Когда задумался. Нет, щас нету.

P.: Щас нету.

P2: Не стало, не клопов, ни вшей, не тараканов. Ничего нет.

I.: А лампа, из чего её делали?

P2: Лампу.

P.: Но керосинная лампа.

P3: Сначала свечки были, катушки.

P.: Но лампы.

P2: Катушки, в какую-нибудь баночку на это самое...

P3: Сало.

P2: Сало.

P3: Свиное, положишь в баночку, она горит тоже.

P2: Тряпку.

P2: В холстину какую-нибудь, тряпочку, как это.

¹ Харёк — харнус.

РЗ: Как свечку делали.

Р.: Не было свету, потом уже когда провели свет, стали. Не было света, катушечка горит, поужинаешь, потушил – и до свидания, и до утра.

РЗ: Бабки пряли и ткали.

Р2: При этих катушках же.

РЗ: При катушках, вот зрение, какое было. А щас люструину, вот такую повесят и не видят.

Р.: А щас че, когда прядь в магазине вся есть. Тогда не было.

Р2: Всю страсть пережили.

Р.: Ну, попал ты на семью, сразу гляди, сколь тебе рассказали. Ты думал, чужие.

И.: Я ещё по отдельности попереспрашиваю.

Р.: Ну ладно (смех).

И.: А болезни какие в войну были?

Р.: Черт-те, я не болел в то время, у нас никто не болел.

РЗ: Болезни, какие были, кто здоровый выживал, кто больной помирал. Вот и такие болезни были.

И.: А врач?

РЗ: Аппендицит был.

Р.: Аппендицит был, но врача не было попервости, потом уже стал, ложили туды его. Но у нас в селе вроде никто в то время не болел.

Р2: После войны, как тут, война кончилась, вроде маленько начали, начали, и врач появился в деревне.

И.: А врача в войну не было, да, получается?

Р.: Какое тут? Не было ниче.

РЗ: Не было.

Р.: Не было врача.

И.: Но, а какие-то бабушки, знахарки?

Р2: Ну, могут лечилися.

Р.: Бабушки, которые знали.

РЗ: А чем они лечили?

Р2: Молитвой, молитвой.

И.: А травы какие-то использовали?

Р2: Наверное.

РЗ: Делали какой настой.

P2: От испуга на воск выливали. Воск растопляли и лили на воду, опять же молитвы читали.

P2: Грыжу тоже заговаривали старушки. Вот давеча, сын вот был, я его тоже таскала к старушке грыжу. Вот было, так он и выжил, пятьдесят лет, и не жаловался на грыжу. Старушка лечила его грыжу.

P.: И рожали дома, старухи тоже ходили.

P2: И рожали. Бабки, старушка, у нас вот мать рожала. Старушка была [кашляет]. Не только у их, но и у всех роды принимала старушка.

P.: Но анекдот тебе сказать. Тут в баню пришел один, спрятался, тепло, топили, а родиха, надо рожать, но они пришли на полок¹, молитву читать, а я че говорит, тут черт, тех перепугал, и та быстро родила (смех). А я, говорит, тут черт старый, откуда знал, что придут, поддает на эту, на каменку.

P2: Лечили, лечили, да, старушки.

P.: Все было.

P2: От уроков², как называется.

И.: А вот ещё, забыл спросить, а где воду брали для питья?

P2: Питья?

И.: Для питья, для мытья и всего прочего.

P2: Но колодцы были.

P.: Да, воду брали.

P2: Хотя не у всех, но были колодцы.

P.: Были, а у нас не было. А потом тут старик один, он сельским тут работал, подошел, вот тут, лопатку взял, прям возле дома, там две избушки, и начал копать.

P2: Мы от соседей носили воду.

P.: И все мы выкопали, у нас камень-то рядом, земли всего метр, и камни – вот такие глыбы, вот тут шли видели, они вот так.

И.: Да.

P.: И мы выкопали, он нам подсобил за плитами съездить, сделали свой колодец. А щас, потом уже, чет не доходило, щас колонки бьют.

P3: Колонки.

P.: У меня колонка щас в ограде стоит, из колонки накачаешь, щас у каждого колонки дома. У кого-то две.

P3: Щас уже на станции берут.

P.: А тогда мы ходили к соседям за водой, в баню, на речку. Я на конях поеду, бочки налью, домой

¹ Полок — сиденье в бане.

² Урок — болезнь.

привезу. Налью в баню, с речки возил. Ну, все пережили. Все позади теперь. Щас у каждого вода своя.

И.: А веники в бане, какие-то использовали?

Р.: Березовы.

Р2: Березовы.

Р.: Берёза.

И.: А почему березовые?

Р3: Ну, они, если долго дюжат, не опадывают, короче.

Р.: Да они, не в этом дело, что они лечебны, вроде береза говорят. Ну, а чем (неразборчиво) не будешь.

Р2: Береза испокон веков, помню, всегда березовые делали.

Р3: Дубовые делали, но у нас его нет.

Р.: Дуба нету. Перед морозами их готовишь веники, эти березовы.

Р2: В августе.

Р3: У кого нет, ковриком можно попариться, колючим.

Р2: А щас вон, крапива выросла, не дай боже, если попарят.

И.: А были в войну какие-то эпидемии? Брюшной тиф, малярия, дифтерия?

Р2: Были, конечно. Но у нас, наверное, вот у матери.

Р.: У нас не было, наверное, в семье никто не болел.

Р2: До войны ещё...

Р.: А это до войны.

Р2: Две дочери.

Р.: Это правильно, две сестры у нас. Мы их не знам, это, что при ранешней жизни. Врачей не было, спасти некому.

Р2: Но они умерли в тридцать каком-то году.

Р3: В Березовке, наверное.

Р2: Умерли здесь.

Р.: Тут. Тут они умерли.

И.: А скажите, а как часто в доме убирались во время войны?

Р2: Ну, так же, каждую неделю... Когда убираться, все на работе (смех).

И.: А чем убирали? Мыли полы?

Р.: Песок. Песок знаешь, песку притащат, пошоркают, вымоет, тока погнется.

И.: Пол деревянный был?

P2: Да.

P.: Деревянный.

P2: Деревянный был.

P.: Ни у кого крашенных не было. Может, у богачей, у кого и было, у нас не было. Вымоют с песком, просохнет, а вечером эту шелуху расстелешь – и спать.

И.: А какая одежда была?

P.: Одежда. Куфайчонки.

P3: Фуфайка на троих, тапки на четверых.

P.: Одежи не было.

P3: Не было.

P.: Нагишом почти ходили, зипунчики¹ там какие-то продавали. Так, чё попало.

P2: Да и то, маленькие продавали зипунчики, сами же уже, ткали потом, вот у нас, мы с Виктором ходили в школу, у нас один зи- пунчик.

P.: На двоих. Один снимат, другой надеват.

P2: Один с обеда, один с утра, он приходит, я надеваю этот же зи- пунчик – и в школу.

P.: Лучше не остывает, теплый. Он снимат, я надеят.

P2: Ходили абы как.

P.: Чирки² шили, так, мало, мало.

И.: А из чего их шили?

P.: Скот дох, вот эти кожи делали.

P2: Кожи делали.

P.: Кто хорошо делал их. Которые так, мало-мало.

P2: Скот дох, обдирали жирные, вот эти шкуры.

P.: Я те щас³. В бригаде был, черти эти, день пока работал, они высохли, ноги уже сжимает. Я на ночь их привязал в речушку, вот мы их, веревочки затягать, утром разбудили, пять часов, я пошел, и их унесло, но и все, босиком на работу.

P2: Они типа были типа тапок. Ни каблуков, а тут вот, как под шнурок привязано, вот их затягиваешь.

P.: А потом приехал, днем пошел на речку, там внизу зацепились, опять надел, опять ходить. И жалиться не кому, такая жизнь была.

¹ Зипун — русский крестьянский кафтан из грубого толстого сукна, обычно без ворота.

² Чирки — примитивная обувь из кожи.

³ Расскажу.

И.: А чем шкуру-то эту выдывали?

Р.: Ну, дуб драли, эту чашу.

Р2: Дрожжи сначала, дрожжами заквашивали, квасили, чтоб шкура, шерсть-то облезет.

Р.: Дуб-то делали на ночь, чтоб кожа красна была.

Р2: А это делали квас какой-то.

Р.: Который умели делать.

Р2: И заквашивали, как весь мезг¹ слазит, все тогда вытаскивали. Шерсть сдавливают, а это уже потом мнут, сушат, мнут, а тогда этой корой били.

Р3: А щас большой длинной.

И.: А квас этот из чего делали?

Р2: Ну, отруби, че там, замачивали.

Р.: Кислый делали.

Р2: Кислые дрожжи.

Р.: Дрожжи кислые.

И.: А дрожжи откуда брали?

Р.: Свои варили.

Р2: Дрожжи сами, а уж с чего начинали их делать? Хмель рвали.

Р.: Хмель рвали, дрожжи делали из хмеля. Ну, хмель, ты же должен знать, в забоке бывал. Ну, его щас никто не рвет уже.

Р3: Начинается с простокишы, простокиша² скиснется.

Р.: Ну, которые, они, наверное, узнают, как её делать, сколько времени, наверное, как ты говоришь, щас влезет, наверное. Я не делал, не в курсе.

Р2: Если побольше, значит, она быстрее облезет. Если маловато, квасу-то самого, она долго (не разборчиво). Если начинает слазить, все тогда вытаскивают её, обдирают тут и все, начинают её подсушивать, мять. Мялки были специально.

Р.: Коноплю сеяли.

Р2: А потом уже, этой коры, черемуха, вроде как, заваривают, она тогда красная.

Р.: Вот холсты-то, делали, коноплю свою сеяли.

И.: У себя на огороде?

Р.: Нет.

¹ Мезг — остатки мяса и жира на шкуре.

² Простокваша.

И.: Нет?

Р.: Нет, на огороде, правильно.

Р2: Дома сеяли.

Р.: На речку, замачиваешь, вымокнет, сколь дней, я там уже не помню, потом мялкой мнут его, а потом прядут, сидят на пряхе, тик в тик. А потом ткут, штаны шьют и рубахи. Я раз наделся рубахой, на кол, меня снимали, а она не рвется, он крепкий, холст.

Р2: Был крепкий.

Р.: Это правдой было, уже испытанной.

И.: А как это произошло?

Р.: Как? Перелазить стал.

Р2: По кости полез, наверное.

Р.: А колья не связаны были, зацепилось, ни туды, ни сюды. Она не рвется же, холстинная, новая рубаха, крепкая, вот как мешки, вот продаются.

Р.: ...Вот такая, вот тут вся моя семья собралась. Вот две сестры и брат, и я. Два брата нету. А это вот, сестра, это у нас помоложе осталось, ну вон тот молодой (смех) на пенсии.

Р4: Восьмой десяток.

Р.: Я бригадиром у них.

Р4: Командиром.

Р3: Он за отца был, а те два брата, по работе, как учителя были, постарше, и на машинах работали. Мы у них учились. Я всю жизнь на машине проработал с ними, вместе. Эт за отца, а те как учителя. Опыт принимали друг от друга. <...>

И.: Скажите, а как часто стирали одежду?

Р.: Одежду?

Р2: Ну, также, в субботу, в бане. Постираешь, там же высохнет, ты опять на себя. Менять шибко нечем было, она, если одно платишко.

Р.: Вымоешься и там же, и выставят, на доске.

Р3: Летом стирали в основном, искупавши в одежде, она высохнет на тебе, лучше стиранного. <...>

И.: А что использовали для стирки?

Р.: Мыло.

И.: Мыло было?

Р.: Тогда не было.

Р2: Золу сеяли, золу эту потом в воду.

Р.: Тогда не было порошков.

И.: А из чего?

Р2: Щелок¹ назывался.

Р.: Ну, из золы это. Сама эта наваривалась она.

Р2: Её сеяли, и чтобы нигде не попадала, ниче, ее в воду, золу, и стирали.

Р3: Размешивают, она ядовита получается.

Р2: Назывался щелок.

Р3: Потом варили мыло.

Р.: Ну, вот на бригаде, какие росли цветки, по речушке, мы жили в бригаде. Цветки, умывались, руки мыли им, рвали там на поле. Я помню, было это дело, но было не было, цветками эти как-то.

Р3: На море все девки рады, пахнет хорошо, лезут целовать.

И.: А где воду для стирки брали, из колодца?

Р2, 3, 4: Из колодца.

Р.: Да из колодца.

И.: И зимой тоже из колодца?

Р.: Ну а как?

Р2: А поласкаться на речку тоже зимой ходили. Полыньи же были, подпаривали и как (неразборчиво).

Р.: Там битком (неразборчиво). Знаешь, что такое?

И.: Нет, не знаю.

Р.: Ну, вот такая она, длинная, нет вот такой, ручка, ну кубом маленько, и нахлещик (неразборчиво), две бадьи есть. Все вручную делалось. Машины стиральные – эти были, нами потом, железные пошли, а то в корытах шпарили, долблены корыта. А щас, потом эти доски стали продавать.

Р3: Хорошие были, деревянные, рубель² называться.

Р.: Рубель у меня щас есть живой. Это заместо утюга, им катаю.

Р2: А эта круглая.

Р.: На нем.

Р2: Обкатываешь на нем, там хоть простынь, хоть рубаху, а вторая, вот такой длинный, и рубцами.

Р.: Рубцами как (неразборчиво).

Р2: А машины стиральные щас это. Ложится вот такая решеточка, вот, на обыкновенных машинах кладутся, а тогда такая деревянная и пошел на столе катать, выкатаешь так лучше, чем утюгом.

¹ Щелок — раствор, полученный обработкой золы горячей водой.

² Рубель — предмет домашнего быта, который русские женщины использовали для выколачивания (стирки) и глажения белья после неё.

Р3: Какой клоп заведется, его раздавит там.

Р2: Мягко потом после этого, катаешь её.

И.: А вот скажите, а где туалеты устраивали?

Р2: Да на улице туалеты были.

Р3: У каждого возле дому, у своего.

Р.: Да тогда шибко и туалетов не было.

Р2: У кого ведро.

Р.: Плетни¹ были. Наплетут и за плетень сбегают, да и все. Потом наделали туалеты эти. Не из чего было их делать. Городьбы городили, тыном городили, плетни плели. Плетень плели плотно, не видать даже.

Р3: Кто хочет, выйдет, не обидит (смех).

¹ Плетень — изгородь из сплетённых прутьев и ветвей.

Коровина (Кадникова) Екатерина Крысановна, 1937 г. р.

На момент записи интервью проживала в р. п. Залесово Залесовского района Алтайского края.

В годы Великой Отечественной войны проживала в с. Залесово Залесовского района Алтайского края. Мать – Казакова Татьяна Максимовна. Мать работала в колхозе. Отца не помнит, погиб на фронте. Бабушка – Казакова (Старыгина) Вера Ивановна. Во время войны жили втроем.

Опрос был проведен летом 2015 г. Мазыриной Анастасией Александровной.

И.: Представьтесь, пожалуйста!

Р.: Я Коровина Екатерина Крысановна 1937 года рождения. Девичья фамилия Кадникова. И бабушка здесь жила, и мама моя, и я, и сын здесь живет, дочь в Барнауле. А внуки, и в Барнауле, и один военный на Урале в Екатеринбурге. Сейчас в Санкт-Петербург переезжает. Бабушку по маминой линии помню. Вера Варлаамовна Старыгина. По мужу Казакова. Ну, говорят, что они переселились. Ну, я так помню по ее рассказу, что они сначала приехали в Шмаково, а потом из Шмаково в Залесово сюда, строили дом, и жили большой семьей.

И.: А родителей ваших помните? А назовите их поименно?

Р.: Мама у меня Казакова Татьяна Максимовна, а мужа в войну убили, так что я одна в семье, со своей мамой, Верой Варлаамовной, моей бабушкой.

И.: А мама в колхозе работала?

Р.: В колхозе работала, всю жизнь в колхозе проработала, уже потом на пенсию пошла, так еще дорабатывала. В колхозе да за палочки работали. А это трудодни давали, а денег не давали. Вот ставили напротив фамилии палочку, чтобы трудодень, наверное, полпалочки – это пол трудодня. Ну, а потом осенью давали сколько-то там зерна, потом это зерно мололи на мельнице. И мельница в Залесово была, и вот на мельнице немножечко мучки, остальное картошку терли, добавляли чуть-чуть мучки, а у кого силы большие, крапивы в хлеб добавляли, правда у нас семья небольшая была, держали скот: свиней, коров. Мама работала в колхозе, она все на лошадях работала, ну раньше, наверно, все женщины так работали, вот, допоздна, а ночью уже косит. Когда ночь, она литовкой косит, сено заготавливает. Так и жили.

Я встаю, она уже на работе, я ложусь она на работе и вот так вот. Возила зерно в Тальменку на лошадях обозами, тогда мешками грузили и в Тальменку. Ну, продукты какие-то вот. То молоко, то масло везла с собой, там меняла, где-то сахар или еще что-то с продуктов. Ну, лошади были в колхозе, техники, конечно, не было, я, как помню, сначала одна машина была в районе у нас. МТЗ. А этот мужчина дальний родственник, жил у нас на квартире. И вот машина эта, как, что щас в моде компьютер, дак тогда все собирались, как он приезжает, все собирались около этой машины: «Дядя Ваня прокати, дядя Ваня прокати».

В колхозе зерно возили, тоже раньше молотилки были, все зерно молотили, скашивали серпами, снопы ставили, а потом молотили, сушилки были, вручную все сушили, таскали на себе, машины – это мешки, женщины в колхозе работали, тяжелая была участь, тяжелая.

И в бригаде жила [мама], а зимой тута. Дома ночевала, если не на работе была. Там как палатки что ли были или домики и вот они там все жили, работали до поздна. Накормят там их и спят. А тоже похлебочку какую-то варили, но, если мясо, мясо немножечко положат.

И.: А у вас хозяйство большое было, нет?

Р.: Корову держали, подросток был, свинью держали, ну и все. Ну, овец, две овцы было, помню, что бодались всегда, нас бодали. Ну, а больше ниче такого не было, куры были, как всегда. Ну, огороды большие были, 30 соток. Все вручную выкапывали, пололи, картошкой кормили, крапиву всю порубили, в картошку все это добавляли, и как сейчас кормят комбикормом, вот так вот. А корову сеном. Сеном, все и на речку зимой гоняли, поили. Проруби делали на речке. И утром гонишь на речку, они попили и снова домой, и также вечером напоили и снова домой.

Ну, у нас не голодали [корова]. Еще и солому привозили вот так вот, а вот в учете у бабушкиной дочери, у них семья большая была, и когда муж был на войне, и сын был на войне, у ней еще сколько ещё трое, четверо с ней было, корова так голодала, что на ноги не могла подняться, и вот на веревках подвешивали, чтобы она хоть немножечко вот это стояла и вот так вот. Ну, у многих так было. У нас обходилось. Мать была трудяга такая, она все на работе и на работе, и не знаю, как она все это выдерживала, как-то по молодости я не понимала, что я ее никогда не вижу, что все на работе, я щас-то понимаю: чтобы прожить, надо было крутиться.

И.: А сено как заготавливали?

Р.: Вручную. Заготавливали вручную. Мама косила, ну там вот как косили, с кем-то с подругами договаривались, сначала одному косят, потом другому косят, гребли тоже вручную, возили тоже на быках, лошадях, на коровах, кто как мог. Литовкой, да, вручную. Трава запашистая была, не то, что сейчас, вот косят этими тракторами, вот тогда. Грабли деревянные, грабли были и вручную гребли. В стога складывали. Женщины кидали, они за мужчин были, они работали как мужчины, все женщины, все женщины делали, и на стогу стояли, и сено подавали. Все женщины. Раскладывает, утаптывает и все, а потом зимой так, то на коровах, то на лошадях, кто как может и возили. Летом, некогда летом было возить, а зимой [на санях]. Нагружали вот, сколько увезёт бык или корова, или лошадь, сколько наложат и привезут, скидают, снова уедут.

И.: А летом корова – она паслась, получается, нет?

Р.: Да. Коров много было, все держали скота и пастух пас.

И.: А налоги получается, государству сдавали молоко или что-то другое?

Р.: Да, молоко сдавали, яйца сдавали, шкуры от свиней сдавали и какой-то, что ещё шерсть, если овец держали, шерсть сдавали. Налоги были большие. А вот про мясо я даже не знаю. А вот шкуры свиные, да и скотские шкуры – это обязательно, яйца тоже какой-то план был, и молоко тоже план большой был, надо было сдать. Молоковоз ездил по улице, и собирали молоко.

И.: А огород говорите 30 соток был, да?

Р.: Да, 30 соток, да ещё поле давали, землю ещё, поле садили, чтобы скота прокормить и самим, хлеб та с картошки делали. На терочке трешь, картошку вымоешь, ни газа, ни электричества, ничего не было, лампа, у кого-то лампа есть, у кого-то нету, то свечку, то лучинку жжешь, спичек не было. Вот кто увидит, что вот печка топится, соседи бегут за угольком, берут уголёк, домой несут, раздувают, печку растапливают, вот так вот жили. Да вымоешь её хорошо, и с кожурой, ототрешь, отожмешь, вот эти отжимки, туда муки, дрожжи и пекли, ну, как драники сейчас вот пекут, но конечно, ложат сейчас чё там тогда ничего не ложили. Тыква была, кладут, как тыкву в русскую печку закатят оттуда вытащат, ой какая вкусная. На драку всегда, у бабушки внуков то много было, детей, вот они и все к нам соберутся и эту тыкву на драку ложками только так. Всё, всё, всё садили раньше, только вот помидоры почему-то,

где-то вот, наверное, в классе 4 я была, помидоры помню, а потом до этого что-то даже не помню, что были помидоры у нас. А так арбузы, дыни, огурцы – это всё садили. Делали грядки навозные. А пленки же не было, не закрывали ничем. Эти вот когда всходят, репья нарвут, в окоп листья, и вот так вот закрывали, а потом уже всё. Брюкву тоже парили. Брюква, ну сейчас как вот, как капуста вот такая брокколи, ну вот раньше, была такая сладкая была. За пучками ходили

И.: А пучки – это что такое?

Р.: А пучки – это вот трава такая вырастет такая, ствол как трубка, а расцветает она, получается пекан, это вы не знаете. Они белыми цветут. Вот внуки были, у нас эта пучка в огороде росла, я говорю: «Ребятишки, вот пучка растет». Она выросла, пекан образовался, я срезала и говорю: «Ешьте пучку». Я говорю, да ты что, мы ходили на пруду за 5 километров, вот такие вот подростики, рвали, а потом эти пучки резали, солили и зимой ели и похлебку варили с пучек. Ой, то время было очень вкусное, а если с пеканок этих, вообще вкуснятина. Но мои не стали есть: «Баб, ты что!» Я их со сметаной, а мы всю войну ели, такая вкуснятина была. Пеканы – это такая мякоть образовывалась, такая вот. Сейчас тоже в деревне растет и в поле растет, и дили тоже. Это тоже наподобие пучек. Пучка толще, и она, как сказать, такая зеленая, а дили растет повыше, и она тоньше, и вкус другой. Пеканы или пучки ели. И на зиму заготавливали, эти пеканы тоже солили. Пеканы, они на пучках тоже были, а почему «пучки» называли, а вот почему, не знаю. Ребятишками режем на поле, режем, в мяшки складываем и тащим, тащим, тащим и по земле, и так что старше у нас братья или сестры – они нам помогали, тащат немножечко, потом пойдут за своим другим младшим потащат. А мы уже младшие стоим и ждем их. Потом опять вместе все идем, сколько мы прошли, прошли дальше не можем. Те еще подале отошли ворачиваются, нам помогают. Принесли, потом бабушка чистит и вот я срезывала, я бы вам показала, чем было раньше.

Дили или пучку чистит [бабушка], а потом режет на кольца, середина же пустая, вот на кольца режет, потом солью сыпет и в кувшин и куда-то в посуду. С бересты наделали, корзины вили. Эти вот крупные такие вот, и делали крышка такая вот из бересты неплотная, держали там влагу и все. И маленькие делали и большие, и вот в эти места или кадушки были раньше, кадушки были. Большие были кадушки. Да, солью пересыпала, но водой не заливала, они сок дают. Ну, может, кто-то и водой заливал, но бабушка делала вот так. Да, что-то с огурцами есть, не совсем, но вот такой привкус есть. Картошку чистишь, и варишь, и это туда тоже ложишь, луку положишь туда, морковочки нарежешь, какой-нибудь ботвы, свекольной, морковной ботвы, листочек капусты, все порежется и все, и все ели.

И.: А ну, еще какие травы вы ели?

Р.: Это медунка, такая трава, она цветет синенькими цветочками и вот эти вот цветочки рвешь, и в рот и она такая сладкая. А сейчас нету ее. Вкусная была, ели, собирали. Ну, на чай ее заготавливали. Сушили, ага, сушили как душица, зверобой. Лебеду ели, крапиву ели, потом что еще... Даже не помню, еще че, кандык. Я вот не помню никакой, то ли у речки рос, то ли по речке, вот этого не помню, но знаю, что кандык ели. Ели паслен. Паслен знаете, что? Да вот этот паслен ели, но мы называли раньше бзыника. Ну, я даже не знаю, но сейчас вот я даже варенье варила, вкусное. Внуки тоже ели, в огороде постоянно растет, но я нынче выдергивала, но, кажется, там один корешок есть, цвел, ягоды нету.

И.: А ягоды какие вы собирали?

Р.: Ягоды клубники собирали очень много было, собирали клубники. Сушили, прям мешками. Сушили, и зимой пирожки стряпали. Там вот как щас компот варят, а тогда вот парили, в русскую печку ставили, и наливали в стаканы и, если сахар есть положат сахара, если нет, так ели, вот. За

смородиной ходили, и смородину сушили. Русские печи были, печку истопят, сначала на солнышке, потом на противень и в русскую печку и сушили, много смородины сушили. Добавляли в пищу. О, черемуха – это обязательно, сушили, крутили и мололи черемуху. На мельнице перемолят, а потом как-то заливали ее в соках, а потом хлебушком макали. Ой какая вкуснятина! И смородину, и калину, калину парили в русской печке, вкусная такая, всю зиму пироги ели. А парили в горшках. Глиняные горшки были, молоко тоже томили в горшках глиняных, вкусное и цедили, корову подоят и глиняные горшки вкусное. А у нас сад был, черемуха росла, калина, рябина, и рябину собирали, и дома собирали черемуху, а за смородиной ходили в лес. Да, мы, бабушка с нами ходила, когда могла, ходила, когда нет, старшие сестры братья, тогда же хулиганства не было никакого. Дом никогда не закрывался, вот прутик прогонят, воткнул или веник поставят около двери, что никого нет и все. И весело было, и в речке купались, и лето было теплое все те годы, рыбу ловили. Грибы заготавливали. Грузди прям в кадке¹ солили, много солили, всю зиму ели.

И.: Грузди, а еще какие были?

Р.: Вот подберезовик, белый гриб, все грибы, кроме лисичек, не знаю почему, лисички раньше не рвали. Да бабушка занималась. Да бабушка занималась.

И.: Рыбу ловили?

Р.: Вот такая вот маленькая на речке, вот так вот сделаешь [подолом платья], и она здесь соберется, потом почистим здесь же на речке, камушки, сковорода. Договариваемся у кого, кто сегодня яйца принесет пожарить и вот жарили на берегу, но родители не ругались, разрешали, когда время свободное есть, все же лето в огороде. То картошку, то грядки, полно было садили и свеклы, и моркови и капусты сколько, а воду носили с речки.

И.: С речки, колодца не было?

Р.: У нас колодец был, а потом он обрушился, вот и с речки носили. Тянешь эту на коромысле, ведра эти болтаются по земле, ты тащишь. Да, но мы ходили через огород. Мы по Советской жили. Каменка там сейчас есть речка. Ой, речка тогда хорошая была, чистая была, берега чистые были, песок чистый был, все дети купались никакого стекла, там вот идешь на речку, и все, бабушки там, родители: «В речку ничего не бросать». Тогда и посуды то не было. Если какая-то посуда сломается, тогда тебя отругают за это, где ее купить то. Уже эти какие-то стеклошки в клетку несешь, и никакого стекла не было, и берега были чистые и купались и белье полоскали в речке, и глубокая была. А сейчас все позаросло на речку то и не похоже даже.

И.: А на огороде коноплю, лён не садили?

Р.: Конопля была. Ходили за коноплей. У нас до этого же росла, много конопли и ревень дома у нас тоже росло. А с конопли чё делали!/? Какую-то толчонку делали, тоже семена вот эти вот добывали, толкли, как-то заливали, не помню, но вкусно было. Ели тоже коноплю. Одежду не помню, может когда я совсем маленькая была, может раньше ткала [бабушка]. А здесь уже в войну и после войны я не помню. Только вот помню, дорожки ткала. Лён – это когда ещё в колхозе не было, колхоза не было, они выращивали, сами сеяли лён, и пшеницу сеяли и рожь сеяли, и это всё своё было. А потом уже при колхозе уже я не знаю, то ли покупали, или ещё что.

¹ Кадка — ёмкость цилиндрической формы, сделанная из деревянных клёпок (дощечек) и обтянутая металлическими или деревянными обручами.

И.: А дом у Вас большой был?

Р.: Дом круглый был. Как раньше говорили: горница и изба. Изба-это заходишь такая большая комната, русская печка стоит, палати. Так вот заходишь и здесь как в бане полог, только высокий, ну примерно метр от потолка, дом высокий был и такие плахи настелены и там спали. А горница – это комната небольшая, где стояло голландка, кровать стояла, и всё, стул стоял, и всё. В избе обедали.

И.: А русская печь она была, чем отличалась русская печь от голландки?

Р.: Русская печка была у нас сбита из глины, небольшая русская печка, а голландка та небольшая. Как сейчас у нас печи стоят, такая небольшая или как вот делают часто в летней кухне, небольшая. В русской печи в основном. А на голландке мы картошку жарили, пластиками. Вот как она топится, горячая, картошку эту режешь, вот так вот тоненькими пластиками, и прям на эту плиту ложишь, потом подрумянилась, поджарилась нижняя сторона, переворачиваешь, поджарилась и ешь. Ой, вкусная была такая. Нищенки приходили. Нищенками звали людей, которые ходили побирались. Есть было нечего. Ну, в общем, не могли не держать ни скота, ничего тогда. И всегда давали им картошку. Да, жареную. Вот придут, вот у нас бабушка такая была милосердная, она вот последнее отдаст, и не жаль, ребятишки все по пластику, а нам другой раз жалко даже картошку. Она быстро несите, если нищенка просит, сырую и кусочек хлеба бабушка обязательно даст. Если молоко есть, она их садит, и молоко наливает.

И.: А куда садили?

Р.: За стол. Лавки такие были большие, вокруг стен везде лавки стояли, широкие. Много было, особенно во время войны уже как-то поменьше стало, но были. И ребятишки, и взрослые были. Ну не платили же в колхозе, палочки в конце года, что там дадут, если дадут там мешок пшеницы, это на всю зиму, а были такие что по состоянию здоровья не могли работать или откуда-то, вот переселялись работать. Ниче не было, а потом вот эти вот немцы были. Жили они в землянках, плохо жили очень, всегда голодали, всегда голодные были, вот.

И.: А эти немцы откуда пришли?

Р.: Ну, наверное, с Волги что ли. Много было немцев. Ага, вот здесь у нас много-много нарыто было, и там вдоль речки, вот подальше от берега речки, а рядом у нас через 2 дома была контора и во второй половине жили тоже немцы, девочка в школу ходила, в этом месте вообще есть нечего было. Жили, вот у них то ли печка была такой вот котел, такой вот большой. Они воду наливают, и все готовится. И топить, вот корки собирали, там разную бумагу собирали, вот сдавали, вот что дадут денежку. Свиной пасли в колхозе, свиной в колхозе держали. Они пасли, работали, приехали ничего же нету, ни одежды, ни посуды, ничего, кто-то если даст, а так жили плохо. Хорошо, вот на нашей улице все доброжелательно относились и даже помогали некоторым.

И.: А немцы, говорите, в котле мылись, а у вас баня была, да?

Р.: Ну вот у этих бани не было, а у нас баня была по-черному. Ну, сейчас печки делают, а тогда просто камни собирают и накладывают друг на дружку, укладывают вот такой вот пирамидой и все, и затопляют, дым весь в бане, дверь приоткрывают, окошечко приоткрывают и вот продымится, протопится, немножечко выстоится, и в баню. Стены все в саже и прикоснутся к стенам нельзя, будешь черный, и мылись, но жарко. Парились, как особенно дети, как заболеют вместе со взрослыми в баню. Жарили нас вениками, парили. Мы там взгораем, плачем, врачей же не было, лечили вот домашними средствами. Ну, а женщины, да попариться, зимой на морозе, летом тоже уставшие. Ну, катка была под

водой деревянная, а этот тазики алюминиевые были. Ковшик был. Тоже алюминиевый. Ну, у кого какой, но у нас алюминиевые были ковшики и тазик. Мылись же – один тазик или два тазика, и с одного тазика все мылись, сядут вокруг одного тазика. Полки были. У нас небольшая была. Семья небольшая была и небольшая баня, дров надо поменьше.

Мы все втроем ходили. Ну, суббота – это обязательно, а так вот по возможности как вот мать скажет, чтобы сегодня истопить баню, ходили поздно. С коптилочкой ходили, с лампой, она коптит, и так вот мы мылись. А потом было татарское мыло, знаете такое? Это такая трава. И кто придумал, сказал, что это татарское мыло? Её рвешь, но она тоже цветет, вот такая вот высокая и когда цветет, ее рвет, макушки, и ей мылись, и она как вот мыло. Татарское мыло, а почему «татарское мыло» назвали, не знаю. А голову мыли щёлоком. А это зола, в ведро насыпали, горячей водой заливали, она отстаивалась и мыли. Ой, красота! Прямо волосы росли хорошо.

Не было мочалок. Если ходили всё время босиком, и в лес ходили босиком, пятки как терки, пойдёшь на речку, песочек, травы сорвешь, этот песочек – и шоркаешь. Отшоркаешь, так же руки; маленькие были, руки в цыпущках были. А вот то сметанкой, то маслом смажешь и проходят.

И.: А по утрам, вечерам умывались?

Р.: Умывальник такой был. В доме стоял умывальник, под умывальником тазик стоял, у кого-то тазик, у кого-то ведро, у нас тазик стоял. Умывальник как чайник, так вот наклонен. Вот что интересно, зубы не чистили, а зубы у всех были такие хорошие зубы, белые. Ну, у кого-то ну так вот если хочешь, то соли возьмешь на палец и почистишь, или содой. Все. А щеток вообще не было, это уже потом, потом стали. Может учителя, врачи, может у них и были, а у нас не было. Ногти стригли, это обязательно.

И.: А девушки вот волосы носили?

Р.: Косы. Одна коса, всегда заплетали в одну косу. Если две косы – это уже замужняя. Ну, в школу мы уже пошли – две косички заплетали, волосы длинные были, толстые такие.

И.: А насекомые были?

Р.: Ой, насекомые... Тараканов море было, а клопов тоже море было. Вот боролись, подмораживали и чем только там их не травили. Но, а потом почему-то с годами все меньше и меньше, то ли голод был, то ли им тоже питаться нечем было. Много было. Я даже не знаю. Что-то сыпали и полыни, травы какие вонючие, вот всё ложили, я помню. А как зимой вот мороз, двери открывали и студили. А сами уходили к соседям по очереди. Печку затопишь, и которые замерзли, выметали всё, а которые спрятались, там, где-то ужились, снова быстро размножались.

И.: А веники заготавливали?

Р.: Да, заготавливали. Ну, у нас мама заготавливала. Березовые. Ну как время есть, но август надо до Ильинога дня. Ну, вот какие нитки есть или какие-то верёвочки есть, всё это вот покупала вот так меняла, на продукты, если едет. Или вот эти вот льняные нитки вот делали с этой, с конопля-то, вот эти вот веревки делали. Ну, вот тоже так вот скручивали их и завязывали.

И.: А вот чем топились тогда раньше?

Р.: Дровами. Сами заготавливали, и пилили, и также на корову, быках, лошадях возили, дома пилой пилили, вот. Мама заготавливала. Козлы такие сделали, она так бревно положит на козлы, и мы с бабушкой пилим, мне какую-то чурочку поставят под ноги, и пилим. За день бревно испилим.

Да, а потом нас заставляли механизаторами, МТЗами, ремонтировали трактора, и у нас стояли две квартиры, ну и вот нам мужики с дровами помогали. Им транспорт выделяли, и они привозили, как живут на квартире, так и вот, там сколько выделять, там ещё привезут и дома уже стали пилить, так что нам полегче потом уже стало.

И.: А в доме прибирались как часто?

Р.: Да. Ходили в обуви, в чем на улице в том и в избе, в избе ходили в валенках, потому что пол холодный был, подметали веником, мыли.

И.: В доме крашеный пол был?

Р.: Да, в доме у нас крашеный был, а сени – это как щас веранда, сени тоже рубленые были. На сени были стены резные, тоже из комнат шоркали и пол песком, все вышеркаешь, желтенький стоит. Ну, шоркали обычно один раз в неделю. Ну как бабушка скажет: «Мойте!» И вот шоркаешь, песок потом трудно смывать, вот первый песок – вот так вот смою, а потом уже бабушка одной рукой немножечко помогает себе, промывали.

И.: А вот покрашенный какой краской был у вас в избе?

Р.: Ходили за охрой на Худую. Худая – это речка, как с Заринска ехать, там написано «Худая». Вот там доставали вот эту вот охру. Ну, вот глина, чё-то копали, доставали, покупали растительное масло, в общем, в общем-то не покупали, а делали, вот. Конопля или со льна вот это вот, зерно толкли там, получали это масло, кто-то может олиф доставал, вот это всё разводили и красили. Жёлтый цвет получался. Между прочем, стоял очень долго вот этот вот крашеный.

И.: Ну, а вот крашенный просто мыли, не шоркали, да?

Р.: Да просто так вот мыли. Но когда механизаторы жили, они мазутные были, так просто не вымыть, щелок вот этот вот делали и мыли, вот так не промыть.

И.: А полки не было тогда?

Р.: Полки были тоже деревянные, но у нас буфет был старинный такой, как вот комод и сверху такой шкафчик и всё, и стол стоял и всё. Койка железная, вот и вся мебель. Ну, потом уже вот радио стали проводить, радио провели и всё. У меня внук спрашивает: «Баб, а какой телевизор у вас был?» – «Про какой вы телевизор спрашиваете? Света не было, какой телевизор...» – «Да как, а как?» Я говорю – вот как: голландку затопишь, руки же надо мочить, со школы придешь, в огород, а потом голландку затопят, всё бабушка: «Вот у голландки читай, а потом лампу зажжем». К голландке с учебником сядешь, а в дверце в голландке дырочки, вот так вот. Учебник около дырочек держишь и читаешь, и ходили без очков, все видели, а сейчас и свет и все, и все почти в очках ходят.

И.: А вот постель тогда, перина была или что, матрац, что у вас на кровати лежало?

Р.: У нас перина была, матрац был, подушки были, ну постельное, это редко стелили. Было, но только вот по праздникам, но потом уже и постельное, а во время войны здесь первые годы, после войны. Перина, держали куриц, но и вот это вот весь прут собирали, но как я вот запомнила, что у нас уже перина была, может еще бабушкина перина это была. Подушка мягкая была. Подушки большие были, такие вот 75*75. А матрац я даже не знаю, то ли вата, то ли еще что-то, не помню. Он мягкий был.

На кровати я спала. Маленькая была, я с бабушкой спала, а потом бабушка уже старенькая, мерзнут

стала, она на печке спала, на голбчике¹, голбчик знаете, что такое? Это печка, внизу голбчик – это такой вот что голбец лезти, такая приставочка была, а сверху еще голбчик, верхний и вот она здесь спала, если холодно она на печке. Если потеплее она на этом голбчике. А на полатях уже люди спали. А мама спала у нас, я даже не помню, где она спала, обычно на печке спала. Зимой намерзнем, стоим у печки.

И.: А в чем тогда ходили? Одежда?

Р.: А ходили кто в чем. Вот кожа, если была кожа, ее выдeldывали эту кожу, отдавали специалисту, у нас на Советской там один жил, и он сапоги шил, как сошьет эти кожаные сапоги, да еще на вырост, а кожа как засохнет, они как деревянные, оденешь, а в школе физкультура, ноги согнуть не можешь в этих сапогах, вот так вот. А летом вот ну в школу какие-то туфельки, а дома босиком, босиком ходили. Платьишко, платьишко какое-нибудь, кофточка какая-нибудь и вот ситец какой-то продают, все ситцевое, кто-то шьет, шьют, вот так вот.

Зимой, как раньше говорили, лопатина, а это пальто. Обутки, пальто – лопатина, лопатина. Ну, вот кто-то мог купить эту лопатину, а кто не мог, шили сами. Покупали где-то материал у кого-то или кого-то подряжали, а взрослые ходили в фуфайках. Да, как сейчас только толстая она была, теперь нет.

Мы покупали, вот мать ездила с извозом в Тальменку, вот там можно было и купить. Продукты меняла, сало возила, масло возила, морковь возила, яйца, вот, город считался Тальменка. На вырост купят, и в школу сходишь, все, а дома уже так, в чем попало.

И.: А бабушка у вас как ходила, в чем?

Р.: Бабушка в фуфайке ходила. У ней был сарафан. Как вот показывают сарафаны, сарафан такой. Рубашка, по праздникам белую одевали, а так коричневые, черные, чтоб пореже стирать. А сарафаны были какие-то серые и синие, и черные, ну у кого. У ней [у бабушки] был и синий, и черный был. Синий на праздник был. Обязательно фартук. Фартук всегда, и если около печки, варит, стряпает, это все в фартуке обязательно.

Рукавички сами вязали из шерсти. Пряла [бабушка] шерсть, вязала, а чтобы дольше носились, обшивала материалом. Или старое пальто или вот эти вот юбки толстые, и вот обшивали. Перчатки только вот на фронт вязала, а так у нас не было перчаток. На голове шали носили, а летом платки. У бабушки платок была и шишмура². Шишмура – это берет такой вот шапочкой, но она завязывалась, такие вот. Как ниточки были завязочки, она одевала, а завязочки здесь были, она завяжет и потом вокруг головы еще здесь завяжет. Вот как детские шапочки носят, только та с завязочками была, сзади завязочки завяжет, а завязочки длинные, она еще кверху по этой шиш-муре завяжет. С материалов. И делали теплые, утепляли или шерстяные делали, вязали старые или покупали с материала делали, или кто-то покупал, у нас бабушка сама делала. Бабушка носила, ну это вот в войну и после войны, а потом мы жили так, платочки, платочки тогда дорогие, не достанешь, а шишмурку она делает, все время около печки, чтобы волосы, спрятанные были.

Босиком ходила [бабушка], потом какие-то были обутки раньше, такие кожаные и здесь вот завязочки были вокруг ноги – вот так вот завязывали и носили. А подошва была такая не кожаная, а просто с этого материала с кожи, и все, никакой подкладки не было ниче, легенькие были. Тоже шили сами.

¹ Голбчик — приступок у русской печи в крестьянской избе.

² Шашмура — женский головной убор, похожий на коюшник.

Отдавали сапожнику шить. Зимой валенки, частникам отдавали, катали. Шерсть отдавали, битую шерсть всю готовую и в пимокатнях катали. Ну, дома как была чесалка, вот эта, чесалка – вот так вот расчесывали как пух. Щас чешут козий вот так вот, и была шерстебилка у частника. Вот так вот шерсть берет, ну там какой-то станок накладываешь туда, и она вот бьется и скатывается. Отдавали частнику. Валенки хорошие делали, красивые, теплые, мягкие.

И.: А мама в чем ходила, тоже в сарафане?

Р.: Нет, у нее гимнастерка и юбка, и ремень солдатский. Извозит была, вот ездила, что на ремне подпоясывается, юбка растягивает, и стяженки штаны, стяженные штаны носила. Это только зимой. А летом какой-то трико толстое было или толстое, или так мне казалось, что толстое и еще юбка была и летом она редко вот в этой форме ходила, юбка вот как джинсовая, вот такая толстая, я помню, как-то раз бабушка не могла стирать: «Катюшка, постирай мамину юбку!» Замучаешь, как холодно, встаешь на доски, трудно было стирать. Мама летом ходила в сапогах.

И.: А стирали в чем, в корытах?

Р.: В корытах, и доска стиральная. Доска или железная была, или как щас вот такие вот. Щелок добавляли и мыло хозяйственное. Мыло и покупали, и сами варили. Животных, свиней, вот колешь, вот эти вот кишки выпускаешь, промывают, как-то заливают, парят в печке, запах неприятный. Ну и вот, потом че-то там, не знаю, как их делали, мыло вонючее, одно время продавали у нас вонючее, не помните? Дома стирали, а полоскали и летом, и зимой на речке.

И.: А бабушка верующая была?

Р.: Бабушка верующая была. Были деревянные и такие вот иконы были. Заставляла нас молиться. Ну, не то что она такой злостной веры была, но помолиться всегда помолится. Старообрядчица, староверы. Ну, это вот церковь в Шмаково большая, знаете, вот эта вот. А вот мне внук сказал, староверы, где-то поселение такое было, вот называлось старой верой, и вот они приехали отсюда отсюда, и вот так вот ихняя вера стала староверой. Вот как заходишь, и по правую руку в переднем углу, вот так вот, как в дверь заходишь, и вот этот вот передний угол, здесь полочка высокая была и на полочке стояли иконы. Слева [печка]. А иконы здесь стояли, а здесь стол стоял против икон. Иконы всегда в красном, как говорили, углу. Мама не молилась. Ну, она вот, соберемся вечером, она вот скажет: «Ребятишки, лезть на полатах зимой и молиться». Маленькие были, долго она молится, молитвы читает. «Вы повторяете за мной!» Мы стоим или сидим, толкаем друг друга. «Вы повторяете?» – «Повторяем, баба!» Сильно не заставляла: хотите – молитесь, хотите – нет. Руки в крест – вот так вот делала, вправо, потом налево. У нас была книга такая вот толстая, там много молитв было и как молитвы назывались: «Отче наш», «Богородица», вот какие сейчас есть и тогда эти же были.

И.: А праздники она соблюдала?

Р.: А праздники все старинные, все отмечали в этот день, не мыли, не стирали, ниче такого грязного не делала, грязной работы не делали. Праздник уже это праздник. Пасха, Богородица, там какие ещё, Троица, Духов день, вот все вот эти вот, что щас вот отмечают праздники, то и тогда.

На Пасху яйца красили, ну не разрешали, все втихушку. Ну и иконы тоже не разрешали. Прямо вот выносили, а у нас бабушка сказала: «Стоят, не вами поставлено, не вы их будете убирать. Стоят, пусть стоят». И они больше не приходили к нам. Так и иконы стояли. Яйца не разрешали красить, но красили, все красили. Яйца красили луковым пером. Потом на поляну выходили, яйца катали: у кого разобьется, чьим яйцом разбилось это яйцо, тот забирает это.

На Пасху обед праздничный был. Там уже все и пироги были, и какие-то напитки с ягод делали, все это тоже вкусно делали, мясо тушили. На лето мясо вялили всегда. Солили его, в рассоле держали, а потом на вышку, и оно засохнет, такое, такое тугое. Пост соблюдала у нас бабушка. Нас не заставляла поститься. Ну, скажет: «Девчонки, хоть один день попостите». На Пасху пост заканчивался, на Пасху все ели.

Троица – это «Троица – земля к работе готовится». Всегда в праздники уже празднично все делали, уже всё вкусно варили, по тем временам вкусно. Молоко топили, варенец сами делали.

И.: А варенец как делали?

Р.: Варенец? Молоко в печке обтопят, и заквашивали сметаной. Вкусный очень. В тепло поставят, вот утречку уже готовое. Вот. Мясо в жаровне жарили, была такая железная что ли. И чем-то покрытая. Водички немного, и вот в русской печке все так протомится, вкусно очень.

И.: Сметану вот топят в русской печке. Зачем?

Р.: А топят её, вкусная. Ой, какая вкусная! Вот что вкусная, я сама даже вот уже у меня дети, у нас русская печка была, мы топили сметану, а потом её смешиваешь и масло домашнее, вкусно. Щас на маслобойке бьют, а тогда вручную, мешаешь-мешаешь – и масло. А появится пенка сверху, появится – и вытаскиваешь, она студится, и садишься, и мешаешь, мешаешь и мешаешь, масло. Мешали мутовочкой¹, она деревянная была. Сметана была в горшочке деревянном. И на хлеб [масло] или чё-то жарили, и также продавали, так вот.

И.: А творог не делали?

Р.: Делали творог. Да, молоко скиснется и в русскую печку эту простоквашу и творог вкусный тоже был. Из творога щас ватрушки, а тогда оладьи назывались и оладьи пекли, ну вареники не делали, ну вот оладушки делали, и потом шани делали. Ну, такое сдобное тесто и сверху смазывали сметаной. И в русскую печку, и вот это все поджарится, вкусно. Если сахар есть, сахарком.

И.: А вот Вы говорите хлеб стряпали с картошкой, а с чистого зерна не стряпали тогда в войну?

Р.: Если мешок зерна дадут, на трудодни на эти вот палочки, разве хватит... картошку добавляли, ну потом уже вот война кончилась и там через какие-то года уже стали хлеб помаленечку как-то давать. Но в колхозе пекли хлеб, и то вот на лошадях, там на тракторах, им выделяли по сколько-то грамм хлеба, пекли у нас тетя, бабушкиного брата родного жена. Пекла, такой вкусный, булки такие вот большие, но маме тоже давали, на лошадях работали, но она, конечно, этот хлеб не ела, домой приносила. Ну, там может по 150, вот так вот, маленькая краюшечка. Как кончается, так бабушка стряпала, по булки четыре то выпекала. А вот как я не помню, какую-то закваску делали, и всегда она хранилась, добавляли эту, сквашивали, квашня была деревянная. Такая, как сказать, как кастрюля, вот такая вот, только с дерева сделанная. Ну, и вот этой мутовкой месили, сверху тряпочкой закрывали, веревочкой завязывали, чтобы насекомые не попали, и даже их не было, все равно завязывали, не знаю, зачем и на полку ставили. Ставили, она поднимется, потом бабушка еще помнет это тесто, потом снова поставит, оно поднимется. Потом выкатывает эти булочки, они поднялись, она в печку их на лопате деревянной, противень на лопату деревянную ставит и туда в печку, вкусный был. Зависит от мамы, насколько хватала хлеба, сколько она дома бывает, ей в дорогу ложат. Остальное мы по кускам

¹ Мутовка — предмет кухонной утвари для взбалтывания, интенсивного перемешивания или взбивания вручную различных жидкостей и смесей (муки с водой или молоком и т. п.).

таскали, бабушка блины пекла, вот эти вот ватрушки пекла нам, каши, когда каши тогда хлеба меньше ели.

Калачи делала, на праздники уже по возможности делали калачи с одной муки. Выпекали на пару. Печку истопят, было помело, это как веник, там все подметали в печке и этот хлеб на лопату ложили, и туда на этот вот пот, ну вот он выпекался, корочка вкусная была.

И.: А каши в основном какие были, из каких круп?

Р.: Тыквенные. Просто из тыквы, вот я сегодня не сварила. Варила кашу тыквенную, вкуснятина, с манкой, с молочком.

И.: А ребятишками в какие игры вы играли?

Р.: А играли в шаровки. Ну как вот лапта была, и вот выбивали вот эти шары этой лаптой, завели шары в ямку, и выбивали. Ну и также из круга мячом выбивали, в прятки играли, ну и все, наверное, какие игры. На санках зимой катались. Как и все ребятишки и в снежки и все валялись, придешь и мокрый, и на печку быстрее сушить все это. Весело было. Щас же вот никого не встретишь детей, чтобы вот так вот играли, никого нету. Все сидят дома за компьютером.

И.: Спасибо за информацию, очень много всего рассказали!

Р.: И бабушка проболела оспой, и вот у ней такой глаз, одного глаза нету. Мне было 14 лет, когда бабушка умерла, этот платочек у ней остался, я ещё помню носила, хорошая бабушка была, добрая.

И.: А вот тогда чем болели?

Р.: Ну простудными заболеваниями. Оспа ходила, корь была. Желтуха была. Желтая была. Я вот в школе училась, желтею-желтею, все сильнее-сильнее, надо мной стали смеяться, щас если желтуха – это значит, все, в изолятор надо ложить, а тогда в школе учились, дома ходили, а потом уже учительница сказала: «Не приходи в школу!». Овес пила, вот отварят овес, я пила, морковку ела. Вот помню, еще че-то мне давали, и все вылечили. Вот. И никто, братья, сестра, общались, ела с одной чашки, и никто не болел, а щас вот говорят, что это заразная болезнь. Лечились травами. Собирала она [бабушка] и полынь собирала, и собирала ромашку, цветы вот эти вот рвала, а для чего ромашка не помню, и вот это вот трава муравушка, да кажется, от зубов, тогда зубы редко были, но тогда была цинга, полоскали рот. Ну, вот зверобой, вот эта душица, мать и мачеха, вот эти вот все травы. Ну, потом появилась медсестра, потом врач один появился. Болело мало, и умирало мало, вот что интересно, что ели, а работали как вкалывали, а смертности такой не было. Может не пили...или может эта никто там над нами не летал, воздух свежий, побежишь в огород, морковку выдерешь, ботвой обшоркаешь, об подол пошоркаешь, и в рот, не мыли, вот так вот, и никто не болел. А щас разные микробы, и вымоют, и вычистят.

И.: А у Вас бабушка старовер была, а Вы какой веры сейчас? Никакой?

Р.: Да я не хожу, но одно время трудно было, здесь мама умерла, через два года муж умер, вот 20 лет как он умер, одна живу. Трудно было очень, ну вот ходила в церковь. Иногда ходила. Батюшка приезжал, на исповедь ходила, нам же когда трудно, мы тогда уже все, а так потом немного полегче стало – ну и все, да и внуки здесь все время были, некогда, и огород и все, и я на пенсии уже была, все равно работы много, надо на улице все сделать.

И.: А Вы сколько классов закончили?

Р.: Восемь. А потом поработать пошла на Сужзавод, там вот картошку мыли, чистили, резали, сушили, и вот там работала, а я в вечерней школе училась в восьмом классе. Вечером в школе, строго было, даже строго-строго, не щас вот в школе учатся обыкновенной, такой строгости нету, а тогда строго ставили, зимой в школу ходили, во вторую смену, а на завод уже ходили или в первую, или третью, в школе уроки закончатся, домой прибежишь, переоденешься и на работу идешь, вот там зиму проработала, лето, зиму проработала, а потом в ХПП (хлебоприемник) набирать стали рабочих, лаборантами там вот. Вот прям здесь рядышком. Мы с девчонками решили сюда идти, нас не пускали, мы вас пошлем учиться, много молодежи пошло, и мы пошли. Вот и работали на стройке, склады строили, а вечером учились на лаборантов, зерно принимали, зерно возили в машине и очень много зерна было, ну и вот осенью лаборантами работали, а зимой на разных работах, я проработала, потом дети появились, а потом ушла в колхоз работать. А потом с колхоза, в Новоалтайск Горэлектросеть. В колхозе контролером работала. Ну, вот пять лет там проработала, потом в больницу пошла работать, бухгалтером, пять лет проработала, позвали главным бухгалтером. В больнице очень много работы было, и холодно было сильно, клинику та построили, а как-то не утеплили что ли, сырость такая, холод, ну и вот в колхоз ушла, и из колхоза на пенсию пошла. А на курсы бухгалтера ездила в Барнаул. И от колхоза ездила, и от больницы, и на контролера ездила тоже училась, я старшим контролером работала, отчеты делала каждый месяц, ездила в Алтайку. А муж в ХПП работал, с армии пришел, электриком работал, потом мастером, потом начальником. Ну, у него отец тоже, они приезжие, вот обосновались здесь, это ХПП построили, потом его родители переехали, перебросили в другое место, а мы остались здесь.

Коротких Евдокия Ильинична, 1932 г. р.

На момент записи интервью проживала в с. Маралиха Краснощековского района Алтайского края.

В годы Великой Отечественной войны проживала там же. Работала в колхозе на разных работах. Отец – Илья Абрамович. Мать – Матрена Григорьевна. Родители были репрессированы. Во время войны респондент была сиротой и проживала у дедушки и тети. Дедушка – Какудинов Абрам Степанович. Тётя – Какудинова Домна Ивановна.

Опрос был проведен летом 2015 г. Рыковым Алексеем Викторовичем.

И.: Назовите полностью вашу фамилию, имя, отчество.

Р.: Коротких Евдокия Ильинична.

И.: Родились вы здесь?

Р.: Да, в Маралихе.

И.: А как ваших родителей звали?

Р.: Мама была Матрена Григорьевна, отец Илья Абрамович.

И.: С каких они годов?

Р.: А вот этого я не знаю. Я, когда росла маленькая... а потом они умерли, и я осталась сирота. А когда я начала, а когда я родилась, моему дедушке было девяносто лет. И он шестнадцать лет меня воспитывал. И вот сто шесть лет ему исполнилось, и он помер.

И.: А дедушку вашего как звали?

Р.: Абрам Степанович Какудинов.

И.: А ваш дедушка, родители они так же, местным были?

Р.: Нет, нет. Они из Тамбовской области. Там, это, ну мало земли давали, этим. Ну, тогда-то еще не было советской власти. Не было земли. Они оттуда пешком пришли. Вот, потом вот спрашивали: «Вот зачем, вот вы шли, везде дадут вам землю бесплатно. Так что, жили бы на свое бы земле». Ну как, сначала начали хвалить, хвалить, что здесь. вот населения мало, мало было людей.

И.: А вы в военное время уже работали?

Р.: Я как, с сорок третьего года пошла на работу. И работали всю неделю, пололи, подгребались покос. А под стога полосы тогда были грязные, обрабатывать нечем было. Мы вручную их, это, пололи всю неделю. В субботу в баню отпускали. В воскресенье опять весь день на ногах.

И.: А что такое бригада¹? Как она выглядела?

Р.: Ну, бригада, там амбары стояли. Дом специально стоял. Там сделали эту, ну котел огромный, печку мазаную, затируху. Вот по ковшечку давали. А потом у нас в деревне появилась завод. Оно само

¹ Полеводческая бригада — основная форма организации труда и первичная производственная единица. В колхозах как форма организации труда зародилась в 1929 г. Вначале создавались временные бригады для выполнения определённых видов работ (пахоты, сева, молотбы и т. д.), по окончании которых они распались. Затем она стала постоянным коллективом работников, выполняющих под единым руководством, на основе кооперации и разделения труда, все работы на закрепленном участке производства.

предприятие Харлово было, много амбаров таких. Оно там существовало. А что наши не успевали сдать хлеб – план, машин не хватало. Ну и рядом села. Открыли у нас Заготзерно. Прямо вот за речкой у нас была школа, вот где мост на Маралихе. Вот в ту сторону дороги, там у нас была школа и гора. Складывали, ровняли с землей и засыпали туда зерно. Потом палатками закрывали, некуда девать было. Потом мы стали амбары делать, все. И мы говорим в своей бригаде: «Наверно, мы уйдем, там хоть маленько, пятьдесят рублей давали денег». А он и говорит: «Девчонки, всем буду по два ковша давать вам». А то по одному давали ковшечку, проси хоть не проси. А то надо, много же людей, надо же накормить всех. Хоть по немножко, но всем дать. Вот, ну, правда, остались до осени, поработали. А зимой же там, в бригаде делать нечего нам. Ну, мы ушли в «Заготзерно». Работали на мешках. Нагружали машины, вручную кидали на пару. Мешок зерна кинешь, высыплешь там – опять подают, опять насыпаешь. Ну как бы ни было тяжело, все было дружно и любо. У нас начальник, или лаборант или заведующий «Заготзерном» всегда слушались, никогда против ничего не говорили. Уж молчим, но никогда ни это, не связывались со старшими.

И.: На бригаде были помещения, где спать было можно?

Р.: Да. Конечно. Вот, два или три яруса даже. Вот если дом высокий делали вот так вот на низу, например, от полу нары, сверху нары были. Если можно было еще, делали нары и спали. Вот. Одежду забирали из дому свою. Вот. Ну конечно подушки никогда не брали. Теплую курточку какую-нибудь берешь с собой и всегда ее под голову. Там не до подушки было.

И.: А что такое затируха?

Р.: Ну это – берешь муку и поливаешь кипяченой водой или молочком, чем, и натираешь. Вот так вот ее мешаешь, мешаешь, потом через сито просеешь, там колобочки. Потом вода кипит, и эти колобочки потом спускаешь туда, в котел, и варится она. То, что хорошее делает, там лапшу или что-то оно, надо муки много. А это хоть всем помаленьку горяченького надо поесть. Вот, вот это затируха такая называлась. Ну а теперь как, теперь молодежь ее не видели и не рады ее видеть. Ну, а старые мало кто вспоминает. Кто уже памяти нету, кто... вот, про нее теперь мало говорят. А тогда, ох. Вот шибко был голод, картошку старую, а она еще не растет. Нету ей, молодой нету, и старая кончается. Вот тяжело. У нас была семья маленькая, нам всегда картошки хватало. У кого, конечно, большая семья была, тяжело. А мы че, дедушка у меня был и тетя. Вот, сестра училась на учителя, потом отправили работать ее. Брат в армию ушел, убили его. Вот и я одна осталась.

И.: А в войну огороды были? Картошку сажали?

Р.: Ну так, и в войну, и до войны, и после войны. Они всегда, и сейчас сажают. Это испокон века идет. Тогда вручную копали, не было такого трактора, чтобы пахать. А на лошади не каждый возьмется себе дома пахать – не развернешь. Лошадь она есть лошадь. Вот, и большинство все вручную копали. Мы на горе жили, там у нас земля была хорошая. Ну, там как – сараи были, бани были, и она удобренная земля была, мягкая. Как называется, черноземная. Вот, копали. Надо пораньше – скопаем. Обычно копали, праздник Пасха. Всегда дедушка говорил: «Надо к Пасхе хоть ведерочку посадить. Она пораньше взойдет и, может, бог даст, урожай даст, с картошкой будем». И вот, скопаешь сколько, посадишь, опять вскопаешь, посадишь. А вот люди были нежадные у нас в Маралихе. Вот объявят газеты там. Ну, газеты мы не получали, их мало очень было. Только давали таким вот, начальство получало. Или приезжают, сбор села делают и вот: «Нам надо вот столько-то, столько-то картошки собрать или там муки, кто может, кто может деньгами, кто че». Ну, на фронт, чтоб отослать. Вот, это так называлось – «на фонд обороны». Ну и всегда, вот люди, вот из последнего отдавали. Вот, например, два мешка, если у него есть картошки – он мешок обязательно отдаст. И все вот так думали, что все мы кормим

своих солдат, тем быстрее война кончится. Вот. Один раз поехали на бригаду. Утром встали, а мороз, мороз все в огороде убил. Такая картошка была, и все убило. Ну, картошка, правда, потом не зацвела, а расти росла. Хоть немножко, но собрали, и на зиму хватило, и на лето еще собрать, на семена. Ой, ой, женщины бедные. Мы-то были бестолковые, еще небольшие, нам-то еще... А они- то каждый, у каждого дети. И она думает, что будет делать, если она им урожай не даст? Чем кормить детей, и все. Ой, досталось. Да. А у нас что. А у нас детства не было. Чтобы мы лежали на Чарыше, на Маралихе отдыхали, купались – некогда было. Да и если я уже подросла, побольше, сама уже понимаю: если огород не помогу дедам покопать землю, что я буду в зиму есть? Вот и все, почему-то так думали. Всегда, ну как.

И.: А по огороду дети работали? Что делали по огороду?

Р.: Пололи. Картошку пололи, огребали. Вот, все сажали. Мы жили далеко от речки, воду и на тележке возили и поливали. Там и капусту посадишь и огурцы, все вручную, все вручную. И ничто никто никогда не обижался.

И.: А какие культуры еще выращивали?

Р.: Фасоль, горох, огурцы садили, помидоры там сажали. Ну, табак, не каждый сажал табак. У кого есть возможность. Вот у нас одна бабушка. Я же не буду толочь, готовить, как махорку делали, табак курить. Вот. А она все делала, она и натолкёт и просеет. Сделает так, чтобы ни пыли там не было, табачной. Ну, как нормальная махорка получалась. Ну, свеклу, морковку, лук, лука много было. Лука вообще много, лук у нас зимовки. Сейчас вот у людей даже зимовки нету, а у нас прям полосы две три насажено. Дедушка одну срезает, солим, едим соленую и всякую и жарим. А вторую. Вторая подрастает, опять та уже подросла. Ту срезаем, эта опять подрастает. Кто идет: «У вас есть лучок?» Кто скажет: «Нету»? «Возьмите, у нас лучок есть». Вот нарежем им, у нас такие большие репья рос, большие листья, огромный лист оботрет все и наложит, и завернет. Тогда ни газеты, ничего не было. Завернет и дает. «Ой, дедушка дай бог тебе здоровья». Он: «Ешьте, ешьте на здоровье, ешьте». Не жадный был, никогда. Почему- то люди тогда были... Вот придешь, какую-то баланду сварил человек для себя – если кто-то пришел, обязательно садись, хоть немножко поешь. Я знаю, что ты не совсем сытая, есть все равно хочешь. Обязательно покормят тебя.

И.: А вот как насчет капусты или огурцов?

Р.: Погреб у нас был выкопанный. Банки тогда не солили. Этих банок мы и не видали, в бочках солили. Какая в маленький бочонок и в побольше, и еще больше. И помидоры солили, и капусту посолим. Одну кадочку перекладываем огурцами, засыпаем соленой капустой сверху, и опять огурцы. И вот огурцы одно объединение было. И сейчас если кто-то сделает, покушаешь, хорошие. Вот, и огурцы бочками солили. И все съедали, все съедали. Ну а что больше, картошку сварить, с огурцами. Борщ, щи варишь. Тогда борщ не называли, называли щи, вот, тоже с капустой. Ну, коров держали, сметана, конечно, была. Хоть как, коров всегда держали.

И.: А какие основные блюда тогда делали?

Р.: Ну как, картошка в любом виде была. Вот. Заколют скотину и кровяную колбасу делают. Ну, делали, если вот, когда колешь большого там подтелка или бычка колешь, крови много набираешь от его. Ведро чистишь, ведро подставляешь. Такое редкое решето ставят и процеживают, чтоб ниче не упало. Потом варишь, обрабатываешь кишки и начинаешь колбасой, как это сказать, ну кровяную, фаршем, фарш кровяной. Там и с лучком, и с чесночком делали. Вкусно делали, хорошо, вкусно делали. Там вот если кишков не хватает, остается, Домна Ивановна прям поставит, сварит, в такую плоскую кастрюльку и в

чугунок такой плоский выливает. Потом режет кусочками, пока остынет, и на стол. Перчиком там посыплет. Ну и хоть кто приходят, скажут: «Ой, вкусно».

И.: А какие еще блюда готовили?

Р.: Ну это, у нас на первом месте была картошка толченая. Сейчас как называют, пюре. А тогда – толченая картошка. Ну, со сметаной делали её, и лук пережаривали с маслом сливочным. Намешаешь и ешь. Делали еще это, калину парили, а потом, когда калина спарится, кипяченой водой разводишь и мучькой посыпаешь. И она погуще делается, повкусней. Ну и сахару добавляешь, тоже была хорошая. Это называлась кутья¹. Мука и калина. Калины много нарывали. Когда ее запекаешь, распаришь в чугуне, а потом с мукой запекаешь, перемешаешь, на сковородочке ставишь – и в печку. Она обжарится, сверху обжарится, и все ели. Ну и кашу пшеничную варили. Фасоль вот у нас все прям любили. Ну, мясо всегда было. Готовили, в чугуне варили. Вытаскивали, потом крошили и на стол ставили, вареное. Солью посыпешь, кульком посыпешь. А если время есть или есть где топка топится – лук пережаривается. Это сейчас – раз, раз на плитке или на газе. А тогда топку, только тогда можно готовить. Лишний раз не топишь топку. И кашу готовили. И пшённую парили, и лапшу делали вручную. Вот. Фасоль.

И.: А как ее? Вручную?

Р.: Ну как. Ну, сейчас вот, это, в магазине покупаем готовая, а тогда сам делаешь. Вот тесто заведешь, раскатываешь, туго чтоб было. В пышку большую сворачиваешь, и крошишь, чтобы лапша получилась. Специально на таком частом сите сеяли, она же как, ну хорошая мука. Вот и из хорошей муки тогда лапшу делали, надельвали много. Поджаришь её в печке на листах, потом ссыпашь, такие большие были горшки, – в горшок ссыплешь, закроешь, стоит в холодном месте. Надо – сварила.

И.: А муку вы откуда получали?

Р.: Была мельница в Маралихе. Вначале была в Маралихе. Маральская, называлась там Сузиковая мельница. Там, жил в перед богач, фамилия его Сузик. Ну и вот, а потом, когда он уехал и все это оставил, бросил. Ну и мельника как, научили парня, как это молот, да все. И долго там мельница существовала. Она еще была в ту, ну до советской власти была. И она все стояла и стояла. Вот потом, когда начали делать, покупать свое. У нас вот была своя мельница в деревне. И скотине дробленку делают. А вот, а мельница у нас всегда была.

И.: А раньше, говорят, такие маленькие рушилки² были?

Р.: Да всякие делали. Вот так вот крутишь ее, она кушает. Как мясорубка была, только вот что побольше. И вот сыпешь ее вот так, она сыпется и это придерает.

И.: А рушилка – она почти у всех была?

Р.: Ну не во всех конечно. Вот я, например, и тогда, вот мы вот живем, ни одного мужика нету. И вперед так же было. У кого-то есть муж, у кого-то нету, вот. Ну, кто-то нанимал, просил человека, заплотит за это. Они ему, а рушелку должны обязательно, хоть не у каждого, но хоть. Захотел нарушить себе, особенно когда, в колхозе не дают, урожая нету. Ну, бывает так, что ничего, нету урожая, там дадут помаленечку. Ну и вот, хлеб уже печь, не пекли. А вот только вот эту вот, муку наделают, если

¹ Кутья — кушанье из риса или другой крупы с медом и с изюмом.

² Рушилка — приспособление для получения крупы из зерна.

еще пшеничка, а если её нету. Ну, покупали, ну чтобы хоть что-то надо же есть. Вот, если заколешь там скотину, ну и сварить. Когда с капустой, когда вот насыпают. Домна Ивановна у меня тарелочку меряет, ну чтобы пустая не была, насыпает в печку.

И.: А рушилки в селе кто-то делал?

Р.: Конечно. Это особенно мужики кузнецами работали. Они все делали. И все сделают.

И.: А в войну ремесленники были?

Р.: У меня один дядя пимокат, пимы катал. Вот. Дедушка у меня шубы шил. Вот из овчин делали. Овчины выделывали. Дуб обдирали на кустах, дуб делали. Из дуба кору с веток обдирали. Потом ее крошили и кипятили, в этом вот рассоле, вернее в этом воде такой. Овчину спускали туда, и она красилась. Вот и делал дедушка хорошие полушубки, и шубы шил. Вот у меня, в детстве, я маленькая, мне так надоело эти шубы носить. И уже фуфайки шили, а я все в шубе в этой ходила.

И.: А в войну приходилось дикорастущей травой питаться?

Р.: Ели, конечно. Все. Вот картошка пойдет – листики собирали. Когда шибко голод, когда был. Ну, люди. Мы не ели – люди ели. У кого большие семьи – не хватало. Ну вот. Крипиву, не жалюцка. Крипива, такая длинная растет. Она молоденькая хорошенькая, ее накрошишь, она это. И вот эта вот репа, на горах растет – как ее называют? – вот она вот такая растет и этими, кусочками – как, как листочки, только они толстые. Репа. Вот эту репу рвали, для того чтобы, когда капусты не хватает у людей, они ее набирают. Она кисленькая, и тогда варили борщ с ее, добавляли. Да все пережили люди. Пряничник вот этот, растет сейчас, такой узенький, листочки, везде. Около дороги он растет. Тоже сильно его рвали, ели, крошили и супы делали. Ну вот, шибко тяжело было, когда картошка, когда своя кончилась и молодой нету. Вот тут шибко тяжело прям. Тяжко. Хотя, когда есть маленько мучки. Когда есть и мука пока не кончалась, и там хоть какую-то болтушку сделать. Ой, да дай бог никому никак, не надо эту войну. Ужас.

И.: А ягоды собирали, грибы?

Р.: Собирали. Все собирали, и ягоды, и грибы. Все собирали. Ягоду калину заготавливали много. Ее все зиму паришь. Черемуху мало рвали, сушили, мололи. У нас на мельнице мололи ее. Насеешь, запаришь и так ели, запаренную. Вот запарят, Домна Ивановна сахарку туда сыпнет, скажет: «Ешьте, ешьте, она хороша». Ну, пирожки пекли с ее. Такие вкусные с ее пирожки, сейчас вкусные, люди пекут.

И.: А ягоду сушили?

Р.: Конечно, на солнышке сушили. Она подвянет такая, соку потеряет. Потом печку протапливали, на листы насыпали и в печку, чтобы она была как, ну как хрустела. Ну, потом ее протрешь, провеешь, на сите просеешь и паришь. Ну, варенье тогда не варили, знать не знали про варенье. Ну, тыква была, сажали, сладкая тыква. Напаришь в печке русской ее, она вкусная, ох.

И.: А вам рассказывали, какие травы можно собирать, какие ягоды?

Р.: Да я уже это не помню, откуда еще, кто это все придумал. Но когда уже я подросла, вот когда война началась, че восемь лет мне уже или семь лет мне уже было, началась. Ну, в общем, в сорок третьем году, мне уже было, я уже пошла на работу. Меня забрали. Прям, дедушку попросил бригадир: «Дедушка, пожалуйста». Я ему помогала. Вот. Ну, я уже, уже во время войны. Все люди рвут, ну сам спросишь для чего. Вот. Особенно у меня Домна Ивановна, она же готовила, что-то болела. Кто что делает, она спрашивает: «С чего варили?» Они: «Так и так». – «А где вы рвали?» – «Вот там и там

рвали». Ну и все, и мы скорей туда. С мешком и туда, нарываем. А потом пойдешь домой, переберешь, перемоешь и в погреб спускаешь. Тогда холодильников не было. А погреб, ну у нас хороший был погреб, холодный. Зимой тепло, а летом он такой прям. Мы даже воду из Маралихе набирали и в кадки ставили туда, или чугун, эмалированный такой. Кто идет, дорогой едет, подъедет: «Ой, пожалуйста, попоите водичкой». Жарко, когда, достанешь холодную воду из погреба, попьет: «Ой, какая вкусная вода. Ой, спасибо, спасибо». – «На, здоровье». Лишь бы довольный человек остался. Вот намного тогда люди были... то ли это, может быть, эта беднота всех соединяла в одно.

И.: А лекарственные травы собирали?

Р.: Ну, конечно собирали, какие могли. Подорожник всегда готовили. Нарезаешь его и сушишь, потом прибираешь его, на зиму. Дети, когда маленькие были, раз, раз его привяжешь. Ну и этот, чистотел тоже, тоже приготавливаешь. Ноги парят егом, то умываются, то делают такую воду, чтобы лицо, прищи какие. Приготовят воду и умываются этой водой. Эта, она трава испокон века, всякую ее заготавливали.

И.: А от каких заболеваний какую траву использовали?

Р.: Ну вот, всякая, ее разве запомнишь. Ну, вот сад колючий в доме растет. Его намывали, я помню, бабушка намывает его, крошит мелко. И в стеклянную посуду. Там бутылки были, вот, заливает туда, и меду добавляет, вот. А раньше ни аптек ничего же не было, откуда. Лекарств не продавали нигде. Ребеночек закашляет, раз – ему немножечко накапаешь в водичку кипяченую, попоишь. Глядишь, перестал кашлять. Вот. То спинку, то грудку растирает. Это же хорошо, она же хорошо помогала. Раньше не знали, что давление, его никто не мерил. Ну, узнали, что голова заболела: «Ой, голова болит, угорели». Пили, вот нашатырный спирт нюхали. Вот, еще какие капли были, мятные капли были. Бабушка мне на комодик сахару накапает капли две три, когда особенно кашель: «На тебе капли». Вот этим лечились. А когда если сахар вышел, все: «Ой, у меня горло болит, мне надо мятные капли». Ну, она там уж из последнего дает мне сахару. А потом скажет: «Че-то ты, наверно, хитришь. Ну-ка дай погляжу тебе горлышко. Ниче у тебя горлышко, нормальное. Не надо обманывать». А потом мне дедушка говорил, что обманывать плохо, нельзя обманывать. Учил всему хорошему, только хорошему все учил.

И.: А в военные годы вы ходили, собирали яйца диких птиц?

Р.: Ну, ходили. Только тогда они, как? Не было запретов, ружей тоже не было. Ну вот, ставили эти, капканы или сетки такие делали, чтобы туда зерна или хлеба кусочек. Приманивали. Вот только так ловили. А больше никак. А оружие... Ты что, если узнают, у кого есть ружье или что – большие штрафы были. А вот так вот, решетку, это натянут, подымут на колышках ее прибьют и подымут. Как только какая птичка зашла туда, ее прям, дернут за палочку, за ножку там. Она бах, и все прикрылось.

И.: А яйца этих птиц вы собирали?

Р.: Ну, были люди, которые собирали. Мы кур держали, яйца всегда были. Много не держали, но нам хватало. Штук десять всегда в зиму оставляли. Вот. Ну а как без кур. То она парить села: цыплят выпарила, выведет, вырастит. А к осени петушков колем. Курочка если, оставляешь ее.

И.: А сусликов ловили?

Р.: Ловили, но я никогда не ела, я даже мясо вот не ела. До сих пор [люди] едят. Их выливают. Воды туды наливают немножко, они оттуда начинают вылазить. Он берет и их в мешок. Наберет сколько, потом колют да едят. Они, говорят шибко вкусные, как курятина. Ну, я не ела. Не могу есть такое. И у

нас никто их не ловил никогда.

И.: А вот в военное время еще ловили кого-нибудь? Вот нам рассказывали, кротов ловили, волков?

Р.: Ну волков, ловили только для шкуры, а есть – не едят. И этих хорьков, их тоже никто не ест. Они не хорошие, они все едят подряд.

А вот кошечка степная¹ да, она чистая, чистая. Она же попало никогда не ест. Она только одно зерно ест и водичку пьет. Ну, срывает, они едят, они наверно ягоду едят. Ну, они чистоплотные, они хорошие. Мясо их жирное, как баранина.

И.: Рыбу тогда ловили?

Р.: Ой, рыбы тогда было в Маралихе много. У нас это, у тети жила, она мордушку ставила. Прямо уже вода застывает у краев, она все лазила, мордушки ставить. Прямо вот такие там песканы были большие. И сейчас мордушки ставят. Плетут их из прутиков. Ее заправляют туда, ложат там хлеба, завязывают все и кидают в речку. А ее там вот так вот ложат, а сверху такая веревочка. Тут тяжесть какая-нибудь, чтобы она не всплыла. А потом веревочка дергает и мордушку оттаскивает рыба.

И.: А из чего их делали?

Р.: Из прутиков. Меленькие, тоненькие такие тоненькие прутики режут. Вот на забое, нарезают, вот, и с их плетут. А там их запросто. Там только глянь как, и сразу человек понимает, как и че. И начинает плести вот эти. Ну, кому если надо, мордушки плести.

И.: А как еще ее ловили?

Р.: Ну удочками ловили, и сейчас они. Леска была, все, как и удочки продавали. Они же испокон века продаются крючки. Вот эти крючки всегда покупают, на них червячка надеют и кидают.

И.: А какие рыбы тогда водились?

Р.: Ну карась, окунь, нельма она и сейчас есть. Тальмень и сейчас есть. Харюза это очень хорошая рыба. Она прямо такая: у ней и костей мало, и вкусная она, твердая. Вот чебака поймашь, он прямо чуть полежал маленько, делается какой-то мягкий. А этот, это еще и ерши есть такие. Вот. Такие они вот. Спинка колючая, но мясо вкусное.

И.: А их сразу съедали или заготавливали как-нибудь?

Р.: Ну вот, у меня бабушка была, она песканов² всегда на зиму. Летом я почищу, помою все. Она прямо по ведру ловила. И мы перечистим, все и сушили на улице их. Вот, пока она маленько на улице обвянет, вот как бы вроде просохнет. А потом на листы и в печку и складывали. А зимой уху варили. Косточку возьмешь и положишь в суп. Она рыба твердая. Вот сушеная рыба она твердая, вот варится, не раскисает. Потом прямо такая вкусная. И такая уха хорошая. Вот ели уху.

И.: А в военное время как выглядел дом, где вы жили?

Р.: Ну, обыкновенный дом у нас был. Когда наши приехали из Тамбова, и они построили дом. Он был, как, двухкомнатный. А когда нас выгоняли, и там построили это, ну как кузню сделали в ограде. И они коридор сожгли – топить было нечем. А первую комнату кухню сделали как на это, на сенки.

¹ Степная кошечка — суслик.

² Песканы — пескари.

И.: А мебель, какая была?

Р.: Мебели никакой не было. Были ящики у их, лавки, ящики, полати. Божничка¹ была. На божничке все иконами установлено. Иконы были у нас хорошие. Когда я уезжала, тетке отдала их. А вот мебель, вот полати. На полати спали ребятишки все. Взрослые на койках все. А дедушка все жизнь у нас на печке проспал. В зиму и лето спал на печке. Это его была печка. Он на полати свои вещи складывал, рядом. Как спать ложился, брал на печку: расстилал и ложился. Табуретки были, табуретки. И лавки были кругом дома, наставлены.

И.: Посуда, какая у вас была?

Р.: Ну, обыкновенная, наверно, посуда была. А была даже одна стопка, для гостей. Чашка была большая глиняная. В ней в первую всегда накладывали. Наливала у нее там суп или щи, там. Из одной чашки ели, вот. А второе если накладывали, то это уже она, бабушка на двоих в тарелочку наложит. Железные, эмалированные тарелочки были. Не знаю, где они их взяли. Тут наверно брали. А когда гости приходили, садились кругом за столом, и дедушка ходил с поллитрой. В одной стопке, он каждому наливал. Он выпьет, он к другому идет. Вот такого не было тогда, чтобы на стол поставить бутылку и каждому стопку. А вот дедушка ходит, подливает, они пьют опять. Выпил, последний выпил – опять начинает с первого, кому в первый раз наливал. Мы его так кругом. Кого в армию провожали, похороны, и все вот с одной. И все вот так наливали. И все, почему-то все так делали.

И.: А вот вы рассказывали, что полати были. А чем их накрывали, были ли подушки, матрасы?

Р.: Да откуда матрасы, одеялко принесешь. Подруга одеялко принесла там, байковое. Тогда стяженных-то не было, байковые. Вот, и другая подруга: одно стелим, а другим одеёмся. Вот так вот и спали. А курточку раз и под голову, и все. Никаких тебе ни подушек, ниче. Только вот одно одеялко. Дома подушки конечно, матрасы и перины² были. У кого перина, у кого, кто на матрасах спит. Вата, она продавалась всегда в тюках в магазинах лежала. Люди покупали и делали матрасы. А у кого гуси были: набирали пера и делали перины, подушки, перины делали. Даже одеяло делали из пухового. Пух набирали и вот, и делали одеяло пуховое.

И.: А соломой набивать, не приходилось?

Р.: Нет, нет. Мы соломой нет. У нас на печке всегда был потник из шерсти скатанной. Вот такой.

И.: А потник, это что такое?

Р.: Ну, вот потники подстилают под это, под седло у лошади. Кто на верхом едет всегда, вот, и там может, видел. Она как пимная, из шерсти катается. Как вот, например, мягкая голяшка у пима. Только голяшка тоненькая, а эту делают ее толстую. Вот и расстилают, на полу спали. Когда семья сильно большая, на полу спали люди. И матрас, потняк положишь, потняком он назывался. Положат на пол этот потник, подушки, и никогда человек не мерз. Тепло на нем лежать, хорошо. Все, как, а люди, что-нибудь да придумают.

И.: А во что одевались? Что на ногах носили?

Р.: У каждого валенки новые бывают. Это уж редко какой ленивый попадает в деревню. А так всегда, у каждого валенки накатаны, шубы шьют, вот, варежки вяжут свои. Сделают верхонки такие, из

¹ Божница — полка с иконами в «красном углу» дома.

² Перина — мягкое ложе для кровати в виде мешка, набитого пером или пухом.

маленьких, когда, ягнят колют, а у них шерсть как кучерявый, кучерявый. Вот с их делают такие рукавички, шапки делают. Она как каракулевая называется. Ну, вот и рукавицы такие шьют, толстые, когда мороз человек едет куда-то и одёет. Вяжут рукавички, да там и сейчас люди вяжут. У кого овечки есть шерсть, че не связать то.

И.: Босыми не ходили?

Р.: Нет, босиком не ходили, сами сапоги шили. Вот, у нас в Харлово была какая-то мастерская или как ее назвать, ну, выделывали кожу. Вот, хром на сапоги, сдашь кожу, ну кожу с телка, и за это получишь готовый материал, сделанный уже, все на сапоги готовый. Ну и на голяшке там все, все там размерено, все сделано. Получаешь пару или как там, подсчитывают, сколько выйдет с этого, с этой овчины или с этой с кожи. Там пару или две получишь. Вот мы сколько раз получали. Так я даже девчонкой в город ехать, уже только успела сапоги сшить себе. И ходила, работала в их. А Тася эта: «Ох, зачем ты их везла? Тут в городе сапоги не носят, как в деревне». Ну а я что, новые сапоги должна выкидывать? Никто с меня их не снимет, на работу буду ходить. Дома то я по праздниками носила, а тут уж придется на работу в их ходить. Ходила, долго я в их ходила. Шили, все делали, все. И люди у нас тут тоже жили в Маралихе. Парни учились шить сапоги, там и ботинки шили, все. В магазине ж так сапог никогда не возьмешь, а вот эти сапоги, они хорошие и материал такой у них. Кремом насмолишь щеточкой, аж блестят. Ну, люди вот так одевались. Валенки тоже катали, носили все. Всякие валенки носили – и короткие, и длинные делали. Кто такие скатает, а кто как называется калоши. Вот с отворотом сделают, красиво. Носят люди и сейчас уже носят. Скатают такие, и на базаре продают.

И.: А чем вы раньше печь отапливали?

Р.: Кизяки делали, за дровами ездили, полынь ломали. Тогда и семечки сеяли и эти дутки набирали. Привезешь. Каждый раз как выходной день, так едешь скорей за дутками. Ими топили.

И.: Как топили в военное время? Когда основную печь, когда грубку?

Р.: Грубку мы редко топили, в нее надо дров много. Топили печь русскую. Натопишь ее, чугуны и с супом, и с картошкой наставляешь туда в печку. Оно там все само доваривается, запаривается. Жару уже много, пригребаешь к одной стороне весь этот жар, а потом ставишь чугуны туда. Вот, тогда кастрюль не было. Вот. А грубку только топили. Ну, необходимо, например, если кто-то приехал, надо что-то сварить. Вот тогда только грубку затопляли. Или печку не топили там, поздно. Например, квашня не подошла, ждешь, пока квашня подойдет. А чтобы в комнате не было холодно, подтопляем грубку. Вот только так, а сейчас видишь, сейчас мы сразу затопляем грубку. Печку, хоть она у нас и стоит сделанная, русская, сейчас мы ей не пользуемся. Хлеб в магазине покупаем. А тоже хлеб не свой. А тогда квашня, вот что-нибудь. Ну, Домна Ивановна так делала, что побольше картошки в тесто добавляла, там и тыкву или что-нибудь такое. Все это через сито процеживали, лишь бы только побольше булок было. Что там, ну все равно ели. Все свежее, все вкусное, все было вкусно тогда. Это сейчас вот выражают, посадишь – то не хочу, другое не хочу. А тогда такого не скажешь.

И.: А таганки¹ у вас были?

Р.: Были, были. На улице вечером поздно. Когда работаешь поздно, например, полешь или картошку капаешь. И мы там варим. Ну что там варят? Скорей, скорей картошки сварить. Это самое хорошее дело. Намыл, нарезал, посолил и поставил, варись. В чугунок положишь и варится. Ну, а зимой

¹ Таганок — металлический обруч на ножках, служащий подставкой для котла, чугуна при приготовлении пищи на огне.

конечно, что-нибудь дедушка колол кого-нибудь, или там овечек заколет. Если лишнюю держать, опять ей же надо стены много. Вот и держали коров. А теленка сдавали в колхоз за хлеб. Обменивали килограмм за килограмм, если в центнер вытянул наш теленок, мы центнер хлеба получали. И мы с этим центнером год живем. Вот помаленьку стряпаем, добавляем в тесто, чтобы побольше было тесто, чтобы протянуть. Ну, иногда еще пуда два купим.

И.: А по трудодням вы не получали?

Р.: Ну почему? Давали, но маловато. Вот война же была. Все старались все на фронт, все на фронт. И никто никогда не возмущался, никто, никогда слова не скажет, что это когда кончится. А делали так: «обязательно все сдадим, лишь бы солдаты были сытые. Чтобы там они ели хлеб или мед, мясо или что, лишь бы они были сытые. Вот, если они будут сытые, не голодные, то они больше этих, фашистов разгонят».

И.: А где покупали пшеницу?

Р.: Ну вот кто трактористом работал, ему давали на трудодень три килограмма. Если в нашем дают килограмм, то ему дают, три килограмма давали. У него хлеб уже был лишний. Он не съедал, лишний он продавал. Я когда в заготзерно ушла работать, деньги там давали по пятьдесят рублей на месяц нам давали. Подружки деньги получают, бегут в магазин себе обновки покупают, а я мешок под мышку и иду, ищу, где купить. Вот, покупаем, чтоб хоть с чем-то.

И.: А на рынок специально ездили?

Р.: Ну здесь не было. В Краснощеково был. Ходили пешком, кому что купить. Люди, которые ездили по городам, покупали. Привозили то товар. То, какие-то рубашки. То, что в магазине не было, они брали. И людям продавали. Люди, хошь не хошь, а покупать надо. Например, ребенка в школу отправлять не будешь, как попало. Надо что же одеть на него. Люди бегут в район. И я сколько раз пешком ходила туды, на базар этот. Идешь туда через микрорайон. Идешь туда. Ну, на базаре все продавали, и зерно. Кто на лошади туда поедет слегка, да купит. Муку продавали. Ну, все, что у человека лишнее, все продавали. А вперед, еще до советской власти, у нас здесь был базар. Но как это, не «базар» называли, а «ярмарка». Делали ярмарку только по выходным. И на эту ярмарку приезжали близкие сёла: покупали, привозили продавать. Тоже Домна Ивановна говорила: хорошо, встанешь, пойдешь, что надо купил. Ну а потом, как власть переменялась, все переменяли. Сделали базар в районе.

И.: А в военное время чем огонь добывали?

Р.: Ну, в печке угольки забивали, чтобы не сохли. А утром встаешь, этот уголек раздуваешь, щепки кладешь на этот уголек, и загораются эти щепки. И печку затопляешь. А печка запроваленная. На ночь всегда запроваляли печку. Если уголек затух – бежишь, у кого дымится, у кого огонь горит. Бежишь всегда, знаешь, что разжигают. Если огонь разгорелся, значит, разжигают печку. А печку топили рано, рано. Это в шесть часов уже у каждого печка топила. Вот и бежишь. Ковшик такой имеешь с крышечкой, и бежишь за этим жаром, насыпет тебе этих угольков и скорей-скорей разжигает. Ну а потом начали продавать такие, как фанерочки, досточки тоненькие при- тоненькие намазанные сверху, спички зажигать. С этой стороны и с этой стороны. И россыпью продавались спички. Они не россыпью, а запакованные в кулечках, всякие заклеют. И идет там норма, сколько, не помню, сколько они стоили. Ну, вот это мы покупали. Ну а потом уже начали спички продавать, когда война кончилась.

И.: А в войну в магазинах вообще ничего не было?

Р.: Что мы зарабатывали в колхозе, все у нас шло на фронт, и никто никогда против не был. А в

магазины это редко привозили. Человек по сто пятьдесят стояло в очереди. Стояли в очереди, но давали всегда всем поровну. Подсчитают, по пятьсот приходится на человека сахару, например. Трудно его было достать. Ну и все, делали по пятьсот. Если побольше привезет, сделают по килограмму. Вот никогда: тебе килограмм, а мне пятьсот. Всем поровну давали. А когда кончилась война, стали так хорошо жить. Прямо вот моментально, моментально. А потом колхоз начал подыматься. Дома начали строить, квартиры начали давать.

И.: А чем комнату освещали?

Р.: Лампа висела. Семилинейная, пятилинейная были. Керосин покупали. И висела лампа. У кого висит, у кого стоит. Ну, у нас всегда висела лампа. Пузыри продавались специальные. Может, видел? В кино ж показывают. Пузыри такие длинные и горлышко узенькое, а здесь вот так она. Хорошо освещала. Дедушка у меня, ему уже было сто лет, и он без очков шил шубы. Никогда очки не надевал. В иголку вдевал нитку без очков. И вот при этой лампе он всегда шил. А если ничего не шьет, то зажигали пятилинейную, она поменьше керосина съедала. Десятилинейная жарко горит, и в доме светло – он шьет шубы. Когда вот надо срочно, человек приходит, просит, пожалуйста. Там ребенку, куда-то ехать или кому-то взрослому. «Пожалуйста, сделайте нам шубы». Ну, вот он им шьет. День и ночь работал. И вот никогда, чтобы он очки одевал. У него даже очков не было.

И.: А в вашей деревне в войну немцев много было?

Р.: Ну, приезжало много. Ну, ничего, мы дружили, жили с ними хорошо. Не ругались.

И.: А когда их привезли, куда их расселили?

Р.: Ну у кого две комнаты, приведут и все – никуда не денешься. Все. Держи. В одной комнате хозяин жил, а в другой немцы жили.

И.: А им приходилось землянки копать?

Р.: Землянки копали, жили в землянках. И строили дома. Кто побогаче приезжал с деньгами. А лес продавали, вот они строили. Но они, насчет работы, они молодцы были. Он на рабочем месте никогда не запьет, немец. Он работает, всегда, и они показали себя хорошо. Их и бригадирами ставили и на хорошие работы ставили, все. Никогда им ничего не отказывали. И он выдерживал и никогда не подводил бригадира. Вот, что бригадир говорит, все делает, все вовремя и все по часам. А наши русские, она за водку сменяют, и работу потерять и все что угодно. Вот, а они нет. Во все еще говорили, да они такие... Хоть нет, какая подлиза. Если человек рабочий, он и работает. Причем тут подлиза то, в чем. Он даже не видит, как он работает, чужую работу принимает. Он же все смотрит и проверяет.

И.: А немцы ходили, побирались, обменивали одежду на продукты?

Р.: Нет. Наоборот, они продавали, что привезли. Приехали, а что, ведь каждый человек – он для себя готовит. Откуда мы знали, что немцев-то привезут? Мы не знали. Если картошка у кого лишняя, или продал, или скормил. Вот, а они все меняли. То на булку хлеба, то на ведро картошки. Там вещи хорошие были. Ну, они в Ростове жили, вот кто их захвати. Вот кто привозил даже в сумочке муку. В сумочке муку везли. Вот такую даль. Приехал человек, хоть болтушку, какую-то сделает. Никуда не бежать, не искать. Ну, пока ели эту муку, маленько жили. Ну, ниче, они потом сильно так рабочие. Все сажали, все у них было, как на паре кисло. Когда к нам мужики пойдут: «ох, там погляди что у них в огороде». Они не посадят, все делали хорошо.

И.: А первое время они по-русски все хорошо говорили?

Р.: Не все конечно. Старые не умели говорить по-русски, только вот молодые. Просто они в школе учились там, и русский изучали. А вот старые до сих пор, которые скажут: «я не умею говорить по-русски». Ну, а большинство конечно, потом научились.

И.: А что они такого нового принесли, что вы раньше не делали?

Р.: Ну если мы это не делали, конечно, учились у их. Все делали. Спросишь – покажут. Ну, в огороде, мы скажем: «И то, и то не росло, а у вас почему-то растет». Объяснить, как что надо садить, как и что делать.

И.: А какие культуры, например?

Р.: Ну, там какие-нибудь арбузы садили. Думали они – у нас тут не будут расти. А потом насадят. Люди садят, и мы учимся, спрашиваем. Скажут, что надо добавить песок, они так лучше в песчаной земле растут. Ну, шить много научились у их. Шили люди, вязали. Все они вязали, умели вязать. Вот там всякие кофточки вязали, джемпера, шарфы вязали такие широкие всякие. Вот. Шарф хороший. Ну, конечно, научились много.

И.: То есть жили в основном мирно. Таких конфликтов, там прозвищ, такого не было?

Р.: Нет, такого не было. Как старались все. Дедушка, он же всегда: «Домна, не надо их оскорблять. Их выгнали и повезли. Ты думаешь, им охота было со своим домом расставаться и все дома оставили, что нажили. Это они же не за один день наживали, правда. Сколько там вещей было, ну все сели и уехали». Вот, а кого на фронт отправили, и все. Вот, а мы вот не с чем остались. Ну, хлебнули они тоже, конечно. Я девчонкой, когда была, у нас рядышком немка жила. У ней трое детей, муж на фронте был. Ой, как она бедняжка жила, вот придет: «Абрам Степанович, у меня тяпка сломалась, лопатка сломалась, черешок, что-нибудь такое». Он ей поправит, она: «Ой, чем же я с тобой буду рассчитывается». А он: «Лида. Ничего мне не надо. Ты, пожалуйста, пожелай мне здоровья, а я тебе еще что-нибудь сделаю. Я сам такой, что у тебя ничего нету, и у меня ничего нету. Так давай тогда, говорит, жить дружно. Вот чем могу, я тебе говорит, помогу. Чем ты можешь, тем ты нам потом поможешь». Вот, и он жалел ее, прям, жалел ее всегда. Скажет: «Домна, не вздумай ее ни в чем упрекнуть, укорить. Вот, ты видишь, у нее трое детей маленьких. И она вот день и ночь не спит. День на себя работает, ночью для людей работает. Что-нибудь вяжет, вышивает человеку. Человек может за это ей пол литра молока даст. Вот. А надо детей кормить». Ну, дети плохо рассчитались. Ни один сын не принял ее к себе. Вот так она и померла. Ой, ужас, какой.

И.: А налоги в войну были?

Р.: Да, были. Платили. И все недоимки. Молоко носили, сдавали план¹. И если овечек держишь, одну овечку сдай в государство. И денежные налоги были. А у меня вот дедушка пострадал, сына же у него в германскую войну убили. Он еще и нас сирот на ноги поднимал. Ну и приехал тут один грамотный человек к нам в Маралиху, председателем сельсовета работать. И он сказал ему, ну дедушка пошел к нему, посоветовался, поговорил, может мне какая-нибудь помощь тут окажет. Он говорит, что это, что: «Абрам Степанович, смогу, я все сделаю». Правда поехал в район, поднял все документы,

¹ Обязательные поставки государству — сдача государству в определённые сроки заранее установленного количества сельскохозяйственных продуктов по врученным колхозам, колхозникам и единоличникам обязательствам, имеющим силу налога заменившая контрактацию в конце 1932 — начале 1933 для основных сельскохозяйственных продуктов.

действительно сын у него там погиб, похоронка пришла, все. Там все известно было в районе. Вот и поехал в Барнаул по своим делам и зашел там к одному знакомому. Ну, он там наверно сам с Барнаула был, раз люди у него там знакомые. И они сказали: «Ладно, все, на него председателя, все сделаем, что сможем. Давай оставляй все бумаги». И ему, дедушки оплатили с того дня, с какого числа написали заявление. И с этого числа ему выплатили деньги, и он их копейки себе не взял. Он встал и сказал, когда деньг им там давали, и говорит: «Это за фонд обороны, вот, это солдатам. У меня там внук служит, и второй внук служит. Я хочу, чтобы они были сытые». И сколь получил тогда, триста рублей, тогда были большие деньги, в то время, мы копейки ни какие не видели. Вот, и он все эти триста рублей, себе копейки не оставил, все отдал для солдат. На фронт все отдал. Ой, и о нем долго-долго говорили, какой сбор. Как начальство приезжает сюда, и всегда его вспоминают: «Вот почему бы нам не быть такими людьми, как у нас Какудинов Абрам Степанович. Получил все деньги, за сколько месяцев, и ни копейки себе не взял. Все на фронт отправил». Долго его вспоминали все. А мы это: «дедушка ну что ты, я бы в кино хоть раз сходила». Он: «вот сейчас будут мне давать пенсию каждый месяц». Потом ему давали по восемь рублей. Вот, такая пенсия была. Восемь рублей. Ну, потом все маленько прибавлялось, прибавлялось. Потом дошла уже семьдесят рублей. Это уже была как, это уже была в то время большая. «Вот, буду, – говорит – пенсию получать, я тебе дам на кино, сходишь, кино поглядишь. А вот если их накормят там и хлебом, ты знаешь, как они спасибо скажут, – Откуда они узнают, что это ты дедушка дал? – А сообщат, привозят деньги, объявляют». Ну, это он уже сам выдумал. Что объявляют, что вот такой-то из такого-то села послал деньги для солдат, на фронт, покормится. Ну и вот, мы все ждали, когда он пенсию получит.

И.: А много кто сдавал в фонд обороны, посылки посылал?

Р.: Посылали, все посылали. Люди вязали перчатки с одним пальцем вот. Были такие, не видел? Вот тут все связано как варежка, а здесь вот один палец свяжут. Это для того, удобно стрелять из ружья, мороз, например. И они одевали. Вот у меня сестра, сколько посылок выслала. Она посылала, и шарфы вязала, и носки вязала и перчатки вязала. И люди все вязали и посылали на фронт. И вот никто никогда ничего не жалел. Я говорю если у человека два мешка картошки, оставляют вот, огород посадят, и картошка остается на еду. Вот если сказали сдавать картошку, приезжают из военкомата, просят нас: «Пожалуйста, хоть немножко, сколь сможете». Они не говорят, там, сколько килограмм. И люди мешок себе оставляют, мешок сдают на фронт. Ни жалко, ли бы это. Все посылали и валенки посылали. Катали. У меня дядя Ваня, сколько катал мужских валенок. Катает валенки людям, а там с одного маленько шерсти остается, с другого человека маленько шерсти остается. И он скатает, прям напишет, приклеит, на фронт. И сразу все, моментально набирает иной раз машину. Наберут и посылку, и валенок и везут. Нет, люди были все дружные. Я даже удивляюсь, какие были люди. И всего не жалко было, лишь бы скорее кончилась война. И солдаты сытые были. А вот сейчас бы, если бы была, не дай бог конечно. Нет, вот какая же раньше была молодежь, со школы, учились в школе. Старшие классы прибежали в военкомат, обманывали: «Вот мне столько-то лет, мне надо на фронт. Надо на фронт. Я вам не обманываю. Я вам говорю, что мне пора на фронт». И вот все бегут. Ой, сколько было таких.

И.: А были случаи, что кто-нибудь не сдавал? Их как-нибудь наказывали?

Р.: Наказывали. Он пенился. Налог не плотишь, он пенится и пенится. То заплатил бы сорок рублей, а то будешь платить уже сто двадцать. А в то время эти деньги были ух... Ну, у нас еще копейка была. Домна Ивановна. Мы табак выращивали – десять соток табаку сеяли. Вот табак выращивали. Она толкла, готовили и продавали. Там, сколько копеек стакан. И вот. Люди все стаканами покупали. И мы хоть какую-то копейку соберем маленько. Хоть сахару купим, хоть пойдем булку хлеба купим. Как-то вот прям, ну как тебе сказать? Пробивались. Вот нет-нет, да что-нибудь купишь: « – Где деньги взяли? – Ну,

где, Домна Ивановна же табак толкет». Не Домна Ивановна, а тогда я ее звала, лелей. Это уж сейчас.

И.: А в войну баня у вас была?

Р.: У нас баня прям на весь переулочек была. Богачи тут жили. Их раскулачили, они уехали. А у них был литой сарай, большой-большой. И дедушка пласты резал, и мы возили. И он потом из этих пластов, выложил на глину их, поставил баню. Она была теплая, и как она быстро нагревалась. Тепло было в ней. И мы истопим баню. Всегда воды лишней натаскаем, а тогда таскали из Маралихе, и помоемся. И идем к соседям: «в баню идите скорее. Там жарко и воды много, все». Они идут, моются. Помылись, к другому: «Пойдете в баню, идите. В бане жарко, хорошо и воды много, идите, мойтесь». Вот, и человек пять-шесть семей вымоются в бане. Вот всегда топили и всегда людей звали. Ну, тогда она по-черному была, сейчас-то печи.

И.: А по-черному – это как?

Р.: Ну как, сделанная грубка. Топишь – ни трубы, ниче не было. Дым шел в дверь. Вот когда растопится печка, дым сойдет. Тогда дыма мало. Дверь прикрываешь, пока там все сгорает, и баня накаляется. Жарко в бане. И уже прикрываешь дверь, и дымом не пахнет. Но, есть продушина. Всегда открываешь, вдруг, чтоб не угореть. Вот. А потом появились эти печки, с такими с трубами. Начали такие делать.

И.: А чем топили баню?

Р.: Ну киззяками, всегда для бани хорошее. Или чурочки. Дрова какие привозили, какие потолще, всегда откидывали – это на баню. Потому что в печке там хоть что сгорит, печку можно подольше потопить. А баню ж не будешь целый день топить. А чтобы дрова хорошие, она быстренько, раз-раз, и натопилась.

И.: А, чем мылись? Чем стирались?

Р.: Ну, это, во время войны мыла не было. Мы варили сами мыло. А вот голову там, все, что не нужно такое: голову, поцаха¹ какие, вот это все. Доставали такую соду, добавлять в мыло, чтобы она застывала. И вот наваришь, на листы нальешь, а потом, как оно застынет, – режешь на куски. Вот это стирали. Ну, духовое мыло, как называли тогда. Духовое мыло, покупали в магазине: там лицо помыть, руки помыть. Каким брали, такое подороже всегда. Или дедушка всегда скажет: «ты возьми там подороже, оно лучше, подороже то мыло». Ну, возьмешь, чтобы оно пахло хорошо, запашистое. А вот сейчас нету такого мыла. Цвет такое, а не пахнет, уже не так.

И.: А щелок делали?

Р.: Делали. Холстина² же была у нас, делали платье из холстины. Ну, вот бабка деду рубашки все из холстины. Она прям все, чугуны у нас специальный был большой, она закладывает туда, наливает и золу. А золу делали из собачника, собачника рубили. И его натопишь, золу прибираешь. Она мыльная-мыльная, эта зола. И это, прям все эти холсты отбелятся, белые-белые. Ну а потом стали какой-то порошок возить. Вначале думали: что за порошок, что за порошок. Ну он хорошо отбеливает. Мы сначала начали порошок покупать, а потом и мыло появилось. А мыло мы долго варили почему-то, я не знаю.

¹ Поцаха — потроха.

² Холстина — кусок конопляной или льняной ткани с полотняным (то есть перпендикулярным с чередованием нахлестов через одну нить) переплетением пряжи.

И.: А щелок, получается, для стирки использовали?

Р.: Да. Заделают его там или им дорожки стирают. Наделают этого щелока, скорей-скорей насыпет туда этой золы. Отстоится она, и там замачивает, щеточкой потрет. Они прям там хорошо промываются.

И.: А сами когда мылись, использовали самодельное мыло?

Р.: Ну стирались-то, понятно, ну а бане это, покупали мыло. Было, но трудно его было покупать, то, что его никогда нехватишь. Кинешься, [продавец] скажет: «Ой, ты что же, уже разобрали». А когда порошу ее: «Теть Пань, пожалуйста, ну оставьте хоть одну пачечку». Ну, она хорошая была. Ну, она знала, что я сирота, все. Ну, я попрошу: «Теть Пань, вдруг я не захвачу, ну оставь хоть одну пачечку». Она: «Ладно, ладно оставлю». Приду, а она скажет: «Бери вот, я тебе много оставила, бери». Скажет про деньги, да я запишу, потом принесешь. «Давай, бери скорей, да бежи». Ну, я скорей складываю в сумочку и домой.

И.: Как вы со вшами боролись?

Р.: Ну как, мыли. Продавали специальный какой-то порошок такой продавали. В воду положишь их, голову помоешь – уничтожали. Белье бабушка кипятила всегда ниже. Вот прокипятит, все. Зимние шубы выворачивали на левую сторону и вешали, и баня топится жарко-жарко, а их... Ну, вот когда жар, она там накаляется, шуба, ну а где они удержатся – конечно, ссыпаются. Ну, всегда насчет этого дед строго: «Домна, погляди, шубы то одеёте, погляди». Или в школу хожу, шубу вешаю. Вдруг там чья-нибудь переползла, мало ли что – она проверит все. Ну а в субботу уж проверь не проверь – обязательно попарим их, пожарим.

И.: Как боролись с клопами, с блохами?

Р.: А это что, это керосинчику ливнет в известку и побелит, и все. Как рукой снимет – нету, все. Запаху боялись.

Лысенкова (Конищева) Прасковья Егоровна, 1929 г. р.

На момент записи интервью проживала в р. п. Благовещенка Благовещенского района Алтайского края.

В годы Великой Отечественной войны проживала в п. Тулай Шарчинского (ныне Ребрихинского) района Алтайского края. Работала в колхозе на разных работах. Отец – Конищев Егор Иванович, 1912 г. р. Ушел на фронт в начале войны, впоследствии вернулся домой. Мать – Конищева Христина Игнатьевна, 1912 г. р., во время войны работала председателем колхоза. В семье было 5 детей – все девочки. Также в семье был дедушка.

Опрос был проведен осенью 2015 г. Рыковым Алексеем Викторовичем.

И.: Назовите полностью ваши фамилию, имя, отчество.

Р.: Лысенкова Прасковья Егоровна, 1929 года рождения.

И.: А родились Вы где?

Р.: Родилась я, раньше был Шарчинский, потом Ребрихинский район. Теперь Ребрихинский район, посёлок Тулай, село Шарчино. Шарчино, ага.

И.: А как ваших родителей звали?

Р.: Отца – Егор Иванович. Мать Христина Игнатьевна.

И.: А с какого года она была?

Р.: Отец с десятого, она с двенадцатого года была. Оба умерли.

И.: Они родились там?

Р.: Родились они село Куликова потом осваивали Тулай... тоже с такого же района колхозники. В колхозе всю жизнь

И.: А семья большая была? Сколько человек?

Р.: Пять детей, девок. Живых. Отец ушел на фронт. Девчонок было: я самая старшая, второй – годик шел.

И.: А у вас родители – они кем работали? В колхозе?

Р.: Отец механизатор, а мать в животноводство, доярка. Во время войны председатель колхоза, руководила. Ушли все на фронт, бабы остались, дети. Работали все.

И.: А вы в войну уже работали?

Р.: Работала все работы. В яслях работала, и телят пасла, и на комбайне, и на прицепе – тракторист пахала, а я на плугу сидела. И все боялась, что я упаду с этого. «Ты пой песни», – вот я на весь голос песни. – «Че перестала?» – «Да все песни перепела». – «Снова начинай». Все помню, пережили. Все работали, все до маленького. На своей корове боронила. Жалко корову, траву нарву ей. Дедушка гороха расстилал, мы заборанивались с сестрой. Корова идет, мы сбоку ей помогали, чтоб не тяжело было. Наша какая-то умненькая все подчиняла, а вот у других брыкалась, а наша какая-то спокойная была. Другие приучали, а че бороны – вот так вот хвост трубой и бежать с поля, а наша подчинялась во всем – то ли понимала, что мы ее жалеем. Кормили, приучали люди. Как запрягут и держат, узда такая у

них, как на коне, и держат с обеих сторон. А че голова, голову держат, а зад-то – она и брыкается, и ложится, всякие коровы.

И.: А вы в бригаде работали?

Р.: Ну был бригадир, кроме председателя на все село. А так бригада у нас. Две бригады было в селе. Посреди речка текла. На одной стороне одна бригада, на другой, на другом берегу – другая. Все собирались, все знали свои работы. Уборка шла, так все к комбайну шли, распределяли кого куда. Бригадир рано в окно стучит: «Ты иди на ток. Ты в поле полоть хлеб». Всем давал. Все с шести лет. Моя сестренка третья с шести лет со мной и хлеб полола. Мы уж считались как взрослые. Девять-десять лет мы уже и училась. Охота было учиться.

Скорей переоденешься и в школу. Школу с октября начинали. А зимой вязали варюжки, носки посылки посылали всю зиму. Соберемся в одной избе у кого-нибудь, кто прял шерсть овечью, кто вязал. И у нас одна старшая была, она посылки зашивала. Дедушка табак выращивал, рубил махорку.

И.: А чем кормили в основном на бригаде?

Р.: Че выращивали, супы. С горохом суп, то щи, ну и маленько мяса. Пахнет мясом. Все равно в колхозе резали. Держали скот, овец, баранину. Механизаторов кормили, помню, там кусочки мяса им давали. А кто так мы то и без мяса. Не обижались, хорошо кормили. Еще картошка колхозная, капусту в колхозе сажали. Все выращивали свое тем и питались.

И.: А потом вам высчитывали, за то, что вы питались?

Р.: Ничё не высчитывали. Нам не платили денег. С чего высчитывать, мы же без денег. Палочка – трудодень. Я рядом с конторой жила, дак вот я... этот счетовод был инвалид: ему сидеть долго нельзя, ходить долго нельзя. Вот он: «Паранька, иди работать», кода видит, что я пришла с работы. Прихожу, он мне ведомость: «Вот этим ставь 1/25 работы». Тоже делились: механизаторам 1/50, пололи кто – один трудодень, в каждую клеточку ставить трудодень. На год давали. Маленько пшеницы давали. Пасеку держали – маленько мёду давали. А больше ничё не получали. Молоко сдавали государству, вот за молоко платили деньги. План был 430 литр вытаскать надо с каждой коровы. Как 430 вытаскаешь, можно под масло таскать. Считают заново. Масло получали мы. Выжили все. Отец пришел. Пришел, маленькие пообнимали его: «Папань, ты чего нам привез?» Люди приходили, рюкзаки товара приносили: «Ты чего нам принес?» – «А как же, принес, принес. Щас умоюсь». На рюкзак смотрит, а рюкзак пустой. «Я вам привез три песни.» О-ой. Мы любили петь, все до маленького. И вот он нам три песни привез.

И.: А у вас было помещение, где готовили?

Р.: Дом большой был, даже два дома. В одном готовили, обедали. Как столовая была, а другом такие нары сделаны – там отдыхали и ночевали. На этих нарах мы выступали, песни пели девчонки, ребятишки. Как в обед пообедают все в концерт. Ой.

И.: А приходилось в войну питаться дикорастущими травами?

Р.: Лебеда была в ходу, лебеда, Пучки, травы. Травы с лесу привозились со щавелем. Щавель появляется в поле. ууу... Такие щи заваривали с щавеля. Мы жили тут деревня, а рядом околос леса. Вот щас я ездила недавно, там вырезаны березки. Мы не трогали березки. В этом лесу и грузди были и трава всякая, какая нужна была. Я не ела траву, лебеду. Из лебеды хлеб пекли люди, мы не пекли. У нас отец пошел на фронт – 24 центнера получил хлеба. Вот этим хлебом мы помаленьку питались.

И.: Лебеду добавляли в хлеб?

Р.: Добавляли ага, маленько пшена, на рошилки. Такие рошилки были, не знаете, у всех были рушилки¹. Где кто пшенички наберет, струсит на эту – получается крупа. Вот в эту крупу, лебеду намешают и булочки. Мы такое не пекли. У подружки мать пекла, так я меняла свой хлеб на лебедино. Охото покушать какой хлеб из лебеды. Жевала, жевала. «Ой, как вы его едите?» Больше нечего. Есть подворуют где, идут на ток. Бывает в сапогах насыпется или сами насыпят. Домой придут, вытрясут. На рушилке проруют. То и детей, то по 10 штук было. Самое маленькое 9, 5. А всем надо есть. Только лебеду добавляли, пучки так ели. Поди пучки не знаете какие?

И.: Нет.

Р.: Большие, как назвать. Такие толстые растения. Так они и называются пучки. Эх, им не давали вырастать. Только чуть вырастут, и все. Если наш дом стоял, дак напротив нашего не рвали. Напротив своих домов. Вот еще как. И траву, и пучки и все напротив своего дома. Огороды были большие. Все на огороде, все до маленького. Два годика Валюшке было, ползает грязная, чумазая.

И.: А что выращивали на огородах?

Р.: Всё. Картошки, помидоры, капусту, морковку, лук. Всё выращивали. Всё убирали. Тыкву. Всё, что можно съесть. Картошки много накапывали, у-у. Картошка и выручала. Вот картошку мы добавляли в хлеб. То на тёрке. Ели сырую картошку. А то варёную натолку. В мясорубку пропустишь ещё, чтобы не было котожков. Хлеб пушистый получается

И.: Огород у вас большой был?

Р.: Большой, большой огород. Большой. Да у-у. Так большой, а потом дед: «Девчонки, пойдём, я вам ещё через лес...». Там овечек загоняли. А овечек оттуда угнали. А он на этом месте раскопал. «Посадите картошку там». Картошка вот прям такая была. здоровая. Кто не ленился и помногу выращивал. Ведь всякие были люди. Не пололи – зарастёт картошка. А у нас хороший был огород. Все выращивали как. Ничем не удобряли они. Там земля хорошая. И щас хорошая. У нас мама трудолюбивая была. Бывало, мы ещё и спим. Глянем – она уже копает огород. «Ну, чо ты нас не разбудила». «Да мне жалко вас. И так мало спите». Всё копали лопатой. Следом сажали. Кто грядки высаживал, делал. Это, картошку. А зимой картошку чистили. Дак шляпки срезали, золой замазывали и хранили в погребе. Так вот эти шляпки сами оставляли. Картошку съедали, а шляпки... Росла картошка большая. Крупная. Только зацветёт уже это. идёшь покапываешь. Где треснутая, руку сунешь – картошка лежит. Вызывали. Кто работал – вызывали. Наша семья, я не знаю. И бабушка, и дедушка старенькие. Но всё равно. У нас дед был охотник. Договор был с этими. с Барнаулом. С Барнаула у него приезжали. Отоваривали ему: крупу привозили, сахар, нам одеял. Волков стрелял. «Девчонки, идите, посмотрите, какого я завалил волка». Мы в сарай идём – на брячке лежит. Лис, зайцев. Зайца поймает, и соседям кусочек даст, и себе. Много было зверей. Эти. волки в стадо овец заберутся. наделают там, нагрызут. Так их отстреливали. За них платили хорошо.

И.: А какие-нибудь ещё способы охоты были?

Р.: Зайцев в петли. Капканы ставил. Волчьи капканы. Для лис капканы. отдельные у него капканы. Зайцы в петлю лезли почему- то. Зайцев [ловил]. Да. А больше никого. Лис, волков. Какие приезжали на машине, на «бобике» чёрном привозили ему трофеи все. И вот это паек.

¹ Рушилка — приспособление для получения крупы из зерна.

И.: А зайца – как его готовили?

Р.: Как кролика. Как крола щас, так и зайца. Они же кролики. Так готовили. У нас такая чугуночка была. Мама луком, чесноком сдобрит и в печку. Уууу. на улице слышно. Кто как мог выживали. Все старались, чтобы война как кончилась. Как письмо приходило, все напрягались. А как похоронки приходили, дак всёй бригадой рёву. И детям и все плакали, оплакавали

И.: А вот вы ягоды какие-нибудь собирали?

Р.: Клубника, смородина. Больше там ягоды нету. Сушили, тогда ведь сахару то не было, толкли, лепёшки и в печку русскую. И после хлеба вот эти лепёшки. А зимой разломаешь лепёшку. Маленько кипяточком, размешаешь. ууу. пирожки. сахару не было. В мешках висит, отломишь и ешь прям так. Зубки-то были. Готовили смородину

И.: А заготавливали лекарственные травы?

Р.: У меня тётка заготавливала. У нее до всего. «Теть Фень, зубы болят». – «Щас дам. Шалфей – пополоскай, и перестанут». Голова болит, так к ней ходили. В кладовке у неё висели пучки ото всего. Заготавливали.

И.: А какие там болезни в войну были? Как лечились?

Р.: В основном травами. Она знахарка была. Потом ещё одна бабушка была, лечила. Та в основном какими-то заговорами. Лечили, а больше как. Не было никаких медпунктов, сами лечились. Русская баня. Зимой закашлял – в баню. Мёд берегли, чтобы от кашля ложечку. А так не было, чтобы, какой там доктор. Далёко, 30 км, Ребриха была, там больница.

И.: А как заготавливали овощи, где хранили?

Р.: Лук плели, морковку в погребе и капусту в погребе. Капусту солили бочками. Картошку в погребе. Картошку, хватило места – тыкву. Тыкву в погребе – большой был – хранили. Не было холодильников-то. Это сейчас – раз то и дело холодильник. А тогда все в подполье да в погреб.

И.: А как солили?

Р.: Была такая бочка на 40 ведер. Вот туда капусту резали. Не резали, а этими лопатами так вот... такое корыто было длинное. И вот как ходили. Лопатами резали. Капусту засыпют, слой помидоров. Потом опять капуста. Велками. Зимой полезут в погреб, достанут вилок, у-у... порежут. Вкусно ребятишкам. Сейчас нету такого. Засаливали. Морковку песком засыпали в погребе. Морковку, свёклу. Была там ямка. Вилки капустные оставляли када для голубцов и песком засыпали. «Девчонки идите мне морковки штук пять накапайте». Зимой спускаешься, рукой ищешь морковку, принесёшь.

И.: А на огороде выращивали лён, коноплю, табак?

Р.: Нет. Только табак. Ни лён, ни коноплю. Ниче не выращивали. А табак дедушка сажал. Любил. «Девчонки, вы скажите, када посылку соберёте». Навяжем посылку. Я махорки. И вот он в каждую посылку махорки. За эту махорку письмо присылает. Только рады. Дедушке дай бог здоровья, силы, чтобы он выращивал. Сейчас пакеты продают, вот такой мешочек. Нарубят и посылали. Ну, амбар был. В амбаре он все и развешивал и сушил, и рубил. В амбаре у него все эти, ружье там, все петли. Девчонки смеялись: дедушка в кабинете.

И.: А речка у вас там была? Рыбачил, может кто?

Р.: Речка у нас хорошая. А рыбачил только один дед наш. Мой. Речка хорошая. А к нему кто надо приходит на речку. «Дед маленько рыбок» «Да вон бери, сколь надо». Хозяйки утром идут с тряпками. Рыбачил. Речка большая была. Раньше была, а прошлый год прорвало, унесло. Сейчас нет дамбы и речки нету. Ручеек. Мордушки¹ [были], туда попадали рыбы. И, по-моему, крючки какие-то, удочки наставлены. А у меня сестра вторая, бойкая какая. Пойдёт: «Дедушка, мне рыбы надо». «Только поставь так, как всё было и мордушки». Она ходила все, я не касалась.

И.: А как он рыбачил? Чем?

Р.: Такие длинные прутья нарезал и вот так вот кольцо сплетёт. И в это кольцо эти прутья втыкает, а макушку так вот. И вот она эта рыба. Там, по-моему, приманку какую-то ставят. И она оттуда плывёт, а сама не знает. А оттуда выплыть она не может. И вот это мордушка. Из прутьев.

И.: А у вас дом большой был?

Р.: Не очень большой. У деда с бабушкой большой дом. А из этого дома нас отделили. Сколько... пять на пять, наверное, был. Так подчас...дом, баня свои были. У деда было три сына, и вот он отделил нашего старшего Егора, второго сына. А третий молодой был Ваня. на фронт взяли, так и не вернулся. С двадцать четвёртого года.

И.: А мебель была в то время?

Р.: Да какая мебель?! В углу стол стоял. Вся семья за него усаживалась. Я все время на печке спала. Мое место на печке. Стояла кровать, широкая. Одна, как зайдёшь, я забыла, а другая в другом углу, тоже широкая. Там все и вся мебель. Лавки в кухне. Печь русская, зайдешь, сразу печь русская. Как зима, холодно. Раньше зимы, какие были холодные – ставили железную печку. Ставили железную печку и трубы в эту же. И у нас был патефон. И вот все, вся молодёжь зимой к нам ходила. Патефон слушать. А патефон это нам тоже дедушка подарил. Откуда-то привёз, и пластинки тоже. К нам ребята все и несли и полена дров в печурку. Вот. Дань. И бросают. «Я сегодня четыре принёс, завтра не принесу». Так что вот. Ой. И мне тоже сестра завидовала. Я у патефона сидела. Девчонки ходили с вязанью, ребятишки с дровами. Старшая тетка руководила этой вязанью. «Ты Манька чо-то носок три дня вяжешь. Почему ты так плохо вяжешь? Подтянись!»

Р.: А чем в основном топили?

И.: Топили дровами. Далеко лес был за дровами ездить. Километра три. Вот там разрешалось. Там был лесник и там разрешал, какие разрешал березы. Ну, наверное, какие уже не могут расти. Эти резали. Резали и оттуда везли. На санках. Вот. На санках оттуда. Вот мама нас двоих. Двое мы: я и за мной сестра. А я росла какая-то хилая. А та сестра у меня крепкая, дак на ней все ехало. Пилили они, а я только вешки отбрасывала. А сестра за меня. Её не посылали учиться в школу: «Пускай Паша учиться». Какие ручки маленькие, а у нее такие ручищи. Даже так пять классов кончила и не пошла больше. Так и. А меня все поджелевала она. Оттуда, оттуда едем. Везет санки: «Садись, маленько тебя повезу». Говорю: «Да пошла ты, дрова вези». И вот, санки у нас большие дедовы. Дед всё у нас свяжет веревками, свяжем – и потащили: «Откуда дровишки? Из лесу, вестимо». Привозим, распилим, расколем. Колола она тоже все время. Везде, в баню натаскаем. На улице оставишь, на улице буран – занесёт. Все, в сенках поленица. «Девчонки, дрова кончаются, а зима ещё неизвестно, когда кончится. Поехали ещё за дровами съездим, пока дорогу не замело». Выживали.

¹ Мордушка — рыболовная снасть-ловушка, имеющая вид двух вставленных один в другой конусов, сплетенных из прутьев.

Р.: А делали у вас эти кизяки?

И.: Это мода была у нас в деревне. Не делали кизяки. А в другую деревню заедешь, там кизяками топили. В нашей не было. Ну да. К нам же ездили, где овечки жили, к нам ездили из другой деревни. А мы все дровами и это, весь хворост. Если берёзку свалишь и весь хворост подбираешь. И все на дрова. Перерубишь и дрова. Берегли! Помаленьку. А напротив своего дома не трогали березки. Сосед ездил. Прошла по своей деряни... о-о... Срезаны березки, и так захламлено. Когда мы жили, в тапочках можно было ходить.

Р.: А чем разжигали огонь?

И.: А вот огонь-то. У дедушки была, я не знаю, как ее правильно, крисало¹ или красало. Крисало, по моему. А утром встанут хозяйки, у кого в трубе дым, бегут с горшочком за углём. Горячий уголь возьмет, и пошла разжигать. А дедушка курил. Вот, ему и спичек давали. Вот и какие отоваривали. Сам он их не жёг, а вот этим крисалом подставит и долбит, пока искра брызнет. Он пососёт, и оно загорается. Не было спичек.

Р.: А у вас в войну были какие-нибудь постельные принадлежности?

И.: У всех были, конечно, кто покрепче жил у всех были. Совсем рваные, но нам как-то хватило. Нас мамы родители, как-то их считали богатыми. Её делили, у нее полон сундук был. Юбки, кофты. Вот она всё это перешивала нам. Мы ходили нарядные. А есть совсем: соломы настелют, какие матрасы им. Траву накосят, на траве спят на полу. У нас через дом соседи жили – десять детей. Она в кармане с тока унесла пшеницу. У неё такая шуба была, она так уработалась, в карманах насыпала. И у нас плохой был председатель, такой, то на всех доносил, милиции. И вот донёс в милицию. Милиция нагрязнула. А они кушают, ребятишки, сидят. И арестовали, и посадили на десять лет. А десять детей остались, мал мала меньше. Ой, срам. Её угнали, а они так бедствовали. Кто чо мог им приносил поесть, кто чо. И вот дедушка тоже к ним ходил. Ооох, ребятишки. Жалко ему ребятишек этих. И он много ловил. Кто в сапогах унесёт, кто. Ведь дети. Придёт с работы, они запросят, плачут. Ну, вот то в карманах, то в сапогах унесут... гроши эти. Один раз женщины переоделись в мужскую одежду. Поймали его в лесу, избили этого председателя. Он приехал в милицию: «дезертиры в нашем посёлке, дезертиры. Они меня чуть не убили». Поехали ловить. Ох, милиция выехала. Все околки прошарили – никаких дезертиров. Бабы разобрались. Ну, одна такая бойкая там тётка – Феодорка: «Если ты ещё каво-нибудь, какою-нибудь женщину посадишь, мы вызовем дезертиров». А я где не знаю, не помню шас, я услышала, что пишут прошение деду Калинину. И вот, как я считалась грамотной в деревне, думаю: дай-ка я напишу дедушке Калинину. А каво, мне уже было четырнадцать лет как. Я уже умная была, грамотная. Написала письмо. Это Москва, как шас помню, Кремль, Калинину Михаилу Ивановичу. И описала все: как они бедствуют, эта семья. А мать посадили. И вот у нас такой председатель, что за каждое зернышко. Смотрим, приезжает тетка Марина. А ей сказали, что Пашка Конищева писала, чтоб освободил, деду Калинину. И правда, освободил. Приехала. Все женщины – кто кружку, кто стакан пшеницы несет ей детей подкормить, кто уже готовый кусок хлеба, картошки. У них ничо не было – ни картошки, ничо. Уже большие, ровесники со мной были трое, а на работу не ходили. «Чо вы на работу не ходите? Все же питаются люди, и вы бы ели». А вот какие-то не хотели работать. Потом мать пришла все же, дезертиры не стали встречать его.

Р.: А в чём ходили? Одежда какая была?

¹ Крысало (кресало) — огниво.

И.: Ооо, какая одежда. У нас, нас одевала мама. У нас одна курточка, как шас называется. Если я в школу ушла, зимой, я имею ввиду, в этой курточке, то уже вторая сестра сидит, ждет меня, когда я приду. Как только прихожу, она снимает с меня эту жилетку. Одевает, идёт, куда ей надо. Зимой. А валенки у нас. Отец двое накатал сам. У нас были, пимы называли. Ну и тоже, у мамы были и у нас вот, а у маленьких то ещё не было. Сидели дома зимой. Никаких прогулок. А так вот люди рваные сапоги, рваные, прям уже через край, растоптаны, но идет на работу. А тут привезли немцев с Поволжья тогда. Они по русскому ничо не знали, не знают. Но они одеты были в свою. Обуты, одеты. Над одной смеялись. Она: «Критька, Критька, пускай сегодня домой, юбка сломалась. Надо юбку починить, поменять. Юбка сломалась». А она: «Критька, Критька!». Председатель отпуская, чтобы юбку починить.

Р.: А одежду, откуда в основном брали верхнюю?

И.: Делали из овечьей шкуры. Овечек резали, когда. Дед выделывал, а сшить там у нас был один мордвин. Он шил куртки, шубы. Ну, тоже, кто побогаче, мог и овечек держать и овечку зарезать. Дедушка, бывало, зарежет овечку, себе там отрежет кусок, а это несёт нам. «Убирай». А мама её солит, круто солит. Так в соли сохраняли. Надо в щи – кусочек помочит, а так... А тут вот прям солёный.

Р.: А то есть тот, кто шил – ему оплачивали?

И.: Платили [мордвину]. Продуктами больше. Кто сметану несёт, кто молока, кто чо может. У него тоже было шестеро детей. Там много всего надо было. Потом пимокаты откуда-то приехали тоже. Тоже им дали там дом свободный. И они там катали. Тоже так же. Но они какие-то богатые были. Мы один раз с девчонками зашли, какой-то праздник был. Ражество¹. Нас бабушка научила молитву ражество. Когда поют. Пришли двое с подружкой и запели с порога. Вот, смотрели-смотрели, дали по рублю. И таки вот калачи, хлеб. По калачу. Отоварились у них. Конфет далИ.: «Приходите-приходите ещё». Больше такого праздника нет, чтоб петь! Раз встретились с ней. «Не ходишь, – говорю, – не поёшь на Ражество? Ты не забыла?». Я говорю: «Да ты что! Разве можно такое забыть? Не забыла». Пели да громко.

Р.: А ткали со льна, с конопли?

И.: Вот в другой деревне ткали. А у нас как-то не было заведёно. А потом и к нам привезли этот стан. Ткут. Один беспризорный парнишка в моем тоже месте ходил в штанишках. Как в тех вот, трубочкой. В рубаше такой. У него мать с отцом на фронт уехали и пропали. Жил у тетки.

Р.: А ситцевую одежду где брали?

И.: Я говорила, что молоко вытаскать 430 литров, а остальное под масло. Ну, када коровка маленькая была, молока давала-заливала. Вот мы по масло. Масло получали за это молоко. Мама отделяла: «Вот это девчонки будем кушать, а это я отвезу в Барнаул». Вот отвезёт это масло в Барнаул – в Барнауле продаст. И покупала ситцы. Приедет, сошьет. Сама из ситчика шила. Мы считались нарядные. А это из атласа, из своей юбки шила, из бабушкиной. Так что мы нарядно.

Р.: А часто ездили на рынок продавали?

И.: Часто. Кто овечку зарежет, сам не ест, но отвезёт на рынок. А кто вот так вот молоко. Сэкономит молоко, масло получит – и на Барнаул. На Барнаул машина ходила сполна раз в месяц. И оповещали. Я не знаю, как узнавали, ну, друг от дружки, наверное, кому ехать. И вот на эту машину собирались там,

¹ Ражество — Рождество.

на мосту. Ждали эту машину, это я помню хорошо. Уезжали. Мама поздно приехала уже. Гостинцы привезет. «Дайте мне отдохнуть, посплю, утром все расскажу!». А мы уже тут растрясали все.

Р.: А вот какая была обувь?

И.: Обувь... Тоже вот из какой-то кожи делали. Выделывали кожу. Дедушка шил нам тапки, ботинки шил. И так люди приносили кожу, он тоже шил людям. А кожу то надо, чтобы скот держать. У кого скот был. Дедушка, нам дедушка шибко помог. Восемьдесят пять лет прожил, и мы его так почитали.

Р.: А вот получается с тех, кто приносил, он тоже плату брал?

И.: Кто чё мог. Кто мясо, кто сметанки принесёт ему. Денег-то никто. не было денег ни у кого. Так. Да он занимался тоже в свободное время. А утром встает на лыжи – и в лес. Эти петли проверяет, следы читает: кто ходил тут, волк или лиса. Моя сестра с ним ходила. Она знала, следы чьи и петли где ставит он. Один раз в конторе молодежь собралась. Кто-то зашел, говорит: «Кто-то на могилах плачет». А ночь – все напугались, дрожат. Вышли. У дедушки фонарь такой был, какой-то, я не знаю: тут свет и тут свет у него. А ребята захохотали, говорят: «Дед пошёл на пасек. на охоту. Щас проверит, кто там плачет». А лиса попала в капкан и орет. Он сходил ее поймал. А мы напугались все.

Р.: А как он кожу выделывал?

И.: Вот в амбаре у него [деда] все, все выделывал. Чё он там с ней делал? И сушил, и мочил. И Машка ему помогала, чего-то там делала. Да заставил жир с кожи счищать. Я не ходила, а она все помогала. Всё умел. И выделывал и для шуб. Потом шубу мне такую сшил, что я её даже после войны. Поехала в гости в Хабаровск в этой шубе.

Р.: А какая верхняя одежда была?

И.: Во время войны кто как выживал. Кто из чего шил себе куртки, чё попадалось, из мешка. Мешки распарывали и из мешка шили. Куртки, ага. В школу приходишь – висит чё попало. Пять классов кончила в своей деревне. Надо за семь километров дальше учиться. Ну как? Дедушка: «Учись. Я тебе шубу сошью хорошую, валенки тебе новые». Как не учиться? Правда, шубку черным покрыл верх. Опушка белая, тут белая. Как я после видела, цигейки называли. Он мне такую шубку смастерил. Шла пешком семь километров в школу надо. И у нас с деревни только пять человек ходили. Больше никто.

Р.: А вот мне рассказывали, что раньше были ботинки на деревянной подошве.

И.: Ходили люди. В деревянных, вот. Ремешками привяжут. У нас было всё, а люди ходили босиком. Пятки черные, подошвы черные. А эти семья, что мать из тюрьмы пришла. Чуть снег с завалинок стает, на завалинку сядут все грязные. Вспоминать – мурашки по спине. Босиком. Кто совсем в какой-нибудь рубашонку, голые... Эт все повырастали. Кто глухой, а большинство глухие, больные все. А нас вот дедушка и мама одевала.

Р.: А подошву кто выделывал? Кто делал ботинки, подошвы деревянные?

И.: Я не знаю, где их брали. А ещё от берёзки кору собирали такую. А чё... Надолго. Верёвочками привяжут к ногам. Где работают – ногам шибко колко. Хлеб пололи, там осот такой колкий. Так эти вот трубочки одевали на ноги, привязывали верёвочками за кору. А подошве все равно колко, больно. Мы в тапочках ходили. Я на покосе в тапочках. Один раз там мальчишка один. Сели отдохнуть. Он обул и бегом кругом стога – и потерял один. А его заскирдовали. Я с одним тапком пришла: «Дедушка, Максимка – вот так и так!». «Оставь, я сошью». Я оставила, он по моёму опять сшил. Наутро пришла в новом тапке. И это целый. Не стала снимать. А потом зимой как-то стали разбирать: «У-у, Пашин

тапок нашёлся».

Р.: А зимой в валенках ходили?

И.: Конечно, в валенках. Валенки катали. Говорю, один раз во время войны люди приезжали. Что на Рождество пели им. А потом не у каждого же были и шерсть и. Они наберут, скатают и уезжают дальше. В семье одни валенки – это роскошь. Один надевает, приходит – другой одевает. На ночь в печку сушить.

Р.: А какие головные уборы были?

И.: Дедушка шапки шил. У меня лисья шапка была. Он меня нарядил. В жилетку-венгерку, в шапку лисью, валенки. И сбил чемоданчик такой, как портфель, под книжки. А книжек не было в войну. Я туда кусочек хлеба положу, повешу через плечо. Школьница. Все ходили, пять человек: двое в восьмой класс, а трое – в седьмой. И один мальчик, что в седьмой ходил. Тада часов не было. Собирается, выходит, во весь голос орёт. Все собираемся, выходим. Идём пять человек. Царство ему небесное! Недавно умер. Придём, уже темно, подре- мешь. Учитель, Иван Иванович: «Как дела? Как дошли?» – «Ооо, хорошо, все хорошо». Местные-то чё, они встанут, а нам надо идти семь километров. Проучились, оттуда пришли, переоделись – и на работу. Зимой комбайн стоит – молотили снопы. Снопы летом заскирдовали, а зимой – на току их молотили. Комбайн стоит. И вот на работу надо было бежать. А никаких книжек не было. Не писали, не читали, ничё. Чё учитель расскажет, в голове держишь. На второй день придёшь, спрашивает: «Чё помнишь – рассказывай. Молодец!» А кто не помнит: «Сходи, – скажет, – к ней. Она тебе расскажет!» Или там «к нему». Со мной пацан учился, как-то все дословно запоминал. Такой. Все у него переспрашивали.

Р.: А варежки были или перчатки?

И.: Вязали-вязали варюшки. И носки. Высылали все на фронт. С шерсти с овечей. С овечей шерсти. Чулки вязали.

Р.: А баня у вас была в войну? А как вы ее топили?

И.: Баня каждую неделю. Каждую субботу. Все грязные были. А зимой погреться, парились все до маленького. Бабушка если топила, то на всех. Если мы топили, они с дедом мылись у нас. Семья своя. У соседей своя баня. Это щас там сын сделал баню так. Комната. Все обделано, все. Но все равно в той бане, в черной, по-черному топилась. Стояла грубочка, а на ней камни накиданы. И вот топишь – камни накаляются. А из грубочки труба, соединена с бочкой, с кадушкой¹ деревянной. И вот в трубе нагревается вода и кадушка нагревается. А париться, на эти камни плеснёшь – зашипит. Жарко. Парься. Вся семья попарится и всем хватало.

Р.: А чем мылись? Чем стирались?

И.: Мылись – вот у нас трава такая была, ее называли «цыганка». Цветы такие, прям такие пушистые, вот. Вот эту цыганку вот так вот трёшь. Её даже на зиму заготовливали. И вот в бане стояла посуда такая, и там цветы. Оторвёшь – помылишь. А голову щёлоком мыли. Зола заливали: из печки золу выгребут, зальют и вот этой водой. Все были косматые. И стирали, тоже делали щелок. Мыла не было. Вот мама в Барнаул, если поедет – привезет кусочек, по праздникам умываться. По праздникам, по большим. Положит на умывальник. Мыло лежит, а его никто не трогает. Берегут. А вот я этой травы

¹ Кадушка — емкость цилиндрической формы, сделанная из деревянных клепок (дощечек) и обтянутая металлическими или деревянными обручами.

больше... То ли ее тогда всю стравили. Больше не видела. Там жила в той деревне, за грибами ходила, а траву не видела такой, цыганки.

Р.: А чем зубы чистили?

И.: Пальцем. Умываешься, и вот мыльная вода – прополоскаешь зубы, потрешь. Потом уже мама порошок привезла и щётку одну на всех привезла.

Р.: А были у вас там вши, клопы, тараканы?

И.: Нет. Где там клопам заводиться. У нас чисто все. У нас не было, а у людей бывало. К нам ходила подружка, тоже косматая. Как-то посмотрела, а у неё гниды белые. «Ой, – говорю, – я тебя в баню не пущу». А мы как-то следили за этим. Все до маленького волоска проверишь. Маме некогда, а старшие следили за маленькими. Не было ни клопов, ни вшей. Мама наказывала: «Не ночуйте нигде! Ни у кого не ночуйте! Вдруг у них клопы. Принесете клопа, а он тут разведется. Идите домой и никого не приглашайте ночевать».

Р.: Часто убирались, подбеливали?

И.: Ну как же. К праздникам [убирали в доме]. У меня сестра все любила. У нас были шторы. Пять окон, кроме кухни. И вот другой раз придёшь из школы, шторы висят и были вышитые полотенца. И вот на божничках. Придёшь: «В чём дело?» А сестра все выдумывала. Охота, чтобы всегда так было. «Снимай, – говорю, – мама придёт – ругать будет». Все снимет, все приберет. Захочет опять вывесит все. А к празднику опять наряжали. Тогда уже все белили и обряжали все. Тоже надо было. Праздник прошел – три дня висит. Снимали, опять в сундук убирали.

Р.: А посуда, какая была?

И.: Посуда была. Бабушка отделяла маме. А ели из одной чашки. Среди стола чашка, из ней... А ложки, во время войны, такие вот алюминиевые покупали, ели. Ходили: «Ложки, ложки!». Откуда-то принимали их. Приедут по деревням. А мы сестрой из одной ложки ели. Она берёт ложку. Кругом стола сидим. Маленькой только наливали, чтобы не плескал. А так из одной чашки. Посуда. Это сейчас посуды невпроворот. Деревянные [чашки] дед себе выдалбливал. У нас не было. А он себе выдалбливал. У него была деревянная ложка, чашка. А у нас какая-то эмалированная чашка была, большая, семейная. Не кастрюли – чугуночки. Всё в чугунах варили. И большой самовар. Если самовар кипел, туда накладывали яйца. Яйца варили в самоваре. Они туда не проваливались, а сверху лежали яички. Варили. Курей много было. Куры. Мы смеялись: куры – воровки. Жили – наш дом, а через дорогу – склады государственные, туда свозили зерно, ну, всё равно ж натеряют. А они туда через сугробы перелетят, наклюются – летят домой. Мы их дома не кормили никогда ничем. Только что смотрели: какая худенькая, так ее забирали в избу, в избе подкармливали. А эти летали туда, в склады государственные.

Р.: А блюда какие у вас готовили в войну?

И.: Готовили щи. Самое главное – щи. Там капуста, картошка. Морковочки потрешь, свеколки. Это ж у нас такое в семье было, а у других дак ничо не было. Не знаю, чем они питались. Как выживали. Мы много сажали семечек. Росли крупные. Намолачивали по четыре мешка. Все просушивали и ссыпали в ларь¹. И когда попало, не щелкали, не выщёлкивали, а вот к празднику. Хлеб печёт мама, вытаскивает, а на листы семечки. Оттуда вытаскивает – они жареные такие и крупные. И стаканов делит на 5 частей

¹ Ларь — деревянный ящик особой формы для хранения разных вещей.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Содержание

всем. Разделит, а остальные на полку задвинет, чтобы никто не трогал.

Р.: А чем тогда комнату освещали?

И.: Лампа была. Керосин дед заправлял. Я не знаю, где он брал. С бутылкой придёт, заправит лампу. У нас семилинейная называлась лампа, с пузырем. С пузырьём. Некоторые с коптилочками. Само в чашечке. Фитилёк горит. Вот у нас с этим фитильком лампа была.

Овчарова Анна Федоровна, 1924 г. р.

На момент записи интервью проживала в р. п. Благовещенка Благовещенского района Алтайского края.

В годы Великой Отечественной войны проживала там же. Работала в колхозе на разных работах. Отец – Федор Федотьевич. В годы войны был призван в трудармию. Мать – Пелагея Ивановна. Работала в колхозе на разных работах. В семье было 8 детей.

Опрос был проведен осенью 2015 г. Рыковым Алексеем Викторовичем.

И.: А как вас зовут?

Р: Анна Федоровна Овчарова.

И.: А с какого года?

Р: С 24-го.

И.: Где вы родились?

Р: Здесь вот, вот здесь, только землянка была, это папа мне дом построил. Папа и мама умерли, сестры, братья, все, одна я.

И.: А как ваших родителей звали?

Р.: Федор Федотьевич, Пелагея Ивановна.

И.: А в каких они, с каких они годов были?

Р: Ой, миленький, я забыла, у меня память плохая теперь, ну в общем они поумирали по 80 лет.

И.: В войну вам приходилось дикорастущими растениями?

Р.: Мне папа деловой, кадушки делал, тазы делал железные, ванны делал, колеса делал, он все помогал, он все помогал. Я не страдала. А которые без отцов. А мой отец на войне не был. Он в трудармии был, у него ноги поломанные.

И.: А ему за это платили?

Р.: Кто чем. Кто ведро пшеницы, кто побогаче. А кто заказывал – богатые, богатые. Кто ведро пшеницы, кто муки ведро, кто деньгами. А денег-то не было почти, ну немножко платили. Отец работал кузнецом, запишите. Кузнецом. Он хороший кузнец был: хоть ванну сделает, хоть таз сделает, хоть печку сделает, хоть дом построит кому-то.

Никому тогда не строили. На стройках он хорошо работал. Он ростиком маленький такой. Вот такой меньше меня. Ну, хороший он был, деловой. А мама как я. Мама с детьми. У нас пятеро детей еще маленьких. Она полоть ездила бахчу, пшеничку прорывать траву. Победнее были это, да и мы не богато жили, есть то нечего. Но папа зарабатывал, мало-мало, то кусок мяса дадут. Так, плохо жили, пухли, болели, на работу не ходили. Больница была забита больными, а врачи какие, такие, как и мы, неграмотные. Ну, уколы делали да и.

И.: А вот вы ягоду собирали?

Р.: О-о, ягоду, смородину, потом что ж еще? Какую? В колхозе была смородина – всю обрывали.

Малину, ягоды на земле, вот мы собирали. Дожди проходили, мы собирали, варили, ели. Да ели все, что попадало. Боже мой, как вспомню, аж страшно. А щас варить не хотят, все есть.

И.: А вот ягоды как-нибудь заготавливали?

Р.: Заготавливали, но быстро поедали, потому что есть нечего. Чай да ягоды, чай да ягоды. Быстро поедали. Арбузов много насаливали, дыни. Но дыни не долго, а тыква была. Больше жили картошкой и тыквой. Картошка и тыква. Но у нас хозяйство было, папка резал овец. Поросят не держали, потому что нечем кормить. Ну, я бы сказала, я средне жила спротив тех, которые без отцов, которые на фронте. Те пухли с голоду, а в бригаде кормили не плохо: хлеб, суп, или там борщ, это шо, мы и щас так делаем, варим. Вот эти люди и жили, только этим. Ну, в другой раз учетчик хороший или бригадир, даст там полбулочки хлеба, которые уж сильно, сильно детей много, а маленькие. А она одна, ну, без мужа. Ну, какая она хозяйка, любая станет бедная-пребедная. Очень тяжело жили, очень. Ну, наш колхоз неплохой был.

И.: А ягоды вы сушили?

Р.: У нас какие-то ведра папка делал, из какого-то железа, нержавейка, на ведрах. А люди, я не знаю, в чем они. А папа бочечки делал, кадушечки, квашня на хлеб. Папа все у нас мастеровой был. Мы это и выжили, а так бы мы повымирили половина. Промывали и складывали рядами, рядами, рядами. Соль, сахару не было, только соль. Чуть- чуть соли, чуть-чуть. А сахару не сыпали, ну это сыпали куда, на арбузы. Арбузов много солили, картошки много насаживали. Вот. А ягоды, просто так, холодной держали. Холодильников же не было. А держали в погребе, там же холодно. Всяко жили. А люди жили, ничего не было. Всяко. Это у нас было благодаря... ой, не надо так говорить. Он поломал, он попал под трактор. Трактор ехал, еще до войны, пьяный, и наехал на его плугом. Ему ноги покоробило, он плохо ходил, а делать все умел, все делал. Мы за счет папы остались не оборванные. Валенки катал, сапоги шил, во. Он ниче никому не отдавал, всех нас обувал, одевал. В колхозе работали папа, мама, я. А эти три девочки в Средней Азии жили. А как они жили, они ниче не говорят, они плачут.

И.: А ягоду как сушили?

Р.: Ааа, сушили. сушили. Папа делал из железа, у него много железа было. Из железа делал листы. И когда печка прогорит, такой не в жаркий, потихоньку, или на печку. Знаете, печка там такая, что на ней дети спали. Туда ставим, а летом на солнце. Жили так, не дай бог никому. Врагу своему не желаю. Да я-то нет, мне папа и мама работающие были, хорошие. Мамка хохлушка. Отец ну кержак, называют, русский. Она как юбку, чтоб не замазать, старую надевает, рваную, сюда подоткнет, тут фартук наденет – и пошел прибегать. Она не ходила так, как мы ходим. Она вот так, я, наверно, не смогу. Вот так бегала. Бегом, бегом: «Чего вы так шагаете, бежите бегом». У меня родители хорошие были на работу, молодцы. Я так не страдала. Я одна в колхозе работала, и папа. Тот принесет булку хлеба, кто побогаче живет. Кто заказывал тазы, да ванны только те, которые богато жили. А такие как мы никто ниче не заказывал. Купались не знаю в чем. Ну, в старинной наверно. Бачки там были, ванны.

И.: А вот для чая, что собирали?

Р.: Оооо, у папы вот сад, видите, на краю, то дедушка жил мой. Там малина, там смородина, там крыжовник, там яблони. Все было. Листьев нашмараем то с этой, со смородины, напарит мама в печке, насушит. О-ой, чай лучше, чем щас. А я сейчас нет-нет да со смородины да кину. Она пахнет. Не, этим не страдали. Очень тяжелая война была. Очень, много у нас в Благовещенке сирот осталось, жен без мужей. До сих пор без мужей живут, потому что бедные-пребедные. А были такие, шо и лодыри – женщины. Вот я не буду скрывать. У меня была двоюродного брата жена, у ей пятеро детей

было. Дети по миру ходили. А кто даст, как у ни у кого нет. Но папа ж, ихний дядя, давал. Привезет себе, а мама ругала, а он крал. Украдет ведро – отнесет: «на те, хоть лапши сварите, муки». Папа мирошником¹ работал, че – плохо? Как-никак, а дают. Хоть ковшик, какой, а дадут. Брать- то нельзя, там все взвешивают. А папа мирошником работал, кузнецом работал. Это на мельнице вот. Ветровая мельница, вы видели? На краю стоит. Да, и голоду страшного не видели, как люди, но пришлось тяжело.

И.: А хлеб в войну вы сами пекли?

Р.: Да-да, когда папа достанет муки. А другой раз одна картошка бывала, но это редко. Пока он где-то заработает. Он кузнец, он хороший мастер был. На деревянной [мельнице мололи]. Вот, может, стоит, или разобрали ее в конце, вот там. Напротив, могилки старых Ста

рики хорошие были, старые-старые. Они все время сторожили колхозное имущество, зарабатывали. Их кормили, хлеба выдавали. Но я бы сказала – наш колхоз был хороший. Был хороший. У нас был хлеб. Моя двоюродная тетка хлеб пекла, там, у пекарни. Вот, она зарабатывала, ну трудодни². А за трудодни тоже давали, хоть мало, но... У колхозе я, мама и папа. Папа у кузни, а мама и телят паста, и пшеницу на току. Руками ж крутим, когда веем. Шчас все электрическое, а тогда все руками. А она была ростом повыше меня и поплоней. Она сильная женщина была, и дома все за ней было.

И.: Вы, когда хлеб пекли, в муку примеси никакие не добавляли?

Р.: А какие примеси? Мама добавляла отрубей. Мелкие отрубя. Папа сделал такую колясочку, она мелко-мелко. И с отрубями, да. А люди совсем отрубя ели. Досталось нам, досталось.

И.: А у вас дома в войну рушилка была?

Р.: Вот такая папка сделал. Ей крутил, и мы крутили. Не на мелкую муку, а на крупную. Но оладьи пекли. Папа в войну две коровы держал. Он доступный был. Он хоть что делал. А мама безграмотная, ничего не умела. Ни шить ниче. Мы ж сами все шили, девчата. Ну, ей некогда. Она и ночью и днем на работе. Корову подоит и опять на ток.

И.: А вам не приходилось колоски по полям собирать, картошку мороженую?

Р.: Картошку мы не собирали. А эти, колосья, я не собирала. Я на поле была. А когда мама придет, мама собирала, собирала. А как же? Семья большая была, детей много. Но голодом мы не были. Она такая моторная была. Вот так поддернет юбку на юбку и пошел: вилы, лом, лопата, это ей не страшно. А папка тоже деловой. Кто богато живет, начальство, несут валенки. Да, валенки катал, вот что. Валенки скатает, они воооот платили. Знаете, как платили. По-русски. Прямо хорошо платили. Папка нас выручил. А нас-то шестеро или пятеро было в войну.

И.: В войну, огород у вас большой был?

Р.: Большой. Картошки много было. Двадцать с чем-то. Мама и подсолнухи сеяла, и просо сеяла, ну по рядочку, по два там. А цыплят то держали и это, выводили курочки. У нас на огороде выращивалась тыква, свекла, морковка, картошка. И вот этот вот сад, это был дедушкин. Малина росла, малина. Вот

¹ Мирошник — работник на мельнице.

² Трудодень — мера оценки и форма учёта количества и качества труда в колхозах в период с 1930 по 1966 год. Заработная плата членам колхозов не начислялась. Весь доход после выполнения обязательств перед государством (обязательные поставки и внесения натуроплаты за услуги машинно-тракторных станций) поступал в распоряжение колхоза. Каждый колхозник получал за свою работу долю колхозного дохода соответственно выработанным им трудодням.

это дедушка мой родной, папкин папа. Вот. Он нас всех кормил. По ведру даст нарвать: «идите варить варенье». А варенье-то с сахаром. Дорогой был. Он был, но редко был. Вот солодик знаете? Солодик, в земле растет, нет? Ну как пояснить. Вот дернешь корень, а он и сладкий, и кислый. Мама варила какой-то компот с ягодами, и это сыпнет, солодик. Солодика называли. Сладкий он и кислый. Все ели. Варили, варили, резали, резали, варили, варили. Но не очень приятный, сахару то не было.

И.: А компот его в кадку варили?

Р.: А нам в колхозе давали этот, просо. А папка сделал такую, она мельчила. И сито такое сделал, шо пшено выпадало. Но попадались корочки. Кашу варили молочную. Все равно не голод такой был в нашей семье. А тут моя вот двоюродная, двоюродного брата жена... Он на фронте был раненый, домой пришел, умер. И в войну голодные ходили, и после войны. И их разобрала родня, когда война кончилась, детей. А их пятеро было. А она одна, здоровая. Ну что она, да, она работала поваром, но всех-то не накормишь. Приведи детей-то, ну шо ты. А все равно, мне кажется, она что-то да носила. Хоть и в пазухе, да носила, правда? Я так думаю. Пекаркой она работала. Может быть, она оставляла себе на день. А хлеб вот такой делала.

И.: А в войну, чем огород пахали?

Р.: Быков давали. Колхоз, колхоз. А тракторов то не было. А, коровами своими первое время. Корову запрягаем и пошел. А они дохли. Как попашет, так сдыхает. Коровами больше. Это уже под конец войны, быками. А они, подцепишь плуг, так и плуг полкилометра крутится. А она бегаёт, а ноги-то бьются. Ноги побьются, она остановится. У нас не было, у нас папка ноги перевязывал мешками. У нас не было. Мы раза два попахали. А потом он попросил там одного начальника, они приехали на быках. На коровах, на быках. На лошадях не пахали.

И.: А вот вы овощи, которые на огороде вырастили, где вы их хранили?

Р.: Я не знаю, кто как хранил, а у нас и цинковые были бочки. И папка сядет, раз, раз, где-то дерева наберет, закупит – бочку сделал. Люди приходили, приносили с леса, приходили, делал бочки. Вот поэтому мы и лучше жили. Не такую страсть, мы не пухли. Бывало, что не хватало и хлеба, и муки. А, это когда, когда папка в трудармии был, в трудармии под землей. Как там, ну, какая-то кузня была чтоль, он тоже там. Уже больные ноги были. В армию-то не взяли, он еще молодой был, а ноги то ходили. Так мы выросли.

И.: А кто по огороду работал?

Р.: На огороде? Мама одна. Мама. День и ночь, день и ночь. А когда она работала? Они же выезжали на работу не так как мы. Они попозже. Она вставала в четыре, ложилась она в двенадцать. А на обеде они там отдыхали. Час. А час поспать это большое дело, я знаю. Сама, сама. А, два мальчишки были, тоже пололи, маленькие. Ну, какие маленькие. По 10 лет, там 10-12.

И.: А дети они, какую работу делали по дому, по огороду?

Р.: Делали. Восемь лет, они уже траву рвут. Делали, делали, приучали матеря. Кто не хотел, матеря, били их. Но это не у каждого. Которые непослушные. Но балованных детей мало было. Баловаться нечем, полуголодные. У начальников были, так те вершки брали. Особенно бригадиры, председатели, эти жили прекрасно. Эти ездили. Справляли день рождения, а мы не справляли.

И.: А дома у себя, с огорода, где хранили?

Р.: А-а, мы сами копали, с папой, с мамой копали погреб. Папа делает творило. Папа все сам, сам. У

меня папа хороший был, а у кого отцы были на войне. Ну, он в нашей трудармии три года только побыл, потом там ноги сломал и приехал. Но все равно он в больнице там долго лежал, потом дома. Все равно ползает. Мы стул подставим, он сядет и что-то делает, делает.

И.: А вот вы арбузов много солили, сажали?

Р.: Жили огурцами, кукурузой, тыквой, арбузами. Больше всего жили тыквой. Насадим третью часть тыквы. Жили только тыквой, хлеба не было. Но у нас-то был, хоть мало, но был. Папка зарабатывал. В колхозе он работал. Зовут туда, туда, туда. Он хороший мастеровой был. У папы был большой погреб, зимний. А мы накладем три ряда. А погреб выше нашей хаты. И вот так – ряд, два, три. Углы по-закладает, бочки, бочки на середине стоят, бочки. Он и бочки делал. Мы неплохо жили, я правду скажу. Он был 3 года в трудармии, мы хлебнули. Уже того не было. Ну, мама у нас герой. Она молоко сдоит, скорей наварит молочного, вот. А молочное – разве это плохое? А мама держала две коровы.

И.: А как вы заготавливали арбузы, дыни?

Р.: А нам выдавали большинство с колхоза. Вот дают на трудодни, мы их режем, солим, рано-прерано. А огурцы, дыни мы дома садили. Да и арбузы садили, кое-кто. [Солили] только солью, никакого сахара. Потому что его не было, сахару. А вот водичка и соль. Это арбузы хорошие, огурцы хорошие. А дыни мы поедали по осени. А которые выкидали уже брошенные, погибшие. А арбузы долго держутся, арбузы большинство. У нас хатка большая была. Домик большой был. Мы бочку в доме держали. Не в доме, в веранде, по осени, а зимой забирали, в подполье. Подполье здоровые были. Да у кого дома были, тот не так страдал. А у кого землянки были, те, бедные, исстрадались. Заготовить некуда. Погреб – что там, три кадушки и все.

И.: А паслен его как заготавливали?

Р.: Ооо, паслен, это милое дело. Наварит мама. Я не знаю, где она сахару брала. Чуть-чуть сверху крышечкой закроет, закрутит. А мы его быстро поедали, потому что его держать нельзя долго. Арбузы и то портились. А тыква до самого лета. Свекла, морковка. Морковки мало-то накапывала. И свеклу. Мы не голодали. А мама всегда кричала: «меньше хлеба ешьте, а больше кусайте свеклу, морковку». У кого родители были проворные, рабочие, те жили. А которые боялись работы, это мало было таких, они пухли. Которые помирали, которые выживали.

И.: А картошку в войну садили целую?

Р.: О, нет. Даже не знали мы до войны. Вот такую брали, а садили вот такую в войну. Но мы садили вот такую. А хорошая росла. У нас огород новый, никто не жил, мы заняли. Папа занял, и вот. Ну, налоги большие были. Мама даже картошку продавала. Тогда за налоги в тюрьму садили, садили. Но мы платили. Молоко мама продавала, а налоги платила. Яйца сдавали, молоко сдавали, картошку сдавали, вот. Оттого люди и садили помногу. А земли то свободно было. Благовещенка маленькая была. Ходили в поле, в поле садили, но в поле воровали, хто-то.

И.: А на огороде вы садили лен, коноплю, табак?

Р.: Папа сажал себе табак, а мама лен. А когда папы не было, там кучей лежали на крыше старого. А он резал да курил. А потом стали продавать, день от дня все лучшего, лучшего. Табак сушили, на крыше. Всю крышу застелим, а потом как подсох, собрали кучей, кучей, кучей, и вот так.

И.: А вот вы говорили, что мать у вас лен садила. А для чего его использовали?

Р.: Мать сорвала, просушила на крыше, принесла в хату, корни обрезала. Она корни обрезает еще на

крыше: «идите сюда!». А нас же много, пятеро. Ногами вот мне, мне. Белый, пушистый, выходит на улицу, вот так, вот так. А такие носки, а такие чулки, такие кофты. Че ж, в войну ниче не продавали. Кто богато жил, у того и в войну было. А мы средне жили, у нас приносилось. Ну как, мы только дома в этом ходили, а у нас было. Мама хохлушка, она богатая была. Из богатой семьи. Да и папа деловой был. Мы без войны не страдали, как вот племянники, снохи. Один дядя вот рядом жил, через два дома. Только пришел с фронта, лег, заснул и умер. Все. Дети поумирали. Она пухлая сидела. Она в колхоз пошла сторожем работать, а нигде, ниоткуда ниче. Пропали.

И.: Мать у вас ткала из льна?

Р.: Ааа, ну она крутила, как она называется, на мялке, наверное. Она закладает, дети держут. Она крутит, выходит мягкий, пушистый, белый. Садится за пряжу – rrrrrrrrrr, готовая катушка: «Дети, идите, мотайте и вяжите». Мы все вязали. А лен, это мало достанешь где. А все равно мягкие и теплые. Она даже чуни вязала. Толсто нарядет, и чуни навяжет, а дети бегают. Валенки то не с чего делать. А те поносились. Кофты, штаны вот такие, чулки, толстые, в палец, свяжет мама. В доме никогда не ходили в валенках, тепло, в домах было тепло. Потому что кусты. Знаете, вот такие кусты были, стоят зеленые кусты кучкой. Мама поедет на тележке, корову запряжет. Папа ей сделал, еще дома был: вот такой рубак, как молоток, что железо бьет, только вот так вот. Она рубит, рубит, нарубила телегу. Привезла. Сбросила. Поехала. Еще одну нарубила. А потом начинает бить, и выходит там немножко, но выходит, тоже вязала. Вязала чуни, это мы делали. Мама делала, она у нас деловая была. А тут никто не умел, да такие тут и жили. Че там говорить. Это папа один старый был. Дедушка умер, как война началась. А бабушка, глядя на него, на второй день умерла. Как же мы будем без дедушки, он же всем руководил. Все делал, где что сломалось, а потом надо проследить. Кого-то, дядю, а какие дяди, раненые, они чуть теплые. Ну, у нас мальчик один был, дак он как-то у папки перехватил. Заклепаешь, заклепаешь, деревянные заклепаешь, а железное не может. Хватанули пять лет.

И.: А у вас одежда в основном...

Р.: Это только та, что заготовили до войны. У мамы была не кулацкая семья, а богатая. И не богачи, работающие. У ней было знаете, что у этих вот сборы, куртки. Пять курток было и все на шубе. Она с богатой семьи была. И папа не из бедной. Белья много было, а что, какое белье, тканное, тканное. Мама ткала холст, юбки нам шила, грубоватые платья. Так она кофточку сделает с юбок. У ей много юбок, пошьет нам кофточки, а юбок нашьет с холста. Я сказать в войну не так прожила, как другие мои подружки, матеря. Они ниче не могут сделать, а у нас папа работал хорошо на тракторе, зарабатывал. Хлеба у нас года на три хватило, это пшеницы. Он как тракторист получал больше, он и на комбайне работал.

И.: А верхняя одежда в войну, какая была?

Р.: То, что было приготовлено папой-мамой. Папа шил шубы. Людям не шил, только себе, нам всем по полушубку. Мы дома убирались в полушубках, а в школу ходили в пальтах. Ну, уже старые стали за пять лет, но все равно, все равно. Да, с хорошим папкой, с мамкой и дети, и детям хорошо было. А вот забрали племянника: она одна, а их пятеро. Они с голоду все, ни одного не осталось. [Папа делал полушубки]: режет овечку, кадушки. Знаете, что такое кадушки? Бочки. Вот такие деревянные, он сам деревянные делал кадушки. Где-то брал ну он кузнец, он знает, где брать. Наделает вот такую вот, кладет овчинку, соль туда, напарит, все. Сделал постанковку какую-то, такую доску, выпуклая. Настилает эту овчину и высушит, высушит. И вот так скоблит, а скоблит чем? Ручной косилочкой вот, ну как его называют, я не знаю, забыла. Ага. И шоркает, шоркает. А, еще намазывает белой глиной, шоб вытянуло всякую там гадость. Ага, и высушивает, кроет и шьет там. Вот, потому мы и не ходили голые.

И.: А обувь у вас в войну какая была?

Р.: Ой, милый мой сынок, знаешь, какая у нас даже ботинки шил папка. Это не папка был, а мешок золота. Сапоги шил, шубы шил, овчины квасил, овчины сушил, овчины кроил. Все сам делал. Ванны делал, тазы делал. Идут бабоньки, плачут: «Федотыч, пожалуйста, запаяй мне». А где-то же доставал металл, материал, ага. «Запаяй мне, одна ванна и та прохудилась», – а он кругом прошел, запаял. Вторая узнала, пришла – тазик. Он никого не бросал. А потом, когда его забрали на войну, они все плакали.

И.: А какую обувь носили конкретно?

Р.: Я в школе видела че попало, рваные валенки, рваные там старые ботинки. Я ходила всегда. Папа выделает блескучую овчину и сошьет меня вот такие, вот такие. И шубу сюда скроет. Я шубу одеваю, шуба черным как валенок красил. У его все было, и вот я ходила. А ходила что, они теплее валенок, он подтеплым делал.

И.: А летом у вас какая обувь была?

Р.: У нас были тапки. Папа шил. Вот какой человек был, от скуки на все руки. А с чего делал: быков резали, держали скотину, быков резали кожу, выделывал из кожи. Там чуни таскать тяжело, ну она ж кожа намокнет, разлазится, расходится, а подсохнет, давит, колет. Ну, он шил хорошо. Его один дядька научил. Я не видела, но говорят, подошвы деревянные делали, говорили. Но я не видела. Не видела. А шубы шили. Ни польтов не было, ниче. Овечек держали, люди жили-то нормально, а потом делали овчины, вырабатывали. Кто в этот ну, мастерская была, кто в мастерскую кто побогаче жил. Кто нет, тот сам сколубает да и носить. Шапки папа шил, папка сам шил. Он как поглядел, так и сделал. Как у кого посмотрел шо, так и сделал.

И.: А вот варежки как?

Р.: О-о, пряха. Пряха. Пряху знаете? Сидит. Вылетает катушка, за день две напрядывала. Уже пара носок, нас же много было. Тяжело им было, бедным. Потому что нас много.

И.: А сусликов у вас ловили?

Р.: Сусликов ели, страшно ели. Но я не пробовала, не знаю. И наши никто не. Да ну папка ж у нас заготовил. Он побыл там три года. Только стало все кончатся папкино, а он приехал опять. Кто таз, кто ванну, кто корыто деревянное, кто..

И.: А сусликов как ловили?

Р.: Капканы были. А как суслика поймаешь? Травили другие, если у кого не было. Ну, я не знаю, куда они их девали. А, из сусликов ко- жечку да тапочки шили. Ниче ж в магазине не было, а дети-то родили да подрастали. Да и которые оставались годичные, двухгодичные.

И.: А яйца диких птиц собирали?

Р.: Собирали, собирали, это уже нехватишь. Этим дети только и жили. Этим только и жили дети. Уже те, которые работают, они не видели. А вот дети сидят голодные, и сидят. Особенно которые одна мать, а их пятеро, четверо. Те бедные, хватили горя.

И.: В войну чем топили?

Р.: Ооо, милое мое дите, ой-ой-ой-ой. Это вам сказать страшно. Вот. Дают отпуск, в конце сентября – августа, женщинам, которые без мужиков живут. А у нас тележка была какая-то, только ручки держишь,

она сама катится. Большой кузов, вот такой кузов, шириной вот от пола и вот такой и до койки. Колеса резиновые, это, с машины. Нет, с велосипеда, то у дяди, с велосипеда. И пока папка три года был, он на войне не был, а в шахте работал. А у нас мальчик был, видел, как отец клеил. И только как пробьется, он поклеит: «Баба, мама, давай поехали, поехали». Мама, а если сломалось и не наладили, она на себе эту тележку везет, ну полтележки. В кусты. Вот знаете, кусты растут такие лохматые на поле. Кусты, ну кусты вот такие, вот такие. Нарубит-нарубит, привезет, даже коров кормили. Но мы не кормили, но эти три года маме досталось, и нам досталось. [Топили] кустами, таволожкой¹, вот околки, возле околков таволожка была. Таволожки навозишь, ну кузов наберешь – хватает на месяц. А мама пешком туда, туда, наверно, километров 15. Туда пешком и оттуда, да еще и вези. Но она нас брала. Нет, не меня, а поменьших. Они упираются, а она резина, быстро, хорошо, легко. Мама говорит, только тяжело держать, а я не толкаю. Толкну, а она катится, и катится, и катится. Как остановишь, встанешь на это, она остановится. Папка был деловой, то и нам не досталось, так как людям. А эти вот, моего племянника повымерли все, все повымерли. Война кончилась и повымерли.

И.: Кизяки в войну делали?

Р.: Ооооо, да их не давно бросили делать. Дееелали, да еще и как. У нас две коровы было. Мама не смогла двух с сеном, когда папи не было. А то хватало кизяков натопить эту и ту, печка ж. Хлеб пекли, да хлеб там такой, вот такой как эта черная. Че там намешаете тыквы и морковки, и все. Лишь бы дети не голодали. Галушки делала, вареники делала. Возьмет гороху наложит в вареники. Сперва горох сварит, а потом наложит или фасоль. Вот так жили, папу дождали. [Кизяки делали] вот такой ящичек, вот такой вышины, чуть, вот так, вот так вот. Вот эта куча складается кизяка, которая зимой, летом поливаем водой, горит, идет пар, идет пар. Какой месяц забыла, уже забыла. Рубим это, сверху сухое отбрасываем, намачиваем. Оно перегниет к осени. Это ногами месим, месим. А нет, с колхоза давали лошадь. Сперва ногами, а потом мама пошла, жаловаться, шо ноги по покалоли. Дают лошадь. Садится мальчик восьмилетний и гоняет кругом по двору и нам хватает вот так, на три дня. Мы его в кучу бросаем, польем, он назохнет и кизяк. А кто в околки ездил на быках. Замерзали там. Мы не ездили, ни мама, ни я. А я работала на лошадях больше зимой. Я возила, там можно набрать. Одно село разгромили и лежат бревна, наверно месяца два мы брали. Мы брали, по бревнышку возьмем, они такие вот как до стола. Штук по пять возьмем, это один год было. А то ж все сами. А воровство было, ой-ой-ой. На улице не ложь веник – возьмут, или дровину. А мы дров держали, дрова у сарае, тогда ж гаражей не было. И два замка, оттуда, и оттуда. Да, мама такая была, всю ночь караулить, ходит с фонарем, с фонарем ходит, проверяет: «Увсе цило, увсе цило, ну слава богу».

И.: А какие вам блюда мама готовила?

Р.: С творогу варила вареники, держала две коровы. Когда папа уехал, она одну продала, а когда при папе тогда... Вареники с капустой, с картошкой, блины пекла. Корову мама не сбывала. Даже две держала. Только война кончилась, она взяла, сдала. Она заболела корова. Так что я такого не видела, как люди видели. Я только что видела, наравне с такими людьми работала, шо она кидает и падает, и плачет. Вот горе было.

И.: А в войну мебель какая была?

Р.: Один стол и табуретки самоделашные, и скамейки, забыла скамейки. Ну кто жил богато, у того диваны были. А мы бедно жили. Не бедно, средне, не голодные, не оборванные. Не хуже людей. Папа кровати делал, от скуки на все руки, только мама его ругала, знаете за что? Он говорит – «да дура ты,

¹ Таволга — род многолетних трав.

ты стружками разжигашь». А стружки-то, стружок вот такой здоровый, это широкий. Только летят вот такие как книги. Наклала, кизяка наклала, пошло. Дров-то мало было, съездить некогда было, на работе. В околок съездить раза два. Пилки были, все было. Даже такая пилка у его была до войны, шо включит, она сама пилит.

И.: Какие постельные принадлежности у вас были?

Р.: У нас ниче не было, мамины ложники¹, ложники наткатые. Шерсть напрядена, наткаты вот в палец толщиной, одна нитка и они толстые. Она настелет, никаких матрасов, только подушки и эта, четверо ложите – ложник называли. Укрывались, в четверо сложить и, много мама наткет. Овец много держали.

И.: А вы где спали? На кровати?

Р.: Милый мой, стыдно и сказать. Хата длинная-длинная, и сделанный полог – вот такой ширины. Вот от стенки и с метр, от этой стенки. Там три-четыре потняка, папа делал, наслато. Больше ничего, ни простыней, ниче, и подушки. Куфаек тогда не было. Одежинки свои под голову подкладывали, а какие уже одежинки под конец, и мы стали хуже жить.

И.: А посуда у вас, какая была?

Р.: Посуда была маленько: от маминого замужа тарелки, а потом литые чашки, а потом фарфоровые чашки, вот. Больше не было. Ка- струль не было, чугунок. Алюминиевая. Были тогда, тазы были. А че вспомнила – в бане был один, а мама нас ругала, шо мы его запоганили. А фарфоровых мало было, у богачей только. Мы не богато, не бедно, не голодные, не раздетые. Так, средне. Были и тарелки, были. Папа еще был дома, ну немножко. Шкафы вон делал. В шкафах были тарелки, чашки, ложки вон делал как-то, поварешки делал.

И.: А у вас глиняной, деревянной посуды не было?

Р.: А ведро берем и такое делается, считали поганое. Поганое. Затрачиваем, и там всегда. Там и не известкой белили. Мы глиной белили. Знаете, белую глину? Знаете, или нет? Вот тут недалеко копают некоторые сараи строят. Дак копают, мешают в глину, шоб не трескалась. Она белая, но не такая. Да мне уже белить надо, но я не могу. Это известка. В год раз [подбеливали]. А кода? Мама день и ночь на работе. Я день и ночь, я и там сплю. Мы еще в бараках жили: у нас подушки, одеялы были, потняки были, матрасы были. Мы не так как просто. У меня одна перинка была такая подлиннее стала, вот такая, но она войну не выдержала, порвалась. Да ребята балуются там, то стреляют. А что пробьешь дырочку, а потом пальцем заденешь, а оно порвалось. Мама матрас сделала, с шерсти, ваты не было.

И.: А чем огонь разжигали?

Р.: Камушки. Тут заостренно. Одни об один. А тут бумажечка лежит. Она загорелась, хватают и в печку, вот так. Ну и спички были. Но их нехватишь. Спичек мало было, да всего мало было. Стоит один продавец на большой магазин, а там нечего покупать. Вещей пошти не было, если было – то только ударникам.

И.: А чем комнату освещали?

Р.: О-о, ой-ой-ой. Как вспомню, так страшно. Вот такой пузырек стоит, вот такая трубочка, какой-

¹ Ложник — одеяло.

нибудь. Ну, наш папа всем делал. Трубочка, вату накручиваем. Вата у кого спаслась, матрасы. И мочаем в керосин. И вот посмотри, как жили люди. Каждый месяц белили, копит же, вот такой флакончик. Вот такой. Трубочка, зажигаем – коганчик звали. Коганчик. Вот как мы жили. Не дай бог никому. Ну, мы не жили, мы не жили. У нас папка лампу делал. А стекла где-то доставал, да где-то по блату. Кому-то даром сварил что-то, он же еще сварщиком работал.

И.: А в войну у вас баня была?

Р.: Баня? Если б бань не было – вши б заели. Одного мальчика привезли в больницу, у него раны от вшей. Бани не было, мать одна, и он один. А жить негде было, она жила скиталась, где попало. Ну, это мало таких. Одна она по деревне была. Наверно не работала, а мужика на фронт взяли. Мужик молодой, ребенок маленький. Раны были от вшей, очень страшно. У нас не было, но мама почему-то нижнее белье всегда кипятила. У нас не было, она кипятила. У, ей казан вот такой был и крышка. Она в казан сложит. А может потому што раз постирает. На руках же стирали, ни досток, ниче. А она на руках постирает, не простирала. Та щас, мылом натрет, натрет. А мыло она делала с кишок шоль сама, я забыла. Как-то делали: вот зарежут быка, свинью, делали мыло, а с чего – забыла. Да я спрошу у когонибудь, если мне надо.

И.: А зола была нужна какая-то специальная?

Р.: С кизяка, с соломы, с дров. Делали мы из полыня – оно лучше промывало. Тогда ж знаете, страшно вспоминать. У некоторых знаете, как воши были, вши. У нас не было. У нас вот тут банька стояла. Мы баню топили каждую неделю. А папка на такой работе работал, шо как только – «дочка, беги, подтопи». Помыться, не попариться, а помыться. Я дров накладу так, потом второй раз и все. Так он – «ой, натопила». А в некоторых и бани не было.

И.: А у вас соль заготовливали?

Р.: А вот куда-то где соленые озера. С соленого озера. У нас вот тут есть, но оно не вырабатывается. Она не пригодна для пищи. [Ездили менять] в поселки. В поселке соли не было. Меняли богачи, а бедные только глядали. Ну, кто богато жил до войны, тот и войну не видел. А хто средне жил нормально. А хто бедно жил – те погибали, и дети, и сами.

И.: А в войну приезжие были?

Р.: По-моему, были, но немного, если я не путаю... У нас с городов много было. В городе, чем жить, как жить? С городов много было. Потому что тут картошка, морковка, свекла, капуста, хлебушка продавали. Помаленьку давали, по одной булочке. Ну и то хорошо, правда? По кусочку и то ладно. Ага, в колхозе [работали]. Бросают дома, и бросают все, квартиры замыкают, и едет лето работает, в зиму едет домой. Получит там, сколько дадут. На квартиры просились, у нас жили. Лето живут в бане, а в хатах. А есть такие дома, шо устраивал колхоз или подстроить землянку. Они работают, а им землянку сляпают там. Жили, все пережили. А которые не выдерживали, особенно матеря, сильно помирали. Сильно помирали матеря, а дети оставались беспризорные. Приют работал хорошо, забирали этих детей: кормили, одевали, обували. Приют хорошо работал. Не то что там наряжали, а просто.

И.: А у вас рынок был в селе в войну?

Р.: Был, а шо продавали? Картошку, морковку, свеклу, огурцы, помидоры. Там у кого смородина, вишник, а у кого и даже яблочки были. Вот такие и вот такие вот махонькие. Ну, все равно за шо брать? Придут, посмотрят да и пойдут. «Возьмите хоть немножко, миленькая». Взьяла бы, но денег нет. Но не у каждого. Которые сидят в райкоме, в райисполкоме, в сельсовете, у них есть деньги, были деньги. Им

зарплата как была, так и была. А вот эти вот работяги, колхозники, да рабочие всех предприятий, они хлебали слюни вместе с кровью.

И.: А я слышал, в войну с арбузов арбузный мед делали?

Р.: Дааа, мама делала с папой. Фляжка стеклянная была, вот такая вот. Полную наделают, на зиму хватало. «Мам, дай еще» «Нет сынок, хватит. Ложку дала, хватит». Он темный, он темный-темный, коричневый такой. Коричневый, коричневый. Ну под вид чего сказать. потемнее картошки. Мед хороший, ой хороший, лучше, чем вот этот продают на базаре. Котел, знаете чугунный такой с ушками. Это не приделанный, это вылитый котел. Вот у меня кастрюля есть такая. Вот ее накладывают полно, очищают кору, коры там нет, только мякоть. Как стол, вот. Разрезали пополам, потом на скибки¹. Скибки режут в котел, режутся, семена выбирают. Они выбрали, решето. Тогда ж было все и щас есть. На решето ложат, на другой котел цедают и варят, варят, пока сладеть пошла. Вот и жили без сахару. А у папи были фляги, две фляги. Он две фляги нальет. А то наливает, были в его железные, эмалированные бачки, вот туда наливает. Нам от нового до нового хватает. У нас семья большая была: ну-ка, девять детей.

¹ Скибка — долька.

Осокина (Белоногова) Татьяна Григорьевна, 1930 г. р.

На момент записи интервью проживала в р. п. Залесово Залесовского района Алтайского края.

В годы Великой Отечественной войны проживала с. Гуниха, Залесовского района. Работала преимущественно в колхозе.

Опрос был проведен осенью 2015 г. Рыковым Алексеем Викторовичем.

Р.: Скажите полностью вашу фамилию имя отчество?

И.: Осокина (Белоногова) Татьяна Григорьевна. 1930 года рождения. В начале войны мне было 11 лет, родилась в деревне Костыли, Залесовского района, Алтайского края росла в селе Гуниха, училась в Гунихинский школе, с 11 лет, как и все дети работала в колхозе на посевной, на уборочной, сенокосе. Так и на войне труженики, награждена медалью за добросовестный труд, после войны там же награждена медалью юбилейной медалью, и нынче с 70-летием войны. Начала работать после войны в 1945 г. еще, война шла, начинала на маслозаводе, потом послали учиться меня с маслозавода в Алтайскую школу, в село Алтайское где я окончила школу 7 классов. В 1955-1956 гг. два года училась так же работала на маслозаводе, после стала старшим лаборантом, от маслозавода, где я работала, меня послали работать в Черемушки Залеского района, там я работала лаборанткой на маслозаводе, затем я работала на сыроделе и отработала 5 лет.

Маслозавод стал закрываться в Черемушках. Я пришла работать в школу, в среднюю, делопроизводственную, проработала там 20 лет. Затем работала бухгалтером, в сельском совете проработала 6 лет, откуда пошла на пенсию в 60 лет. Мой трудовой стаж 46 лет. Так же еще в промежутке в 1944 году, летом подрабатывала учётчиком в тракторном колхозе в бригаде. Вот так. У меня все собрана все документы, пенсия начисляется. Отдыхаем.

Р.: Расскажите о детстве.

И.: Расскажу о детстве. Детство у нас прошло, как у всех детей войны. Ходили босые, голые, картошку садили и копали вручную. Весною появлялся хвощ¹, у него большие шишки, вот эти шишки собирали и ими питались. Пахали весной на коровах, на быках, сеяли вручную. Бригадир поставит в ряд, и пошли раскидывать потом копали все это от мусора. Уборка началась, зерно жали серпами, затем ложили в скирды возили на коровах на быках. Все убирали, все убирали. В сентябре вообще не учились. С 20 мая получали мобилизационный лист, были как бы тружениками. И вперед вместе с бабками и дедами. Спасибо им, что они нас научили косить, грести и все такое. За что нас наградили за это медалями. Мы не были детьми войны, хотя нам было по 11 лет. Мы были тружениками тыла. Работали все честно, добросовестно, в колхозе мы не получали ничего. Бабушки, которые с нами были подкармливали нас, подпаивали. Кто принесет кусочек хлеба, дранечку какую-нибудь, огурец. Никто не жадничал, все питались. И после войны мы все трудились. Света не было. Вот на маслозаводе работали и там не было света. А это же продукт молочный скоропортящейся его надо вовремя переработать, одна лампа «летучая мышь»², вот этой лампой освещали весь цех. В две смены работали. Днем, где светло, где солнце светит, а ночью работали только при лампе, вот при этой «летучей мыши», и таскали ее из цеха в цех. Молоко переливали вручную, молоко перерабатывали на сыр вручную, перерабатывали в пятиметровой ванне. Сейчас все механизировано. Затем, когда это все

¹ Хвощ — споровое растение с мелкими чешуйчатыми листьями, сросшимися между собой в трубку.

² «Летучая мышь» — керосиновая лампа.

готовое, его ложили под пресс, убирали в ящики, закутова, отжимали, потом солили, а потом его мыли, потом сыр зрел. И сдавали сыр только высшим и первым сортом, несмотря на, то, что работали вручную. Делали голландский сыр. Масло в цехи делали тоже вручную, но сбивали молоко лошадьми, была такая большая, здоровая бочка; лошадей гоняли, бочка крутилась, масло билось. Обработывали его и сдавали его на экспорт. Возили готовую продукцию в Барнаул, на склад, где его у нас принимала. Возили либо на машине, либо на брйчках – кто где как. Старались довести его не порченным, естественно, это зависело от качества продукта. Ну, потом уже состарилась, доработало последнее время. Вот такие трудные годы нашего детства. А работали еще, и дома, и в колхозе. Дома держали хозяйство, держали коров, поросят, кур, овец это все надо было кормить. Всё для них надо было заготавливать вручную опять же: зерно, сено.

Р.: А налоги какие-нибудь у вас были?

И.: Налоги, конечно были. Когда уже работали, 360 [литров молока] базисной жирности надо было сдать. Держали одну корову на 10 соток. Возили, все заготавливали вручную. Возили все на коровах, заготавливали дрова, так же как и для своего хозяйства. Корова бедная, молоко дай и продукт дай. Муку и сдай, и шерсть сдай, кожу сдай обязательно, яйца. Все, все шло для войны, для победы. Не дай бог, конечно, молодежи больше такой не встречать в жизни. Не надо, не надо, пусть мы будем в проголодать, и недоедать, недопивать, недосыпать, но такой страсти, как на Украине сейчас, не надо нам. Сами друг друга бомбят, такого у нас не было. Работали без остановки. Траву собирали, зверобой был, все травы собирали.

Р.: Где собирали пучки, травы?

И.: В лесу собирали полевой хвощ, выходит как елочка. У него шишечки такие, еще елочки нет, а шишка развивается в елочку. Вот так как елочка выглядит, а так он называется полевой хвощ. И вот эти шишечки очень вкусные, даже сейчас с удовольствием поела. Зверобой лекарство от всего. Травы всякие были. Заготавливали очень много черемухи, ходили за ней, потом ее сушили, мололи вручную. Это все пили, ели. Гусинки тоже в лесу растут. Все это в лесу растет. Вот утречком соскочим и бежим в лес. Собираем, подбираем, чтоб чем-то позавтракать. Вот, солила их наша бабушка, все в мешок бросит, она ее чистит и солит. Все солили, только по-разному солили, гусинки отдельно, хвощ отдельно. Гусинки, пучки отдельно, это все отдельно. Были кадушки деревянные, эти кадушки все солили, и солили отдельно. Но кадушечки старели, делали, теперь не делают их, а раньше делали деревянные. Оно хранилась очень хорошо и долго.

Но потом ляпки эти стряпали. Ну, вот у нас, например, дед сделал нам из терки набитое, железное. Сейчас такие терки фигуристые, только там простая железяка, загнутая маленько по ней, терли картошку. Вот вручную, потом все это рукой, все содрано и там кровь, и мясо, И представь себе! Все ели, все там было. Все жрали! Все что попадется! Но может Бог нам и дал жизнь такую длинную по 85 лет.

Р.: Так, опишите все-таки, как выглядели гусинки?

И.: Ну это ремень. Ну, вот так, гусинки и пучки, только у них разные листочки, но ствол растет так же. Как только начинает третий лист выходить там шишечка, как бы семиблок, растет наверху, из него варили супы. Это цветоножка, но все старики называют пудушки. Это наверху соцветие. Из этих варили суп, они, когда распускаются интересные, маленькие, как бы наподобие гречки. Вот так вот! С яйцами жарили, где какое яйцо найдем или где какое яйцо останется. Надо было от каждой курицы 120 штук сдать, а что останется то ели. Но все было вкусно, даже бы сейчас поела. У меня вот правнук есть,

говорю ему: «Будете гусинки есть, дома растут 2 пучка». – «Да уж прям, что такое, траву какую-то есть». Сорвала, дала. «Фу! Гадость какая-то!» – «Да никакая не гадость, вкуснятина».

А потом на два года у меня правнук говорит: «Баб, пойдем сорвем, где еще эти пучки растут». Нашли, сорвали, и он эти два пучка съел только так. Говорю: «Вкусные?» Он отвечает: «Вкусные!» Это же все было тогда все чистое, незаражённое. Не то, что сейчас, все мыть надо, прежде чем поесть. Картошку копали в колхозе, там, где-то все равно оставалась картошка, она гнила, а крахмал от нее остается, он высыхает, вот када картошку варишь, кожурки варили, вот так же она высыхает, вот так же она высыхает в мешочке. Только там крахмал остается, вот его собирали, мыли, делали лепешки, звали их ляп-ками. Вот так и питались.

Хлеба нам давали по 100 грамм на человека, вот и больше мы ничего не ели. Рассчитывался с нами колхоз 7 ноября. Собирали всех детей, для детей стряпали булочки, чтобы каждому по 1-2 досталась. Как сейчас на Новый год делают мешочки, так и нам. И по 100 грамм меда давали, пасеки были, чтобы мы хорошо поели в этот день. Отпразднуем 7 Ноября – день Октябрьской социалистической революции. Вот и всем у нас расчет был, за что и работали. Ничего не говорили, не возмущались, что нам не плотят, как сейчас говорят. Работали только старики и малые, да инвалиды. Надо было 24 часа в сутки работать. Вот когда особенно скирдовали, все вручную, все сухое зерно мололи ланцами.

Р.: А что такое ланц?

И.: Ланц – это такой же, как комбайн, только он не самоходный, а на месте работает, а принцип работы такой же. Зерно падало в бункер, так же как и у комбайна. Видели, как работает комбайн? Вот так и ланц. Вот это все надо обмолотить, все зерно собрать, все увезти и сдать государству, в мешках на лошадях. Надо было высушить, а сушки там в бункерах, высокие, страшно лезть туда и тащить мешок 50 кг на спине на 3-й этаж. Высыпаешь полцентнера туда, в бункер, и сушится там.

Р.: А вот этот ну когда муку на хлеб сами мололи или как?

И.: Сынок, во время войны все вручную. Все в ступах мололи, ступы деревянные были и железные, и толкли потом, все через сито мяли, получалась мука. До войны единоличники стряпали, потом стали колхозы, но давали зерно, на мельницах мололи, сами стряпали, так и после войны в 1950-е годы муку покупали. Тут уже зерно пошло, уже свет был и мельницы. Тут уже получше стали жить. Маленько отдохнули, а теперь мы не представляем себе, что такое без света быть. Варили на кирпичах, на них сковородку ставили, насобираем туда что-нибудь, и подождём, и варим.

Р.: А вот было такое, чтобы в хлеб примеси добавляли?

И.: Конечно. Добавляли травы, семена добавляли конопля. Это не наркотик был, а сейчас считается наркотик. Семя конопля высушивали, мололи, потом кипятком завариваешь, размешивали, и вот этой драночкой макаешь туда, оно сладкое, вкусное, за высший сорт ели. Из семя льна делали так же. Лен выдергивали, обмолачивали, толкли его, и даже раньше его до войны еще не каких тракторов не было. Хлеб обмолачивали сами, готовили для себя. Вот нам делали, прочищали, ложили снопы, и так же цепями, на конце ручка большая, какая-нибудь веревка, ремень большой, длинный, а в конце как бы колотушка, и этим колотили. Появляются трактора, гусеницы, но они работали на дровах. Потом начали выпускать двух колесные трактора, вот сейчас «Беларусь», а тогда были они без кабин, без всего из всего железа, у них шипы здоровые, и вот этими шипами шел, колеса были железные, вот так он шел, они работали на керосине, колесные назывались, и потом уже начались после войны полторки-машины. Во время войны ничего не появлялась. Кто как мог.

Р.: Так у вас были рушилки?

И.: Какие рушилки? Вот рушилок не было.

Р.: Вот какие ягоды заготавливали?

И.: Вот сушили черемуху, калину, мололи, это была мука. Что еще? Заваривали черемуху, например, семя калины, черемуху мололи, заваривали, делали кашу вкусную, за уши не оттянешь. Все ели. Тыкву сушили – знаете, что это такое? Свеклу, морковку варили, это еще и до войны было, но после войны цивилизация пошла. Были уже конфеты. Из семян льна делали каральки. Лебеду собирали, и тоже мололи с зерном. И чабрец собирали, ноги отнимались от него, из лебеды варили суп, а чабрец на ноги действует, и все равно ели. И ели все, потому что жрать было нечего! За 5 лет войны люди умирали очень мало, но оставались только старики и дети. Работали как лошади. Хлеба мы не ели в войну. До войны ели хлеб ржаной.

Снопы льна растут вокруг. Лен сушили на каменных печках, это очень опасно, одна искра – и пожар. Из льна делали ткань, полотенце белое, делали на прялках его. Шили одежду только для себя, донашивали все друг за другом. Семя конопля шло в пищу, вот между коноплей есть женское и мужское семя, женское семя собирали, а мужской пол собирали, также, как и лен, дергали, сушили, делали с него веревки, крепкие были, ремни, вожжи. С конопля не шили, потому что она грубая, жесткая. С нее делали прочные веревки, ремни, жгуты, бичи.

Р.: Грибы собирали какие?

И.: Все грибы собирали, сушили и солили, как и сейчас, только сейчас маринуем. А мы в бочки деревянные и солили их, бросали хрен туда, чтобы не испортился и ели. Капусту так же солили и все на свети. Помидоров не знали. Помидоры появились после войны вроде, точно не помню.

Р.: А лекарственные травы собирали для чая, зверобой, душицу или еще какие?

И.: Да, всякие и лист смородины сушили, лист малины, душица, зверобой, лист калины, да все собирали, что можно было пить, и сейчас это собираем, это свой чай называется. Ну, сдавали мы его после войны, а до войны его никто не собирал, некогда было его собирать, после войны стали его в государство сдавать. Вот так.

Р.: А огород, вы говорите, 15 соток у вас? Что в основном садили?

И.: Все садили, от картошки до маркушки, и свеклу, брюкву все надо было садить, капусту, огурцы, репу. Все садили. В кладовки таскали, прятали в мешках, корзины. У каждого свой рецепт как сейчас. Я, например, ложку соли ложу на банку, а некоторые, может, добавляют ложку соли и ложку сахара или полторы ложки соли.

Колбасу сами делали, не покупали, на рынках ее не было. Делали ее сами, чистили кишки скота, мясо рубили топорами, лук ложили, чеснок и набивали кишку через дудку, и варили, коптили, всякую делали. Все было с мяса, не то что сейчас, не понять с чего она сделана. Кушать невозможно – трава. Риса не было еще тогда у нас. Квас делали, брагу.

Р.: А как делали квас?

И.: Квас. Сушили, допустим, рожь, свеклу высушили ее и потом распаривали и на этом отваре делали дрожжи, делали закваски и заквашивали, был квас. Кто как квас делал. Брагу делали, пили, пьяниц не было, делали самогонку. Зерно замачивали, несколько времени стоит, я уже не помню сколько, у нас

дед делал, закиснет это дело все, осядет зерно, там уже настоящий спирт. Самогонку гнали, делали аппараты какие-то, а кто просто так его пил. Если загуляли, то всем селом два дня, на третий день все работали.

Р.: А как огород пахали?

И.: Ага, «пахали»! Лопатой! Умешь лопатой работать? Вот вся семья встанет, вот вам родители говорят – столько-то вскопать, и все, пошел. Сажали вручную, вначале копали, боронили, сажали лопатой. А навоз шел в удобрение и от людей, и от хозяйства.

Р.: А были у вас в селе ремесленники? Которые занимались выделкой кожи, гончарством, бондари?

И.: Были, конечно, но это до войны были, все делали, все было. Но в войну этого не было, некому это было делать.

Р.: А шили из чего?

И.: А шили все из своего старого, изношенного тряпья.

Р.: А вот обувь какая была?

И.: Обувь тоже сами делали, выделывали, раньше, до войны, кожи, шкуры всякие для шуб. Я сама шила. Вот так было! Просто сапоги, выделки дорогой, а в войну кто как делал, например, мой дед поставит ногу на доску, выстругает, ремешки сделает, и шуруешь до самой осени. Носили дедовские сапоги и бабушкины. Делали из досок подошву, танкетки, да в основном босиком ходили. Были рукавицы, вязали сами, портянки изо льна, все что не нужное рвали на тряпки, на портянки. Все бедные были, не было богатых!

Р.: Ловили у вас сусликов, сурков и еще что-нибудь?

И.: Ну, до войны сусликов у нас не было, никто не занимался этим. А вот в войну там не до сусликов было, их потом к нам завезли в 1950-60-х годах, наверное. Медведи были, волки. Охота на волков была. Тайга была. Лосей не было. Лоси появились в 1950-х годах.

Р.: А вот матрацы чем набивали?

И.: Набивали соломой, а потом чернопалками еще, на речке растут, у болот дудки-пуховолки. Подушки делали, у речек такая трава растет как осока, а там дудка поспекает, расщеплялись и это все как пух разлеталась, и пока не созрели, мы их собирали.

Р.: Спичек не было у вас?

И.: Дрова высушивали, полено раскалывали на щепки, вот и все. Свечки делали, кто из воска если есть, кто из жира.

Р.: Речка была?

И.: Да, вокруг деревни была, все строились деревни вокруг речки, чтобы речка была рядом, а потом стали делать колодца. Проруби делали. Летом, зимой ребяташки ловили рыбок маленьких. Некогда было заниматься рыбой. Да, вокруг деревни поле в пределах 3-5 километрах, пешком ходили. После войны строились маленькие гидростанции, появлялся свет, легче стало жить.

Р.: А вот во время войны, в вашей деревни, были какие-нибудь депортированные, эвакуированные люди?

УСТНАЯ ИСТОРИЯ:

жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны

Содержание

И.: Да, дети, сначала к нам немцев с Поволжья эвакуировали, потом с Днепропетровска стали возить. Вот у нас жил мальчик, мы к нему относили как к родне, проводили в армию в 18 лет, ходил в школу. Эвакуированных подселили в квартиры к другим людям. И ничего, все было хорошо, принимали как своих. Конечно, и должности им давали в колхозе, и всем работа была, что мы ели то и они, все были на равных условиях. Могли они получить на войне какую-нибудь должность.

Р.: А вы русская?

И.: Я русская, православная! Все?

Р.: Ну, все.

Красноженова (Маркова) Пелагея Ивановна, 1930 г. р.

На момент записи интервью проживала в р. п. Ельцовка Ельцовского района Алтайского края.

В годы Великой Отечественной войны проживала в с. Половинка, Солтонского района, Алтайского края. Во время войны училась в школе. Мать в годы войны пекла хлеб для колхозников.

Опрос был проведен осенью 2016 г. Мазыриной Анастасией Александровной.

И.: А представьтесь, пожалуйста.

Р.: Я Красноженова Пелагея Ивановна. А вы как мое имя-отчество узнали?

И.: Да у местных жителей спросили.

Р.: Вот местные жители все ко мне эт посылают. Потому что я такая доверчивая, старая, так раньше не было. Я всем доверяю, и все меня обманывают. Это местные жители.

И.: Я вас не обману, точно. Это история. Мы изучаем историю. Вот по воспоминаниям как раз бабушек и дедушек, разговариваем с ними, как раньше жили, как в войну жили.

Р.: Ну, это уже все знают, как в войну жили.

И.: Нет, неправда.

Р.: Уже все, говорено-переговорено. Нас с 30 года... Ой... до войны так бедно жили, эти тридцатые годы были голодные. Это. После того как прошли эти. ну. ранешные называли «кулаки», там на них работали, потом сделался переворот. В семнадцатом году иль каком году, не помню. Ну и вот эти голодные годы, отец у нас умер, мне было год, я его не знаю, и не видела. Сейчас вот передают, вот я не видела отца тридцать лет, заплакала, мне охота отца посмотреть. А мне че-то не охота, я не видела, не знаю, и что за отец и как с ним живут. И вот мы бедно-бедно жили. У меня было четыре брата. Они ходили, побиралися, собирали богатым, кусочки приносили, меня кормили. А потом, ну..эт..колхоз уже наверно организовался, посылали работать, сено метали там, убирали сено. Все сядут кружочком обедать, кружком рабочие, а они за стол спрячутся и нечего было есть. И я уже, когда в начале мы работы, еще... учиться начали. Да не учились еще... э-э. Маленькие совсем полоть сначала, полосы пололи руками. Потом придумали полюшки вот такие, маленькие как литовки. Ими пололи. У нас бригадир увидит их, соберет, сломает об колесо. Скидает туда, в лог, мы соберем опять эти. Наладим черенки опять. А потом, на покос нас посылали вдвоём с девчонкой. Мы подскребали, первые идут волокуши женщины наворачивают, а мы девчонки, босиком. Эти подберем сено, чтобы негде клочок не пропал. Вот так работали. А потом уже посылали нас вязать. Лошадьми косили эти полосы. Убিরали сначала рожь, потом пшеницу, овес, вот так вот, мы всё это нам повязали. Меня первый раз послали рожь вязать, а она выше меня, вот такая. Я ее кое-как свяжу, а нести то уже не могу. По кучам сносили, пока несу у меня весь сноп рассыплется, вот таки работники были. Но никто нас не ругал, никто не материл, как вот сейчас. Но терпели то, что мы работники то какие были. Вот так война началась, братьев моих всех на фронт отправили. Мы с матерью жили, мать болела. А я все с санками дрова возила, из согоры¹. Но ни я одна, а все девчонки молодые. А одевать то нечего было, какие-нибудь там шабуришки. Не знаю, че наследуешь. Ой, ой... как мы жили. А одна у нас сирота была. Гелька её звали, почему то, вот пойдем мы там. Где сушняк наберем, где нарубим. А вспотеем,

¹ Согра — низина.

торопимся. Весной по Чумышу, вот когда мороз в марте месяце, снег застывает, тогда уже не проваливаешься, идешь безо всякого. Вспотели, вот она снимет с себя там не шаль, а кого-нибудь оденет. Вот так трясется. Вот. Скрывает снег, вшей сколько было у нас. Кормили вшей, голодные были, холодные. И вот из согры дрова принесешь, истопишь печку. Затопили, большие печки были. На печке спали, там одевались, Дерюжки какие-то были. Ну, в общем, плохо жили. Работали, как не знаю кто. Повзрослели, тут уже учиться стали, два месяца не работали, не учились... это. сентябрь, октябрь и даже ноябрь там половина ноября. Все работали то хлеб убрали для фронта, вот и всё что я могу рассказать. Это уже все знают, все. Жили, жили, жили, жили плохо, поэтому вот старые долго живем – наверно, закаленные. Мне вот десятого октября будет 86 лет. И я еще хожу, вот у меня тыквы столько огород бросаю, не могу я ходить. Тыквы насадили, хожу эту тыкву разрубаю, семечки хоть зимой буду щелкать, семечки тыквенные. Ещё в огород хожу, где че пополю, но тока тяпкой. А так вот нагнуться долго, я падаю вот. Я парализована ещё. Падаю, а потом вожусь, вожусь, кое-как встану. Все еще хожу, работаю.

И.: А Вы здесь, в Ельцовке, родились?

Р.: Я родилась в Солтонском районе, тоже Алтайский край. Туда семьдесят километров напрямую. А потом наша деревня стала разъезжаться. Ой, организовали эти совхозы. Деревни, сколько было деревень. Все же уехали в города, не осталось ниче. Ну, а меня брат вперед уехал, тут в Ельцовском районе был приемный пункт, назывался заготскот¹. Вот. Совхозы сдавали туда скота, и индивидуальный скот сдавали, налоги же были. Ну, а там все-таки привозили продукты, как такая была организация что ли, закупочная. Консервы всякие, там было легче прожить. Вот я в пятьдесят шестом он меня туда перевёз, я шесть лет там прожила. А потом, тоже ликвидироваться стал этот заготскот, посёлок Кировск. И я тогда в Ельцовку, вот купила, тут пониже двухквартирный дом был, одну половину купила. Там жили. А, ну, а стало четверть тесно, да уж и дом то разваливался. Вот, с матерью ходили всё, хлопотали, чтоб нам дали квартиру. Дали нам вот в этом доме. Я в двухквар... ну две комнаты было туда дальше жила, потом сын женился. Ой. они тут жили, я смеялась. Сюда перешла, они там жили. Вот, а сейчас они уехали, в Барнауле живут.

И.: А в Солтонском районе, как деревня там называлась?

Р.: Половинка.

И.: А она сейчас существует, нет?

Р.: Ой, нет. Там все тоже заросло бурьями. Всей деревней живут, ликвидировались.

Р.: Нет, нету уже. Ну, Солтон – это районное село, как у нас Ельцовка. Живет, а остальные.

И.: Ага. А там получается, вот здесь тут горы, леса есть. А там степь или тоже лес есть?

Р.: Леса там не было, дальше туда. Километров 8-12, а у нас не было. У нас вот, да там вот, ну, тальник, березки, вот этот вот калинник, всё рубили на дрова. Не успевала отрачивать, за зиму срубали. Подрастет за лето, опять ходим, рубим. Топились этим. Кизяки делали, вот коров держали, навоз был, топтали. Собираются, как все соседи ногами топтали, полевали и топтали, делали кизяки, вот так топились всяко. То дудки, вот подсолнечные ломали, топились ими. Это всё в войну. Так все, все пережили.

¹ Заготскот и заготконттора — организации, проводившие закупки у населения скота и различных товаров (продуктов сельского хозяйства, промышленной продукции и др.).

И.: А дров не было да, тогда?

Р.: Они заготавливали, на чем было возить то. Но в тайгу то можно было. Одни старики да бабы, да вот дети остались. Всех же на фронт взяли. В тайгу то можно было хоть далеко, но не на чем было. На санках же не пойдешь в тайгу. Вот так вот.

И.: А дом большой у вас там был?

Р.: Да ну какой большой, одна комната. Тут и кухня, и спальня, и зал и все. Одна комната, сеночки, щас верандой называется, а тогда сенки всё звали. Вот так вот.

И.: Деревянные, да были?

Р.: Деревянный. Окна были одинарные, зимой всё замерзнут, не видать че там на улице. Вот дуем, дуем, продуем дырочку такую смотрим, че там в деревне, кто ходит не ходит. Вот так вот жили, очень-очень плохо. В нужде, в голоде, траву ели, картошку, ну в основном то огород садили. У нас огород большой был. Кукурузу садили, брюкву, капусту всё это ели, тыкву.

И.: А большой да огород был?

Р.: Большой огород был. Копали вручную. Городили, тоже таскали, из этой же согры, городили плетнем, тыном¹, кто как сумеет.

И.: А это как плетнем, тыном?

Р.: А вот такие коли² вот потолще дрова были, вот такие коли вот так вот их затесывали, чтобы остриё было. Сначала ломом, я даже городила, ещё девчонка была, сначала ломом, потом воды нальешь, еще ломом, потом потолкешь туда, потом уж этот кол вбиваешь, вбиваешь, вроде не шатается. А потом вот такие тоненькие прутики и обвиваешь об этих колах вокруг. Получается тын, вот так, вот-вот городили, не тын, а плетнем, а тын этот ставили – вот так вот. Две жерди и тын, обгораживали всяко.

И.: Две жерди?

Р.: Да. И это вот, и вот такое тынину сначала туда, потом обвиваешь вокруг жердей. И они стоит. Ой, все умели. Все делали сами, все сами. Не было мужиков, ну там старик какой укажет, покажет, как чё. С малолетства все пацаны и девчонки, всё работали, с малых лет.

И.: А вот эти вот колья, они из каких деревьев были?

Р.: Да вот из этого же тальника. Потолще который на колья делали, потоньше на тын и... Забыла ой... вот рассказывать то все. Памяти то не стало ниче.

И.: На огороде получается так же картошку да, садили?

Р.: Да, да, да.

И.: Потом убирали это?

Р.: Ну а как?! Конечно.

¹ Тын — забор, частокюл.

² Коли — колья.

И.: А где хранили?

Р.: Погреба были. Сейчас же есть тоже у кого погреба то. Погреба были, потом дома подпол был, подпол картошку ссыпали и погреб, чтобы хватило на круглый год. Ну а кого не было, тот... Перекапывали картошку, находили может хорошую, а весной гнилую собирали, и как-то из их пекли оладьи, ландорики¹ тогда называли.

И.: А как из них пекли оладьи?

Р.: На сковороду.

И.: Прямо из гнилой?

Р.: Ну, перемешивали.

И.: С чем там?

Р.: Че там, может быть молоко у кого было, у кого че, простакваша.

И.: А из кукурузы что делали?

Р.: А кукуруза вот, обчищали ее сначала, потом ее сушили. У кого есть на мельницу возили, а кто в ступки толоч ее, и получалась мука, крупа. Вот тоже лепешки таки стряпали, и хлеб стряпали и кашу варили. Кукуруза – это первый хлеб было.

И.: Из кукурузы хлеб стряпали, да тогда?

Р.: Да.

И.: Пшеницы не было?

Р.: Ну, отходы² там, в колхозе, какие-нить дадут. Мололи тоже, добавляли. И больше картошку терли в этом, в эту муку, которая из отходов мололи. Картошку натрешь и в эту муку как, наливахи были, называли. Хлеб тоже был черный.

И.: Это хлеб из картошки вот делается, да?

Р.: Да, да.

И.: А часто пекли его?

Р.: Ну по надобности пекли, конечно. Как надо.

И.: А из брюквы что делали?

Р.: Парили. Ели. Печке русской парили, ели. Если у кого корова, с молоком. Тыкву тоже с молоком ели. Такое всё было вкусное. А щас никто не хочет это есть.

И.: А что еще в печке парили?

Р.: Калину парили. Вот заготавливали калину, черемуху. Все это черемуху мололи, пироги из нее пекли. Из калины тоже так и пироги пекли. Всяко, всяко, по-всякому.

¹ Ландорик — оладьи.

² Имеются в виду отходы, получаемые после обработки зерна.

И.: А черемуху с калиной заготавливали, да?

Р.: Да. Клубнику заготавливали, тоже пироги пекли.

И.: А их сушили, получается?

Р.: Сушили, конечно. Высушишь, тогда. Калину то не сушили, а вот черемуху, клубнику сушили.

И.: А где черемуху мололи?

Р.: А какие-то ручные сначала мельницы были, где-то в каких-то деревнях хорошие мельницы, кто как сумеет. Свои мельницы были, вот, у нас к одним всё ходили. Два жернова и вот туда сыпешь, он крутиться, крутиться и мелится, и стирается всё.

И.: У вас не было такой, да?

Р.: У нас-то не было. А в деревне то было, все ходили по очереди мололи черемуху там.

И.: А вы русская по национальности?

Р.: Ой, нацменка¹ или как. Как назвать то, половина русская, половина нерусская.

И.: А нерусская – это какая часть?

Р.: Нацмены они, по-моему. Мать была русская, а отец... ну из татар, наверно, он так вот.

И.: Они, родители там жили или откуда-то приехали?

Р.: Тамошные. Тамошные. Дед богатый был. Куда мать замуж-то вышла. В то время коров, их сорок коров было, пчелы были, кони были. Работника держали. Вот. Куда мать вышла. Она, мать жила тоже у купца, раньше. Отец ее его работал. Девять лет работал в работниках. Один ездил за сеном и за дровами в тайгу по девять лошадей. Один справлялся. Девять лошадей наложить надо, надо им управлять. Они уже, наверно, привыкли и друг за другом идут. А вот летом, Петров день, этот купец налаживал наган, ремонтировал. И, говорит, ты Петрова берегись, испытывал на нем наган – работает, не работает – и застрелил его. И вот присудили эту мою мать до замужества, чтобы он ее растил. А она у них тоже в работниках была. И вот приехали из Половинки сваты-то, а жених не приглянулся: «Я не пойду». А этот дед, дядя или кто он там, купец-то, бичик, говорит, снял со стены: вот не пойдешь, вот это вот я тебя издеру бичом. Ну, она пошла, вот и жила. И нас было: две девчонки умерли, а четыре сына да я вот последняя остались. Три брата вернулись из армии, а один погиб. Вот так вот жили в нужде, в нужде. Ничего не было... ой... не дай бог.

И.: Так получается, деда раскулачили, да? Он как считался зажиточный.

Р.: Не-а, ты что, не раскулачили. Ай, как это. как-то. Как у них получилось, я не знаю. Вот деда я помню, он высокий был, седой–седой. К нам идет мать скажет: «Иди, вон дед идет, встречай!» Он приедет, она его покормит. Он на печку залезет, лежит. А бабушка сто три года прожила. И вот и она их... 86 все жило... И все равно не охота умирать. Ну, вот их не раскулачивали, а я не знаю, как их потом.

И.: Добровольно может отдали?

Р.: Да наверно, как это. как она. добровольно может отдали, потом война. вот как это слово-то. вот

¹ «Национальное меньшинство».

были единоличники, а потом их сгоняли.

И.: Коммуны.

Р.: Колхоз или вначале в коммуны сгоняли, потом колхозы. Вот, вот тогда наверно их это... всё у них забрали то. Бабка жила, потом у нее маленькая избенка была, я помню, я к ней ходила даже. А дед то уже умер. Вот их наверно тогда всё забрали у них. А как они жили там у них такой дом был, в то время у них уже сад был, и малина была, и фрукты всякие были, в то время я не знаю откуда они всё это привезли. Сад большой был, мать говорила. Ну, а когда дома их не стало, но, а малина то она всё была. Я все туда ходила эту малину брала, как летом я пойду. Набирала там по многу. Малина то росла, хоть заросла она там вся, то место, то ещё росла малина. Вот наверно при этой ликвидации, когда в коммуны загоняли, потом в колхоз. У них всё забрали. Раскулачивали, как их... большевики, то ездили на лошадях, все забирали. Там у детей, детей может много в семье, все равно все забирали, ничего не оставляли, вообще. Это уже я по фильму смотрю как раньше, а я-то, это уже не помню. Меня еще наверно не было. Наверно в 17-м году революция то была?

И.: Ага. А отца вы своего не помните?

Р.: Нет. Че я годовая оставалась. Он умер. А мать посадит, он в гробу лежит, она меня посадит на его. Соседи говорят, ты че говорит девчонку-то посадила, он же холодный: «Да пусть умирает, вместе схороним». А я до сих пор живу. Вот как раньше дорожили детьми. Это сейчас трясутся ты что, а тогда по многу детей то было. И голод такой, и чем кормить. Она и сказала: «Пусть умирают вместе». Не умерла. До сих пор живу.

И.: А у вас домик какой был там? Тоже деревянный?

Р.: Конечно. Че, кирпичные были? Даже люди землянки копали, в землянках жили. У нас там, рядом была землянка. Я к ним ходила. Вот выкопали яму такую, вот обгородили так же колья вставили, чашей это мелкая, мелкие, тальник мелкой. Все обгородили, потом глиной всё залепили. Все замазали, и выбелили. А тогда глиной белили, а тогда известки не было. А глину копали в одном месте. Был ручей такой, бежал, сейчас ручьев-то нигде нету, реки-то все обсыхают уже, уже зарастают. А тогда в каждом логу ручьи были, и вот там копали глину. В одном месте эту белую глину копали, вот выкопают, высушат, потом вымочат ее, и белили ей. А в другом месте был песок и охра, такая глина, желтая-прежелтая, эту охру потом как-то делали они ее и красили пол. Кипятили масло растительное. Я помню, мать делала. И с этой охрой мешали, и потом красили полы. А до этого, песком всё шоркали, вот ногой от веника, березовые веники были. Вот этот голик останется, парились ими и пол мыли ими. И вот таким голяком шоркаешь-шоркаешь, вышаркаешь. А желтый пол-то, и чтобы весь песок собрать по полу-то, чтоб в швах не было песка. Вот я мою, если не соберу весь песок, мать заставляет перемывать, чтоб песка не было. И вот так было в квартире, ничего же не было. Лавочки были вокруг, и там никаких шкафов, ниче не было. Ну, может деревянный сделают, там посуду. У кого деревянный были, посуду складывают. А светло было в квартире, прям ну ниче. Лавочки тоже вышаркаешь желтые, с песком шоркали. А сейчас видишь, как все наставлено, все надо кого-то надо.

И.: Ну а вот эта землянка, она чем крыта была у соседей?

Р.: Чем крыта!? Вот как те пласты. Землей.

И.: Землей, тоже?

Р.: Травой это, которые, трава которую или скосят, или осенью или весной рано убирают. Этими сначала землей или навозом сначала закроют, какие-то. Но то же эти вот. Тальником сначала. Потом ну

плотно-преплотно. Потом этой глиной, чтобы шире не было, потом навоз накладывают, а после навоза этим дёрном. Этими пластами все закладывали там, может не на один ряд, а два ряда. И тепло было. И вот в этой землянке я ходила, у них стояла кровать – вот тут, окно одно туда вот на закат, и вот тут одно окно небольшие окна. Где-то стекла тогда брали наверно. Небольшие такие окошечки. Тут печь стояла, и чисто-чисто в этой землянке было. А семья большая у них была, тоже есть то не чего. Картошку ведро напекут в русской печи, только одна печь была русская. Ни голландки не было, ни жестянки, вот. Что железные были печки. Вот напекут и чай горячий, едят. Если весной, то этот батун, ты знаешь батун, зеленый лук от с этим луком чай пьют, картошку, этот лук. Вот этот чай горячий, швыркают. Едят, все вспотеют, и я все ходила к ним смотрела. Семья большая была, и они недалеко жили. Все к ним ходила, видела. Еще варили, в другой семье, варили, как тебе сказать, охотничьи капканы такие были, полевые крысы были. Они черно пестрые, белые пятна. И вот этих крыс ловили, но небольшие. Вот такие наверно. Жирные, тогда же зерна много было. Сеяли и рожь, и пшеницу и овес и все, и просо даже сеяли. Вот они жирных этих вот крыс наловят. Вот там одной даже женщине, девками еще была, ходила охотничала. Поставит эти капканы, в эти капканы наловит, приходит, обдирает, все внутренности уберут, вымоют. Или жарили и варили. Я тоже к ним маленькая по соседям ходила. Сейчас вот ни к кому не хожу, а тогда ходила. И мне дали ляшечку, ножку покушать там. Но вкусное, ты че, мясо, я никогда не ела. Пришла домой, хвастаюсь. Хвастаюсь, что мне дали мясо, какое мясо. А вот крыс-то ловит. А мне брат и говорит: «Иди вымой руки, ешь ходишь, че попало хватаешь». А он мозговитый был, соль покупали, он заставлял мыть. Вы не знаете, как эта соль добывают. Там ногами ходят, топчут ее, харкают и плюют всё на нее. И всегда мы соль мыли. Также умер он дома, раненый был тоже, умер дома. Три брата дома умерли. Вот так вот. Все я перепробовала, всё переела. Пучки ходили – не знаешь, что такое пучки? Такая вот трава растет, белые цветы потом. И вот когда они еще молоденькие, эти пучки рвали и ели. Их так ели и потом варили их. Варили с солью, они такие вкусные, тоже вкусно было.

А цветы тоже, если они еще не распустились, они как кашка такая. Также варили, также ели их. Вот поэтому всякие витамины, это полевые, всё ели: саранки¹ ели, кандык² ели.

И.: А что это такое?

Р.: А это корни такие были, кандык вот такие вот примерно были. Они тоже их мы так ели, вымоешь, и едим их. Не варили ничего и саранки тоже. А саранки как-то они, вот пластиками отламывались. Сладкие тоже, тоже ели.

И.: Выкапывали, да?

Р.: Выкапывали. Это как весна. И мы босяками бегаем по полосам, этот кандык выкапывали, саранки, и ели.

И.: А они где – в лугах росли? Или где – в лесу?

Р.: На полях. Вот пашут, убирают потом. Зерно скашивают. Они после этого растут.

И.: Ага. А вот как различить что вот это вот саранка, а это кандык. Они как вот.

Р.: Да а цвет-то у них другой. Кандык растет такими фиолетовыми цветками, а саранка – она желтыми. Мы же уже знали.

¹ Саранка — многолетнее луковичное растение; вид рода лилия.

² Кандык — многолетнее травянистое луковичное растение, род семейства лилейных. Распространен в горных лесах.

И.: А откуда вы знали, кто вам говорил?

Р.: Ну, наверно, взрослые. Это из поколения в поколение же шло. Ели раз.

И.: А они высокие были или нет?

Р.: Кандык низенькой цветет, а саранка повыше такая.

И.: Саранка сладкая получалась, а кандык какой?

Р.: Кандык тоже сладкий. А еще были какие-то «свинячьи почки», тоже их ели. Ломали, они кисловатые. Это просто стебли ломали, ели. Да, если они молодые, чтоб не старые не задубенели, молодые тоже ели.

И.: А чем они отличались от обычных пучек?

Р.: Чем-то отличались. Потоньше они были, и желтенькими цветочками цвели. Все ели, траву всю, наверно, сожрали.

И.: А какую траву еще ели?

Р.: Какие-то были еще – «сапожки» звали их, пестренькие стебельки, тоже их ели. Не знаю теперь. Сейчас я тут таких не вижу. Но сейчас не хожу, а когда молода то была тут я ходила на покос и везде, но не вижу эти травы. Почки то тут были. Петушки ели. Шкерда¹ какая-то была, тоже ели, тоже сладкая.

Ну, трава, широкие листья такие, тоже стебель рвали и ели. Очистишь и вкусно, не вкусно, а сладкие были. Тоже витамины, наверно. Петушки это, тоже не большие так росли, расцветали. Пока они молодые, тоже рвали их пучками. Всё ели.

И.: Так это получается, петушки вы ели стебли тоже? Или сами цветы?

Р.: Тоже. Стебли.

И.: А сусликов ловили? Вот вы говорите, крыс ели, а сусликов?

Р.: Там у нас тогда тут не было сусликов. Эти вот крысы были. А здесь вот в Ельцовке ловили одни, я знаю, ходили тоже их. Выливали водой. Как в нору нальют воду – она вылезет, и вот их в это время ловили, ели. Это я сусликов не ела, не знаю. Но видеть видела, серые такие, как вот кошки, только поменьше, поменьше, как вот такие.

И.: А вот из этих трав заготавливали какие-нибудь травы?

Р.: Нет, не заготавливали. Только когда они молодые тогда их ели. А заготавливать не заготавливали.

И.: А лебеду, крапиву?

Р.: Лебеду ели. Лебеду варили. Вот на покос там у нас один метчик был, метал, переполнял план даже, в колхозе. Начинается солнце садится, темнеет, он еще начинает стог вот работали, до темна работали. Домой идем темно, и вот ему жена сварит эту лебеду с молоком, тогда были туюски из береста, вот тут он в этом туюске принесет, это ел он. И потом его даже в Москву за хорошую работу посылали, как ударник на ВДНХ ездил. Работали-то. Вот мечет он, вся спина мокрая. Тогда же не раздевались, сейчас

¹ Шкерда — скирда, род, как правило, однолетних растений семейства астровых, встречающихся вокруг жилья у дорог, на опушках негустых лесов, на залежных землях и пустошах.

вон разденутся, а тогда это за стыд считали. Сейчас голые каки-то, вот таких ходют, и только закроют. А это всё голое, ходют мужики. А раньше этого не было, стыди- лися. Как... как первобытные люди. Сейчас ниче не понимают. Сейчас стыда никого нету, все говорят секс, секс, сексуальные. А у нас, я там жила в четвертой квартире, а сын сначала в этой квартире, когда мы еще не сменялись, они ходили у меня телевизор смотрели. И они две девчонки, четверо, и я пятая на диване сидим, смотрим. Дочь пришла, говорит: вы смотрели такое кино какое-то про Веру? Сексуальное это кино. Я думаю – че это такое «сексуальное»? Потом пришли на второй раз, я у сына спрашиваю: «Вась, ты скажи, а че это за слово „секс“ такой, че это такое?» Все сразу замолчали. А он говорит: «Мам, ты это не знаешь». Ну, я и не знала действительно, что такое секс, раньше секса не было. А сейчас – это ой. только везде, никакой совести никого нету. Вот то. говорить да. я. по телевизору женщина одна в какой-то передаче: «Я люблю секс», вот че попало передают вообще. Это стыд такой был раньше, чтобы про это че-то говорить, никогда не говорили. А сейчас всё открыто. Шибко хорошо.

И.: А в огороде росли какие-нибудь травы, которые вы тоже ели, там например сорняки какие-нибудь, ну их в пищу употребляют?

Р.: Ну вот только лебеду ели. А больше, крапивы у нас в то время не было.

И.: Не было крапивы?

Р.: Не было крапивы. Я даже не знала, что за крапива. Это вот тут я приехала, в Ельцовке, и то не было крапивы. Вот был у нас тут склад, зерносклад, привозили зерно. Все шумело, всякие там машины возили. Вот тут я ходила, свиньям рвала, нигде не было вокруг. Но все держали скотину, у всех коровы были, телята, свиньи. Но так, вот таких вот зарослей как сейчас не было. И кур держали, и уток, и гусей. Все это раньше держали. Это уже тут, в семидесятых годах это вот перестройка началась, все ликвидировали. Воровать стали, ужасно. Не было такой травы, у нас вот в ограде и то такой травы не было. Вот сейчас скосят, а там вообще репьем да крапивой всё заросло. Это ужас до чего дожили. Этого не было никогда. И крапивы не было, а сейчас у нас в огороде, я ее дергаю, и всё. А семена везде вокруг сеются. Приносит ветром. Да вся Ельцовка, видела, заросла.

И.: А вот траву только весной да собирали? Осенью и летом не ели никакую траву?

Р.: Ну весной, это весной кандык. И эта... Че я тебе второе то говорила. Саранка. Саранка – это весной. А остальное – это летом. Вот когда вся трава подымится, ходили. Она не везде. Это пучка, шкирда, и петушки. Это вот где в зарослях, где вот осинник был, у нас там звали осинник. Один был другой большой. Вот в этих осинниках там росли пучки, шкирда. Петушки, вот там вот тогда летом в июле трава вся поднимается, вот в июле всё это ели. И, но в июне, когда где, может быть на горке там росло, где хорошо обогревалось.

И.: А осенью уже не было?

Р.: А осенью уже че, она загрубеет, эта пучка, уже расцветет. И еще был, вот как тебе сказать-то, забыла, как он называется. Потом вспомню. Собирали. Вот цветет. Ну, и на чем, на шкирде это было, когда отцветет и вот солнцем греется, из ее сок выделяется, и этот сок загрубеет, она желтая. Как ээт, вот такие шишечки собирали эта, и жевали как резинка. Знаешь, сначала горькая вся. Оплевывали, оплевывали, а потом она такая хорошая, эта жвачка-то, хорошая.

Вот вечером тогда называли тырл¹, собиралась вся молодежь, танцевали, плясали, гармошка, балалайка. И вот это вот жвачку жевали и вот шалкают, шалкают, шалкаток стоит, до того была хорошая мягкая, вот это вот. Вот всё как-то оттуда добралось. Все делали сами.

И.: А шкерда это тоже получается просто трава?

Р.: Трава, трава. Ну, так вот такая вот, наверно, цветет. Когда она вырастет, загрубеет, цвести начнет. И вот этот сок выделяет. А солнцем то греет её. Наверно, прижигает ее, она образуется этот сок. Твердая, но не сильно твердая. Потом эти вот кусочки собираешь и делаешь жвачку себе.

И.: Ага. А цвела она каким цветом?

Р.: Желтым.

И.: Желтым, да? А веток у нее было как у пучки или.

Р.: Поменьше. Пучка – это большая была. Она прям, у нее цветок – вот такой белый, а рассыпной, а в куче вот такой белый большой. А шкирда – то небольшой цветочек.

И.: А вот за травами вы вот ходили там девчонками или?

Р.: Взрослые ходили, и мы ходили. С мешками, вот нарвем целый мешок этих пучек, шкирды. Если праздник, вот Троица была, в Троицу вообще все ходили. А потом приходим все едим эту траву. Лакомство было, конфет... Ну, были конфеты вот такие каки-то кругленькие, как вот яблочко, половина розова, половина белая. Как они назывались, теперь не помню. До того были вкусные, до того. Ну, а брать- то не на что было, денег-то не было. И вот это всё было лакомство.

И.: Это в войну так питались?

Р.: Да, да, да. Потом их тут начали называть «Дунькина радость», эти конфеты, кругленькие. Сейчас их наверно не выпускают.

И.: А вот были ли случаи когда могли отравиться травой?

Р.: Нет.

И.: А вот слизун, щавель была такая трава?

Р.: Слизун² был. Мы его вот видишь, я не сказала, как бы забыла. Слизун он такое тоже лакомство было, как весна, где-то на горках он рос, как лук. Но дергали его, обчищали, резали, солили. Когда на зиму даже насолят. А когда свежий вот, мать пироги настряпат со сли- зуном, такие вкусные были. Вот сейчас бы их поела, но нету слизины. У нас растет на горе вон за Чумышом, вдоль Чумыша тут вот. Можно бы нарвать. Но сейчас там всё заросло, и никто не ходит. Там всё заросло, все поля заросли сейчас.

И.: А за ним тоже специально ходили, с мешками?

Р.: Ходили, ходили. Еще какой-то был дикий лук. Но тот вонючий был тоже. Я за ним не ходила, где-то согорью рос он, но километра два было. За ним ходили бабы, тоже мешками нарывали, он такой

¹ Тырло — одна из форм молодежного досуга, прогулки молодежи по деревни, сопровождавшиеся песнями, плясками, игрой на гармошке, балалайке.

² Слизун — полевой лук.

тоненький, но длинный, нарывали пучками, как-то связывали и в мешок, и тоже потом солили. А он знаешь, какой вонючий, но ели.

И.: Вот стебли да, это ели?

Р.: Да.

И.: А у слизуна тоже стебли ели, клубни ели?

Р.: И клубни ели, когда он молодой вот белый, как лук вот такие, но не большие конечно, но ели клубни, крошили и сейчас бы поела с удовольствием. Че эт раньше было, что чеснок дикий. Ага, дикий чеснок тоже вот, согорью ходишь, где найдешь, выкопаешь тоже. Вкусный казался. Толь своёго не было. Свой вроде не такой был вкусный, как дикий лук.

И.: А его заготавливали, чеснок?

Р.: Нет. Так вот где попадет. Надо ж его ходить, искать. Надо знать, где растёт.

И.: А то есть он не везде рос?

Р.: Не везде он. Так немного там, где-то, находишь немного. Грибы заготавливали, но грибы-то и сейчас заготавливают.

И.: Какие грибы были раньше?

Р.: Волнушки, белянки были. Больше я никаких-то не знаю. А сейчас-то всяких знаю грибов. Сейчас всякие есть.

И.: А они где росли, эти грибы?

Р.: В березняке росли, молоденькой березняк вот их много было. В согорах на кочках были эти вот белянки тоже, вкусные. Один раз мы из школы шли, училась в другой деревне, и вот в этот березняк зашли, а там столько этих белянок было, горочка не большая и молодой березняк. Вот я с себя платок сняла, и полный платок нарвала, мать пирожки настряпала, яичко туда. Ой, какие вкусные были пироги. До сих пор помню. Все раньше было вкусное. Все вкусно.

И.: Это в войну Вы в школу ходили или после войны?

Р.: После войны. Ну, это когда эт, пятидесятые годы тоже были годы самые голодные. Когда всё наладилось после войны то. Вот в пятидесятые годы я уже че мне было с тридцатого. Двадцать лет. Я уже взрослой была. Приходила вот сюда к своим сюда в заготскот, мы еще в Половинке жили. У них кусочка хлеба не было и картошек не было. Вот они печку русскую затопили, а варить нечего. Ниче не было. Вот как они жили, я не знаю, у нас хоть картошки были круглый год. А у них ниче не было. И старшая говорит дочери мать: «Сходи вот к этим, спроси хоть кусочка, чем гостя то кормить». Ну, пойду я иль не пойду, я не знаю, чем они меня накормили. А в пятидесятые годы уже так голодно было. Сейчас всего полно, были бы деньги. Живой воды да мертвой нету, но всё равно какое-то недовольство. Че не хватает людям, не знаю.

И.: А вот этот слизун, его в чем солили?

Р.: Ну кто че. Тогда же стеклянных банок не было, были глиняные крынки, горшки, туески из бересты делали. Вот кто в чем. Вот в этих и солили. Ну, вот огурцы, капусту солили, тогда катки были. Катки делали деревянные, покупали. У нас в то время я даже не знаю в чем мать солила эту капусту, не

помню, че было, была, наверно, какая-то кадушка. То, что воду держали в кадушке, небольшая, ведра два иль три. Мать ушла на работу, мне наказала, ты эту воду слей, старую, а новую нанеси. Тогда были колодцы. Наноси свежую воду. Я из этой кадушки пополоскала ее, стала выливать с крыльца и вместе с кадушкой упала. Но колодцы были рядом, колодец вода то была свежая, ни то, что сейчас, водопроводная. Она уж сколь, в семидесятых годах делали эту воду проводили, трубы то все ржавые, там кака вода то. Но все равно пьем, куда деваться то. А раньше из колодца свежая, родниковая, вода то не напьешься. И поэтому здоровее были. А сейчас-то родятся, уже, маленький ребенок тока родится, операцию уже делают. О, господи! Все уроды почему-то рожаются. Вот так вот. Экология все говорят, экология. Дак мать беременна ходит, она и наркоманит, и курит, и водку пьет. Че только не делает. Какие же дети будут здоровые? Раньше же этого не было. Поэтому сколько детей в каждой семье было. Голодные, холодные, а все росли, ничего не делалось. На траве да на картошке. Ну, слабые, конечно, сразу при рождении, может, и умирали. Но так не боролись за детей, как сейчас борются.

И.: А вот чай в войну пили какой-нибудь?

Р.: Чай мы пили, эту смородину заваривали. Дикая. Заготовливали, потом траву заготовляли. Травы – белоголовник¹ был, Иван-чай² был, душицы не было у нас.

И.: А вот белоголовник, это что за трава?

Р.: А эт трава, такая высокая тоже белые цветы, и потом на горках росла тоже белоголовник. Так пушистый цветок, белые, быстро осыпаются. Также запашистый, тоже ее заготовливали. Ну, находили, конечно, кто че сумеет.

И.: А её когда летом заготовливали или осенью?

Р.: Летом, пока она цветет. Пока запах хороший. Мята, тоже мяты не было. Душицы у нас не было тоже.

И.: А где хранили эти травы?

Р.: Ну... пучками свяжут, повешат, там, где-то в сенках где, весела. Надо снимали, заваривали.

И.: А магазинного не было тогда чая?

Р.: Нет, уж потом пошло. Это наверно в пятидесятых годах, магазинные. Из ягод был чай какой-то, ягодный. И вот этот чай возьмешь. Также чай, пацаны девчонки так ели. Вкусный, сладкий был чай. И он спрессованный какой-то – отлочишь, завариваешь. А сейчас всякие чаи.

И.: А лекарственные травы какие-нибудь заготовливали?

Р.: Че-то я не помню. Не помню. Не учились наверно. Вот помню, босиком ходили, а тогда боярки-то³ у нас там деревья, почему то на горках, везде. Пойдешь там играть, а босиком же, в мячик играли. И всяку играли, босяком бегали, боярка воткнется в ногу, вытащишь ее. Если останется там че-то, потом нарываёт-нарываёт. И вот прям такая лепеха нарвет, желтая, там этот, наверно, гной. И вот к одному дядьке ходили, он иголкой проткнет, какая-то хальщевая нитка. Чем он протирал? Да ничем не протирал, даже не помню. И вот проткнет, этот гной вытечет весь, завяжешь, и всё заживало. Никакого

¹ Белоголовник — таволга вязолистная, многолетнее травянистое растение.

² Иван-чай — кипрей, высокое травянистое растение семейства кипрейных.

³ Боярка — боярышник.

лекарства не было. А если собака укусит, то собаке шерсть состригут, сожгут и этим пеплом посыпали этот укус. А вот травы че-то я даже не помню. Я лихорадкой болела, меня трясло сильно, дак змеиный выползок мать где-то нашла и там в тряпку завязала, как вот крестиком на веревочке мне повешала на шею – наверно, лихорадка испугалась, такое поверье было, что ли, и не стала меня трепать. А больше я не знаю, ничем меня не лечили.

И.: То есть змей, змей маленький вот этот да?

Р.: Нет, вот змея она весной из этой шкуры вылезает. У нее новая вырастает. Вот эту где-то находят, вот тогда же ходили и охотники, все по полям ходили, кто-то нашел, вот таким змеиным выползком. Ну и... И таблетки я пила, какие-то наверно, покупал брат, ходил наверно в сад он. Горькие прегорькие от этой лихорадки.

И.: А ягоды, говорите, клубника, боярка была, черемуха, да?

Р.: Да, да, да. Боярку как-то мы ели тоже, ели. А употреблять её и нигде, в пищу не употребляли. Мы как, ну как лакомство тоже. Сладкая она спелая, сладкая, обсасывали косточки ели. А черемухи то тогда было раньше, ой там кисти там в руку не влезают ягоды. Весели эти ветки до пола прямо, раньше много было. А сейчас... Нет ее почти там, у нас вон в ограде стоит, то черви съедят, то че.

И.: А по одному ягоды заготавливали или ходили несколько человек?

Р.: Да я вот, например, ну, когда вдвоем с подружкой, когда одна. А в колхозе потом учетчик я уж наверно семь классов кончила, учетчиком работала, ходила. Замеряла да примеряла, кто че работает. И там нашла черемуху, там висит, там такие эти грузди такие длинные, да сладкие, я ведро, утром рано ушла, ведро взяла. И зашла, и набрала ведро. И уже убери это зерно, копны были соломы, я в эту солому спрятала. Потом мать съездила, а у нас стояли ростовские шофера, из Ростова к нам приезжали на уборку. И вот она с ними съездила, черемуху привезла, а мне нельзя было нести. То, что видишь на рабочем месте, еще черемуху набрала. А меня бригадир ездил весь день искал, а я в этом логу сидела обирала эту черемуху. И знаешь вон, сколько набрали этой черемухи, потом на печке сушили, ее же долго надо сушить, печка была русская. Ну, ты может, видела такую печь.

Ну, вот на этой печи сушили. Много набрали, ой какая раньше черемуха сладкая, да крупная была. Все раньше была хорошая. А клубники – пойдешь – красно, крупная, бордовая. Два ведра и коромысла раньше были, с этими ходили двумя ведрами, тоже набирали, сушили, сдавали. Тогда заготконтора была, сдавали на эти деньги че-нибудь купишь. Или ситчику или там были одеяла байковые тогда были. Вот покупали че-нибудь, то что денег-то не было.

И.: И в войну тоже был вот этот «загот»?

Р.: Заготскот-то? Нет, наверно, не было.

И.: А вот какая ягода раньше всего созревала, какую в первую очередь собирали?

Р.: Земляника у нас была. Она вперед клубники поспевала.

И.: А где она росла?

Р.: На полях, на горках. Она кругами, не сплошные вот как клубника она, где-то же сплошная, по всей горе, а эта кругами, красно. Она такая запашистая, ты хоть видела ее? Длинненькая такая. Ни как клубника круглая, а длинненькая такая, вот запашистая, до того сладкая, а потом клубника поспевала. Вот мы на покосе работали, как только обед, мы скорей ягоду побежим. Хоть ягоду наберем с молоком

поедим. Только начнешь брать, хорошо попадет, где ягода, уже метчик кричит: «Ребятишки, пойте лошадей, уже работать!». Бегом опять бежим к стогу, где поедим, поедим, похватаем, опять работать, работать. Нечего было есть-то.

И.: А мама в войну в колхозе работала, да?

Р.: Она летом пекла, сначала весной в колхозе варила. Тогда мы рабочим варили. Всем, потом она пекла хлеб, хлеб в колхоз. Давали наверно муку. Ну, мы так не голодовали. Всё равно себе выгоду то какую-то. А потом еще приезжал, вот, как они, бурразведка, что ли называлась, ездили кого-то бурили землю, искали какие-то металлы, или че там, и вот далеко они жили наверно километра четыре в горах. И помню это до войны, помню, женщина к нам пришла, ну наверно кто-то сказал, вот это хлеб пекет хорошо. Она пришла и договорилась, и привезли муку, она раньше называлась «крупчатка», наверно, высший сорт. И вот мать им стряпала хлеб. Вот булки такие прямо высокие, когда круглые, в печке русской пекли. Такой хлеб прямо был, и вот она нам консервы привозила, давала, и ну, наверно, этим хлебом тоже питалась. А потом она... тогда раньше сельпо¹ сначала было, сельпо какое-то, от нас далеко было. Вот это сельпо хлеб пекла, вот такие тоже больше булки. И я помню, я помогала ей нести в это сельпо, хлеб этот. Помогала, ну, мож, булку-две несла там. Че там, ниче не было. В чем несли – не знаю, в чем. И вот несем мы, дорогой встречали, наверно, продавала мать, не знаю. Да носились сколько в это сельпо, в сельпо стряпала, в колхоз стряпала. Стряпка была хорошая.

И.: Она дома стряпала их?

Р.: Дома. И вот тогда пекарни, думаешь, были?

И.: И в войну она стряпала, да?

Р.: И в войну стряпала.

И.: А вот как она его стряпала? Дрожжи там, че, опару ставила?

Р.: Опару. Тогда дрожжи то где были. Хмель вот этот, потом картошку варили, толкли. Это хлеб чем-то сначала заквашивали, не помню. А там туесок² был, может горшок, в этом всё стоит долго. Как на исходе, она новую картошку варит, хмель заваривает и всё это опять этой старой, старыми дрожжами эти новые заквашивает и так вот шло, шло, шло. И вот свои были дрожжи, самодельные. Ну, у нас че, вдвоем в войну были, какая шибко грязь была, не знаю. Пол меня всё время заставляла мыть, маленькой начала мыть, а тряпок то не было пол мыть. Щас вот тряпков полно. А тогда траву резали, вот такая вот высокая трава, одна трава. И вот серпом её срезали, в снопы связывали, домой несли, а потом её на кол там повешаешь этот столп, она высохнет. И этой травой мыли. Эта трава исшоркается, она мягкая, и хорошо собирает этот песок. Ко всему приспособляемся, все находили, чем всё делать. Самодельное всё было. Всё делали своими руками.

И.: А вот в чём мама хлеб вымешивала, в какой?

Р.: А такая была квашня³ называется. Квашня, деревянная, небольшая. Так вот, с ручкой, потом вот тут вот, тут печка, где-то на че- то упиралась полка. И эту, как ее звали-то, вот на эту полку ставила это, подобьёт хлеб то сначала, опару поставит туда, она поднимается. Опара поднимется, она туда

¹ Сельпо — сельский магазин.

² Туесок — небольшой круглый корб с тугой крышкой для хранения и переноса меда, ягод и т. п., обычно берестяной или лубяной.

³ Квашня — деревянная емкость для теста.

замешивает на хлеб уже густо, опять туда на эту полку ставит кверху, не вниз, а кверху, чтобы там было тепло. Вот квашню эту, и мыла всегда эту квашню. Не оставалась там теста, чтобы вокруг квашни насыхало. А каждый раз как испекет хлеб, вымоет её, высушит, тогда снова опять. По два разу в день пекла.

И.: А хозяйство держали тогда?

Р.: Курицы были. Корова была. А свинина, ну, может, одного поросенка там держали. И всё. Может быть, одного. Поросенка сначала возьмём, это, наверно, во время войны или после войны. Во время войны мыли его. И дома он жил. Мыли, беленький поросенок, хорошенький.

И.: А где брали?

Р.: Ну, у кого-то были поросята, у кого-то свиньи были, покупали. Как сейчас покупают. И тогда покупали поросенка одного. Держали.

И.: И до какого времени он так дома жил?

Р.: Ну вырастет, ну побольше станет, тогда. Ну, сначала маленькой – дома, а потом где-то пригон или пригоны назывались, или у нас еще раньше погреб был, а потом его обделали, и там во время войны тепло было. Там внизу поросёнок живет, а тут шест такой курицей.

И.: А как вы его обделали, погреб этот?

Р.: Ну тоже сначала колья втыкали, плетнем загораживали, закрывали все, чтобы тепло было. Зимой-то холодно. Ниче же не было.

И.: Ну а вот поросенка дома держали, от него же запах всё равно он.

Р.: Дак мыли его, я тебе говорю, мыли. Тут у нас одна ком... одна изба, но сенки¹ там большие были у нас. Ну, а тут одна изба, и тут кухня есть, и спальня, и зал, и всё на свете. Мы с матерью спали на печке-то, что печка всегда была теплая, топили. А так-то холодно же. А одёжи-то никакой не было. Поросенок бегал, ему там солому тоже принесешь, в уголке там спит. А корова телится – тоже дома сначала телёнок жил.

И.: А они когда в основном телились?

Р.: Ну где-то в марте, вот так в феврале. У кого как. Конечно, сначала домой его, теленка, принесешь. Он дома на веревочке, тоже в уголке жил. Ну тепло, окрепнет, тогда уже на улицу. Также в этот пригон с коровой.

И.: А сено вы для коров заготавливали сами?

Р.: Заготавливали, литовкой² и косили. Ой, я косила. Я молоденькая, меня брат научил. Ходили сено косить. Он меня научил, так хорошо получалось. А потом в колхозе начала косить. Это, наверно, в войну, после войны, с бабами, все бабы там уже ну нормальные, а я-то, кого. Косила. Так прямо. А потом дома косила, и мать косила себе.

Мы потом где жили, там была улица, все разъехались с Половинки, а у нас тут начали в городе косить,

¹ Сенки, сени — помещение между жилой частью дома и крыльцом.

² Литовка — традиционное название большой русской косы, которой косят, не нагибаясь.

два стога мать накосила. Я уже тут работала, а она-то дома была, она два стога накосила. Все вручную, все вручную.

Она рядочками ложилась, эта трава, высохнет. Её граблями сгребали, валами сгребали, потом делали копны¹. Копны, потом возили эти копны. Если лошадь есть, на лошади возили к стогу, где стог начинают делать. А если нет лошади, там не дадут или че, бабы вдвоем веревкой обделают эту копну. Ну, больше-то лошадьми возили. А потом зимой если, тракторов-то тогда... не возили тракторами, возили на лошадях. Я сама ездила на лошадях, и сено возила, и солому возила, одна на лошадь зимой, сани большие, лошадь запрягаешь и накладываешь воз, а потом. Бастырком. Думаю, думаю, как называется. Тут вот передовки у саней, была передовка, в головке у саней, передовка. Из веревки сделана вот так вот, и вот бастрык² зацепляешь, а сзади натягиваешь сама. Я вокруг задницы эту веревку обмотаю, присяжу, присяживаю и придавлю этими бастрыком-то, придавлю, потом завязываю, завязываю. Да еще, не знаю, кручу, кручу эту веревку, чтобы притянуть бастрыком, и вот привезу домой. Зимой сено возила и солому завозила одна.

И.: В войну?

Р.: В войну и после войны.

И.: А в школу то Вы в каком году пошли?

Р.: Ой, я даже не помню, в каком году. Наверно. наверно лет в 8, не помню, в каком году. В деревне. Четыре класса в деревне, а пятый класс уже я пошла в Урунск, шесть километров было. А потом было че-то там, я не знаю, все перешли во вторую деревню, Ислап назывался. Там ходили, там шесть километров. Впрямую по горам, по логам, через речушку. Упала я раз в речушку весной, потом подруга моя падала, она вперед упала под лед. Дыбы ее вытаскивали. Вот такие речушки небольшие были, по логам. А разливаются как реки, сильно разливаются. Щас так ниче нету. Щас не интересно мне, кажется, жить. Тогда интереснее было. Ой, разливались, у нас тоже была Руна, половинки речушки небольшая. А разливалась вообще, весь вот луг заливало этой водой. Ой, господи. Сейчас ни воды, никого не стало. И вот мы в первом классе учились. Там у нас много ребятки и девчонки на квартире стояли, у дедов. Дед жил богатый, кержак³. Борода така была здорова. Они и корову держали, и пчел держали и овечек, и свиней. Богато жили. И мы на палате все спали, и девчонки, и мальчишки. Человек семь наверно, а ели картошку. Ну, кто хлеб принесет, кто че...это во время войны наверно, да. Вот так вот. Картошку на санках возили, когда лошадь дадут, привезут, все сложимся, эти мешки наложим, картошку привезем. А тут всё на себе таскали, на горбу. Щас в рюкзаке, тогда рюкзаков то не было. Из мешков делали вот. Завяжем веревочками и пошел. На горбу. А тут несешь бидоны, потом пошли бидоны молока, а тут хлеб. На неделю чтоб хватило. Кукурузники стряпали, такой хлеб.

И.: Кукурузники – это что?

Р.: Ну, из кукурузы муки. Из кукурузной муки. А одна у нас, На- ситкина Женя, училась, дак она – мы сядем есть, она с собой эту котомку исщиплет, какой, ни разу не видели какой, щиплет и ест, щиплет и ест. Никогда на стол не ложила, из чего они пекли, не знаю. Никто не видел. Стеснялась, наверно. И ходили в чем попало. Кто-то у нас из братьев пришел из армии, и кальсоны – тогда белые были

¹ Копна — сложенное в кучу в виде конуса сено, снопы хлеба.

² Бастрык — жердь, придавливающая сено, солому.

³ Кержак — представитель русских старообрядцев. Название происходит от названия реки Керженец в Нижегородской области. Носители культуры северорусского типа.

кальсоны, а потом надевали штаны или брюки, – и вот эти кальсоны мне дал. Я в этих кальсонах в школу ходила. Никто не смеялся. Тогда все как попало ходили. Никто. А сейчас бы, сейчас бы не надел никто. В чем ходили – это ужас. Нас два брата там, у них родители умерли, они с сестрой жили, хольщовы¹ штанишки коротенькие, тут уже колени протертые, то же ходили, безо всего. Когда молока там принесут бидончик, и всё. Хлеба не было. И вот они, наверно, воровали у нас хлеб, да всё равно ели. То, что им не хватало на неделю. А потом один выучился, еще директором школы стал. Учились все равно, в нужде и в холоде и.... ходить не в чем, и всё равно учились, если у кого стремление было. А я из восьмого класса убежала в марте месяце и не стала учиться.

И.: А почему?

Р.: Физику. Нет, не из-за физики, из-за немецкого. У меня немецкий был четверки, а тут в Солтон пошла учиться уже в восьмой класс, а там был немец преподаватель. И он как заходит, так по-немецки всё говорит. А я ниче не понимала, из-за немецкого я бросила. Племянник приехал, мне привез, наверно, продукты на лошади. Я с Сашкой, я домой поеду. Че, не буду я учиться, в марте месяце, а ехать-то через школу. И это, поехали, а учительница меня увидела в окно, вышла на крылечко и кричит: «Миронова! Миронова!» И я говорю: «Сашка, погоняй быстрее! Бросила, вот он был. Семь классов получила, но всё равно с тряпками не работала, все равно-то сначала продавцом была, то где кассиром, то кладовщиком, потом бухгалтером. Вот так всю жизнь проработала. И ревизором была, и чем только не работала. Все равно с тряпками не ходила, семь классов, тогда была грамотна, наверно. Сейчас уже ниче не понимаю.

И.: А вот вы говорите «дедушка кержак», а почему его так называли?

Р.: А это така была у них... нация, что ли. Они, кержаки, они очень брезгливые. Вот стоит кружка на кадушке – там и кадушка была, только этой кружкой черпать, а в свою кружку переливать – из этой кружки нельзя было есть. И вот у каждого своя чашка, своя ложка, своя кастрюлька или чугуночка тогда была. Вот. Картошку варить, поставишь, очистишь, поставишь. Бабушка сварите нам картошку. Сварит. Надо было все, такая вот наверно нация, что брезгливая они или как ли были. Ну и богато они жили в то время. Платили наверно мне или че, или как мы жили не помню. Платили наверно, на квартире у них жили всю зиму. С осени до весны, пока на каникулы не уйдем.

И.: А бани раньше были?

Р.: Бани были. Была баня, только не шифером, не тёсом покрыта, а тоже вот этой землей. Потолок, наверно, из че-то был. Тогда че, лесу же стали, наверно, возить. Не знаю. Был этим пластами закрыт. Была баня. И баню истопишь вся кроянка, а щас же нельзя. У меня вот баня есть, наказали девчонки, чтобы никто в бане не мылся, мол, куют чужим, чтобы не мыться. Нельзя. А вот тогда вот не было такой болезни как сейчас. Заразных болезней не было, ну может чесотка была, так она излечимая.

И.: А как ее лечили?

Р.: Ну свою мазь делали. Ну, какая-то серная мазь, деготь был, куриный помет, все это смешивали, намазывали. У нас одна учила-ся, Люба Москалёва, подруга моя была, – дак у нее чесотка, она нас всех наградила. А потом это, вот у кого мы жили, ихняя дочь нас вот мазала этой мазью то, намажет там руки где, в основном-то на руках была. Ну, вот все мы вымажемся, потом мыли, смывали. У них баня была. Мы ходили тут недалёко у них согр был. Ходили за дровами, сухостой собирали,

¹ Хольщовы — холщовые, из льняной или конопляной ткани.

насобирали, баню истопим, намоемся. Баня хорошая была. Ни землей покрыта, а тесом была покрыта, хорошая баня.

И.: А когда в Половинке жили у вас вот была крытая землей?

Р.: Да, землёй.

И.: А пол был или тоже деревянный был?

Р.: Пол был. Пол был, полук был. Лавочка одна была. А мылись все, какие-то кадучки были деревянные. Корята деревянные были, в этих мылись.

И.: А топили её по-черному?

Р.: По-черному.

И.: А сколько раз в неделю топили?

Р.: Ну, раз в неделю, а то, может, две в неделю. Может, в две недели раз, вот так вот, надо сказать. Не часто, конечно. Но топили, тогда были клопы. Вот у нас мать клопов этих выживала. Всю одежду, там натопит жарко, всю одежду туда свешает, в баню, чтоб прожарились, чтобы эти клопы сдохли. Потом керосином мазали, всю. Кровать деревянная была, эту всю кровать везде, шили там. И потом стали белить с этим керосином, но выживали как-то всё равно этих клопов. Клопов было много – они знаешь, как кусали, и, если раздавишь – кровь, он напьется крови. Ой, клопов было, то тараканов не было, то клопы были. А вши вообще, это тоже полно было. Тоже керосином мазали. Вши были. То ли недоедание, то ли одежда такая была, Бог его знает.

И.: А рыбачили тогда, в войну рыба была?

Р.: Была рыба, была большая, крупная рыба была. Это вот отец, говорили, младший брат говорил, что вот отец поедет на рыбалку, полные сани рыбы привезет зимой, как-то рыбачили. Мать и жарила, и уху варила и пироги пекла. Еще когда отец живой был. А отца не стало – кто будет ходить рыбачить. Я-то не ела, не видела эту рыбу. А это я у брата то спрашивала, мама говорит, что отец был ленивый. А он говорит: «Неправда, неправда, что он был ленивый. Он на рыбалку поедет, полные сани рыбы привезет». То ли охотничал, то ли че, не знаю. Поедет сдавать это, не знаю, че он сдавал. Полные сани привезет ситца всякого, товару привезет, тюками. Неправда, что отец был ленивый. Всё-таки жили с отцом, а после отца-то голодные были. Не знаю я это, до меня всё было.

Усов Анатолий Андреевич, 1935 г. р.

На момент записи интервью проживала в р. п. Краснощеково Краснощековского района Алтайского края.

В годы Великой Отечественной войны проживал в с. Краснощеково, Краснощековского района Алтайского края. Перед войной жили в европейской части России. В 1940 г. переехали в с. Краснощеково. Во время войны ходил в школу. Мать – Усова Анастасия, работала в сельском магазине продавцом. Отец – Усов Андрей. В 1942 г. был призван на фронт, вернулся с фронта с ранением.

Опрос был проведен летом 2015 г. Мазыриной Анастасией Александровной.

И.: Анатолий Андреевич, а ваши родители они здесь жили или переселились откуда-то?

Р.: Сейчас я вам расскажу. Отец Усов Андрей, переселился с Европы сюда к нам, и поселились в селе Харлова, 12 километров отсюда. У них была очень большая семья, если всех перечислять, шесть парней и трое девок, отца взяли на германскую войну в 14-м году, он там и погиб, отец переехал тогда в Краснощеково и жил здесь. А мать приехала с семьей из Тулы, но до этого они жили здесь в Краснощеково. Был поселок Арапово, сейчас этих поселков уже нет, жили между Семеновкой и Суеткой. Потом переехали в Краснощеково, и в Майском луче у них был дом, и в 35 году я в этом доме родился, где-то в 36-37-м мы уехали в Тулу, потому что до этого все были оттуда, кто с Рязани, кто с Тулы. Приехали первый раз они сюда по Столыпинской реформе, во время Столыпинской реформы. И здесь они посмотрели Сибирь хорошо, но Европа родная, всю жизнь была там, давайте вернемся, а батька в это время служил действительную на востоке, был пограничником.

Несколько семей нас уехало туда. И буквально перед войной, где-то в 40-м году батька приехал и сказал, побыл там, в Туле, на станции Арсениево, что хорош здесь, но милые мои, все мои родные, живут в Сибири, я вас убедительно прошу, возвращайтесь в Сибирь, и тоже так сказал, что сюда я езжать не буду, а мне охотно, чтобы семья наша сохранилась. Отец уехал, служить на восток, а дед, бабушка, мать, Михаил, Федор Камчаткин, три семьи родственников поднялись и опять вернулись сюда в Краснощеково. Добирались целый месяц, вагон был у них, то его где-то остановят там, то опять прицепят и приехали, стали жить в Краснощеково. Батька вернулся перед войной сюда, со службы в Краснощеково и мы жили вместе. Я встречал уже, будучи взрослым, секретарем райкома был, на Кавказе встречался с человеком, он второй секретарь Тульского комитета партии. Разговорились: «О-о, землячок, счастье ваше, что вы уехали из Тулы, танковая армия Гудериана сровняла все с землей. Значит, бог охранил нас, мы переехали сюда и жили в Краснощекове и живем сейчас в Краснощекове». Перед войной переехали. Сначала жили на квартирах, у одних у других, а потом сделали свой дом, я коротко пишу об этом. И в этом доме жили, а когда я стал студеном уже, где-то в 54-м году, батька решил построить деревянный дом. А в это время 54-55-й год, были сиблаговцы – это расконвоированные заключенные. Они работали на заготовке леса в верховье там, в Июноше и так далее, в Угрушихе, лес рубили, обрубали с него ветки, и сплавляли большими бревнами. Он плыл по Чарышу, и вот мы вылавливали с ним около парома. Сейчас поставили мост чуть по ниже, вылавливали этот лес, затаскивали на берег, а потом конями перевозили и строили дом. Это вот так. Батька, у меня военный, у него Орден Славы, Орден Боевого Красного Знамени, Орден Отечественной войны, большую часть он бы в разведке, но приехал инвалидом. А мать простая крестьянка, училась в школе всего три недели, а потом мать ей сказала и отец: «Настя, хватит в школу ходить – много ребятишек, Федька, Мишка, надо за ними ухаживать», и она стала за ними ухаживать дома. Но этого вполне хватило умнейшей и добрейшей моей матери. Чтобы она освоила потом

грамоту, работала потом поваром в столовой, работала продавцом, бойко считала и отличалась светлым умом до конца дней своей жизни, а если бы ей дали образование в свое время она могла бы многое сделать. У нее счет был в уме очень хороший. Кроме меня еще три сестры. Всем они дали образование. Две учительницы, одна врач.

И.: А назовите их имена, сестер.

Р.: Сестер – Галя старшая сорок шестого, в Горно-Алтайске, у нее уже своя семья, и дети, и внуки. Вот сейчас у дочки, внуки будет свадьба двадцать второго, я ей написал стихотворение. Я этим балуюсь. У меня есть сборник легенд, я написал 17 легенд. И вот. Вторая сестра, средняя, Валюша – врач. Жила в Рубцовске, к сожалению, ее похоронили, но внуки ее там. И здесь живет меньшая сестра Нина – учитель, у нее тоже уже внуки.

И.: А она с какого года?

Р.: Значит, так: старшая с 46, средняя с 50-го и с 53-го меньшая.

И.: Ну а все-таки почему-то родители в тридцатые, тридцать шестом году уехали туда обратно на свою родину?

Р.: 30-е годы – это так называемый голодомор, на который очень здорово хотят спекулировать руководители Украины. Он коснулся ведь не только их. Он коснулся Поволжья и коснулся Сибири. Многие из Краснощеково уехали. Значительная часть уехали в Алматы, а мы уехали в Россею, так ее раньше называли, Россея. Во время гражданской войны здесь был Савка Кудинов, который возглавлял белые банды. И Морозов, Морозова они потом убили. Есть у нас памятник, был сохранен. Решетников, Морозов, Никулин, а Савка не тронул наше село, сам то уехал в Алматы, когда гражданская война началась. И вот когда наши люди поехали туда в эти 30-е годы, чтобы спастись от голодомора, они там видели Савку, и никто его не выдал, потому что он к краснощековцам относился очень хорошо. А брат его, наоборот, был очень жестокий. Когда они разбили отряд Морозова, со Змеиногорска пришел белогвардейский отряд под командованием Сыча офицера. Морозов приехал на заимку к матери около Семеновки и жил там несколько дней. И Ромка подъехал и сказал: «Мать, открой! Мы же с ним росли вместе, мы его не тронем». Они открыли. Морозова связали и повезли к Краснощеково. До Краснощеково не довели, и там, и он-то предательски подошел и застрелил его со спины. Два брата, но совершенно разные. А Морозов и Кудинов в детстве были друзьями, вместе росли. А потом Отечественная, вернее, революция и гражданка в разные лагеря разделила.

И.: А в 38-м году вы приехали, он 41-м снова вернулись в Краснощеково и вас расселили по квартирам, да?

Р.: Мы сами расселились. Абрамовы были такие в Майском луче, и мы поселились к Абрамовым. Жили у них потом, сейчас смыло речкой, жил там Иван Захаров, у него жили на квартире. И когда на этой квартире жили, решили отец с дедом, решили построить дом. И тогда еще дедов отец, брат его был Гриша, никуда не уезжал, он помог. Дедушка Гриша, все здесь, Волокитины, Камневы все наши родственники и соседи, все помогали и слили этот дом. Тогда так было – помочь¹ : «Куда идешь?» – «А на помочи, помогать». Никто никогда никому не платил, только общий обед, а так помогали друг другу. Это сохранилось от русской крестьянской общины, помогать друг другу. Ту, которую Столыпин развалил и создал условия для революции на селе. Была бы, сохранилась бы до Столыпина эта

¹ Помочь — взаимопомощь односельчан: приглашение соседей на спешную работу (уборка хлеба, строительство избы и т. д.), за которую обильно угощали, но не платили.

община, крестьяне бы не поднялись. А когда пришел Столыпин, стал выделять на хутора богатеев, а бедные остались бедными, некуда их. Он хотел сделать капиталистическое сельское хозяйство на Руси, а наоборот, создал условия для классовой борьбы.

И.: А долго этот дом лили по времени, ага?

Р.: В течение лета. Надо было так, ну выровнять все, и ставили фундамент, засыпали, туда землю рыли. Потом, когда сравнивали с землей повыше чуть-чуть, ставили плахи, здесь плаха, здесь плахи. И между собой их соединяли. И так по всему кругу, по периметру, какой должна быть изба, какой дом. В эту, в это, между плахами сыпали мелкую, рубленую солому, глину, песок, заливали водой. И мы пацаны, выше колен, штанишки закрутишь, и бегали, радовались, топтали. Сразу и окна, для окон проемы делали, натаптывали твердо, туда все соломы добавляли, глины добавляли, чтобы все было твердое. Несколько стадий, когда крепким станет стена, потом эти доски-плахи убирали, или сверху еще набивали, дополнительно, чтобы те не падали. И так же, хоп-хоп-хоп. И так росла изба выше, а потом потолок. Потолок затирали обычно глиной, чтобы тепло сохранилось, и влага чтобы не проникала. И потом засыпали и черноземом и еще чем-нибудь, чтобы тепло сохранялось. Ставили стропила поперечные, привозили солому и крыли соломой. Брали солому подлиннее, ее опускали в жидкую глину, смачивали и укладывали, чтобы ветром не разносило.

Но не все равно не только люди раскрывали – когда сделали взрывы в Семипалатинске, атомные взрывы, они были над землей первые, и мы от этого здорово, здорово пострадали. Я учился тогда в 9-м классе и пошел опять на сенокос. Утром приболел, пришел оттуда, а к вечеру стало лучше, и мама говорит: «Сынок, надо идти, ведь корову зимой кормить надо чем-то». Я пошел, дело было к закату солнца, шли к стогам. Люди берут своих коров и гонят назад, а со стороны Акимовки надвигалась черная туча, стеной. Между землей и небом была темная, темная стена. Я шел, как моментальный ветер налетел. Я на ногах как не стоял – меня как пушинку швырнуло с дороги в сторону. Хотел подняться, меня опять сбило. Господи, думаю, надо куда-то прятаться. Ага, недалеко речка Землянка, там есть берега. Я на четвереньках туда дополз, под берег спрятался. Вот такая волна вместе с радиацией прошла от Семипалатинска по всему нашему району. И сейчас мы получаем нищие семипалатинские деньги за это. Что она сделала? Крыша была, крыша склада одна была покрыта железом – приподняла эту крышу, метра на четыре отнесла и бросила. Все дома, которые были покрыты соломой, все раскрыло. Абсолютно все этой волной выхватило и так далее. Вот такое место. И сейчас говорят, что вода – это само лучше спасает от радиации. Вот наше село, Семеновка, Париж и так далее, которые по левой стороне Чарыша, – их рассматривать как подверженные радиации, а которые по правой – Карпово, вот оно отсюда видно, пять километров напрямую, Харлово и так далее. Вы, говорит, за Чарышом находитесь, вода к вам не принесла, забрала на себя. А эта радиация шла волной, неизвестно, сколько сотен метров кверху. Этих людей совсем лишили всякой пособия по Семипалатинску. Я ушел в сторону от этого.

И.: Да, а крыли прямо соломой или вот так?

Р.: Солома под амбар, под амбар крыли, крыли соломой. Вот так.

И.: И дом большой получался?

Р.: Значит так: была изба, в которой была кухня и горница. В кухне как зайдешь, вот у нас направо была печка, русская печка. На нее, когда на лыжах накатаешься или на коньках замерзнешь, у-у, быстро валенки снял – и на печку саженца, а около с печкой на полати можно было ложить какие-то вещи. А если в гости приезжало много с ребяташками... У нас же здесь никаких гостиниц не было, а

родственников было – в Париже Паутовы, Овчинниковы, в Акимовке и так далее, на Кузькино – Гребцовы, в Суетке эти, Савушкины, в Семеновке – Соколовы. Везде, как начну вам перечислять. Усовы в этом, в Красной Сибири. Все приезжали и все останавливались у нас. Абсолютно, настолько было, не вру, честное слово. И все бабушку мою называли, Настя эта, нянька, нянька. Она была такая добрая, просто удивительная, Аля ее захватила. И вот, значит, так мы жили, стояла одна койка, дед с бабушкой, а между ними внук спал. Там, честное слово, между горницей в это в стену построили голландку¹, грубку, маленькую печку она топилась тут из кухни, а так была всей своей основой, а там еще из нее было это духовка, чтобы обогреть горницу.

Значит, обогреть горницы был от этой голландки. Она не большая. Если так сосчитать, метра четыре, если шириной – и метров шесть или семь длиной. Вот такая была изба, небольшая. А деревянную построили, вот еще сейчас стоит.

И.: А печку-то сами клали?

Р.: Сами клали печки. А, нет, тогда были печники. Печники, люди, которые на этом. дядя Коля, простите, его звали тогда Гыгы Климов – он был на одной ноге, хотя так прихрамывал на левую ногу, и он строил печки эти. Но когда строил печки, мы его угощали там все, то обязательно делал один кирпич так, чтобы перекрывать дымоход. И бумажку там ложил, чтобы без него никто не мог затопить. Он протапливал, а когда хозяин потом затоплял, чтобы дым в дом, опять его вызывали. Дядя Коля Гыгы рукава закручивал, кирпич вынимал, затирали все снова, все теперь снова будет гореть, его снова угощали. Он был конюхом, встанет подпитый на коня, на седло, понужнет его и прет по селу, поет песни.

И.: А вас в этом глиняном доме сколько жило?

Р.: Так, значит, так жили. Деда Николай, баба Татьяна, отец Андрей, мама Анастасия, Федор Камчаткин сын старший 24-го года, первый выпуск, выпуск 41-го года ушел на фронт и погиб под Смоленском. Михаил Камчаткин с 27-го года офицер служил, и на Украине его похоронили. Кроме этого отцовский брат младший Василий жил у нас. От нас мы его в армию проводили. Когда Василий ушел, на его место пришел Андрей, тот с 25-го года, Василий, Андрей – с 28-го, Паутов фамилия, от другого отца, но мать одна, и он жил у нас, воспитывался. Вот такая была наша семья.

Р.: А потом сестры родились. Родились Галя, там, в 46-м, потом Валюшка в 30-м, ой, в 50-м, а потом Нина. Значит, первая в 46-м году, когда рожалась, мама прям рожала в горнице, я тогда лежал на печке, уши заткнул. Вторая – Валюшка: я уехал на рыбалку с ночевьем, приехал, мне сказали: «Радуйся, братик, сестренка у нас». А Нину уже в роддом.

И.: А папа на фронт когда ушел?

Р.: Папа на фронт, значит, так как он был кадровый военный, был пограничником, старшина вернулся. Приехал и работал здесь в военкомате. Его сначала отправили на Финскую, но доехать не успел, его вернули назад. Вернули, и ему дали как от военкомата общественное поручение, он готовил призывников в армию. Сельсовет был так, я уже говорил, где сейчас больничный городок, там был построен гимнастический городок – перекадина, как привыкли мы его называть, крестьяне, турник, деревянные брусья и так далее.

¹ Голландка — прямоугольная печь для обогрева комнат, имеющая вертикальные дымообороты и за счёт этого высокую отдачу тепловой энергии.

Была у них винтовка, двадцать ээээ так, производства 29-го года дробь 30-го, забыл, как она название имеет. Он с ними изучал винтовку, строевую подготовку, готовил призывников в армию, а потом в начале 42-го года его тоже призвали в армию.

И вот он успел под Москвой и под Сталинградом тоже был, и там, и там, а затем Прибалтийский фронт. У него четыре ранения в ноги обе, руку, главное ранение – весь локтевой сустав левой руки. Хотели ему отнять в госпитале, он не дал. Они ведь тогда шли друг за другом конвейером, раненые, хирургу некогда было возиться, если немножко нога заболела, гангрена, руку отрезали. Он сказал: не дам, не дам, не дам, и сохранил. И она у него согнутая сохранилась на всю жизнь. Были у меня от бабки воспоминания фронтовой газеты, к сожалению, не сохранил, когда ему орден Славы, он СС командира был убит взвода, он возглавил, штурмом они взяли это, э-э, блиндаж и эти, не окопы, а траншеи немецкие. Вот он говорил: «Сынок, снежок пошел маленькой поземкой, плохо видно вот это время для нас». – «Почему, пап, для нас?» – «Издали не видны, а когда уж близко, то сбивали то прикладом, то штыком».

А потом у меня сохранилось, он был ранен, легко ранен в ногу, ему перевязали, он в лазарет не пошел, сидел, эта выписка есть в этих, э-э, в Интернете. И увидел, что со стороны немцев из одного местечка там постреливают. С оружием было плохо, он взял дубину – и туда. Подкрался, дубиной этого немца удушил и взял его в плен, привел в плен. Есть этот документ.

Р.: Может быть, кто его знает. Вот как мы встречи войну, вот как мы встречали Героя Советского Союза Ивана Ильича Лихачева, демобилизованных, за село выбегали и кричим: «Ура! Ура! Ура!» Ивану дали в Харлово дом. Он харловский, потом переехал сюда.

А этих первых вернувшихся с фронта – мы думали, что богатыри, посмотрели – они щупленькие, заросшие, худенькие, а в них только богатырская была душа, их все село на руках готовы были носить, митинг был.

И.: А сколько их пришло?

Р.: Пришло около человек десяти, первая партия.

И.: А первая партия. А потом?

Р.: А потом стали постепенно приезжать, приезжать. Батяка вернулся где-то, ну помню, как он приехал. Приехал на подводах, на нем бушлат, а за спиной вещмешок. А жили плохо, открою вам секрет. Мать говорит: «Андрей, ну ты же знаешь, что мы плохо живем, ты посмотри – вот этот приехал, привез, вот этот приехал, что-то привез». – «Эх, Настюха ты моя, Настюха, хорошо, что хоть сам вернулся». Все, кто этими вещами занимался, мы забирали в блиндаж, и немедленно я искал документы немецкие, карты там и так далее. А кто-то другой лазил по карманам, по сейфам. Я с этими картами оставался жив, а он сделает пять шагов из блиндажа, и его обязательно кто-то подстрелит».

А Сталин ведь поступил по-гуманному, когда война кончилась стали демобилизовать, он издал приказ, за все годы войны оплатить солдатам зарплату, и дать возможность по самой дешевой цене приобрести из трофейных товаров то, что им нравится. Ведь об этом сейчас не хотят говорить. А указ сразу после войны, как стали демобилизовать, и вот был такой. Офицеры везли, вот один у нас в колхозе потом работал председателем, целый вагон, и конную упряжь и все. А другие с этого, с Японии в шапках японских, ребятишки ходили лохматые. Везли, а что, они же ободрали нас, ничего в этом такого нехорошего нет. Когда люди дерутся, они копируют друг друга, любая драка. А здесь огромная драка, сколько миллионов, и копировали друг друга.

И.: А вот отец когда ушел, мама чем занималась?

Р.: Когда он ушел, мама работала продавцом в магазине, был сельмаг, работала продавцом. Она легко считала и меня приучила. Магазин небольшой был, ее прилавок, пустой прилавок и еще прилавок. Вот за вторым прилавком, где штучным товаром можно было торговать, он гончар, глиняные горшки лепил и так далее, и так далее. Вот этим товаром, я приду и помогаю ей, папаном, торговать. Люди знали, никто не хулиганил такого все. Потом она работала этим, поваром, в столовой райпо, поваром работала. Я помню, рассказывала, что вот виногрет. Это в войну мы с бабушкой говорим: «Настя, мы с Толькой придем к тебе, ты нас виноградом накормишь?» – «Каким виноградом? Виногретом». – «Ладно, ладно, виноградом». Ну и все, я шел туда, думал, действительно будет виноград. А нам виногрет положили: ешьте. О-о, а я думал – виноград, а это виногрет.

И.: А бабушка чем занималась?

Р.: Бабушка была домохозяйкой. А так она работала, когда были там, в Европе, как она говорила, на барина работала с 12-ти лет, работала на барина там. Особенно все полевые работы.

И.: А дед?

Р.: А дед Камчаткин, значит, он, как вам сказать, сначала был не Камчаткин, Саввушкин. Потом от него родилась моя мама, но он очень скоро умер, и они создали новую семью, баба Таня и Николай Камчаткин. У Бабы Тани моя мама Настя, а у Николая Камчаткина был сын Федор с 27-го года и еще сын Михаил, вот они создали новую семью, жили. Камчаткин был грамотный, он кончил 4 класса, раньше это было великая грамота 4 класса. Тоже был призван в армию, вот он был с 92-го года, уже ушли он был в армии на Урале, до конца. Трудовая армия была такая, в которую приглашали то инвалидов, то высших, которые по возрасту уже не могли идти в строевики. Вернулся работал уполномоченным в министерстве заготовок. Он работал там уполномоченным до 47-го года.

Он меня страшно любил, пришел на обед. Ему сделали еще операцию, грыжу вырезали. Грыжу хирург его знакомый Березовский делал ему, и к нему приехали эти самые молодые студенты на практику. И дед говорит, он делает операцию и все рассказывает. У меня уже мочи нет, я, говорит, ему сказал: «Ты вот что, или кирпичом мне по башке стукни, или посади своих студентов, я вам не подопытное животное, я уже не могу». И после этого у него крепко стало прибаливать сердце. И вот в 47-м году летом он пришел, пообедал, лег на койку, книжку почитал, завернул уголок – потом дочитаю, ушел, минут через 20 прибегает соседка: «Таня, Настя Николай Сергеевич умер!» Как умер? Не дошел. А магазины здесь были за дорогой, на крыльцо магазинное сел и умер. Мы кинулись туда – лежит дедушка на крыльце, лицо синее. У него произошло кровоизлияние, и дедушку похоронили.

Дед вязал зимой невода¹. Рыбы было страшно много. Бредень делал метров 10-12, и мы с них ходили и почти ведро, сумка набивалась быстренько, хариус за одного. Рыбы, шла осенью, дна не было видно, когда она с листопадом опускалась к низу. А бабушка ткала холсты, в доме стоял ткацкий станок, и все эти холсты половики она их ткала и себе и другим.

И.: А в войну сколько колхозов в Краснощеково было?

Р.: В войну три колхоза. «Майский луч» его возглавлял украинец, «Колхозную крепость» возглавлял Колитин и «(непонятно) крепость». А «Колхозную крепость» возглавлял Василии Иванович Кудинов, его дразнили Муливаныч. А здесь Приходько в «Майском луче», Приходько был председателем колхоза.

¹ Невод — большая рыболовная сеть.

Ездил на коне, такой конь строгий, хороший. А мы дома, дед обучил быка два с половиной года. Подложили его, чтобы он не заглядывал на телок, и летом его обучил на сани. Запряг в сани, сам сделал эти сани, на него хомут, раньше они были такие – две доски и втыкали палки. Летом он на нем, он его таскал куда попало, потом привык. Летом ведь тяжело сани таскать, а он на эти сани нагружал что-нибудь. На санях, да, чтобы бык не бежал, а шел, привыкал, чтобы им управляли. А зимой я поехал на нем за соломой, около Салтыча здесь кучи соломы были, я разгреб одну кучу, на санки переложил солому. Подъезжает объездник, Егор Дмитриевич, был такой, он картавый такой, и на меня: «Ты что колхозное добро берешь, вы же в колхозе не работаете?» Я ему: «Надо соломки маленько, она же здесь сколько под снегом». Нет, давай еще бичом меня хлестанул. «Разгружай!» Я разгрузил солому и поехал, вот такая моя поездка первая, на этом быке. Вот чтобы он бежал – «взззз», летом – «вззз». А то еще, но вы не слушайте, под хвост прутинкой, а ему не нравится, когда под хвост прутинкой. И он тогда начинай бежать, а сколько его ни хлещи, он будет идти спокойно, а вот прутинкой...

А чтобы собаку кормить. картошку ведь и сами ели. Был недалеко, сейчас место, куда свозят свалку, дальше еще всякую, за поворотом могильник, скотомогильник – телята умирали, их убивали и увозили туда. Мы пацанами, запрягаешь эту самую собачку, топор с собой – и туда. Выбираем, где недавно привез скотину какую-нибудь, ногу отрубил, извините, она белая такая прям, нормальная, нарубишь и отвозишь собаке, она зимой грызет.

И.: А вот мужики в войну ушли все, кто на колхозах остался-то работать?

Р.: Кто остался? Остались два хромых бригадира, один Глотов был, другой Суботин. Глотов, а звали Скобелка, раньше у всех были имена, а того звали Мутузка, этого хромого. Но их было за что звать. Гулящие были они, паразиты. Мужиков было мало, они любили чужих баб очень крепко. В руках у бригадира и работа, в руках бригадира и лошадь, в руках бригадира и солома и так далее. Сидит на лошади, подъехал к избенке, по окну кнутом бьет: «Марья, на работу!» Марья поднимается и идет на работу. И когда мужья возвращаться стали, Мутузка с одной тут крепко шухарил, а вернулся Гордеевич, Николай Гордеевич, здоровый мужик, у него было три сына и дочь. Он знал, что они в одном доме встречались, он пришел и сказал: «Позовите мою, скажите, что ее Мутузка зовет». И они пошли за этой Мутузкой, за ней. А мы в это время вечером пацаны играли недалеко на сеновале. Смотрим, идет женщина, из-за угла выскакивает мужик и как хлестанет ее, сбил с ног и давай бить. Зверски бил.

Потом у нее остался огромный шрам на лбу, так мужик учил свою жену. Я пришел домой, так дрожу весь и рассказываю. Бабка с матерью успокаивают, батька говорит: «Хорошо, не будешь по вечерам ходить, будешь дома сидеть».

И.: Там женщины тоже работали в колхозе?

Р.: Работали все добросовестнейшим образом. Работали, запрягали коров, если волов не было, и на коровах этих, эээ, пахали землю, потому что трактора забрали, машины забрали, лошадей. Как же их называли!? Кадровые лошади были такие крепленые специально, чтобы для Советской армии, тоже забрали. Ну, вот таким образом была работа. Жили, третья бригада и вторая бригада от третьей бригады тридцать километров Краснощеково, там в основном когда идет посевная, когда идет уборка, там и ночевали. Там кормили людей, там была повариха и кормила людей. Кормила затирухой. Это муку заливали молоком, немножко яйца и жира немножко и из нее делали крупинки, из этих крупинок варили затируху. Потом ее уже надо было есть ложкой и эти галушки. А галушки, тесто растирали пальцем, длинную, и резали галушки. Все вот таким образом.

И.: Ну, на бригадах сколько раз в день кормили?

Р.: На бригадах кормили всё, как и положено. Утром, в обед, вечером. Нормально. Все. На бригадах кормили лучше, чем люди питались дома. Люди дома питались: кто слизун, кто еще что-то и так дальше.

И.: А что в колхозах выращивали в войну?

Р.: В колхозах выращивали зерновые. В войну выращивали даже немножко льна, было, но в основном это. А так был скот. Молочный скот. Кони были тягловые. Ну вот, молочный скот – он давал и мясо, и молоко. Ну, молоко сдавали на молозавод. Молзавод построили в двадцать седьмом году. Он еще здесь реконструированный. Основной корпус добавленный, но остался еще тот. А мы вносили сельхозналог. Налет в бидон или в ведро молока мать или бабушка: «Сынок, неси!». Несешь сдавать. Молоковоз стоит, и стоит, сидит Бердекова, которая принимала молоко. По молокомеру смотришь три с половиной литра. Потому что еще кверху всплывает молокомер оттуда и видно. Она: «Три и три», и записывает. Обманывала нас постоянно. Ну, был такой случай. Были эвакуированные, ленинградские Никулины. Женщина одна и у нее двое ребятишек. От нас недалеко жили. И брали молоко на контрольный замер жирности. И ей потом говорят: «Жирность у вашей коровы – четыре и две». Она: «Сколько?» – «Четыре и две». Она как стояла, и только проговорила: «А мне вот говорили все время – только три и семь», и упала в обморок. И все. Хорошие люди были, но были и паразиты, которые наживались.

И.: А кроме колхоза в селе что было? МТС была?

Р.: Станция? МТС. Ее возглавлял Харлов, а потом Панин приехал. Возглавляли МТС. Машинно-тракторная станция. Это на восточной стороне нашего села. Потом там, это стало центральной усадьбой совхоза Краснощековский. У них были там мастерские, ремонтные мастерские по ремонту комбайнов, тракторов, токарный цех был, слесарные, хоть небольшие, но все равно там были специалисты, работали мужики с опытом. Без них мы бы нашу технику не могли поддержать. А так, в этот приедут, и около кузницы перетяжкой занимались тракторов там и так далее. Эти, валы срабатывались. Тогда, если проработает сезон машина, то это великая радость. А так, если ехал куда-то в дорогу тракторист, он с собой всегда брал большую оглоблю. Это жердь вот такая, сантиметров где-то, наверно, ну, в диаметре сантиметров, наверно пятнадцать-двадцать, длинную, и на кузов бросал. Потому что дороги не были ни отсыпанные, ни отгрейдерированные, ни асфальтированные, а все были грунтовые дороги, и они разбивались. И, как залезешь в эту грунтовую дорогу, и вылезти выехать не может. Он тогда под задние колеса, они же двойные засовывает эту жердь, тонким концом и сильно газ давит и она, машина, по жерди вылезает. Ведь жерди – это самый первый помощник. У каждого шофера в кузове была жердь. Мы ездили на этих машинах сдавали в войну, сдавали и после войны хлеб в Пospelиху. Нагрузят полную машину, и едешь пацаном. В Пospelиху приехал в сдаточный пункт приема там пункт, один борт открываешь и лопатой сбрасываешь. А если на второй этаж, то накидные мосты были, накидные, из плах, мешок на спину, и туда тащишь. В Пospelиху ходил только гужевой транспорт. И летом, и зимой. Особенно зимой. И всегда дня два-три. И зерно возили этими обозами, и люди денько отдыхали. Или в Трусово, в Трусово хорошие наши крестьяне. А в Николаевке, за двадцать километров до станции, там было много приезжих с Западной Украины, хохлов. Эти страшно были негостеприимные. Стоят, упрашивают у дверей: «Пустите переночевать!», а они не всегда были радушные. А здесь всегда радушные. Принимают, покормят, уложат, знают, что горе общее, надо помогать друг другу.

И.: Так, а почему если у МТС были трактора, то почему они для колхоза не давали?

Р.: Э-э... Эти бригады тракторные работали в колхозах. У нас возглавлял потом тракторную бригаду

Косилов Яков. Он в войну был танкистом и одну ногу потерял. Потерял при таких особых обстоятельствах. Было заминированное поле, он шел впереди, чтобы танк шел за ним, и сказал: «Все, мужики, можно, хорошо», шагнул в сторону и фыыыть (свистит). Без ноги остался. Он был бригадиром тракторной бригады. Женщины были на тракторах. Вот эта, Маша, эта Емельянова, эта Жарикова. Потом, муж ее был, советский офицер, в войну погиб, а потом у них вся семья стала врачами. Николай стал врачом, похоронили уже, жену его похоронили, а сейчас ведущий, один из ведущих хирургов краевой клинической больницы Андрюша Жариков. Выпускник нашей школы. Он кандидат наук, защищал, уже готовит, сказал мне в прошлом году шо: «Анатолий Андреич, у меня три главы готово, осталась четвертая». Защищает докторскую диссертацию, присвоили ему доцента. Он ведет лекции у студентов: «Потом уйду полностью в теоретические занятия».

И.: Анатолий Андреевич, а вы дома хлеб пекли у себя?

Р.: Пекли дома хлеб, в войну пекли, пекли дома хлеб. Но не всегда. Когда мучицы маленько. Значит, каким образом, откуда появлялась мука. Через тот скот шла вся заготовка, а потом, хлебоприемный пункт, продавал отходы, и хозяйство продавало отходы. Эти отходы – это нечистое зерно. Дед дома сделал веялку такую: круглая, диаметром, наверно, метр – метр двадцать пять сантиметров. Сетку на нее, так с четырех сторон веревками поддерживал и к потолку, к высокому прикреплял, и туда высыпал эти отходы. Сплошной там сор и немножко зерна и. пу-пу-пу-пу. сор просыпался, зерно оставалось. Это зерно собирали и потом везли на мельницу. У нас была здесь мельница Попова. Две мельницы было по реке Землянка, водные мельницы. Мы там рыбачили, там чебака было, пескарей. Хоть руками прям под мельницей, под колесом собирай этих, и вот его в хлеб перемальывали, получалась мука, это эти отходы. В муку добавляли, в основном, картошку, добавляли в муку. Много. Хлеб, может быть, там одна треть, а две трети картошки. Перемешивали и делали. От них, даже, никогда не поднимался хлеб.

И.: Дрожжи не добавляли?

Р.: Не добавляли, но они это, вот хлеб, если есть, допустим, мука, ну вот, саратовская мука, самый лучший саратовский сорт пшеницы для выпечки муки. Когда хозяйка из неё почёт муку, это булки, булка поднимается пышная такая вся, а когда там муки мало, а только вся картошка, ну это так это, как немножко толстая пышка и все. Вот такой был хлеб. Эээ с этим, с картошкой пополам

И.: Больше ничего в хлеб не добавляли?

Р.: Нет, в основном мы только добавляли хлеб, больше врать не буду.

И.: Ага, а как часто вы пекли его?

Р.: Пекли его редко, потому что, я помню такие... эээ... картинки: «Баб, дай хлеб!» – «Сыночек, нету!» – «Мам, дай хлеба!» – «Нету!» – «Ну поищите там, где-нибудь по уголкам, соберите, дайте хлеба!»

Вот это я хорошо помню. Это то, за что мы должны благодарить и молить бога за своих матерей, что мы не всегда их понимали. Как тяжело им было слышать.

И.: А в магазинах, тоже, не продавался?

Р.: В магазинах продавали. В магазинах продавали по карточкам. По карточкам продавали, так, значит, рабочий, я могу, наверное, сейчас уже соврать. Рабочий, по-моему, получал триста грамм, служащий получал, по-моему, двести грамм, могу соврать, а ребёнок получал, где-то, грамм сто пятьдесят на карточку, бывала такая градация – карточку. Карточка она не большая, вот, как ладонь и вся состояла из небольших, как портретики, эти карточки. Вырезаешь одну карточку, на месте давали, а остальные

хранишь. Никуда чтобы! Если потерял, остался без хлеба. Были такие случаи, не одни. В очереди, где-нибудь старушка, какая-нибудь, толкается, толкается, слышишь, орёт, плачет навзрыд божьим матом, что потеряла карточки и всё. Ну, тут, вольно не вольно, помаленьку этому человеку люди помогали, это отдать должное. Взаимопомощь была очень и очень сильная. Иначе бы с голоду померли.

И.: А пекарня была здесь, да?

Р.: Пекарня, да. В пекарне работала баба Ариша Емельянова. Была такая пекарня. Она здесь, сейчас, что же там так. Вот где сейчас автобусная остановка. Если вы на автобусе приехали. Пшеница, зерно – это всё было колхозное.

И.: Совхозов не было?

Р.: Совхозов не было. Это потом уже. Когда объединили, эта хрущёвская затея. Он всё гигантоманией страдал. Объединял районы, объединил колхозы и так далее. Вот, таким образом.

И.: А хлеб у вас пекла бабушка или мама?

Р.: Хлеб пекла бабушка и мама. Обе пекли. Пирожки они потом делали, уже после войны, когда я уже взрослый был, всё. И в школе учился, и студентом, так как, они пекли пирожки, пышные такие, найти было трудно. Вообще, они были на все руки горазды. Всё, что для дома, всё готовили сами. И вплоть до того, что и медовуху. Когда с Алей подружился, и у меня был День Рождение, она тоже учительница. Её подруги пришли к нам туда. Я там жил. Они угощают нас, всё там. А девчонки думали: «Ну шо, сладенькая медовуха». Раз, другой, третий, а потом и подняться не могут.

И.: И в войну делали медовуху, нет?

Р.: Делали. Торговали.

И.: А как делали медовуху?

Р.: Медовуху, ну как, ну само слово «мёд», а потом добавляли туда хмель. Да нуу, хмеля навалом было. Что ты? Я хмель сдавал государству. Хмель, шиповник. Вот, за молоко, за картошку, за эти, за шкуры у нас, сейчас закончу я. Можно было рассчитывать ягодами или у нас было очень много шиповника. Шиповник брали, хмель брали – сушили. Всё это сдавалось, всё это было. Я знаю, что с хмелем делают. Я сам этого никогда не делаю. Врать не буду, но вижу, там они его заквашивали каким-то образом в это, в медовуху ложили. Чем побольше хмель, тем крепче. А некоторые поступали очень нехорошо, но наши бабы никогда этого не делают. Вот этот под, под лагушок¹. Лагушки были деревянные. Лагушок. Там, пиво в них заводилось. В нём был этот, открывался краник, а сверху, ну, как маленькая, небольшая, пузатая бочка. Лагушок вот такой был. Под лагушок некоторые ложили табак. Раньше выращивали свой табак. Зелёный. И они под лагушок табак положат. Эта жижа надышитесь всему. Становится намного злее. Бошка у мужиков болит. Это те, которые немножко на этом деле решили подзаработать там, и так далее, а простой народ никогда этого не делал

И.: А у вас рушилка была в семье?

Р.: Рушить? Нет, не было этого. Не рушили. Ага. Так, что, что, что сейчас начинаю вспоминать. То ли горох, или что-то, вот это вот. Было небольшая, а, чтобы, зерно обрабатывать – нет. А это какая-то, была вещь. По кругу гоняли её. Так... Что же... небольшая она такая была. Я вспоминаю, металлическая,

¹ Лагушок — сосуд для для жидких продуктов.

с отверстиями набитыми, и за ручку сверху крутишь. Это было. Но это, по-моему, там бобы, горох под это вот. Эту, по-моему, только рушили. По мягче.

Это у нас вот эти пасеки, то есть это, ммм, ну, как их называют, где зерно мелют, мельницей! Я могу рассказать. Значит, река небольшая Землянка здесь у нас течёт. Там, где с двух сторон берега, её перегораживали плотиной и из плотины делали сток из этих толстых не тёс, а плах. Из плах. Обычно плахи брали листовенные, потому что, она не гниёт, а в воде, становится наоборот, намного крепче. И вот открывают, и по этому стоку шла вода, а там она падает вниз, а внизу колесо. Большое деревянное колесо, в котором на наружной стороне карманы такие сделаны. В этот карман вода падает и прокручивает колесо, с помощью падения воды, колесо это большое прокручивало, а там, с помощью трансмиссии от этого колеса, которое шло, верхний большой, каменную плиту кромовую, она крутила, вертела, а и между ними, между верхней и нижней зерно, это растиралось до муки. Мельник мог регулировать или крупчатку по сильнее давануть, или такую обычную муку, особенно, чтобы придавливать, это было искусство мельника. Там пацанами бегали эти, там было очень много рыбы, пескарей. Ловили с удочками, с ведрами оттуда, набитые ведром, а те, которые наиболее смелые набегали ловить с удочками. Раздевались до трусов, а трусов, простите меня, тогда и не было, мы их и не знали, так раздевались и лезли туда. Ага, и ведь, пескарё то, поэтому, по стоку тоже попадало, и с колеса его сбрасывал вниз, а так как, она была поставлена на скалах, где нет земли, не на глине, а на скалах, а скалы, они же разные: с утёсами, с ямками. И вот в эту ямку залезешь руками, они там прыг, прыг, прыг, прыг, и хоп и в сумку, залезешь, хоп – и в сумку, зовёшь этих пескарей. И всё. А раз нашли мы там сумку с мукой. Какая для нас была радость! И вот, мы давай печь её. Из этой муки, не её, а из неё печь там прям, эти самые пышки. Завели, размешали, раздавили, а как? на чём? Костёр нажгли, этот самый убрали, на горячую скалу, где там ровная такая, это тесто хлоп, потом с другой стороны хлоп. Немножко прихватило и нарасхват! Кто быстрее съест.

И.: А как вы замесили её? Мука с водой?

Р.: Мука и вода. И всё. И больше ни соли, ничего не было.

И.: А в чём замесили? В этом пакете?

Р.: Аа, да мы же ходили на рыбалку. У нас была ёмкость. С ведрами, кто с чем, кто с бидоном. Там замесили. Вот так и ели. А сусликов ловили, ставили капканы. У кого капканов нет, ставили эти силки, эти петли. Ну, из конского волоса срезали нитки, накручивали на ноге и делали плети, петли вернее, и привязывали. Ты подойдёшь, куда загонишь суслика, а самцы были жирные такие и не издалека воду таскаешь. Льёшь, льёшь. Ему там надоедает в воде, он там хоп, и сразу в этот силок. Всё. Потом домой приходили, шкуру с них снимали и этих жирных очищали, мыли, варили, ели. Как курятина. Они, на самом деле, чистые. Они ели зерно, траву. Больше ничего.

И.: А шкурки куда девали?

Р.: Шкуру некоторые сдавали. Я не сдавал никогда.

И.: А куда сдавали? Кому?

Р.: Заготконтора её принимала.

И.: А для чего они её принимали? Потом как использовали?

Р.: А потом из шкурок что-то делали. Не у нас, а отсылали дальше. Отсылали и всё. Отсылали эти шкуры. И овечьи, и телячьи, и коровьи, и лошадиные. И кого забивали, шкуры замыли, хорошо их

засаливали, чтобы они не пропали, чтоб не появилось там ползучей, и отправляли из них там, что нужно, на заводе, на фабрике их приводили.

И.: А почём закупа́ли шкуру?

Р.: Ууу, не знаю, почём. Даже не помню я этого. Но знаю, что было строго на учёт. Ходили от сельского совета, ото всюду и записывали, каждый год переписывали какой скот, ага. «Тёлка есть?» – «Есть». – «Бить будете?» – «Осенью забьём бычка». – «Шкуру сдать».

Всё на учёт. Сви́нья там есть, и так далее. Всё на учёт, чтобы никуда ничего не бросили. Всё нужно было.

И.: А вы что держали? Ваша семья тогда в войну?

Р.: Была корова, был бык, на котором работали. Но, корова давала подтёлков, которые можно было перевести на мясо. Молоко, которое ели. Сами сбивали молоко, и сдавали в маслозавод. У нас под боком маслозавод недалёко там. Сначала сдавали там гос. поставки эти. Налог, который был. Помоему, сто сорок пять литров, что ли, было или сто тридцать пять, я могу сейчас уже соврать, на корову, на хозяина. Сдашь, а после лета разрешали самим сдавать, чтобы можно было получить масло или пахту получали, обрат. А маслозавод ещё делал из обрат, обрат – это, когда снято с молока, сняты сливки – это обрат. А пахт – это, когда варят молоко и появляется куски масла. Масло собирают, остаётся пахта. Густая. Которая обезжиренная. И вот из неё, из этой пахты делали казеин. Творог варили. Но, так как, он мог пропасть, то его рассыпали мелко на крыше. На крыше, у нас вот здесь были от «Майского луча» амбары под зерно. А амбарная крыша она не так вот, а одна сторона крутая, небольшая метра два, полтора. А вторая пологая. И вот на эту пологую крышу подстилку делали маслозаводские. У нас бывало, это делала одна немка. Здоровая, крупная женщина. Лестница здесь стояла. Залезет и расстилает там, и засыпает этот крахмал. Не крахмал. Всё я вру, крахмал, казеин! Он, когда подсыхает, ну она всё время не стоит, ну, а мы из-за угла караулим. Она только хоп, куда и туда, хоп сюда полные карманы и всё. День обеспечен. Маленько хулиганили, конечно.

И.: А курей держали, нет?

Р.: Куры были.

И.: Тоже государству надо было сдавать яйца?

Р.: Вот тут я не совру. Знаю, что на молоко, яйца поставки были, а вот по яйцам я вам не буду ничего говорить. Не помню.

И.: А медовуху ставили на меду. Получается, у вас пасека была?

Р.: Пасеки не было.

И.: Или покупали где-то мёд?

Р.: Ну, покупали и пасекой занимались. У нас и родственники занимались. Пасека у них была. А мы как-то пасекой, ну сестра, отцова сестра Настя, или в народе её звали Стюра. Она была пасечником Красной Сибири. Своя пасека была у них. Николай с одной ногой, тоже пасеку имел. Степан, в Красной Сибири, тоже имел пасеку.

И.: Это Краснощёковский район или...?

Р.: Да! Это вот это, 8 километров от Краснощёково. Это, вот когда, свершилась Октябрьская революция

и крестьянам стали давать надёлы, но давать надёлы, как при Столыпине, там не так. А было решение другое. Объединялось несколько семей, и они уезжали на облюбованную территорию и там обосновали новый посёлок. Из Краснощеково выехали, обосновали посёлок Красную Сибирь. Вот там были два брата, и три сестры ещё отцовы. В Семёновку организовывали около бывшей заимки, где Кудинова революционера, это вернее Морозова, Кудинов сам забрал и убил Семёновку. А Париж у нас вот здесь был, Парижская коммуна. Была Парижская коммуна! Это из соседнего села Курьинского, этого Трусова. Оттуда люди переехали. Таким образом, были созданы эти посёлки и время очень мало. Этот период создания колхозов всё. И они сейчас теряют свою историю. Раньше тогда были и дороги проставлены и строили там животноводческие помещения, и школы там были, и библиотека, и малый фельдшерский путь, какая-то медсестра была, и магазин. Всё это государством, совхозом поддерживалось, а сейчас, когда прошла перестройка, никому эти посёлки не нужны и сёла никому не нужны. Посёлки закрываются, люди оттуда едут.

И.: А колоски собирали в войну? Колоски собирали в войну?

Р.: Собирали! О-о! Каждую вёсну собирали колоски. В школах предложение сверху. Выходили школы. У каждого сумка холщовая, и идём и собираем эти колоски в сумки и потом в общую массу, общую кучу, на току, тока были недалеко, где хранилось зерно под крышей, риги сделаны были такие под соломой, большие, но там можно было заехать и туда отвозили эти колоски. А потом их сушили, обрабатывали на все раз, и веревках, и зерно брали. А как само сильно, сами ходили, собирали эти колоски, но вот этот закон, который я вам зачитал, он так и назывался «Закон о колосках». Ежели кто-то, ну был такой случай. Пришла с работы мать, у нее двое ребятешек. Она работала на зерне. Подсушивала лопатой там. Ну, вольно или не вольно, немножко зернишки в карман и попало, она пришла и это, раньше были алюминиевые чашки и в эту чашку собрала. И заезжает бригадир: «Ааа, Дарья, ты что?» И Дарья как не бывало. Закон был строжайший. За колоски. Вот такой был закон, чтобы никто не брал нигде.

Это тоже опять копировали. Со мной от Володи Аносова, о котором я говорил, артучилище томское, и офицером сразу был направлен в Германию, потом приехал в отпуск. Я говорю: «Ну как там?» – «Нормально всё, знаешь, как. Приехал я на железнодорожный вокзал. До отхода поезда два с половиной часа. Я чемодан – у меня два чемодана – поставил их на лавку, ни в какую камеру хранения, и пошёл в город. Пошёл. Пришёл. Я знаю, что они будут на месте. Пришёл, чемоданы стоят на месте. Потому что при Гитлере было так: если кто своровал, хоп, или секир-башка, или вешали».

Я вот с ребятами встречался, которые были в этом, на Украине, в оккупированной части. Я говорю: «Как вы жили?» – «А мы жили так же, как и при советской власти, колхозы были, только раньше были колхозники, а сейчас немцы, на них работали». – «Ну и что вы делали?» – «В основном выращивали бахчу. Большой огород был, ну и когда стало уже подрастать всё, урожай появился, староста говорит немцу, там, который у них был главный: „Надо охранников ставить“. – „Ой, да зачем охранников? Поставим с одной стороны виселицу и с другой стороны эту, этой бахчи, как называют огород, поставим виселицу. Если ты первый украдёшь, тебя первого повесят“. И никто ничего не брал под страхом смерти». Вот так он воспитал в немцах отношение такое.

И.: А вы когда школьниками колоски собирали, кто за вами следил? Кто это вот контролировал?

Р.: А когда мы собирали, с нами были учителя. Или кто-нибудь из этих, ещё кто-нибудь из колхоза. И всё. И сдавали. А во время поднятия целины, когда землю подняли, некуда было ссыпать хлеб. На полях делали тачки, выравнивали землю и на эту землю машины приезжали, комбайны подъезжали из бункера сваливали это зерно, и оно уходило даже под снег, потому что, не было достаточной техники,

которая бы вовремя увезла это зерно куда-то под хранение и под снегом, потом снег убирали, зерно брали, сушили. Конечно, гибло очень много. Это была целина.

И.: А вы в школу в каком году пошли?

Р.: В школу я пошёл, эээ... в сорок втором, в сорок третьем!

И.: А здесь одна школа была?

Р.: Здесь у нас была средняя школа. На той стороне была семилетняя школа, потом она восьми-девятой, а в Майском луче была начальная школа. Первый-четвёртый класс. Учились со мной в классе, учились до четвёртого класса переростки. Но я могу вам сказать так, что с пятого класса у нас двое девочек: Самойлова Таня и эта, Ши-ховских Маша вышли замуж после пятого класса. С восьмого класса двух моих дружков Иванов, мы сидели с ними за одной партой, сидели втроем. Парта была такая не крашенная, длинная. Одна отличалась. С восьмого класса их взяли в армию, они с тридцатого года. На пять лет меня постарше. Даже не закончили ребята восемь классов. Переростков было очень и очень много, потому что, школу бросали, отцы уходили в армию, одной маме прокормить всех было тяжело. Вот, Михаил, допустим, бессчётно, а после него было ещё Саша, Павлик и Алексей. Трое было.

И.: А вы сколько классов закончили?

Р.: Я закончил десять классов.

Шинкевич (Ященко) Надежда Антоновна, 1925 г. р.

На момент записи интервью проживала в р. п. Благовещенка Благовещенского района Алтайского края.

В годы Великой Отечественной войны проживала в с. Истимисс, Ключевского района Алтайского края. Во время войны работала учителем. Отец – Ященко Артем Анисимович, 1893 г. р. Погиб в 1938 г. Мать – Ященко Анна Филипповна, 1895 г. р. В годы войны работала в колхозе.

Опрос проводил Рыков Алексей Викторович.

И.: Назовите полностью Вашу фамилию, имя отчество.

Р.: Шинкевич Надежда Антоновна. 13 декабря 1925 года я родилась.

И.: А как Ваших родителей звали?

Р.: Это Ященко Антон Анисимович. Ященко Антон Анисимович и Ященко Анна Филипповна, мать. Они были 1893-го года и 95-го. В общем, на два года разница.

И.: А где Вы родились?

Р.: Я родилась в Ключёвском районе, вот недалеко здесь. Алтайский край Ключёвский район, село Истимисс. С двумя «с» на конце.

И.: А ваши родители – они тамошние были?

Р.: Наши родители приехали из Украины. Наши полтавские. Ященики из Полтавы.

И.: В войну вам приходилось дикорастущими растениями питаться?

Р.: Конечно, приходилось. Была трава «рыжик» такая, и потом она и сейчас растет, мы ее называем «кашка». Пусть вдоль дорог растет такая кашка, вот ее, значит, вымолачивали, варили. Теперь мельницы только ветряная была. Это хорошо, что была ветряная мельница, ну молотье-то нечего было, а где достанешь там вот эту «кашку» или еще что, «рыжик», делали. Вот колодка, набивали из чугуна такие штучки, наверх еще колодка, перевернешь, и тут такие штучки. Верхний, эта, выдалбливали такое отверстие. Туда засыпали эту травку и крутили ручку, приделывали, и вот, вот этот, значит, один деревянный этот столбик, на другом набитый крутили, перемалывали ее и варили. Сушили очистки тоже, перемалывали. Пекли лепешки, добавляли этой травки и очистки эти. Очень плохо питались. И особенно плохо было в 46-м году, уже после войны, потому что не стали давать ни пайки, ниче. Ну, все-таки пережили. Товару никакого не было. В магазин зайдешь – лежит куча овса. Вот тем людям, у которых уже нечего было есть, давали по килограмму овса, а его ж надо тоже порушить, отсеять, наварить. Ну, нам никогда не давали. У нас был огород – гектар, вот мы все сажали, с огорода ели. Теперь у мамы было много нарядов – она дочь лавочника была в старину еще. Юбка была, там пальто – все. Дак она ездила в другие края, в другие районы, вот даже по Алтаю, меняла вот эту несчастную пшеницу. Там килограмм пшеницы за пальто, за юбку. И привезет полный пуд, и вот мы ее тянем всю зиму. Рушим на эту рушилку и какие-нибудь лепешки пекем. Вот так пережили 46-й год, а потом уже стало лучше, лучше, лучше, а уже... Ели, ели мы траву. И лебеду ели, и все ели. Но, а ларчик был у нас хороший, притом мы держали подсобное хозяйство: корову, 3 овцы, 20 куриц могли держать. И все это кормили чем попало. Вот никогда совхоз не давал кормов для коровы, для овец там, для. Доставай сам. Так мы все канавы обдерем, все поля, перекаати-поле вот эти собирали – катуны, складывали. А зимой

их рубили, запаривали, потом какую-нибудь макуху¹ доставали там, поддабривали, кормили корову. Правда, соломы давали.

И.: А чем вы топились?

Р.: Лето все топились лепешками, а на зиму свой из навоза делали кирпич, такие станки. Распаривали вот полынь, пустошь такая. Раньше ж севооборот был. Посеют если летом, уберут урожай – это уже поле на будущий год гуляет. И вот его обрабатывать нечем и некому, там такая вырастет и полынь, и всякая-всякая трава, и вот к осени, лето пока зеленая, мы рвем баранам, сушим, заготовливаем. А осенью полынь этот в руку набьешь вязанок 10, и вот этим полынь- ем одной пылинкою растапливаешь кизяк. Русские печки в основном топили. Там можно и погреться, и еду на весь день сварить

И.: Опишите, как выглядели рыжик, кашка. Где их собирали?

Р.: А вот же на поле и собирали. По полям, по обочинам дорог. Вот эта кашка росла в основном по обочинам дорог. Да вот она и сейчас есть. Помню, мы ее вырывали. Кругом дома у нас есть. Беленькая. Семечки такие желтоватые чуть-чуть. Ну, чтоб насобирать килограмм этой кашки, дорогу не одну пробежишь. А рыжик он рос, прям как сорняк, прямо везде, везде, везде... И вот для коровы, для этого все канавы пооборвем. Вот так березка, она же растет и растет. Раз оборвем – она отрастает, опять оборвем. А у нас огород был большой, километры, и обделали канавой. А на канаве там че только не росло, и все обдирали наверно догола раза 3 за лето. И все это сушили, складывали, чтоб прокормить корову, 3 овцы, а овцы дадут приплод. Тот приплод осенью резали и вот так вот жили. Ну, в общем, жили трудно, но как-то.

И.: А вы налоги платили?

Р.: План был. Надо было сдать налог, так сказать. Яйца никогда не ели. Шкуру свиную, 3 или 4 овчины сдать, вот. Теперь, значит, мясо 50 кг сдать с каждого двора. Собирали и кости, и тряпки и все, все, все собирали по дворам, а, чтобы взять метр ситца, надо сдать 30-40 яичек. Вот 30-40 яиц сдашь, метр тебе отмеряют ситца. А попробуй вырастить, когда нету ни пшеницы у тебя, ниче. А чем курок кормить? Вот кормили вот этими очистками, вот этими кашками, всякими травами. Дак она и не несла каждый день. Она через день несла яичко. Трудно было, все трудно. Ну, были молодые, были.

И.: А траву, которую собирали, ее сразу ели или как-нибудь заготовливали?

Р.: Ну, эту траву собирали, конечно, уже... Она быстро поспевала. Она раньше всех овощей и фруктов поспевала. И вот мы ее собирали, молотили сразу. А молотили чем? Да просто берешь, тряпочку подстилаешь такую салфетку, а все было с этого. Пенька, это, конопля, из конопля у нас мама ткала и полотенцы. И веревки, и мешки. И вот эта полотняная салфетку подстелишь и прямо дубчиком вымолачиваешь, а потом отсеваешь на решето. А решёта мы сами делали. Вон они и сейчас у нас есть. Прямо такая вот кругленькая из консервы баночка, гвоздиком продырявишь дырочки, вот тебе и решато. Просеял, самое крупное откинул, а что меленькое – на ветерок. Ветерок всякую шелуху отобьет, вот это уже в мельничку: одна колодка, набитая чугунными осколками, а сверху вторая колодка набита чур ее. И в верхней – дырка такая насквозь. Вот сюда сыпали эту крупу (смеется), крупой если можно назвать, а тут такую ручку там прямо толстый гвоздь прибили. Прибьешь и крутишь, и крутишь, да еще нажимаешь, чтоб она не подсакивала, чтоб она. Те зубчики, значит, перемолачивали. Ну, рыжик этот не молотили ниче, прямо в лепешки его расквашивали. У нас же корова была. На простокваше

¹ Макуха — жмых, остатки семян масличных растений.

расквасишь его чуть-чуть добавишь там этих. шкурок из картошки. Их сушили, толкли, добавляли туда, потом вот эти кашка. Пекли лепешки и ели. Вот.

И.: А ягоды вы какие-нибудь собирали?

Р.: Собирали, но в нашей степи мало было ягоды. Это надо было куда-то ехать, а ехать не на чем. Но дома кой-когда садили. Смородина была у нас, потом еще дички. В основном паслен был. Паслен – немецкая ягода. Есть такие желтые ягоды. Теперь, значит, бахчи садили. Вот уже при советской власти каждому давали две сотых под бахчу, две сотых под коноплю, две сотых под это. Капусту. Это специально были за селом такие обнесенные канавы, тоже участки земли, где каждый совхозник или колхозник получал для себя. Ну, бахчи давали в степи там. Особенно на бугорках, потому что бахча любит на пригорке, а вот на капусту. [Поливали] редко. Воду очень трудно было добывать. Да, бывало, пойдешь поливать, а ты же не один: 30 человек, а колодец один. Выберем до дна – нету, пустой колодец. Вот сидим, ждем. Через час уже можно зачерпнуть маленько. И вот пока польешь, надо, наверно, часов 5 там стоять, чтоб эти 2 сотых полить. И то помаленьку, по кружечке. Под этот. под кустик. Вот, в общем, трудом жили, можно сказать

И.: А ягоды заготавливали как-нибудь?

Р.: Сушили. В русской печке вот. Вот русскую ж печку протопят, жар выгорит. Вот такую печурку, а там стоит на целый день и борщ там, каша. И еще лист ягод сушится. Даже помидоры сушили.... Держали скот в основном, коров, баранов, коз у нас мало было, редко у кого, да почти не было. Ну, скота держать, сколько хочешь, не было такого, только норму: корова, 3 овцы, можешь одного поросенка держать и 20 курочек, не больше. Вот, потому что кормить нечем было. Так, можно сказать. Пшеницы. Вот в 38-м году уже сильный урожай был и дали много зерна. Так мы получили столько пшеницы, что в задней комнате, мы ее называли «новая спальня», в новой спальне отгородили загром¹ и засыпали 30 центнеров пшеницы. А когда началась война, Финская, в 40-м году, приехали, выгрузили все у нас это хлеб и дали по 6 рублей за центнер. Все на фронт, на фронт. И никто не это, не сожалел, ниче. Я не знаю, 30 центнеров по 6. Это где-то 1800 рублей нам дали, и мы эти деньги отдали тетьке-дядьке, они поехали в Москву, за товаром говорили. Только в Москве был. Можно было купить. А там их арестовали, признали за спекулянтов. Там тетка плакала целую ночь, рассказывала, как мы живем тут в Сибири, что это на нас сперла, что это женщина вдова, 6 человек детей, дала 1800 за то, что «сдала хлеб государству, а я вот набрала им 20 метров ситца и вы считаете, что я спекулянт? Да, – говорит, – еле-еле отпустили». И вот она нам привезла 20 метров материи, и мама нам пошила платьишки там да все в школу. Ну, все-таки отдали мы хлеб. Вот. Ну, нам там еще осталось центнера 2. Прожили до нового урожая, а тут началась война, еще хуже стало. Ой-ё-ё-ё-ёй, пережили мы страшно много

И.: А лекарственные травы вы какие-нибудь собирали?

Р.: Ой, в нашей степи мало было таких лекарственных трав. Ну, в основном, это ромашка вот, культурная ромашка. Потом этот. лопух, ромашка. Что еще? Да, были такие травы – каннопер – пахучая такая травка, любистик. Вот эти травы заготавливали.

И.: А вот можете пояснить, от чего они были каждая? Ну, для чего обычно применялись?

Р.: Ну, например, ромашка, она. противовоспалительная. Например, если животик заболит у кого, выпьешь – и легче. А вот этот лопух да все – дак прикладывали его и к суставам кода крутит. И теперь

¹ Закром — отгороженное место в амбаре или овощехранилище в виде неподвижного ларя для хранения зерна, овощей

подорожник. Подорожник к ранам, ну к ранам приклеивали, шоб заживали лучше. Пользовались такими простыми методами,

И.: А чай в войну с чего делали?

Р.: Знаете, у нас чай очень редко мы... Мы почти не пили. И привозили его с Павлодара, и он был кирпичный чай¹, еще все смеялись: «Чай кирпичный, вода Иртышный». И вот, вот эту плитку уже мой дядька Андрей привез так, она наверно лет 5 у нас была или больше. Капельку отломишь, заваришь в чайничек – до чего он был ароматный, до чего хороший. Счас такой чай нет. Нету. А так мы дома не делали чай, у нас больше всего мы воду пили. Вот поедем борщ, кашу, воды напьемся и все. Это чай счас вот вошел в моду. Ну, если хотелось, кто хотел чаю, знаешь, заваривали и смородиным листом. И потом очень часто продавали фруктовый чай, прямо с каких-то фруктов, напрессованный, там семечки всякие. Мы даже покупали его и ели так (смеется) фруктовый тот чай. А хорошего чаю можно было только в Павлодаре купить почему-то.

И.: А огород большой был, что там в основном садили?

Р.: В основном все садили: и картошку, капусту, кукурузу, подсолнух. У нас гектар огорода был, в конце огорода, это метров пять – подсолнух. Тыква, свекла. Репку садили, да, брюква была такая еще. А на пашнях еще давали под капусту отдельно, под это. под коноплю, вот, под бахчу. Бахчи садили. У нас же не было сахара. Сахара вообще не было, только вот овощи, фрукты были, те, что вот вырастишь. Вот. Вот и жили, и не тужили.

И.: А огороды в войну, чем тогда пахали?

Р.: Коровой. Корову запрягали. Каждая корова хозяину доверяла, так сказать. Специально делали такой станок – ярмо, одевали на бедную, цепляли плужок и пахали. А плужки были, потому что пахали лошадьми, цепляли там три. этих. лемеха, а на корове один лемех, чтоб легче. Вот так и пахали. Специально делали, а потом раз она знает хозяина, корова, она, бедная, шла. Потом все время кто-то идет и тянет ее. Сама она не идет, ее надо тянуть. И сзади плужком управлять второй человек. Один ведет корову, другой управляет – два человека надо, чтоб пахать. Ну а у кого семья большая была, вот у нас, мы больше всего жалели корову, дак копали прямо лопатой. Вот раненько утром до завтрака встаем, за лопатой и пошли.

И.: А огород удобряли как-нибудь?

Р.: Ой, удобряли знаешь, как. Стыдно и говорить. На огород бегали оправляться целую зиму. Прямо делали такие из снега шалашик. Сделаешь и бегишь туда на двор. На это. С неделю побегаешь туда – на другое место. Ой, и золу собирали. Вот особенно когда соломой топили или всяким бурьяном топили – эта зола очень полезная, даже сейчас советуют добавлять. Мы даже сейчас вот парим что-нибудь – ботву там, все, эту золу собираем и в огород. Зола добавляли, ну, фикалии это... А навоз надо добавлять, но навоза не оставалось почти, навоз шел на топку. А счас уже, конечно, появились дрова, уголь каменный, тут уже навозом стали пользоваться больше.

И.: А вот вы говорили – много выращивали на огороде, а как хранили, заготовливали?

Р.: Ну, это, многое сушили. Ягоды сушили, тыкву сушили, э-э-э, даже помидоры сушили. А в основном – погреб. Погреб. Вот теперь молоко летом, например, три раза корову доили. Утром мама подоит корову – варит кашу. Каша в основном была пшенная. Ну до того она была вкусная, потому что

¹ Кирпичный чай — черный или зеленый чай, спрессованный в виде кирпичиков.

варилась в русской печке. Вытащють ее – она аж красная такая. В обед подоют – у нас был колодец и с журавлем¹. В бадью ставили, этот самый кувшин с молоком и спускали в колодец. Это охлаждали молоко на обед там, на ужин, а вечером подоют – нацедют. Раньше были такие кувшинчики, эти, гончарные. Гончары делали. Кувшины спускали в погреб, а погреба были в земле выкопанные и у нас был погреб лаз, где мы лазили, с пригона. А сам погреб – туда, ну там был так накрыт по-амбарному и вот засыпана, в основном, этим землею. Горбылей² не было, дак собирали прямо лозу всякую, все, чтоб крышу как-то накрыть, а потом на ту лозу, значит, все-таки перегною сыпали, а потом золою покрывали верх этого погреба, вот. Вот и в том погребе ставили молочку на ночь. Вот оно постоит дня 2 там, состаивается. Мама собирает, масло делает, сметану делает и творог делает. Вот. В основном погреб спасал и русская печка. В печке все сушили, а там охлаждали. Ну и в колодце. Вот колодец. Хочешь, молока холодного или че-нибудь холодного – в бадью станови и спускай, в колодце холодно. Вот так вот жили и хитрили. Не было ж ни холодильников, ниче.

И.: А как солили?

Р.: Мы и сейчас солим по старой привычке, у нас все вкусное. Ну как: крошим, солим сразу. Счас вот с помидорами часто закладываем капусту, дак объедаются все нашей капустой. Солишь так, как для вкуса. Вот как салат, так, потом кладешь. Раньше кадушки были, деревянные, а сейчас у нас двухведерная кастрюля, а вот мы два человека, нам ее хватает.

И.: А когда все это в кадках солили?

Р.: Тогда все было в кадках деревянных. У нас и счас еще вон в углу стоит кадка. Я ее засыпала песком, чтобы она не рассохлась, не развалилась. А песок бывает, нужен, то туда, то сюда, то...

И.: В войну вы арбузы выращивали на огороде?

Р.: Выращивали. Выращивали. Все выращивали. Выращивали и возили на тележках на себе. Вот тележка – две ручки. У нас и счас тележка стоит там за пригоном. Можно посмотреть, какие были тележки. И вот домой арбузы эти и рейсов 15-20 сделаешь, чтоб перевезти все.

И.: А они у вас были в поле?

Р.: Да, были на пашнях, на пашнях. Две сотых каждому давали. Вот прямо помню: саранча напала, мы гоняли эту саранчу. Выходишь, все и прямо среди степи полоса вспахана: ну метров 100 ширина, а длина – это километра 2-3. И вот, вот эти 100 метров ширина протоптаны дорожки каждому 2 сотых. Каждому 2 сотых. Вот это бахча была у нас. Ну, все на тележках перевозили.

И.: Арбузы в войну как-нибудь заготавливали?

Р.: Заготавливали, тоже садили. Сушили даже. Дыни, например, сушили.

И.: А как вот арбузы солили?

Р.: Точно так же. Намоешь, наложишь в кадушку, ага в кадушку сложишь. Только соли уже ложили, например, они же плотно сильно не лягут, надо воды побольше. На 10 литров воды клали 1,5 стакана соли. А вот если капусту солишь – надо на 10 литров воды 2 стакана соли. И сейчас даже некоторые

¹ Колодец-журавль — колодец, имеющий особую разновидность подъемного механизма: рычаг с противовесом на одном плече и ведром для забора воды на другом. Масса противовеса выбирается так, чтобы вытаскивание наполненного ведра из колодца требовала минимальных усилий.

² Горбыль — остаток, крайняя доска при распилке бревна, с одной стороны выпуклая.

спрашивают, как солить арбузы – учу их.

И.: Ну а дыни как сушили, в печке так же?

Р.: Дыни? Дыни сразу осторожненько так нанизывали. Раскладывали. Вот были такие листы у нас. Пекли там пирожки в русской печке. На лист нарежут такие скипочки – знаете, как дыни режут? И привяливали на солнце. Она завянет, привяльнет. А потом уже ее привяленную, кода уже в ей мало соку, клали на этом же листе и в русскую печку. Совсем досушивали. Ну а зимой прямо с корою ели это. Вот с корочкой и очень вкусно. Вот сидишь на печке на теплой, и грызешь эту дыню. Вкусно было и так полезно.

И.: А тыкву сушили, получается?

Р.: Да, сушили. А потом распаривали, пирожки делали. Ну, больше склали так, не сушеную. Прямо под кроватью она у нас хранилась.

А сейчас мы 15 тыкв вырастили вот таких вот, мы кладем в подполье у нас там. Там откроете ж погреб маленький такой, в метр, наверно, глубиной. Застилаем газетами, кладем эти тыквы. Зимой парим, кашу варим. Очень вкусно с тыквы. Не сушим уже, потому что для пирожков так много: и морковка есть, и свекла есть, можно пирожки делать, и яблочки у нас свои еще есть вон, собрали с яблоньки. Вкусные, так они не очень крупные, но вкусные.

И.: А вы выращивали на огороде лен, табак?

Р.: Табак выращивали, выращивали табак. Я даже знаю, как его пошинковать, когда его убирать. И тоже его нанизывали на веревки, а веревки делали с конопли и подвешивали на чердаках, чтоб он сох. А когда высохнет, наш отец любил курить. Специально были такие рубки – такой ящичек и сечка такая вот. Вот его рубил. Специально сито у него было, опять же сделано с кусочка железа, потыкано этим, а бортики деревянные. Все сами мастерили. Отсеивал этот... Нюхачка была. Эта нюхачка еще пригождалась, знаете для чего? Для капусты. Вот капусту посадишь, бабочки летают, там гусеницы. Как табачком посыпал между этим – ни одна бабочка не пролетит. Так что нюхачка из табака и сейчас кой-когда. Охота бы табачка посыпать – нету. Мы долго выращивали. Ну, лет, наверно, 15, как не стала я сажать. А то из-за капусты и сажала табак, чтобы отпугивать.

И.: А в войну вы картошку садили целиковую?

Р.: Нет, резали, резали, резали. Ну, редко кода, это, отбирали на семена мелкую. Мелкое все шло на корм скоту, потому что ниче ж не было. Хлеба мало было – всю мелочь на корм скоту. А большую картошку резали, и резать-то надо уметь. Если неправильно порежешь, то картошки мало будет. Там она вот картошина, сверху все росточки. Дак надо картошину, если это она, допустим такая не так резать, а вот так, чтобы эти росточки попали в 2 этих. Глазки.

И.: А в войну в целом блюда в основном какие готовили?

Р.: Варили в основном затируху. Вот с муки. Мы на пашнях работали. У нас там поваром даже по очереди был, бывало, что и я поваром. Наваришь есть этой затирухи или галушки. Галушки, затирушки. Ну, муку затирают вот такими катышками, потом поджаривают немножко на сковороде, а потом в воду, а потом туда или постного масла вот это конопляного чуть-чуть или еще че-нибудь. Ну и в основном каши: то пшенная, то.

И.: А дома вы что готовили?

Р.: А дома и борщ и квас и каша тоже. Хлеб. Хлеба мало было, особенно в войну. А после войны в 46-м году мы вообще не видели хлеба, пока не стали косить. А стали косить, тогда уже видеть, что люди погибают. Дак по килограмму давали на месяц на человека. По килограмму на месяц. Ну, в основном, ели картошку да овощи, что вырастили дома. На пашне, кроме той баланды, берешь бутылку молока из дому. Может одно яйцо раз в неделю. Потому что куры плохо неслись, потому что кормить их нечем было

И.: А вот на пашне у вас там для питания, для отдыха было место?

Р.: Было, барак. Барак, нары были такие. Ну, лес валили это мы... На заготовках. Это когда я в школе училась в 10-м классе. 10-й класс весь в лес вывезли. Дали нам по литру керосина, пилку, топор и 2 человека. Научили, как сосну подпилить. Заготавливали лес для всего: и для отопления школы, и тогда провели железную дорогу. Дак паровоз даже дровами топили – для всего. Ну, вот заготавливали. А нас кормили как: привезут сыворотки и мед пахта¹ – масло делают. Когда лес валили. Вот литр пахты дадут, э-э-э, 700 грамм хлеба, 700. Вот и все. А там что в лесу найдешь, то и ешь. И одуванчики ели и что попало ели. То какой-то чеснок там находили, то лук.

И.: А вот в этом ну бараке вы жили, ночевали?

Р.: Да, там жили, в летнее время. В основном в летнее время. Начиная с пахоты и кончая уборкой. И до конца сентября, потому что мы учиться начинали 1 октября. Вот, сентябрь весь на пашнях работали. Там специально барак был для спанья, и в том же бараке котел был. Вот и в одном котле, там и чай был. Сразу вскипятишь, чай отольешь в ведро малированное если есть, а потом вот эту баланду сварить.

И.: А у вас суслики были?

Р.: Были. Сусликов ели за мясо. Шкурки сдавали. Ну, некоторые брезговали есть. Вот мы, например, не ели никогда, брезговали. А вот братик мой самый меньший – он ловил сусликов, сдавал, а сусликами кормил собаку, когда шкурки. И вот принес однажды 20 сантиметров материала – дали ему за сусликов. Дак мама ему колени налатала. Штанишки порвались, она ему налатала. Ну, хорошо, что материал был черный такой, ситец какой-то или сатин, ну плотный такой, или мелюстин раньше называли. Двадцать сантиметров. Не знаю, сколько он штук. Двадцать, наверное, сусликов сдал. Шкурки. А вот у нашей тетки, Афанасьевы, те ели сусликов. Дак мы, когда придем к ним, так спрашиваем: «Ну че, суслитина тут есть?», «Да нет, нету». «Да, ешьте тогда».

И.: А как их ловили? Кто этим занимался?

Р.: Капканы были, выливали

И.: А собирали яйца диких птиц? Сорочьи, воробьиные, еще какие?

Р.: Ой, воробьиные выпивали даже, это, всегда под застрехами². Собирали, собирали. Мы не то что собирали, а лестницу подставляешь, в гнездо залез, яиц набрал и тут же бьешь их и пьешь. Ну не знаю, может кто носил и в комнату, но мы не носили, мы выдирали и тут же съедали. Ну а птиц так... Мы жили в таком месте, что озёра, озера не было большого там. Вот в Новополтаве – да. Там были и туда возили даже вот это коноплю вымачивать. Его ж надо вымочить сразу, потом высушить, потом вымять

¹ Пахта — обезжиренные сливки, получаемые как побочный продукт при сбивании сливочного масла.

² Застреха — в крестьянских избах нижний свисающий край крыши, а также брус, поддерживающий его.

– специально мялки были. Потом почесать, потом потрепать, потом ногами помять перед русской печкой, чтоб пыль туда шла, а потом опять почесать, а потом прясть – страшно много работы было. И у нас всегда стоял верстак. Мы называли это такой станок. Станок, где мама все ткала. Зимой. И одной тетке, и другой тетке, и третьей, и нам. И вот целую зиму, она ткёт. А эти гребни всякие, где чесать, все привозили почему-то с Павлодара, с Казахстана. Там из тростника все это было сделано. Ой, всякие были машины. Вот, не машины, а приспособления, чтоб же натянуть и ткать, надо снова нитки. Дак вот это уже тетки помогали. В ложке продырявливали как-то дырки, закладывали туда нитки, и вот она тянулась ровненько. Мотали ее, а потом размотать и в верстак заладить, и на. накрутить на вал – ой! Станок чтоб ткала, и пуль...эти, шпульки, насутивать в этот в челнок заправлять. Это все моя была работа. Вот пряжа была у нас, счас там у нас там, в пригоне, уже разваливается, и колесо. И вот это все моя была работа, и шпульки намотать, и в эти заправить, а мама ткала.

И.: А вот что с этого конопля делали?

Р.: Рубашки шили, штаны. А красили чем: луком. Из лука кожуру кипятком заварит, такая краска хорошая. Вот туда макают. Шьют штаны, все. Ну, его еще надо отбелить. Когда значит, выткнут, оно такого серовато-зеленоватого цвета. А потом целое лето макаем в воду эти вытканые. Ну, метров по 10 делали куски, и растираем на траву против солнышка. И за лето отбелится прямо белое-белое! И мягкое. Мягкое, потому что шили рубашки это нательные, и юбки шили с этого же самого. Полотенца специально ткали. И мешки. Мешки это ткали с самого последнего клок, что уже оставался после пряжи. Самый здоровый для тела материал. Ну и шерстяное все было в ходу. Из шерсти мама ткала. Из шерсти ткала одеяло, а тогда называли «ложники». Правда, сшиты они были с трех полос. Ложник, укрываться им – шерстяные. А вот эта основа была – с конопля. А ткали шерстью. А нитки вот, на которые ткали – это уже конопля. Вот мы под этими лож- никами спали всегда. Вот это у нас были одеяла. У нас таких не было одеял, как сейчас. И ткали из шерсти, шили эти, ой, «серяки»¹.

И.: А что с конопля делали? Вы говорили, что колелось, поэтому одежду почему-то с него нательную не шили?

Р.: Шили. Его надо ж было сначала вымочить. Вот эту прямо саму траву. И возили в другой населенный пункт, где речка. И туда ее погружали, прям траву, прямо в воду и грязью, грязью приваливали. Ближе к берегу клали, и не в речку, а в озеро. Речка все бы несла в озеро. И грязью прикладывали. А потом она, сколько там, ну с месяц кисла. Потом ее там же от грязи отмывали в озере, и на берег. На берег оно, пока мы все это вытащим-то, стекало, и все на тележках. Все на тележку накладываешь и везешь домой. А потом поставишь против солнышка, как счас я вот ставлю, чтоб высохло. Как высохнет, специально были такие деревянные станки, очень простого приготовления. Прямо так вот две палочки, э-э, две этих, а тут валик такой на ручке. И вот закладываешь это и мнешь, и мнешь, и мнешь. Потом трепаешь. Эта отлетает, кострица. А потом получается такой коса. Эти косы в мычку² делают такую: закручивают, чтобы она не рас- пускалася и берешь, мнешь ногами на земляном полу. Пол вымазывает хорошо. Шоб ровненький был, как асфальт. И против печки шоб. Шоб пыль туда шла, от ее много пыли. И вот пока мама печку топит, 5 штук вот этих помни ногами. Вот мнешь и мнешь, и мнешь, и мнешь. А потом что в хате трепать нельзя, выносят ее на улицу и начинают трепать. Это все делается осенью, шоб к зиме готовы были эти. Потом, когда вытрепают все, берут такой гребень и вот на этот гребень натягивают и гребелкой вычесывают, вешают. Вычесывают,

¹ Серяк — грубый кафтан серого цвета.

² Мычка — пучок для прядения.

шоб все- все выпало, все эти колбочки. И до того дочешутся, что прямо чистый, как волос. И делали мычки. Потом в эту мычку пряли на пряжу, а все равно. Остается вот эта, и то пряли. Делали толстые нитки и ткали с него уже такое. То половики, то рядно¹. И когда уже выткнут да кода отбелят да кода пошьют. А потом все выстирают. А потом покатают рублем да качалкой. У нас они и счас есть. Оно такое мягкое, никакой там ни соринки, ни задоринки нет.

И.: То есть у вас нательная одежда с конопли вся была?

Р.: С конопли вся. Мы без штанов ходили. Вот 7 километров в школу зимой. Вот эта холщевая, значит, рубашка ниже колен, юбка такая ж. И вот бежишь, бежишь, присядешь вот так погреешься, подскакиваешь – опять бегом. А потом уже когда сильно зима, мороз – квартира была. На квартире становились. Как только чуть-чуть солнышко пригрело, в апреле месяце – опять пешком. Вот я ходила в Новополтаву.

И.: А какая у вас обувь была?

Р.: Обувь – в основном валенки. И зимой, и летом. И босиком. Летом – больше босиком. А весной и осенью, и зимой – валенки. А весной, конечно, бывают, промочишь их, все – в русскую печку все. На ночь положишь – высыхают. Варезки кой-куда вязали, конечно, из шерсти.

И.: А были тогда ботинки на деревянной подошве?

Р.: Это больше были у немцев. Вот у нас это было не принято. Там у нас немецкие поселки были: Глядень, Глядень-1, Глядень-2, Глядень-3. И они счас есть. У нас нет. У нас в основном валенки. Ну, потом выделывали кожи. Делали кой-когда с кожи и вот такие. Ну как, не то сандалии, не то не поймешь, что. Сами шили. Сапожники были. Вот нанимаешь сапожника, он приходит, давай кожу ему. Кожи сами выделывали. С этой кожи он сделает. Чтобы подошва была прочная, в середину зашивают из валенка. Здесь кожа, здесь кожа, а в середине – валенок. И толсто, и мягко, и хорошо. Ну, некрасиво, конечно, но зато тепло ноге было.

И.: А как вы кожу выделывали?

Р.: Очень просто. Кожу выделывали, э-э-э, вот квас делают. Дрожжи делают. Дрожжи делают из хмеля. Да мы недавно перестали дрожжи делать. Даже есть у меня еще старинные дрожжи. Лежат до сих пор, наверно. Делали, значит, из кваса вот это квасовинья. Квас отцеживали, вот эту жмыху. А жмыха была, там и картошка, и отрубя и хмель, кислота. И вот этим накладывали на овчины. Не на шерсть, а на кожу. Потом, ее значит в этом в жмыхе, она стояла наверно дней несколько. Когда снимали, уже все. Отходило там мясо, сало какое. Скоблили ножом. А специально даже такие скобёлки были. Вот выскоблят все это. Потом забеливают белой глиной. Раньше ж не знали известки. А белая глина там, где озеро. Даже где сейчас у нас Стройгаз, или как мы называем? Степное Озеро, вот. Тут были утяшки с белой глиной. Мы даже с Марией Ивановной ездили с Кучука брать эту белую глину. Она и счас у меня где-то есть в пригоне. И вот эту белую глину разведут, намажут ее таким толстым слоем, в палец, и вот она опять лежит. Скрутуют ее, лежит. Когда уже снимут все это, ну это мастера знают, сколько дней, как что. Все это вымоют, и шерсть прочешут хорошо, там расческами, всем, даже можно ей постирать. Порошком да всем. А раньше делали щелок. Щелок, не знаю. Щелок – любую траву вот сыпали – зола это. Эту золу на леднилку, на ведро привяжи, залей кипятком. Кипяток пройдет, сними это все – там уже будет щелок. Или по-теперешнему это шампунь. И головы мыли этим

¹ Рядно — толстый холст домашнего производства.

щёлоком, и стирали белье. Вот особенно вот эти рубашки мне конопляные щелоком стирали. Вот щелоком вымоет эту овчину, высушит – тяни, чтоб на солнце она не скорежилась, а где-нибудь под навесом. И все. Потом после глины, кода она высохнет, ее мяли еще, мяли. Или накручивали на вот эту ж на каталку, выкатывали, вытряхивали. Ну, в общем, работы много. Были такие люди, так выделывали, что овчина мягкая-мягкая. У нашего папки даже тулуп был с овчины – дак мягкий такой, хороший. Это специалист выделывал. Ну и красили потом. Красили. Чем красили... Сажей. Сажу как-то прокаливали ее, с чем-то смешивали, промазывали. Оно попервах вроде мазалась, а потом ничего.

И.: А вот выделкой шкур, получается, специалисты занимались?

Р.: Да-да-да. Да специалисты были и валенки катать. Были специалисты, конечно, и по выделке кожи, и по пимокатству, и по сапожничеству. Все было. Ходили прямо по дворам. С другого совсем района, с другого поселка. Объявляют: «прибыл, – например, – пимокат хороший». Вот он берет где-нибудь баню. В бане в котле в этом. Их же надо и варить эти валенки и все. И в такой жаре, в таком поту, в таком труду вот это все делали. А сапожники заходили, тоже прямо у нас в хате располагается со своими молотками, работает.

И.: А вот работу им оплачивали?

Р.: Ну и кормили его. Вот люди это знали, что, если он в этом дворе будет работать, ему на пропитание. Ну, будут его кормить, а потом еще что-нибудь дадут там может быть кто чем.

И.: А в войну верхняя одежда, какая была?

Р.: В основном с овчин, полушубки.

И.: А их покупали?

Р.: Нет-нет-нет. Вот с этих же овчин были и портные специально по-овчинному «ткуватка». Это дядька, это тети нашей Насти мужик. Он шил специально полушубки.

И.: А делали в войну масло?

Р.: Да, вот и были, и масло били. Из семечек делали, из конопля. Специально были люди такие, которые этим занимались. Они приспособивались, как-то делали свои станки там. Уже далеко от фабричного, ну как-то делали все это. «Душили это масло», как говорили тогда, вот.

И.: А головные уборы какие были?

Р.: А головные уборы – в основном шапки шили из собак, из кошек, из кроликов. Кроликов выводили, из собак. И это катанки были. Катали специально такие шляпы из овечьего. Из овечьей шерсти, особенно с молоденьких вот ягнят. Она сильно хорошо каталась, садилась. Делали все.

И.: А дом у вас в войну большой был?

Р.: О-о-о, нет. Небольшой, нет. Земляные полы. Ну, пятистенничек был небольшой, крыша земляная.

И.: Он с дерева был?

Р.: Да, основной – деревянный был, но знаете, как мы его сделали. Кода еще отец был помоложе, то он навозил на лошадях из лесу жердей таких. Да у нас одна хата была из жердей прямо, а одна с лозы. Лозу брали там, где вот озера, речки. А уже большой лес не по силам было вывозить, а хотя лес был недалеко. Вот от Ключей там уже начинается лес. Но, знаете, это очень трудно было навозить. В

основном делали из самана. Вот солома, теперь глина и пригоны, и все. И плетень, обмазанный глиной. Пригоны были все обмазанные глиной.

И.: А печка у вас русская была там?

Р.: Только русская, только русская. Ну русская печка, а тут еще и лежаночка¹ была. И там плита уже была у нас привезена тоже откуда или с Семипалатинска, или с Павлодара. Чугунная плита, вот. Дак вечером кое-когда, особенно зимой, подтапливали эту лежаночку. Вот русская печка и она, как заодно, сложена была. Да вот мы недавно выбросили такую же печку и с плитой. Дак этой плите часто зимой топили вечером и в основном соломой топили и туда клали картошку. Она пеклась, и вот мы ели ее с вот этим самым, э-э-э, коноплевым маслом или с конопляным этим толченым этим как его название, не знаю с толченой коноплей. Ну и корова была, молоко ж было. Это все. Хлеба, конечно, всегда мало было, всегда.

И.: А какая у вас в доме мебель была?

Р.: Скамейки, даже стула-то не было. Скамейки. Вот стол стоит, скамейка на всю и с этой стороны скамейка. Стульев мало было, это уже у сильно зажиточных людей. И то привозили откуда-то, где лес.

И.: А спали вы где?

Р.: Ой, спали тоже... Кровать одна была у нас деревянная это. Ну, там можно лечь двум хорошо человекам – это у нас была горница. И в той горнице была голландская печка. А голландка – это знаете какая? Кода топют, то там все застелено кирпичем и. а тут засыпано глиной. И вот этот кирпич весь теплый и там спали человека по три, по 4, а тут можно протопить, прям вот чуть-чуть этим, той же соломой, там тепло, кирпич. Подстилали вот эти рядна всякие и спали. А в передней хате вот это ж от русской печки с плитой, сюда до стены, э- э-э, делали такие стояны, их можно было из дерева сделать. Ну, дерева не было – с кирпича, и клали по досточке поперек. И так досок 6, называлось полник, пол. На этом полку и спали все. Или как раньше вот называли как это. ну ой. Полати². На полатях спали. А полати – это толстые доски настеленные, никаких там ни пружин, ниче. Если комнаты высокие были – это особенно в зажиточных людей, то полати еще делали и вверху на таких вот этих. железных. Ну, примерно по метру от потолка и там. И в основном делали перед русскими печками и вверху полати, и тут полати. И семья умещалась вся. Молодые, э-э-э, дети 10-12 лет, – лезли туда, на полати. Старики – тут на полати. Вот так размещались. А жили. Вот мы сразу жили в избушке. Это потом уже подстроили эту хату, дак кролики под нами даже были, жили. Нароят нор, а что сделаешь. На полатях мы спим, под полатями – кролики. А тут отгородили, чтоб хоть по хате не бегали. Они там роют все, что им надо. Норки делают.

И.: А постельные принадлежности какие были? Матрасы, подушки, укрывались чем?

Р.: Никаких матрасов. В основном вот эти рядна, которые ткали, и старые полушубки. Старая всякая одежда. Никаких не было. А подушки – это в основном с куриного пера были. Вот курицу скубут, не выбрасывают – делают подушку. Гусей у нас мало держали, потому что речки не было, и кормить их нечем было. Гусей уже мы стали держать, куда стали вот жить в этом доме.

И.: А посуда какая у вас была?

¹ Лежанка — невысокий каменный выступ у печки (большую частью отапливающийся самостоятельно), на котором можно лежать, спать.

² Полати — широкие нары для сна, располагавшиеся в избах под потолком между печью и противоположной ей стеной.

Р.: В основном – горшки. Чугунки еще, правда, были. У меня и сейчас два чугунок есть: один ведерный, а другой поменьше. Чугуны редко были, но это больше всего в русской печке надо было чугунок иметь. Ну и горшки в русскую печку входили, в основном с молоком. Вот нальешь в горшок молока – и в русскую печку. Оно там варится. А потом заквасю его, остудят немного, заквасю – получалась ряженка. Вот. В основном – горшки. И тарелки, и чашки были – это гончарное производство. А ложки в основном деревянные, ложки деревянные. У нас и сейчас две или три ложечки есть деревянные, ими хорошо кашу мешать.

И.: А их вы покупали или у вас в селе делали?

Р.: Бывало, что в селе делали – приезжали гончары. А бывало, что в следующем, ну, в следующем, вот, километров за 8, в селе. Там были гончары, там ходили, покупали. А бывало – привозили готовые горшки, продавали. И тоже не за деньги, а вот за яйца, за шкуры там. Вот обмен такой был.

И.: А вот у вас сырье было? То есть глина рядом?

Р.: Глина? Да, была глина, особенно в той Новополтаве, где вот недалеко от нас. Там даже красная глина была. Дак мы даже там копали, тележку привозили, чтоб, э-э-э, в комнате красным подвести, а потом уже этой серой глиной смазать пол. Пол, полы-то были не деревянные, а земляные, утрамбованные глиной и смазаны глиной. Ну, чтоб она не трескалась, добавляли песок, а красной глиной подводили. Плинтусы. Как вроде плинтус красная глина, а тут – серая глина. А чтоб оно не трескалось, добавляли песок. А иногда коровий кизяк добавляли.

И.: А в войну как часто подбеливали дома?

Р.: Это каждую неделю. Каждую неделю надо было смазать, потому что там, где выбоинка замажешь... Каждую неделю. Как вот моешь пол каждую неделю, так и смазывали земляной пол. И пыли, чтоб не было. Каждую неделю. И печку подбеливали каждую неделю. В субботу всегда подбеливаем, баню топим. Но у нас даже своей бани не было – у соседей топили. Одну неделю мы вытопим – они моются. Другую неделю они топют – мы моемся. Вот так.

И.: А мылись раз в неделю?

Р.: Да, раз в неделю, да. И в основном щелоком вот этим. С золы делали щелок. Мыли, эти, в основном волосы им. Вот. Да и мыла не было. Дак и руки мыли, и ноги.

И.: А как вот огонь разжигали?

Р.: Были спички, но очень-очень редко у кого. Дак носили этот огонь от соседа к соседу. Как видят, у кого топится – бежишь, с этим, с совочком. И то потом брали, знаешь, мох был. Вот мох был по озерам. В основном его брали, чтобы прокладывать деревянную постройку мохом. И вот его берегли специально, чтоб огонь вот в этот мох положишь у соседа уголек и несешь. А тут уже разжигаешь, то соломой, то э-э-э еще какой-нибудь сухой травой. Так вот и разжигали. Но мы как-то всегда имели спички, потому что у нас дед был, торгош. Он участник Первой мировой войны, и был контужен, был и ранен, хромал сильно. И у него была лавочка, магазинчик, и он торговал. Ездил то в Павлодар, то в Семипалатинск. Брал там, в основном, что: деготь, керосин, кое-когда конфеты, такие вот подушечки эти, гвозди, ну и привозил и еще кое-чего такое. И в основном спички. А спички были дорогие и очень берегли их. Вот, если разожгут утром, то страются, чтобы и вечером этим огнем пользоваться. И вот когда в русской печке выгребают, такая печурка была, и в той печурке загребают, загребают, вытаптывают и в этот огонек. Если там есть уголек, он до вечера дотерпит, а потом начинают вот

подкладывать туда-то мох, то кострицу¹ вот эту что из конопля. Знаешь, она шла у дела, знаешь, как? Для разжигки. Очень хорошо зажигалась. Все в хозяйстве пригождалось.

И.: А чем комнату освещали?

Р.: Ну, в основном уже последнее время керосиновые лампы были. Бывали и как-то они назывались. Как-то на 10 огней, на 7 огней, а в войну только вот эти, если пузырек. В пузырек, значит, находили такую жестяночку, проделывали дырочку, крутили фитилек и жир. То сусличий, то еще какой-нибудь, бараний. Вот протягивали и зажигали. Он еле-еле коптил. Ну, вот так светили в войну все время. Даже я читала при этом свете. Всего Тургенева прочитала. А сейчас вот не вижу читать.

И.: Вы учительницей в войну уже работали?

Р.: Да, в войну уже работала. В войну были такие ребяташки, по 12, по 11 лет в 1-м классе, потому что не учились. Не было ниче: обуться, одеться. Отцы погибли на фронте, матери тут с работы не вылазили, и в общем первый год, я пошла работать в 43-м году. У меня был класс 42 человека, в основном – мальчишки, девчонок очень мало. Одиннадцати, десяти, двенадцати лет. Но учились очень хорошо. Тогда ж вот учили, прописи были, и как красиво писали ребяташки. На собраниях покажу свои тетради: как прописи! Ну, потому что взрослые ребяташки. Ой, кормили вот там их, потому что голод был страшный. Это у нас вот огороды да все. А у многих ж были – и огородов не было, и родителей не было. И че-то в детдома тогда не отдавали, а были прикреплены к колхозам эти детишки. Кормили их в школе. Я как сейчас помню: сварили котел – капуста кислая, и потом галушки туда. Прямо намесили тесто. Налили туда, не знаю, какого-то масла: или подсолнечного, или конопляного. Вы знаете – объедались ребяташки, вот голодные такие были. И вот я работала, а потом правда, пошли нормальные уже дети. Ну в основном восьми лет. А потом уже перешли на семи лет.

И.: А вы в войну их водили в колхоз работать?

Р.: Аа как же, а как же! Ходили с ребяташками, и колоски собирать, и переворачивать пшеницу. Вот покосить ее, а дождь пройдет, дак надо эти волки переворачивать, чтоб не попрело. Все это делали. Пололи. И подсолнухи раньше пололи – зачем, я не знаю... Ну, может затем, чтоб сорняков не было, чтоб косить их лучше было. И пшеницу пололи. Вот пшеница вот такая. Полынь вырываете и надо положить его, чтоб он лежал там, чтоб наверху не попал. И то, очень часто горький хлеб мы ели. Полыньем зарастали участки, не успевали все вырвать. И когда, значить, помолотить ее, покосить, – хлеб горький.

И.: А у вас в войну вши, клопы были?

Р.: У нас вши были, но очень мало. Были, конечно. А клопов. С клопами мы боролись. У нас клопов не было. И я первый раз увидела клопов много, когда вот поехала учиться в Алма-Ату. Там, знаете, даже в парках стояли диваны такие, сидеть, и то, у тех диванов были клопы. Вот там, где удивилась, что как это можно так. Клопов у нас не было. А вот вши иногда были, и то, то в больнице захватишь их. Я раз полежала в больнице, пришла, дак еле отделалась от них. Нет, у нас чисто было. Чистота была всегда. В баню ж ходили, щёлоком мылись. Потом соблюдали все-таки чистоту.

И.: А вы соль, откуда получали?

Р.: А, соль. С солью было дело плохо. Я как сейчас помню, все время доставали ее с большим трудом.

¹ Кострика — древесные частицы, которые отпадают при мятье и трепании льна, конопля и пр.

Ездили в другие районы, где она была. Вот даже вот мы жили в Истимиссе, а сюда в Благовещенку приезжали. Тут была не поваренная соль, а знаешь – селитра. Она такая немножко розовая, вот посмотришь. И такими комками большими. Ну, все равно брали ее. Она сильно хорошо солить сало или еще что-нибудь и те же кожи выделывать. В общем, с солью было трудно. Меняла мама на вот эти ж всякие рядна, возила. А сейчас вот соль может я через то и люблю, что в детстве нам ее не хватало

И.: А у вас в деревне или в райцентре рынок был?

Р.: Базар был, конечно. Базар был. Все продавали. Кто что мог. Вот в Ключах, э-э-э, пока я там молодая была, жила там. Десять классов там кончила. Там же Истимисс недалеко от Ключей – 18 километров. Вот. Грузди особенно продавали вкусные. Там недалеко уже бор начинается, этот, ленточный. И там, через 40 километров, уже Казахстан. Ну, дак там есть такой поселок – Градели. Ох, у них грибов там вот грузди. Как они их могли солить и всегда на базар. Мы из Исти-мисса везли что: чеснок, лук там, помидоры, огурцы продавать, чтоб купить вот грузди соленых или рыбку кое-кто продавал. Карасики такие засоленные. Ну, это вот в Кулунде тут вот в речке э ловили эту рыбку, засаливали. А у нас там этого не было. Даки это было деликатес. Продать одно – купить другое.

И.: А у вас в селе депортированные были или эвакуированные?

Р.: Были. У нас мало было: только учителя, дети. И детей привозили то с Ленинградской области, то... И их распределяли по колхозам. Вот 2-3 ребенка в колхоз. Даже у нас жило двое детей. Иванов, помню, Коля и девочка. Даже уже забыла, как ее фамилия. Прямо на квартиру становили, а совхоз снабжал продуктами. Давали хлеб, давали мясо, покупали им одежду колхоз. Ну, снабжали всех. А потом, когда организовали в Ключах детский дом, их забрали в детский дом. А в войну вот на квартирах они были.

Штанько (Бучак) Мария Михайловна, 1930 г. р.

На момент записи интервью проживала в р. п. Благовещенка Благовещенского района Алтайского края.

В годы Великой Отечественной войны проживала в с. Шимолино Благовещенского района Алтайского края. Отец – Бучак Михаил Харитонович, 1911 г. р. В начале войны работал милиционером. Был призван на фронт в январе 1942 г. Погиб в сентябре 1943 г. Мать – Бучак Агафья Федоровна, 1911 г. р. В годы войны работала дояркой, телятницей в колхозе. В семье было 4 детей. Информант была самым старшим ребенком в семье. Младший ребенок был 1940 г. р.

Опрос был проведен осенью 2015 г. Рыковым Алексеем Викторовичем.

И.: Назовите полностью вашу фамилию, имя, отчество.

Р.: Штанько Мария Михайловна И.: С какого вы года рождения?

Р.: С тридцатого. Двадцатого февраля.

И.: А где вы родились?

Р.: Я с село Шималино

И.: А как ваших родителей звали?

Р.: Отец – Бучак Михаил Харитонович, а мать Агафья Федоровна И.: А с каких они годов?

Р.: Они с одиннадцатого года обои.

И.: А они там уже родились, получается? Или они поприехали откуда-то?

Р.: Ну они. Отец – карак у нас, каргат, каргат, всегда говорили. Сюда в Шималино приехали на конях, на лошодах, карагат. Ну тут где-то Новосибирская область. И всю жизнь прожили здесь. Отца забрали... на фронт, да... в сорок втором году, в январе месяце. Забыла, какого января, в сорок втором году. Он был милиционером, оставляли, сразу не забрали. А тогда, в сорок втором забрали. И в сорок третьем погиб, в сентябре.

И.: А семья у вас как – большая была?

Р.: Нас осталось четверо. Я сама старшая, а меньшая сорокового года была. Вот. Четверо нас.

И.: А мать ваша в войну – она кем, где работала?

Р.: Ну-у, дояркой, телятницей в колхозе, в Шималино. Я вот тоже четыре класса кончила, и пошла телят поить в колхоз.

И.: А в войну, вам приходилось питаться различными дикорастущими травами?

Р.: Да все ели подряд. Вот ты, когда шёл, вот цветут. Ну как их называют... ну все, все, все что есть. Калачики, чеснок только вылазит. Все подряд ели. Рогоза знаешь вкусная какая. На речке вот эта, камыш, рогоза, большие эти. Рвёшь ее, и очищаешь. Там съедаешь. А потом пучки растут от рогозы такие. Эт корень, корень от рогозы. Вот её вытаскиваешь, моешь в речке и ешь, сидишь. Вкусно. Слизун вот... Хороший. У нас там, в Шималино знаешь, околка была. И он там растёт, хороший. Ну как лук, только что не лук, а широкий лист, хороший. А водяной лук, в болотах вот. Водяной лук рвали. И пироги, и так ели. Щавель.

И.: А эти травы – вы их когда ели?

Р.: Ну, когда начинает вот это вот уже. Они ж весной рано вот это, токо жёлтые, как их называют, забыла. Такое вот, что цветёт, а тоже маленько это, и оно поспекает туда дальше. Рогозу, как купались, походу ж не полезешь, рвали вот, у речки. Ну, вот лук рвали водяной. Он не горький – ели так. А слизун тоже так ели. А вот щавель – или борщ, или пироги пекли. Много нарвешь и без сахара, без ничего ели, и вкусно. Без сахара ели, сахару не было. Заместо сахару морковка, свекла, тыква. Целыми тугарами накрошишь – и в печку. Тогда ж ни газу, ничего. В печку засунул – вытаскиваешь. Хлеба нет, так хлебаешь борщ. Хлеба не было.

И.: А за травой ходили поодиночке, или группами собирать эту траву?

Р.: Когда ягоды начинаются, пешком, за скою километров. У нас десять километров. Ну, где ближние, там уже не будет ниче. Вот, пешком со своими, ну с кем-нибудь, а группы – нет. Или со своими. Ну вот сестры были. Отправимся, нарвем ягод, пешком.

И.: А ягоды, какие собирали?

Р.: Смородина. У нас смородина черная. Ну, вот ещё немножко черёмухи было по осени. А потом, потом вот эта вот клубника полевая, или как она... Клубника её зовут или как? Ну, когда немножко сушили. Варить не с чего было. А вот сушили, на солнце, сушишь. Как раз зимой уже, тыква, там сыпнешь уже смородины сухой. Пирожки, когда, если у кого. Ну, вот знаешь, где колоски уперёд колоски собирали. У нас мельнички были такие. Два чюрбака набито. И вот там мелишь, крутишь, мелишь. Ну, чурбак, ещё как забивается, обшивается, железкой шоб она не сыпала, и мелишь пшеницу, сыпишь. Намелишь, или на кашу, или пирожок сварганишь там, как-нибудь. Самоделка мельничка. Где достанешь их. Или колосков насобираешь, сначала. А потом стали давать помаленьку. Дак мололи на этой мель-ничке.

И.: А когда эти колоски собирали?

Р.: Как растает, так сразу, уже это идёшь на поле. Кто не работает, то те колоски собирали. А кто работает – некогда было. Вот, это когда выскочишь, где-нибудь близко поле, там насобираешь. А осенью тоже собирали. Ну, я не собирала, потому что мне некогда было. Гоняли! Гоняли еще! Вот господи, где ж там разрешали. Никто не давал собирать! А че. вот я щас думаю, ну почему колоски. они ж запашутся, ага. Почему не давали их собирать?

И.: А как ягоду сушили? Просто на солнце?

Р.: Конечно! Каки тряпки есть, расстелишь, и на крышу. Крыши- то, какие были. хатки. Вот и достал. Хатки-то малюсенькие были. Вот расстелишь тряпку, и рассыпишь и сохнет она, высохнет. И все. А потом печки, шо в хатах были рубки. Вот эти вот длинные. У нас знаш какая рубка была на всю хату? Снобка больша. Дров засунешь, зажгешь и на печку тогда туда, шоб она сухом не пропадала. У сумочке и на печки лежит.

И.: А вы собирали какие-нибудь лекарственные травы для себя?

Р.: Ну вот этот вот чебрец. От кашля он этот все, такое лекарство у нас было. Чебрец заваришь, вот. Ромашка – она дома росла. Чебрец в степи. Рвали, сушили. Ромашка, ноготки, вот это лекарство тако было.

И.: А для чая?

Р.: А для чая листья со смородины подёшь, начукраешь, в околке так, вымоишь их в чугуны, и в печку. Вытаскиваешь, высушишь, знаешь какой вкусный чай. Коричневый такой, пахнет хорошо. Вот это листья смородишные. Вот это чай у нас был. Хороший чай. Я вот, мы жили в Шимолино, я там ещё делала все, чай такой. А сюда приехали, не можем уже там. И топить надо, и снег зимой.

И.: А в войну хлеб пекли?

Р.: Нееет! В войну не пекли. Если насобираешь, может бы такое, че-нить раз, раз и каша, или это редко. Редко, когда эту пышку спекешь редко. Люди как-то говорили, что и опилки. Нет, мы ниче не добавляли. Ну, отрубя эти никогда не выбрасывали тоже. Все вместе у тесте были. Отрубей у нас не было. Мы ж не мололи тогда ж. Вот, отрубей не было. Все мололи, все. Ни отрубей, ниче.

И.: А вот эти мельнички – они повсеместно были, у всех?

Р.: Мельнички почти у каждом дворе были. В каждом. Кто делал такую: на чурбаках на этих, два чурбака. А кто знаешь, одевается, тогда ещё одевается, и сыпешь сюда. Вот она, ну вот гвоздем, оно ж остается там эти, и вот таки тоже мельнички были. Ну, у всех мельнички были. Не знаю, как в других, а у нас во всех почти.

И.: А огород в войну у вас был?

Р.: Огород был, да. Копали через год. Год копаем, сажаем. А на другой так, это, сажаем картошку, понимаешь. То, что копать тяжело было. Не пахали, ничем, ниче, а руками, лопатами. Вот у нас большой огород был: и тыква, и картошка, и все, все там. Свекла, морковка вон сколько там. Да только на это и жили. Морковка, тыква, картошка.

И.: А пахать, не пахали?

Р.: Пахать не на чем было, да. Пахали руками. У колхозе, на своих коровах. Забирали коров и пахали в колхозе. Вот когда посевная, на колхозных коровах, на своих даже коровах. На своих коровах пахали.

И.: А на огород вносили удобрения?

Р.: Свои коровы были, вот и удобряли маленько где. Свой назем клали. И то его мало было. Мы ж его месили ногами, там установка на топку.

И.: А с навоза кизяки делали?

Р.: Да, да, да. Топили кизяками. Ну вот, месишь ногами. Щас, когда уже стали кони, все тогда разбросаешь, и на конями замесят. А то ногами, понимаешь, она перепревает маленько, и вот станочки такие были. Месишь ногами пойдёшь, помесишь, и выкидываешь его. Они сохнут, переворачиваешь. А потом в кучки складываешь в высоты, и тогда куда-нибудь заносишь. Вот это заготовка была. Угля никогда мы не знали, что это уголь был. А дрова тоже нельзя, нигде. Если высохла где-нибудь, а то более сохранишь, чтоб срубал кто лес. Ну, леса мало было.

И.: А разрешали вам сухостой собирать?

Р.: С пола то, где это. Надо было выписать его. Разрешение, какое-то надо. Но возили все равно, возили. А на чем возили, как ты думаешь? В коляске, велосипед. Хорошо у кого это, была бричка. У кого вот ещё мужики были вот или пришли. Да в бричке, да на корове на своей, запрягают и поехали. А у нас ничего не было. Коляска была у нас, это, ее на себе свернул. Потом стали выделять, когда. А то колхоз был, у нас плохой колхоз был. Не че не было. А потом стали и кони, можно было выписать, давали. И раньше быки. На быках больше. Запрег и пошёл, туды и поехала. Вот. На быках. Потом и

лучше стало, когда уже маленькочко. Сразу сильно тяжело было, а потом это, втянулись.

И.: А соломой топили?

Р.: Да всем топили, всем. Лозу рубали, вот. У нас лоза была. Лоза, вот знаешь околки, лоза прямо. Ну вот, ну как, кусты лозы. Вот она страшная лоза. Её рубали, вот. Принесешь, складешь, и рубаешь и в печку. Кизяк, а солома, это вот эту солому так не давали. Надо корове покласть её, она переберет, если объедья останутся. Тогда вот вытрясали и в хату заносили, и в печку все, нигде не было. А топить же нечем. Надо на зиму все наготовить, камыша накусишь скою... Надо пока снегу нет, надо все заготовить, камыша накусить. Вот осенью, когда уже осень, камыш поспеваает. Когда уже листья уже отпадут, он вот цветет уже, камыш. Ну, зелёный же не скосишь его, не будет гореть, а когда поспел. А лозу хоть, когда рубали. Ну, токо что листья опали, и давай рубать. Бричками большими возили, и уже тогда давали быков. Запряжёшь и в бричке, каки нарубишь, привезёшь. У кого на улице, а у нас была крышка така. Под крышкой все. Натаскаешь туда, и зимой рубишь и заносишь. Вот это топка была такая.

И.: У вас на огороде арбузы выращивали?

Р.: Выращивали. У нас страшные арбузы в Шималине были. Потом уже вот, даже уже когда целину распаховали, у нас страшные арбузы были. Арбузы были большие, хорошие бахчи были. Сторож был на бахчах. У себя садили. И дыни, тыкву, арбузы, все садили дома. Тыквы пока лежали. Тогда у хату заносили, чтоб они не мерзли. А арбузы такие ели, а мелочь. Бочки ты знаешь, как насаливали капусты? Так арбузов накладешь, вот этих вот маленьких. Все съедали. И арбузы, и капусту солили, и вон полно в бочках. Щас в банках все, а тогда мы в бочках. Банок никаких не было. Ну, в бочку накладаешь, рассол разводишь, вот и заливаешь все. Сверху груз, и они это начинают это, и ешь. Так вот. Корочки съедали. Таки вкусные.

И.: А огурцы помидоры, капусту ее так же солили?

Р.: Дааа. А помидоры в капусту. Вот знаешь, накладешь капусту, помидор засыпаешь капустой, бочками тоже солили. Вот так-то. И огурцы так, огурцы собираешь, тут вот у бочках солишь. Капуста началась, тогда перекладываю вот в капусту, чтобы они, так же они.

Ниче ж не было. Это в банках они много. А то, в капусту перекладывали. И вкусно, ели хорошо.

И.: А были овощи, которые сушили?

Р.: Тыковку сушили. Мешками тыковку сушили. Тыкву режешь тоненько, и тоже на тряпку, на крышу. Она сохнет, и в мешки и это... Не в мешки, а в сумочки. И тогда и пироги пекли, и все. Распаришь ее, маленько кипяточечку, и распаришь, и хорошо тыква-то эта. И ели даже так, распаришь и ешь.

И.: А вот у вас в доме что-нибудь замораживали?

Р.: Ну мороз то уже поздно, а оно уже таких овощей и не было. Понимаешь, мы никогда не морозили. Вот сушить тыкву – сушили. Ягоды, тыкву. Мы ещё использовали картошку тоже, где останется всю собирали и ели. Тоже варишь, то поджаришь её, то вот эту вот мерзлую картошку вот ели. Сами ж то это, копать или садить. Она все равно попадает. Мы не выбрасывали её, а собираешь и помоешь. Мы осенью ходили. Кода выкопают картошку, всю переберут. Люди ещё землю перекапают, все повытаскивают. Всю искали картошку. Как золото была.

И.: А использовали вы в пищу сорняки на огороде? Паслен, лебеда?

Р.: Это ж первая паслен ягода. Как ты говоришь, этот грузин спрашивает: «В вас какие фрукты есть?» –

«Паслен и суслик». Сусликов всех съедали. Паслен – это фруктом у нас была. первая. И щас, щас мы любим паслен, варенье знаешь како хорошее. Ну, когда уже поспеет. Он зеленый, а когда поспеет, он вкусный, хороший. Это уже когда картошку копаешь, и паслен уже поспеет осенью. Да щас много люди рвут паслен. Сахара то не было, варенье не сваришь, а это. И сушили даже паслен, ага, сушили.

И.: А лебеду ели?

Р.: Ну, мы вот не ели как-то, а люди ели, лебеду ели. Борщ варили с лебеды. С этого, листья, всегда борщ. Как-то капусту уже съедим. Посадим рано свеклу, все срывали листья, и борщ варили с листьев. Какую-нибудь похлебку, лишь бы похлебать.

И.: А такие овощи как картофель, его, где хранили?

Р.: Всю картошку в погреб. И в хатах были погреба, и на улице. Закрываешь его. Картошка не хватало. Оставляешь, оставляешь ее, уже к весне ее оставляешь, чтобы посадить – уже картошки помаленьку меньше. Ну и че там остается то, да эту картошку на семена.

Р.: А у вас собирательством яиц диких птиц кто-нибудь занимался?

И.: Утиные и даже сорочья [яйца] выбирали, лезешь и все ели. То это яичко. Ты что, все ели я говорю. Всех сусликов переели, все съели.

Р.: А сусликов так же ловили?

И.: Это ну как, идешь, он вылезет, как столбик стоит. А давай тогда на коляске воды, или чем-нибудь, воды... выливал водой. Туда льёшь, он раз убежит, поймал – добыча есть. Ну, если бегить, то бьют. А если в норку залез, то выливали их оттуда. Сдавали [шкурки с сусликов]. Растягиваешь их, на гвоздичке что б она, на досточку и прибьёшь. Она пряменькая, высохнет, и складываешь, и сдаешь. Заготовители были.

Р.: А были охотники там какие-нибудь? А волков вот они.

И.: Мы волков не боялись. Волков было страшно. Вот поедешь если за соломой. Солома-то на степи, а ночевали то нечем. Вот зимой, на соломе, на быку. Быка запряжёшь и едешь. Глядишь, сидит на дороге волк. Стоишь, стоишь, кричать боишься. Думаешь, бегит. Боялись волков.

Р.: А у вас по дому кто какие обязанности выполнял? Кто по огороду работал?

И.: Вот нас четверо было. Вот, я сама старшая. Вот и мама, и все копаем, как садить. Через год копали огород. Вскопаем, посадим, на другой год так садим. А полоть тогда уже тяжелее, вон как надо полоть. Все сажали сами. И маленькие идут. Это вот мне было десять лет, война началась. Ну, вот отца забрали, мне уже одиннадцать было, его в сорок втором забрали. А те то, маленькие. У нас меньшая сорокового года была. Одна с тридцать третьего года была, уже умерла, с тридцать восьмого умерла, с сорокового я осталась. А то все умерли уже. Все вот, лестничкой. Та на три года, та на четыре, та на десять. Все на маме. На мне больше было. Потому что те небольшие, вот. Было что кто-нибудь уйдет на работу, они че-нибудь делают, те постарше. В пригоне вычистить. Там это, че-нибудь пасти, телёнка надо это, травы рвать телёнку. Ну, такое вот все, по хозяйству. Свиной-то не держали. Кормить, самим есть нечего было. Там несколько курей, что б яички, и то, мало, мало держали. Кормить нечем было, ниче.

Р.: У вас получается из животных коровы и куры были?

И.: Маленько курей совсем, только коровы. Потому что без коровы умрешь. Только питание было

коровой, молоко. Косили сами уже, корове. Сена не давали. Там соломы, когда привезешь, а сена в колхозе не хватало. Там коровам колхозным. Да все, все, хорошо, что у нас много этих, болот и выкашивали все. Мне двенадцать лет было, я косила как мужик. Вот лучше б не косила, дак может здоровая бы была. А то все болит, все болит, не могу. Но спасибо ещё богу, живу. Я всех пережила.

Р.: А где вы жили, у вас хата большая была?

И.: Нееееет! Маленькая хата была. Заходишь, кухонка маленькая, окошечко одно суда, вот. И печка на всю хату стоит, а туда рубка стояла, хату отоплять. И вот такой столик. И все помещались, и хорошо, и все. И друга хата была. Вот так кровати стояли здесь, загруба, Небольшая хатка. Тогда не купить большую хату было. Это токо я не знаю, у кого мужики были, а мы сами.

Р.: Мебель у вас была?

И.: А боже мой, сказал-то – мебель. Кровати ещё у нас железные были. Это мы богатые были. Ещё кровати, и стол стоял, и все. Кровати, больше нет. Стулья такие самодельные. Ниче, мебели никакой. Ну, столики. У меня стол есть, еще отец до войны делал. Ещё я у меня внучка здесь живет, вот должна придти, дак он там остался. Мы привезли его. Как-то отец че-то это, и как по столу ударил вот так вот. Какой-то пришел дядька, они выпивали, и че-то заспорили. Как ударил, так и отлетел уголочек. Так и нет. Ещё стол ещё до войны когда-то делался. Ни одного гвоздя. Знаешь, вот таки провертены, и дерева-щечки забиты. Вот такой стол. И я его берегу как память.

И.: А спать располагались на кроватях и на печке?

Р.: Ну да, на кровати, и загруба. Ты знаешь, как, груба стоит, и та место вот, и там с кирпича выложено так вот эти, и она теплая, как на печке. Вот постелешь там, если замерз. Залез за печку за ту, там тепло, хорошо. А то кровати. Мы помещались на кроватях, а если холодно было, за печку все залезли и сидим.

И.: А постельные принадлежности были какие-нибудь?

Р.: У нас мамина мать ткала. Вот, наткет, дак у нас мы накусим шумихи. Вот на крае болота шумиха. Ты не знаешь шумиху? Она мягка, треугольна. Ее ни коровы не едят, никто. Вот накусим, натаскаем, насушим. Вот этот матрас собьется, вытрясаем у печки. Сожгли – новое натрясаем. Вот красота – спать мягко, хорошо, лучше, чем на перине, на той траве. Одеялы тканые были. Но у нас ещё знаешь, были простыня. Мы как-то жили. Я ж тебе говорю, у нас отец милиционером был. Мы в Благовещенке, мы тут жили. А потом уже нас дед забрал как война началась на Метеор, в Шималино, вот там мы тогда. Дак ещё были тогда, но там все сносилось. Наволку не с чего шить. Вот в войну ниче не было.

И.: А какая у вас в доме посуда была?

Р.: Ну чугунки, чугуны были. Вот щас кастрюли, а тогда чугуны, чугунки такие вот. Всякие, и большой вот. Печку топишь, кизяк сгорит.

Рогач был такой, специально рогачом¹ раз, разогнул, и туда в печку. Вот и варится там все. Заслонкой закрыл, все. А так на завтрак ставили чугунок, а на обед все туда засовывали.

И.: А тарелки, ложки?

Р.: Все железное были. Не железные, знаешь такие как алюминь, такое вот было. А ложки деревянные были. У нас один дед в деревне делал ложки деревянные, вот у него брали и деревянная прямо. Но не

¹ Рогач — большой ухват.

круглая такая, а знаешь кака то такая, но ниче, ели, ей хорошо есть было. [Делали их] с берёзы, и с осины были, и с берёзы, со всего. У нас тогда сосны не было. [Оплачивать ему] денег то не было, а че-нибудь, или отработаешь, или. Дед был у нас старый такой. И вот его не брали на войну, то ли инвалид он был. [Оплачивали] когда кто, скоко да че то.

И.: А была у вас глиняная посуда?

Р.: Кувшины были, молоко цедить, глиняны были. Молоко цедили. Вот стеклянной тогда не было посуды, даже-даже нигде. А вот глиняная – кушины. И тарелки даже глиняные были.

И.: А какая у вас одежда была?

Р.: Кака была, ту носили. А потом дед, овечки были, стригли, пряли. Юбку свяжешь, кофту, свитер свяжешь. Знаешь, и на голо тело оденешь. Она колет! Это ужасно было. Привыкли, ниче, вот вязали и носили. Кто мог – ткали, прям у кого че было. А ткать-то, ниток нету таких, не было. Дак вот нарядёшь и вяжешь. Свяжешь и носишь носки, юбки, кофты. [Верхнюю одежду] с овечек шили, выделывали, шили полушубки, эти безруковки всякие. Но не ходили голые.

И.: А мёд с арбузов вы делали?

Р.: Это уже вот когда, арбузов, уже котлы были большие появились: накрошишь и варишь. Он свариться, отцеживаешь, и сок этот варишь долго. Он прям как мед делается, сладкий, варили.

И.: Были специальные люди, которые шили полушубки?

Р.: Да, да. специальные были, специальные. Но они не то, что б специальные. Дома они жили, просто умели и делали. Вот и шили. И шкуры выделывали. Мы ж не умели, мы ж отдавали. Зарежешь овечку там, или скоко, отдашь, выделают. Никак не умели, вот. Ну, оставались мужики уже. Кто придет раненый, то инвалид какой-нибудь, остается. Были мужики, вот они и выделывали.

И.: А обувь, какая у вас была?

Р.: Спрашиваешь, обувь. Уже когда вот весной у кого в колхозе бык сдохнет, или конь сдохнет, знаешь, со шкуры. Отрезаешь, этот, и дырочки так вот втыкаешь, да, а тут дырочки. И туда вбиваешь ремешок, или веревку какую, ставишь ногу и затягиваешь. Вот тебе туфель, хороший туфель, и ходишь. Ходишь, как засохнет, ногу стянет. Оно ж не выделенное, ниче, натягиваешь, так ходили. Носить нечего было вообще, нечего. А то немцы, когда сюда это, так вот знаешь какие они. Вырезали берёза, с берёзы откалывали, туда подстрагают её. И как же они назывались, как же, шлёпки. Вот че-нибудь найдёт, и сюда-сюда, и шлёп-шлёп. Шлёры. Лишь бы ногу не кололо. Знаешь, дрова тонко колишь чурку, такую вот тоненькую. Обстрогаешь ее, и че-нибудь пришьёшь, чтоб нога держалась. Вот и шлёпаешь, что б ногу не кололо, босиком-то ногу колет. Это не обувь, а просто, чтоб ногу не кололо.

И.: А у вас были в войну ботинки на деревянной подошве?

Р.: Лапти плёл дед у нас. Один дед плёл. Вот с травы обдирает, трава такая растёт. То лоза ниже, а эта трава высокая. И вот с этих плетёт лапти. Ну мож и продавал, я вот че то не знаю. Ну, мы не носили лапти. А вот чулдон один, ну наш старый дед, выделывал и шил, знаешь, обутки прям. Ну, вот как это обуток. Выкроит подошва. Так и тут че-нибудь пришьёт такое, чтобы тут вот раз, затянется, шо выделанные. Те хорошие. А это мы сами сдохлого быка.

И.: А какие головные уборы были?

Р.: Шапки шили тоже. Выделывали шкуры из собак. С собаки шапки, собачьи, да. С собак шкуры

выделывали и шили шапки хорошие. Собачьи шапки. Вот жил у нас недалеко один. Он сам шкуру эту выделает, а свою собаку жалел. Где-нибудь убьет, или это выделает, тогда и шапки шьет. Сам шапки шьет и продает.

И.: А варежки?

Р.: А варежки с овечек. И тоже выделанные были. Мохнашки назывались, знаешь. С собаки выделывались и шили мохнашки. А так вязали больше, вязаная шерсть.

И.: Кто-нибудь занимался заготовкой соли в войну?

Р.: Соли в войну ж магазинах не было. Корову запрягаешь, вот мы с Шималино и поедем. Знаешь, соль нагребёшь. Гребли прямо. Телегу привезешь – на год хватает. Телег у нас не было, так вот попросишь у соседа, поедешь на телеге на корове. Вот в такую даль, тридцать километров в Шималино отсюда. Ну, тут напрямик, а щас, а то ж напрямки было. Так и жили. Когда попадет хорошая, когда горьковатая соль. Туда дальше озера высыхает, туда дальше, а тут соль выходит. Такая светлая, гребешь ее, кристалликами. Хорошая такая. Нагребёшь, много всем хватало. Страшно много соли было. Ниче так, не знаю я, ну вот хватало соли, всегда она была. Но вот весной, когда разольется, соли не было. Все заливало. А потом подсыхает, на берегах соль.

И.: А чем в доме огонь разжигали?

Р.: Спичек не было. Вот кладешь, и че-нибудь это загартываешь чтоб жар остался. Если погас, бывает, что ни это, и глядишь, у кого топится, и туда пошел, за жаром. Жар унесешь, посуденку жар несешь, растопляли.

И.: А чем хату освещали?

Р.: Вот с чего-нибудь с тряпочки, или вату найдешь, скрутишь и поставил. Хорошо керосину туда нальешь – он горит. А то больше жиру, бараничей, растопишь туда, на эту тряпку. Веребочку эту совьешь, и посудинка такая. Большую это, тут дырочку, вот вытащишь ее сюда, и она горит – вот свет. И пряли, и вязали при етим свете, и хорошо, глаза не резало.

И.: Вы говорили, у вас немцы были. Они депортированные были?

Р.: Жили с нами все. И домики были их, кто в доме. Армян тоже присылали сюда. Вот скою, и все, кто покупал. Кто на квартиры, кто как. Жили – не тужили, и дружно все. Щас бы, наверно, съели один одного. Люди каки-то не стали дружные. А тогда дружно. Вот чужие, особенно немцы вот. Это ж немцы тут тоже были, да, и ниче. Ну, одна была такая, как-то: «Когда в Москву заберут, я вас вилами всех». Также смеялись. Дак она замерзла. Пошла, заблудилась, буран был. Тогда бураны были. Люди слабые были. Пошла и все, и замерзла. Я говорю: «Бог наказал». Сначала по квартирам [немцев расселили], потом где свободно че там было, где избушки, вот. А тогда уже стали строить и тут они пооставались много, вот. И эти немцы они ж то не с Германии немцы, а тут у нас где-то жили же.

И.: А баня у вас была?

Р.: А баня у нас свои. У каждого были бани. У кого какая. Вот баня, вот одна баня и передбанничек. Или саманы кладёшь так, или че, вот. Железяку найдёшь, накладешь туда камней, ещё кирпичей, и все. Не было, чтобы поставил бачок какой-то воду греть, не было. А вверху труба открытая, понимаешь. Затопляешь, пока это дыму, вот это выходит оттуда, а сюда в жар, кладёшь железяку. Стоит бочка с водой, железяку вытаскиваешь кочергой, раз в воду. Несколько раз – вода горячая. Вот так вот бани топились. А каменка она это, тогда уже закрывалась. Залазишь на крышу, баньки-то низкие, бочку где

куда дым идет, трубу, все закрываешь, паришься, и моешься. Вода то ж нагрелась. Вот это баня. Полки сделаны.

И.: А чем мылись, чем стирались?

Р.: Стирались? А вот че, соды не было, мыла не было, вот. Белую глину капали. И белой глиной, понимаешь. Натрешь, пополощешь. Ну, такой не было же что б такое белье. Вся такая фигня. То вязаное, пополоскал его, повешал, и все. Не соды, ниче не было. А потом стали мыло варить. Где каустику¹ кто достанет, тогда мыло стали. Вот мясо сдохнет коровье, вот с него делали мыло. Мы не могли. Не хорошее такое, вонючее. Покупали. [Мылись] Вода, и все. И с полыня или с дров, зала то эта. Расстилаешь, насыпаешь и воду льешь. Щелок, со щелаком голову мыли. Щелок, назывался щелок.

И.: Были у вас вши, клопы?

Р.: О-о! Вшей – полно было! Блох! Вшей! Всего полно было. Нищета, дак кого. Вшей много было. Вот если капни, то ниче, раз, скорее гляди, и глядит, бахает там чем-то. Вот такое было, было много такого. Все вши, мало что вшей не было. У людей-то больше вши.

¹ Каустик — каустическая сода (гидроксид натрия)..

Яшина (Волошина) Александра Васильевна, 1925 г. р.

На момент записи интервью проживала в р. п. Благовещенка Благовещенского района Алтайского края.

В годы Великой Отечественной войны проживала в с. Вознесенка, Родинского района Алтайского края. До войны семья была раскулачена, но не была выселена и оставалась проживать там же. Во время войны работала преимущественно в колхозе. В 1942–1943 гг. работала на Меланжевом комбинате (г. Барнаул). Отец – Волошин Василий Иванович, 1905 г. р. Отец был призван на фронт, впоследствии был убит. Мать – Волошина Агафья Романовна, 1905 г. р. Мать умерла еще до войны. Во время войны информант жила с мачехой Агафьей. Мачеха работала в колхозе. Во время войны в семье было 5 детей.

Опрос был проведен осенью 2015 г. Рыковым Алексеем Викторовичем.

И.: Назовите полностью Вашу фамилию имя отчество.

Р.: Яшина Александра Васильевна.

И.: А какого Вы года рождения?

Р.: Двадцать пятого, 8 сентября.

И.: А где Вы родились?

Р.: Родилась село Вознесенка, Родинский район.

И.: А как ваших родителей звали?

Р.: Мама была Агафья Романовна, а папа – Василий Иванович

И.: А ваша девичья фамилия какая была?

Р.: Волошина.

И.: А с каких они это годов рождения – помните?

Р.: Они обои были с 5-го года, 1905 года

И.: А они были тамошние, родились там?

Р.: Да, конечно, конечно.

И.: А ваша мама, в войну она была?

Р.: Нет, она до войны умерла, а потом папашка женился. Она умерла очень рано. Ей примерно было лет двадцать пять. Раньше же больницы... не знали, что такое больница. Она умерла рано, оставила нас троих, а потом отец женился на другой. И опять Агафья была такая.

И.: А отца у вас, получается, призвали в войну, ну а вы с мачехой остались

Р.: Да

И.: А вас было трое детей в семье?

Р.: Трое детей, а потом они это еще нажили, это подождите сколько двое. Нас было пятеро в войну осталось.

И.: А отца сразу забрали, получается в армию?

Р.: А ну как война началась сразу он же с пятого года рождения. Ему было всего тридцать пять лет – вот так

И.: А мачеха ваша она кем работала в войну?

Р.: Ну, в войну, известно, какой сынок рассказать это страсть это был ужасный голод. Вот в другой раз как вспоминаю это вот вообще не выносимо. Ой, кем только они не работали, и голые, и босые, вот нам это все досталось, это вообще не высказать, что это война досталась нам. Есть нечего само главное ни обувь, ни одеть. А идти работать. Работали за палочки, за одни палочки, за которые ничего не давали. Шестнадцать лет сравнялось, мне наложили бездетный налог¹. Где взять копейку, чтобы платить это все, сынок милый? Это просто страсть. Сажали в тюрьму за неуплату налогов, а где брать копейку, чтоб рассчитаться. Это до войны было. А война началась, это, сидел вот тут где-то в Славгороде. А было вот, сынок, такое время, я же говорю, вот руководители этой страной были. Значит, у моих две подружки были очень хорошие. Это я вот помню из своей жизни, и они такие же приехали, забрали. Они в церквя. Это тогда были церкви в деревне. Забрали этих двух братьев и неизвестно куда, и они их всю жизнь как жены искали как мужа, а дети ждали, как отца всю жизнь прождали. И вот это примерно лет 10 назад стали выплачивать за репрессии, может, помнишь, сынок. Вот я получила за отца. Не то что за отца, а как выгнали нас из дома, выкинули вот как собак на снег, вот просто на снег. А тех мужиков вот, а мой отец в этот момент прятался по чужим погребам, чтобы не забрали и не посадили его, мы бы сироты. А вот тех забрали и вот, представьте себе, что они узнали это вот, когда там стали уплачивать за погибших, они узнали и тот же день до Славгорода, и в тот же день убили. Они их всю жизнь искали. Ждали, ждали, может папа, может, где забрали и все. Вот такое. А наш спасался в чужих погребах. Вот что было, сын. Это просто было высказать. Это все было до войны. Репрессия это была.

И.: Это значит было, когда в колхоз вас загоняли?

Р.: Это вот как в колхоз. Это ж он не думал не идти. Это он и грамотный человек был. А надо было идти, надо было. И вот поэтому досталось это ему. Мать схоронил. Как вот остались сиротами. Самого прятают. Я вот этот помню, этот момент, как он уходил, неизвестно. Мы ждем, это, его второй день, а где есть он, не знаем. А он через речку – на другую улицу, там были, ну, наши родные. Он в погребе сидел целыми днями, сидел. Его душа болела за нас, маленьких. Вот мне было, самой старшей, восемь лет. Потом брату шесть, и полтора года еще одному мальчику. Вот каких.

И.: А ваша мачеха она в войну в колхозе работала?

Р.: Ну, работали. Бери больше – кидай дальше. И пахали. На коровах на своих, возили зерно. Эту корову ехали за зерном куда надо, чтоб посеять. А потом эту корову садились доить – пол литра молока. Она голодная. Это все помню, сынок, такое было, что. Не высказать. А за зерном ездили, например, на двенадцать километров. У нас там село Кочки. Там голубинка² была, и вот возили там. И вот представь сынок, одевали, резиновые сапоги, чтоб туда насыпать полной идет. Приходила. Намоем тут этого зерна, чугуна ставила это, чтоб прокормить нас, только чтоб прокормить. Это ужас, просто ужас. Все вот это даже все я помню. Это вот не знаю я какой год с дому. Там вот был деревянный дом у нас.

¹ Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан взимался с мужчин в возрасте от 20 до 50 лет, женщин в возрасте от 20 лет до 45 лет, не имеющих детей или имеющих 1 или 2 детей.

² Голубинка — небольшое зернохранилище.

Ну, пришли, на печке сидели. Ну, просто за ручонки взяли голых, выкинули на снег. Вот представьте себе – такое пережить. Отец, это, ну как раньше жили, у них был работник. Было это, и вот это, ну не знаю, как, на какую тему это, ну вот что у них во дворе стоял телятник, где телята были. И вот они телят выгнали и нас туда поместили. Мы там в телятнике жили.

И.: А вы в войну уже работали?

Р.: Да. Конечно, конечно. В войну ой досталось, боже мой. Что только станешь вспоминать так это ужас. А работа такая тоже помню, где-то каких-то ягнят пасли. А потом это вот забрали на Меланжевый комбинат. Это уже было 15 лет. И тут только вот этого сынок не хватало, бежали назад домой. Там хоть как-никак, а нас обули, одели, кормили. Пусть там жиденький какой-то супик, кусочек хлеба давали. Одного ума у нас не было. Прибежали назад в деревню. И как я вот уже там показала себя передовицей производства на Меланжевом комбинате. Мотальные такие станки стояли. И мы, когда пошли мне дали справочку, как будто отпущена в отпуск. А те девчонки, их было пятеро нас там. Так поехали. Представьте себе по 7 лет тюрьмы. Это ужас что было. А война кончилась. Просто издевались. Просто издевательство было такое. Ну, в тюрьме то я не была. Эта вот меня справочка спасла. Потому что мы дураки, были, ума то не было еще. Мы с Барнаула то пешком. Отпуск дали на шесть дней. А я на шестой день пешком пришла домой. Вот и представьте себе. Если это ж назад вернуться никто ж нас не повезет. И вот за это нас девок, всех посадили. По году они отсидели. Кончилась война, и их отпустили.

И.: А вас когда забрали на Меланжевый комбинат?

Р.: Это примерно в сорок втором. В сорок втором, вот. Около года мы проработали. Дураки были. Ума не было. А кто пооставался, они нашли свою жизнь это вот. Я помню, с Родино была хорошая подружка. Она поумней, постарше была. Зачем бежать на голод на такой?

И.: А вот почему именно вас забрали на комбинат?

Р.: Потому что у кого-то вот была какая-то защита. Вот, я вот, например – мама не родная и отца убили. Сирот, сирот это все. А тех, кто были хоть немножко защищенные, тех никуда не трогали. А нас. Везде все досталось.

И.: А на Меланжевом вы кем работали?

Р.: Там вот машинки – вот так такие вот. Ну, там были и ткацкие станки и вот это. Ну, вот туда поступали, вот, к примеру, такими тюками и все. Комбинат это был очень большой. Туда чтобы, это, за день экскурсию даже нельзя пройти, не хватало времени. Очень большой комбинат. И вот эта машинка была такая вот, смотря по какой пряже. Эти веретенные. А все один был лозунг: «Все для фронта, все для победы!». Ткань вон только вот была на шинели, на гимнастерки все было только такое. Один был лозунг: «Все для фронта, все для победы!». И поэтому работали просто сутками. Хотелось все время спать. И вот где-нибудь прилепишься так это стоя, так вот. В общежитии жили. Ну, общежитие я спрашивала сына. Он говорит, так и есть, оно все стоит так двухэтажное. Но неплохо и тепло было в общежитии. На меланжевом комбинате столовая. Как-никак кормили. Ну, я помню, манка была жиденькая такая, как супик. Все такое жиденькое. И давали еще кусочек, ну, может быть, сто грамм хлеба. Хоть серенький, хоть по три раза, но мы питались там. Ну, факт, что выжили, выжили.

И.: А почему решили уйти оттуда?

Р.: Не хватало, и все. Что это пятнадцать лет – совсем ничего. Которые были постарше – они поумнее, а никто не бежал назад, а все там. Я помню, у меня с Родино подруга. Не знаю, жас живая или нет.

Осталась там, вышла за какого-то механика замуж, расцвела и всю жизнь там жила в Барнауле. А мы там, ума-то не было.

И.: В войну приходилось в селе питаться дикорастущими растениями?

Р.: Ой, всякими. И травку там всякую собирали. И там эти мала- каночки, как еще кандычки называлась. Это просто первая наша еда была. Выходили в степь, собирали это все такое. Все ходили за едой. Война досталась, ой, как горькая, страсть. Вот и матери с нами нелегко было, вот. Не знаю, когда их смогли нарожать, тех детей. Их трое и нас. У нас там этот маленький сразу умер. Пять человек. Пять было детей. Она, бедная мать, тоже ей хватило с нами. Отца убили, вот и все.

И.: А какие именно растения были?

Р.: Ну, вот эти одуванчики. Это раз. Потом кандычки, кандык называлась. Кандык – вот такой вот. Вот так вот растет и желтенькие цветочки. Это ранней, ранней весной кандычки и одуванчики. А потом всякую, всякую, сынок, приходилось. Это ж вспомнить. Это годы такие.

И.: А ягоду вы какую-нибудь собирали тогда?

Р.: [Клубника, земляника] не каждый год родила. Это ж надо было, чтоб в урожайный год она была. Собирали так.

И.: А заготавливали эти ягоды как-нибудь?

Р.: Нет. Это же надо сахарок. А мы понятия не имели, чтоб там какую-то конфетку, сахарок даже разговору не было. Этого мы, дети, не видали даже. Не сушили даже. А что сушить, это ж надо что-то с ней делать дальше. Это сахар. Это вот пока на поле. Даже не собирали домой, это там на поле, и все. Из ягод это ж там, на огородах, был паслен. Это первая ягода – паслен. Он даже на каждом огороде рос, этот паслен. Ну, он сладкий, конечно. Это вот как пирожки. Если щас бы он был! Это как его любила я раньше! Сразу это в пирожки или так в чашки. Он такой сладкий, хороший.

И.: А вы чай с чего делали?

Р.: Мы понятия не имели что такое чай. К чаю что-то надо. Вода. Ну, коровку держали. Коровка была. Только на этой корове все делали. Это поля и пахали. В плуг запрягали коровку, это где что-то везти. Вот зерно это в Кулунду возили на этой же коровке. Грузили. Просто иногда аж глянешь – это обоз такой, двадцать, тридцать. Это такие тачанки были. И вот накладали мешки и в Кулунду возили это зерно. Ну, по неделе. На корове разве разъездишься – она идет, идет и станет. Ей же жрать надо.

И.: А вот как их обучали?

Р.: Делали это ярмо и запрягали. Она идет сразу, вроде как это поводом тянут ее. Поводочком и тянут. Нагрузят это. Это ж сама идет хозяйка вперед, сама ее за повод тянет.

И.: А вам приходилось колоски собирать?

Р.: О, сын, собирали, собирали, собирали. Бывает, пригоршину насобираем за день – это большая радость. Ну, раньше что, это же не то что раньше, комбайны. Это ж раньше того не было. Были ж косилки. А мы уже после этих косилок собирали зернышко. И вот эту кашку варила мать. А варили ж, ни газов, ничё не было. Эти таганочки. Это ж надо собирать что-то такое. Понятия не имели, что как раньше, этот уголь, эти дрова. Ну, где это все было. Собирали вот это колоски, эти пометы и на зиму готовили.

И.: А как тогда зерно мололи?

Р.: Были ж мельницы в деревнях. Знаете, такие крылья. Вот у кого че было, так мололи. Вот так потом потихоньку хоть стали давать молоть на этой мельнице. Щас вот, я не знаю, как это делается, как это мелют как, а раньше вот при помощи ветра. Вот на этих мельницах мололи. [Они были] колхозные. Там был хозяин один. Тот, который молол, там жил вот так. Ну, удерживал зерно. А чтоб платить, сынок, это где деньги были-то? Их же сроду не давали никому. Он с зерна этого удерживал. Может, продавал кому. И все вот так с этого.

И.: А вот у вас рушилки были?

Р.: Да были. Я вот не помню, у кого были рушилки. Вот это че, пшено или... на них рушили. [Она] вот так вот примерно, такой вот величины, только круглая она. И там была дырочка, чтобы сыпать. И там под низом такое же и сверху. И тут такая. Вот крутили ее, вот так вот, и оно рушилось так вот. Тоже помню. У нас не было, но люди вон, которые побогаче вот. А у нас куча детей.

И.: А хлеб пекли сами?

Р.: Сами, сами. Уже как стали это так пекли. Это вот сейчас как это взять купить. Так ни одной копейки нет. Не за что. И его никто не пек так чтоб для продажи. Сами, сами, все делали сами. А чтоб испечь надо печку натопить. Картошку добавляли, чтоб побольше было. Картошку, это я помню, добавляли, картошку. Это не то, что сейчас, просевали отрубя. Это сеять не сеяли никогда и с отрубями вместе пекли так. Толкли, толкли туда. Сварить надо, потолочь, а потом туда. Дрожжи делали. Просто дрожжи делали свои, а потом оставляли сушеные, чтобы опять сварить, чтобы этими же это. Свои дрожжи были. Отрубя, которые от пшеницы. Их значит, это заваривали и заквашивали этими же. Заквашивали этой закваской и постоят дня три и круто замесить надо, круто замесить. Постоят дня три, а потом рассыпали. Примерно на такой стол, чтоб они высохли. И это потом намного их хватает времени. Горсточку, две намачивали и вот так вот.

И.: А огород у вас был?

Р.: Был. Картошку садили больше. Бывало, сами копали земли, а бывало так оно. Это ж где найдешь раньше, чтоб вспахали землю. Не было же ни тракторов, это сейчас кто. А так свою запрягали корову, чтоб вспахать огород. Соток пятьдесят, сто, даже больше. Но вот соток пятьдесят – это точно. Потому что люди это жили только картошкой. А год бывает разный: когда плодovitый, когда нет. Это как сейчас. Как дожди, сразу это. Ну, это вот надо было это все полить. А где? С колодца это там воды ее сколько? Караулили, чтоб кто-то у нас был, как говорится, во дворе. Так это воды там не было. Поэтому мы не сажали, так как все надо было полить это. А чем? Это я не помню, это у нас помидоры никогда не были. Одна картошка была. Больше ничего. Ну, вот еще огурчики. У нас там редька еще была, вот еще можно, так это далеко откуда-то.

И.: А как овощи заготавливали на зиму?

Р.: Да как одна картошка была в погребе. Погреб дома был. Вот у нас тут видите, погреб. И тогда эти ямочки копали в погребе, картошку хранили. Вот, правда, морковку сеяли всегда. Вот эта морковка, свеколка. Маленько че-то сладенького.

И.: А лен, конопля, табак были?

Р.: Было. Было, сынок. Сеяли. Это ж знаешь, ткали, все было ж. Одевать же нечего было. Это все было, я помню. Это я захватила. Потом его в речке замачивали, потом сушили. Трепали. Пряли из него этот.

Ну, это конечно, сынок, труд. Надо там так трудиться. Во-первых, в речке вымочить его, вязали такими снопами, а потом вытащить, высушить. А потом его на мялке мнут. Потом получается такое это. Потом его надо на прялке прясать. И чтоб голым не быть хоть мало – помалу прикрывались. Понятия не имели, что такое штаны носить. Ничего не было.

И.: А что в основном носили?

Р.: Шили шубенки. Овец-то держали. Шубочки такие шили, я помню. Очень надолго хватало этой шубы. Вот у нас как дядька был родной. Его дядька видел, что мы это сироты же, так он делал нам бесплатно. А еще что, сынок. Вот были у нас на такую кучу детей одна пара валенок. Значит, что, одна уходила с утра, а потом я их ждала с обеда. И каждый день знали, что я на урок опоздаю, чтоб эти валенки.

И.: А вот вы говорите – сами шили? Этим у вас мачеха занималась?

Р.: [Мачеха] ткала. Вот это койку надо было ж застелить чем-то, вот с этого льна ткали, крутили эти хлопья. Шила нам эти кофточка, юбочки из этого, что она наткет, напрядет. И на койку это настилать. Укрываться это тоже ведь. Ничего этого не было, чтоб. Ой, пережито столько, сынок. Это страшно. Как станешь сравнивать сейчас эту жизнь и ту. Глядишь это на койку щас.

И.: А вот летом вы в какой обуви ходили?

Р.: Босиком, босиком, а если есть калоши, то одни на всех. Все лето босиком и на полях работали босиком. Никакой обуви не было даже, в зиму хоть валенки какие-то. Ну как в магазинах ничего, и самое главное – за что? Не было и ни копейки денег. Работали вот за палочки, и все.

И.: А ловили сусликов?

Р.: Да, да. Да это как стали, вот у меня брат был. Это было спасением. Только вот куда они подевались, эти суслики. Такое мясо было вкусное. В чугунок мать наладет, а потом в печку, вытащит – запах такой. Они же травяные. Вкусное было, ой. Ребята еще выходили – кто больше. Капканы ставили. Вот у меня брат был, на два года моложе – тоже делал. Сдавали эти шкурки. Пять копеек стоили эти шкурки. Сдавали. Это я помню. Разомнет он ее, чтобы высохла.

И.: А вы в войну где жили?

Р.: Нас выкинули, прям с печки. А жили в телятнике. Поставил отец это печку железную. Ой, все что пережито. Там же ни пола не было. Соломы настелили, чтобы не замерзали, и жили. Телята там были и все. А потом, когда выкинули нас на улицу, просто на снег, это я помню даже хорошо. И была там одна женщина, там и мужчина был, которые этим занимались. Они вроде говорили, что их заставляли. Что такое взять ребенка, взять и выкинуть на снег ребенка женщине, которая рожала детей? Ну, я, правда, не знаю это точно. Ну а мужика, который тоже этим делом занимался, нашли такие же мужички, подкараулили его ночью, посадили на *****¹ раза три, и он сдох. И все молились Богу, что он это. Это ж не только у нас. Это у всех он такое делал. Это, мол, меня заставляли. Это как же, какая же так. Моей подружки отец был.

И.: А где вы спали, на чем?

Р.: На печке в основном. А потом это было такое ни койка, а такое из досок. Полать называлась, полать.

¹ Нецензурное слово.

И тоже соломой настлато и закрыто это настилкой. Потом поставили русскую печку, и хлеб там мать пекла и этот чугунок ставила. Сыпнет туда пшенички, картошки, и вот хлебали там. Похлебали маленько и опять – что хлебали, что нет. И ждем пока это обедать. Картошка эта была, да пшеничка. Ну, еще молочко. Это мать сварит погуще, как кашу и молочка туда. Это уже были сытые. Это чтобы кашу сварить, надо побольше сыпнуть.

И.: А вот спали на полатах, на печке. А постелено чем было?

Р.: Соломой настилали, а потом закроют это все. [Накрывались] со льна-то это, как назывались, не знаю. То ли подстилка, что-то такое. У кого были подушки, у кого и без подушек так, все соломой это.

И.: А вы чем в основном топили?

Р.: Собирали коровий помет, ну летом он высыхает, собирали, ходили летом по степи эти котяшки, назывались. И надо на всю зиму насобирать. В тачаночку мы запрягались в эту. Дети и все собирали это, возили. И летом надо же с этого на зиму. Выжили так, и все. Форма же такая специальная была, станок. А кучка вся, в кучку склада- ли каросту. А потом с этого, с этой кучки, вот там перегорит все, и с этой кучки. Вон у меня дети делали это. Уже тоже легче стало, уже меньше стали лазить по степи. Вот этот кизяк – его надо сделать, несколько раз перевернуть, чтоб высох. Сначала так, а потом так, а потом кучки большие накладали, а потом на зиму наскладали. Все к одной к избушке к этой же и складали.

И.: А кто занимался обязанностями по дому, по огороду?

Р.: Огород полностью на нас был. Полностью, его ж надо прополоть за лето в сколько раз. Помогали. Когда дома нету, да мы корову, встретим и подоим уже все. Она приходила поздно. Бригадой семь километров пешком ходили, чтобы там работать на полях они. Я была самой старшей – мне корову, корова на мне была. Которые меньше были дети – на огороде были. Вот с кизяками это ляпали их. Ну, все лето, какие это. Еще речка у нас была рядом. Я помню, брат ходил гольянчиков ловил. На ручке и как почерпнет, штуки два, штуки три. Спасались этими гольянчиками. Было прям посолим сырые – поглотаем.

И.: А в доме у вас какая-нибудь мебель была?

Р.: (Смеется.) Ну, стол был, который не накрывался ничем. Ни скатерти, ни клеенки не было. Кругом стола было две скамеечки. И щас еще что. Чашка была одна – алюминиевая. Вот в эту чашку наливали и хлебали, вот кто сколько больше. Я вот помню, мать наливала в эту чашку, мы садились кругом вокруг этой чашки, и кто побыстрей. А ложки всего было три, какой-то дед деревянные долбил. Вот три едят, а мы три сидим, ждем. На такую семью три деревянных ложки было. Вот дед там жил, я помню, он выдолбил их такие вот. Вот подумать это война была. Уже до войны все еще было. Уже ни ложек, ни посуды никакой. И вот, хоп, тебе еще война. Еще больше и все.

И.: А вы говорите, на бригаде были? А что она из себя представляла?

Р.: Вот, там-то я начала уже варить, людей кормить. Вот подошла осень, да смотрим где, может, забурилась пшеница. Её быстренько косили, провеют. И вот был в бригаде такой умазанный котел, большой, людей на пять, котел. И вот это мужики делали эти так, как еще это ни такая чтоб была, чтоб еще молодая очень была. Ну, я и еще там такие были, и мы это делали. Соломы натолкают эти мужики. Мы соломой топили эту пшеничку, варили и потом в хозяйстве, не знаю с чего, делали растительное масло. Глиняная посуда была. Каждому я чашку накладала полную, сыто стало люди стали хоть работать. Она разварится. Она еще сама по себе зеленовата, пшеница. И вот этим питались. Вот так

кормили людей.

И.: А там здание какое было?

Р.: Бригада, такой домик стоял и там такой умазанный котел на пять литров воды. Ну как я еще тогда не могла таскать эти ведра, так там мужики такие были, которые притащат этой воды. А я уже это и накладала, варила, потом же и убирала, мыла эту посуду. Опять этот котел помою, и тут они только разъедутся, я опять насыпаю на вечер опять вот это же. Люди хоть стали есть досыта. Такую чашку накладу. Это те, которые работали в поле, это те только люди, а дома. Я вот была в семье старшая. Я вот варю этот обед, да, а сама в окошко гляжу без конца – еще братья. А они идут с горшочком, а я их боялась, думаю, люди-то скажут, она ему даст. А вот, думаю, как бы поскорее люди разошлись, и это поэкономлю. Это он придет – его надо накормить и с собой надо налить этот горшочек там меньшим, росли которые. Вот что я варила, людей кормила. Сама сыта была, вот и все.

И.: А в бригаде там отдохнуть можно было?

Р.: Были, были такие стеляжи, вот на всю и также соломой настлато, домой не ходили. Далекое, семь километров. Люди там же и спали и вот так. [Баня на бригаде] была, тоже слита с глины, и там было такое озеро. Вода была все лето в нем. И с этого озера баня топилась всегда. Раньше по-черному тогда, но как-то топилась. Она и сделана так, что трубы не было, а через двери выходил дым. Такая вот каменка сложена. Это вот сейчас у нас там печка, труба, раньше такого не было. В бане была вся копоть, чернота.

И.: А у вас вот?

Р.: А у нас у самих их не было. У соседей была. Была, ну, так вот мылись, правда. Ну, зимой пореже, может в месяц раз, а летом почаще. Делали какой-то щелок, чтобы постирать. Покормили вшей столько, миллионы. Ну, никакого моющего не было, ни мыла. [Щелок делали] ну как-то я помню, зола, и то не абы какая. С этой золы заливали кипятком, а потом она отсаживалась, и можно было ей голову помыть.

И.: А как со вшами боролись, с клопами?

Р.: Ой, и клопов было полно, и вшей было полно. Ну, я помню, мазали головы то ли керосином. Кажется, керосином. Полно было вшей. А были такие гребешочки, такие частые, которыми чесали. Щас их нигде и в производстве нет. Вот щас наши дети, внуки и не знают, что такое вша. А мы-то покормили их.

И.: А как огонь разжигали?

Р.: Сынок, значит, было, такое дело. Это вот печку топить надо, чтоб все время был уголек. Это если прозевал и утром встаешь и не чем. Это значит, как, смотришь где у кого затопилась, по трубе, по улице. Это идешь туда вот этот уголек, кизячек какой-нибудь закуришь, принесешь домой. И это все надо беречь в печурке. Как прозевал – все нечем зажечь. Можно было так пережить. И стирать – одно корыто было на все улицу. Помню, одно деревянное, и смотришь, кто это сегодня корыто пронес, ждешь очереди. К соседке, возле речки, у той было деревянное корыто. И вся улица стиралась в ее корыте.

И.: А чем комнату освещали?

Р.: Ну, эти лампы были, да больше. Ну, даже не лампы, сынок. А как вот это так посудинки стояли. Вот что – то не помню, лампы это когда стали. Вот что-то как коптилочки горели. Вот она и называлась

коптилочка. Горела так это коптилочка. Ну, вот че-то там было, что она горела. А потом уже стали лампы керосиновые заправлять. Вот так их вешали. Коптилочки я помню.

И.: А вот вы рассказывали, что в войну налоги платили?

Р.: Да, да. Вот я говорила налоги платить, а за что? Копейки не давали. Ну, представь, было такое, что шестнадцать лет сравнялось мне – бездетность. Ребят наших побили на фронте, и что такое в шестнадцать лет, чтоб был ребенок, война была – всех побили, рожать надо. А от кого рожать? И платили налоги уже как уже долго. Это я уже замуж вышла, родила это тогда только, в пятидесятые годы. Вот у меня зять, он говорил: «Помню, и я платил», а он у меня с пятидесятого года. «Я, – говорил, – помню, и я платил за бездетность. Шестнадцать лет сравнялось, и я платил».

И.: А какие-нибудь еще налоги платили?

Р.: Накладали налог молоко. Молоко все лето носили. У нас тогда, правда, маслозавод был. Подоют и наша семья, показали и этот налог выносишь. Еще овчину надо сдать. Кто держал овец, а кто нет и все равно где-то доставать надо все равно сдавать. Ну, хочешь – бери. Это мужики хоть раненые пришли, те уже держали, побольше. Это все равно надо на зиму заготовить. И потому делились как-то. Где хочешь там. Где мужики были, которые хоть раненые пришли, тем легче досталось прожить.

И.: А покупали все необходимое между собой?

Р.: Магазин-то был. Был, был магазин. Это там хоть соль, это то, что необходимо было. Это там и рыба была. Вспоминаю, там что-то было, только денег не было. Это мы тут, маленькие были. Это тут за Благовещенкой, тут недалеко, это соль. И вот я помню, там еще парень был. И меня с ним послали. Запрягли по два коня. И мы тут пригнали. Это насыпали в бричку и привезли. Это мать меня ждала и соли купить, так она была в магазине да за что. Так я набрала целое ведро: «Мам, на». И мы спаслись этим ведром, хоть соль не покупали.

И.: А вы в войну ездили за солью?

Р.: Да. Это вот была война, за солью ездили. Это тут недалеко, я знаю. Не в Благовещенке, а тут поселок какой-то далеко отсюда. Я помню, ее гребли тут по кучечкам, а потом в такие корзины – вода сбежит. И это привозили это в хозяйство, домой людям давали. Все понимали, что не за что купить. Это же мы с этим парнем нагрузили две брички такие, по два коня запряженные на бричку. Мы только выехали с этого поселка, а он такой парень. И давай торговать солью. А на что торговали, у людей же денег не было. На яйца наторгуем, целое ведро яиц. Заехали в защитку¹, наломали дров, соль есть, яйца есть, счастливы. Едем, думаем, еще будем ехать дня два, коней покормить надо. Главное, что мы наелись яиц досыта. Яйца наварим, ведерочку у нас было. Он был такой пробитной. Царство ему небесное, щас уже нету. И придумал такое, я бы не сообразила: «Щас, – говорит, – будем торговать. – Что, – говорит, – кому надо, кому соль. Ну а денег нету – давай за яйца». Неделю ездили за солью, пока съедим эти яйца. Соль на бричке, а яйца наварим круто. Хлеба наедемся, и дальше.

И.: А как тогда с холодом боролись?

Р.: Ну, здание было все равно же. Там печка была. Топили, люди там жили просто. Даже зимовали там. Тоже помню, какое-никакое хозяйство. И вот люди жили там, зимовали там. Топили. Все солома там была. Солома отвечала за все.

¹ «Защитка» — искусственно созданные лесные насаждения для защиты от неблагоприятных природных и антропогенных факторов, в том числе для борьбы с засухой, водной и ветровой эрозией.

И.: А вот после коллективизации, в войну к вам нормально в селе относились? Не говорили, что вы там кулаки?

Р.: Ну, у нас отец был, считался работником. Перестрадал он, ума тоже не было, но грамотный был. Ему надо было тоже заходить. Ну, мать страшно плакала: «Вася, не ходи, не отдавай душу черту». А Вася – это он глупо, конечно сделал. Ну, тоже если сразу пошел он, выгнали из дома. Не тронули бы, мож, дом. А то, видишь, выгнали из дома, а все равно пошел работать в колхоз. Все забрали – лошадь, бараны, корова. Была молотилка. Все забрали, все до капельки.

И.: То есть для вашей семьи в дальнейшем особых притеснений не было?

Р.: Не было, не было. Отец пошел работать. Только лишился всего. Забрали, но все равно пошел в колхоз. А то они держали работника. Это раньше жили семьями, сынок. Это щас живи – вот муж с женой, больше никто не надо, это как только женился – ищи себе жилье. Они молодежь, не хотят жить семьями. А раньше жили. Я помню, что мать рассказывала, что по четыре, по пять снох в одном доме жили. Сегодня ты варишь, кормишь семью, завтра другая. И жили так люди. Щас это нет. Будут переплачивать квартиры, но нельзя жить с родителями. А я сама прожила со стариками, пока не похоронила.